

Министерство культуры Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Национальная академия наук Украины
Институт археологии НАН Украины

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XVI

Севастополь
НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика»
2011

УДК 2-1
ББК 63.3(0)3+63.3(0)4+63.48(4УКР-6КРМ)
Х-39

*Рекомендовано к печати Учеными советами Института археологии
НАН Украины и Национального заповедника «Херсонес Таврический»*

Рецензенты

Г.Ю. Ивакин доктор исторических наук
Э.Б. Петрова доктор исторических наук

Редакционно-издательский совет:

А.И. Айбабин	профессор, доктор исторических наук
Н.А. Алексеенко	доктор медиевистики
А.Г. Буйских	доктор исторических наук
Г.Ю. Ивакин	член-корреспондент НАН Украины, доктор исторических наук
А.В. Иванов	кандидат исторических наук
Е.Ю. Кленина	кандидат исторических наук
С.Д. Крыжицкий	член-корреспондент НАН Украины, профессор, доктор архитектуры (главный редактор)
Л.В. Марченко	кандидат исторических наук
А.П. Моця	член-корреспондент НАН Украины, доктор исторических наук
Г.М. Николаенко	кандидат исторических наук
Э.Б. Петрова	профессор, доктор исторических наук
Л.В. Седикова	кандидат исторических наук
С.Б. Сорочан	профессор, доктор исторических наук
Е.Я. Туровский	кандидат исторических наук (ответственный секретарь)
И.Н. Храпунов	профессор, доктор исторических наук

Ответственный за выпуск: dr. Н.А. Алексеенко

Х 39 ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. Выпуск XVI. Сборник научных статей. – Севастополь:
НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011 – 256 с.
ISBN 978-966-442-068-3

Очередной выпуск «Херсонесского сборника» посвящён 185-летию начала археологических исследований на городище древнего Херсонеса. Основу сборника составляют статьи и публикации по актуальным проблемам античной и византийской археологии. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам и всем, кто интересуется древней и средневековой историей.

УДК 2-1
ББК 63.3(0)3+63.3(0)4+63.48(4УКР-6КРМ)

ISBN 978-966-442-068-3

© Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Алексеенко Н. А. Большой корсунский клад херсоно-византийских монет X в.	9
Андрущенко Н. П. Первые винодавильни, обнаруженные на хоре древнего Херсонеса	35
Вдовиченко И.И., Николаенко Г. М. Античная расписная керамика с хоры Херсонеса Таврического	41
Гинькут Н. В. Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало	57
Демьянчук С. Г., Нессель В. А. Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке маячного полуострова	65
Дианова Т. В., Красовская Н. В. «Музей посетил <... > и в том расписался...»	79
Иванов А. В. Население эллинистического Херсонеса по данным антропологии.	105
Нессель В. А. Столовая керамика из раскопок римского военного поста в округе Херсонеса	117
Николаенко Г. М., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А. Керамический комплекс усадьбы надела 11 на Гераклейском полуострове	129
Самойленко В. Г. Консервационные работы на остатках средневековой бани в IX квартале Херсонеса Таврического	139
Степаненко В. П. Архонт Хазарии — стратиг Херсона?	153
Смирнов Р. П. О позднеантичной топографии Херсонеса Таврического	163
Стоянов Р. В. Таблицы к дневнику Н. И. Репникова о раскопках некрополя Херсонеса Таврического в 1908 г.	181
Ступко М. В. Находки каменных сверленных топоров — молотков в Севастопольском районе	193
Туровский Е. Я. О выпусках монет Херсонеса в римскую эпоху	209
Ушаков С. В. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок XCVII квартала Херсонеса	217

Ушаков С. В., Струкова Е. В. Эллинистический пифосарий из раскопок «казармы» в Херсонесе Таврическом	235
Хвальков Е. А. Фрагмент из «Римской истории» Никифора Григоры как свидетельство существования и коммерческого значения Херсона в 1350 г.	243
Шаманаев А. В. Служители монастыря св. Владимира и исследования херсонесского городища	247
Список сокращений	254
Об авторах	255

CONTENTS

Preface	7
N. Alekseienko The Big Korsunsky Hoard of Cherson-Byzantine Coins of the 10 th century	9
N. Andrushchenko First Wineries Found at Chora of Ancient Chersonesos	35
I. Vdovichenko, G. Nikolaenko Antique Painted Ceramics from Chora of Tauric Chersonesos	41
N. Ginkut The Cup-Eulogius of the 14 th century from Excavations of Temple Burial on Territory of Fortress Cembalo	57
S. Demyanchuk, V. Nessel' New Data About the Fortifications on the Isthmus of the Mayachniy Peninsula	65
T. Dianova, N. Krasovskaya «Museum Visited» ... «and Undersigned»	79
A. Ivanov Population of Hellenistic Chersonesos on the Date of Anthropology	105
V. Nessel' The Table Pottery from the Excavations of a Roman Military Post near the Tauric Chersonesos	117
Nikolaenko G., Turovskij E., Filippenko A. Complex of Ceramics from Manor of the Plot 11 on Geraklejskiy Peninsula	129
V. Samoylenko Conservation and Restoration Works Carried Out in 2009 at the Remains of Medieval Baths in Insula IX of the Tauric Chersonesos	139
V. Stepanenko Is the Archon of Khazaria the Strategos of Cherson?	153
R. Smirnov On the Late Classical Topography of Tauric Chersonesos	163
R. Stoyanov The Illustration Plates for Field-Journal of Archaeological Excavations the Necropolis of Tauric Chersonesos in 1908 Conducted by N.I. Repnikov	181
M. Stupko Finds of Stone Drilled Axe-Hammers at Sevastopol Area	193
E. Turovskij About Releases of Chersonesos Coins during the Roman Epoch	209

S. Ushakov Early Byzantine Red Slip Pottery Found in the Excavations of Chersonesos Quarter 97	217
S. Ushakov, Ye. Strukova Hellenistic Pithoi from the Excavations of «Barracks» in Tauric Chersonesos	235
E. Khvalkov A Fragment from the «Roman History» of Nicephorus Gregoras as an Evidence of the Continuing Existence and Commercial Significance of Cherson in 1350	243
A. Shamanayev The Participation of St. Volodymyr Monastery Monks in Excavation of Chersonesos (1876-1887) on Documents of 1887	247
List of abbreviations	254
About the authors	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

17 мая 1827 года по приказу командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. С. Грейга были начаты раскопки древнего города Херсонеса. Руководителем раскопок являлся лейтенант К. Крузе. В дальнейшем, к раскопкам Херсонеса присоединились Одесское общество истории и древностей, Московское археологическое общество и Императорская археологическая комиссия. В 1888 г руководителем раскопок в Херсонесе был назначен К. К. Косцюшко-Валюжинич, чей подвижнический труд на благо Херсонеса был вознагражден уникальными археологическими открытиями. Им же был создан первый музей, так называемый «Склад местных древностей».

После революции и закрытия монастыря Св. Владимира усилиями профессора К. Э. Гриневича была создана новая музейная экспозиция, продолжились регулярные раскопки на городище и хоре. Неоценимый вклад в исследования Херсонеса советского периода внесли Г. Д. Белов, О. И. Домбровский, С. Ф. Стржелецкий.

Значительный подъем археологических исследований в Херсонесе произошел в бытность директором И. А. Антоновой. В 50-е – 80-е годы XX столетия Херсонес привлекал внимание многих известных советских ученых. Здесь работали экспедиции из Государственного Эрмитажа, Институтов археологии Москвы и Киева, Московского, Уральского и Харьковского университетов, археологические исследования проводились и сотрудниками Херсонесского музея. В 1978 г музей был преобразован в историко- археологический заповедник, а в 1994 — в Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Приметой сегодняшнего времени является открытость Херсонеса для международного сотрудничества. Совместные экспедиции с крупными научными центрами России, США, Польши обогатили херсонесские экспозиции и коллекции, развили методологическую базу полевых исследований.

Несмотря на 185-летнюю историю раскопок, памятник продолжает интересовать специалистов по античной и средневековой археологии, его потенциал далеко не исчерпан. Новые находки, интересные публикации и блестящие открытия несомненно обеспечат Херсонесу долгую жизнь в науке.

Представленные в очередном выпуске Херсонесского сборника материалы – вклад в историю изучения херсонесских древностей научных сотрудников заповедника и наших коллег из Украины и России, ознаменованный приближающимся юбилеем.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

**БОЛЬШОЙ КОРСУНЬСКИЙ КЛАД
ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ X В.¹**

В 1991 году при исследовании южной части средневекового квартала ХСVI в северо-восточном районе Херсонесского городища был обнаружен большой клад местных литых монет (Золотарев 1992: 49–53)². Он находился в одной из построек жилой усадьбы (помещение № 7), выходящих во внутренний двор квартала. Исследования показали, что усадьба, очевидно, погибает от пожара около середины XIII в. Следы горения обнаружены в помещениях I и III составлявших первый ряд построек усадьбы, примыкавших к продольной улице, а также XI, выходящего во внутренний двор (Золотарев, Ушаков, Коробков 1992: 7, 13, 19). Уровень порогов во всех помещениях одинаковый. Наличие массивных пристроенных и подпорных кладок в стенах свидетельствует о наличии здесь, по крайней мере, трех строительных периодов. Стратиграфически засыпь помещения VII можно разделить на четыре археологических горизонта. Под дерновым слоем был открыт внушительный каменный завал, образованный от рухнувших стен постройки (слои 1–2); ниже него зафиксирован мощный слой рухнувшей внутрь помещения кровли (слой 3). По мнению авторов Отчета, комплекс черепиц этого слоя является единой кровлей здания, сооруженного еще в IX–X вв. с использованием более ранних (типы 5–7) соленов и калиптеров (Романчук 1976: 156–159; Якобсон 1979: 66, рис. 37, 1, 3) и в последствии неоднократно ремонтировалась (Золотарев, Ушаков, Коробков 1992: 16). Ниже пола выявлен горизонт, содержащий обильный керамический материал, датирующийся IX–X вв. В основном здесь была представлена столовая

и кухонная посуда (Золотарев, Ушаков, Коробков 1992: 17–18), представленная двумя типами кувшинов (Якобсон 1979: 32, 33, 75), белоглиняными поливными чашами со штампованным орнаментом, поливными блюдами с рельсовидным в сечении бортиком, курильницами и небольшими чашками (Якобсон 1979: 84, рис. 51, 7), а также различными горшками местного производства.

Именно в этом, четвертом слое, в северо-восточном углу помещения и был обнаружен клад. Монеты располагались кучно, в самом углу помещения, и были придавлены большим каменным блоком. Каких бы то ни было фрагментов сосуда, в котором они могли находиться или остатков оберточной ткани обнаружено не было. Складывается впечатление, что владелец клада попросту вырыл углубление в полу помещения, ссыпал туда свое сокровище и привалил это место камнем.

Среди кладов херсоно-византийских монет он вызывает несомненный интерес, поскольку является самым крупным из известных ранее. В нем насчитывается 554 монеты, в основном датирующиеся IX–X вв.

В кладе представлены выпуски:

Римская империя: — Аркадий (383–408) — 1 экз. (Carson, Kent, Burnett, 1994: 246, nos. 60–61);

Боспорское царство IV в. н. э. — 1 экз. (Анохин, 1983: №№ 730–777);

Херсоно-византийские выпуски: — Юстиниана I (527–565) — 1 экз. (Анохин, 1977: XXII, 312); Михаила III (842–867) — 1 экз. (Анохин, 1977: XXIII, 340–344); Василия I (867–886) — 52 экз. (Анохин, 1977: XXIV–XXV, 352–383); Льва VI (886–912) — 6 экз. (Анохин, 1977: XXVI, 385–394, 396); Константина VII (913–959) — 26 экз. (Анохин, 1977: XXVI–XXVII, 397–400, 414–418, 422, 435, 427); Константина VII и Зои — 1 экз. (Анохин, 1977: XXVII, 401–402); Романа I (919–945) — 125 экз. (Анохин, 1977: XXVII–XXVIII, 409–413, 419–421); Константина VII и Романа II (945–959) — 117 экз. (Анохин, 1977: XXVIII, 428–430); Романа II (959–963) — 6 экз. (Анохин, 1977: XXVIII, 431–432); Никифора II Фоки (963–969) — 23 экз.

¹ Статья посвящается памяти А. М. Гилевич — известной исследовательницы в области нумизматики античного и средневекового Херсонеса, начавшей изучение этого комплекса, но, к сожалению, так и не успевшей закончить работу над ним. Издание клада и введение в научный оборот новой интересной информации по истории византийского Херсона — наш долг памяти коллеге.

² К сожалению авторы Отчета о раскопках не приводят практически никакой информации о самом кладе кроме суммарной описи монет [См.: Золотарев, Ушаков, Коробков 1992: 49–53]. Лишь благодаря тому что автору довелось лично присутствовать на раскопе в момент обнаружения клада и выборки монет из слоя, мы имеем возможность ввести данную информацию в научный оборот.

(Анохин, 1977: XXIX, 435–437); Иоанна Цимисхия (969–976) — 20 экз. (Анохин, 1977: XXIX, 438–440); Василия II (976–1025) — 152 экз. (Анохин, 1977: XXIX, 441–444);

Неясные X в. — 10 экз.;

Неопределенные — 1 экз. (обломки).

Сохранность монет различна: некоторые из них потеряны, часть испорчена окислами, в то же время, многие имеют различные производственные дефекты. В свое время А. М. Гилевич обращала внимание на небрежность изготовления многих херсоно-византийских монет в особенности выпусков Василия II, вызванных нарушениями технологического процесса литья, использованием дефектных форм, отсутствием обработки отлитых монет и т. п. (Гилевич 1964: 153) Новый клад в полной мере соответствует всем этим характеристикам. На многих экземплярах плохо обрубленные и необработанные литники, имеются натеки металла по гурту, образовавшиеся вследствие слабого прижатия створок литейной формы, расплывчатые и плоскорельефные изображения литер и монограмм, вызванные неравномерностью нагрева металла в формах, а также многочисленные дефекты в связи с изношенностью штампов и форм (трещины, выщерблины и т. п.), приводившие иногда к существенному искажению изображений.

Датировка доминирующей (27,3% от общего числа монет клада) и одновременно с этим и самой младшей серии монет начальным периодом времени правления Василия II, выпуск которой традиционно относится к 976–989 гг. (Орешников 1905: 16–17; Анохин 1977: 121; Соколова 1983: 52; Grierson 1984: 187–188 б рl. 49, nr. 890), свидетельствует о том, что его сокрытие было произведено в конце X в. В пользу предлагаемой датировки свидетельствует и тот факт, что в столь огромной массе монет не обнаружено ни одной монеты XI столетия. Как известно, многочисленные выпуски с монограммой «ро», начальная эмиссия которых приходится на правление Романа III Аргира (1028–1034), являются одними из самых распространенных монет в нумизматическом материале византийского Херсона (Анохин 1977: XXX, 453–457) возможно, уступая лишь сериям, выпущенным в IX в. от имени Василия I (Анохин 1977: XXIV–XXV, 351–383). Небезынтересен и тот факт, что в этом огромном комплексе отсутствуют и хорошо известные монеты с монограммой KBW, датировка которых долгое время была весьма спорной. Полагать, что последние лишь по воле случая не попали в состав рассматриваемого клада, у нас нет никаких

оснований, тем более, что среди монет клада присутствуют даже несколько достаточно редких монет выпусков X в., выпущенных в правления Константина VII и Зои, а также Романа II (См.: Анохин 1977: XXVII–XXVIII, 401–402, 431–432).

Среди кладов этого периода, обнаруженных в Херсоне, можно назвать несколько абсолютно тождественных нашему по составу. Это клады 1928 г. (Архив НЗХТ, д. 278, л. 7) и 1960 г. (Гилевич 1961: 135–139), обнаруженные у западной оборонительной стены, а также, найденные на Северном берегу городища в 1932 г. (Белов 1941: 231–232), в 1949 г. (Белов 1955: 276) и 1960 г. (Гилевич 1964: 150–158). Кроме того, практически по всей территории городища при исследовании слоев IX–X вв. неоднократно встречены аналогичные монетные комплексы (Анохин, 1968: 111; Соколова 1968: 91–93), представляющие повседневные денежные запасы горожан. В тоже время следует отметить, что это, как правило, незначительные по объему суммы в 20–40, реже 60 монет. Такой значительный клад в Херсоне обнаружен впервые.

Клад 1991 г., как и большинство прочих, вне всякого сомнения, следует рассматривать как сокрытое сокровище, владелец которого по известным причинам не смог впоследствии им воспользоваться.

В истории Херсона нетрудно отыскать событие, с которым он был связан. Поход киевского князя Владимира на Корсунь (Богданова 1986: 39–46), девятимесячная осада и взятие города, безусловно, повлекшие за собой как военные трофеи, так и человеческие жертвы, вот, безусловно, те факторы, которые привели к появлению нашей находки.

Анализ представленного в кладе нумизматического материала дает прекрасную иллюстрацию характера денежных отношений на рынке средневекового Херсона, существовавшего на протяжении практически всего X столетия. Обстоятельства того, что по своему составу и клады, и монетные комплексы весьма «однородны и с небольшими вариантами содержат почти все херсоно-византийские монеты от Василия I до Василия II» в свое время позволили А. М. Гилевич прийти к убедительному заключению, что это «определенно указывает на совместное обращение этих монет в течение всего периода их выпуска» (Гилевич 1964: 157). Новая находка очередное прекрасное тому подтверждение.

Данные клада свидетельствуют о том, что к концу века в обращении находились не только монеты последнего правящего императора, но и многочисленные выпуски предшествовавших правителей. Близкие по стилю и размеру

разновременные деньги, очевидно, охотно принимались торговцами. И как мы видим, в ход шли даже экземпляры с различными производственными дефектами.

Сложившуюся практику, по-видимому, можно объяснить еще одним, на наш взгляд, немаловажным обстоятельством. Как известно, за некоторыми исключениями, большинство правителей Византии X столетия были потомками Василия I и принадлежали к представителям Македонской династии. Очевидно, в этой связи любые эмиссии (будь-то выпуски Василия I Македонянина или Василия II Болгаробойцы), к тому же выполненные в большинстве своем по образу и подобию и мало отличавшиеся по размеру и весу, они могли рассматриваться в качестве официальной монеты правящей династии и свободно участвовать в денежном обращении. Это, пожалуй, на наш взгляд наиболее вероятное объяснение присутствия монет ранних императоров македонцев в составе как кладов, так и в закрытых комплексах на полах помещений Херсона, датирующихся второй половиной X-началом XI в., а иногда и даже более поздним временем.

Сегодня нет необходимости подробно давать анализ денежного обращения Херсона IX–X вв. или рассматривать каждую серию монет, присутствующую в кладе. Они давно прекрасно и квалифицированно исследованы и в основном имеют общепризнанные атрибуции и датировки (См.: Анохин 1977, Соколова 1983 /с обширной библиографией/). Остановимся лишь на отдельных моментах, для которых данные клада дают новую и, по нашему мнению, весьма ценную информацию. В первую очередь это касается выпусков, по каким-то причинам не представленных в кладе. Как не покажется странным, именно отсутствие в этом объемном кладе отдельных типов монет, по атрибуции и датировке которых все еще не выработалось единого мнения исследователей, позволяет в очередной раз обратиться к некоторым, остающимся еще дискуссионными, вопросам херсонской нумизматики.

Долгое время считалось, что после известных событий конца X в., связанных с походом князя Владимира на Херсон (988/989 г.), город окончательно утратил свое право выпуска собственной монеты. Вместе с тем, продолжение исследований истории города и херсоно-византийской нумизматики и сфрагистики показало, что это далеко не так. Выпуск возобновился, очевидно, спустя некоторое время после похода князя Владимира, но все еще в правление Василия II, и продолжился при последующих императорах

(Анохин 1977: 121–123), о чем красноречиво свидетельствуют сами монеты. В то же время отметим, что выпусков второго периода работы херсонского монетного двора при Василии II в нашем кладе не представлено. Как было отмечено выше, кроме монет с монограммой «ро» в кладе отсутствуют и монеты с монограммой KBW. Напомним, что И. В. Соколова вслед за А. В. Орешниковым и другими исследователями относит их ко времени правления Василия I (Кене 1848: 189–190; Орешников 1905: 10; Sabatier 1862: 108–109, nr. 11; Wroth 1908: 443; Morrisson 1970: 546; Grierson 1973: 505, nr. 19; Соколова 1977: 174–177; Соколова 1983: 41), а В. А. Анохин пришел к выводу о необходимости датировать данную серию монет временем, близким известному походу князя Владимира на Корсунь (Анохин 1968: 106, 112; Анохин 1977: 122–123). В настоящее время прекрасный комплекс византийской водосборной цистерны, в последние годы исследованной в центральном районе Херсонесского городища (Рыжов, Бернацки, Беднарчик, Нессель, Бжустковская, Розпендовски, Суэцка 2003; Алексеенко 2006: 85–94) с четкой стратиграфией нумизматического материала, на наш взгляд, позволил положить конец этой научной дискуссии и уверенно отнести серию монет с монограммой KBW ко времени правления Василия II (Алексеенко, 2006: 88–89). Более того, с определенной уверенностью можно говорить, что их выпуск начался уже после Корсуньского похода Владимира, очевидно на рубеже X/XI вв. — начале XI столетия (Алексеенко, 2006 а: 237–254).

Материалы рассматриваемого клада дают, на наш взгляд, весьма ценную информацию еще об одной серии херсоно-византийских монет с буквами BA и KWT, которые В. А. Анохин относил ко времени правления Романа II, датируя их 961–963 гг. (Анохин 1977: 120, 164, XXVIII, 433–434).

Заметим, что этот достаточно редкий выпуск большинство исследователей традиционно относили к правлению именно Василия II и Константина VIII (См. например: Орешников 1905: 17, №№ 61–62, табл. X). В этой связи, повторяя тезис о том, что в последнем кладе, обладающем самым большим объемом монетной массы, может быть, наиболее полно представлен состав местного рынка на период его сокрытия, хочется отметить, что отсутствие и этой, пускай даже редкой серии, на наш взгляд, свидетельствует о ее, очевидно, иной датировке, чем предлагает В. А. Анохин (Анохин 1977: 120). Мы склонны поддержать традиционную точку зрения, тем более, что не нашли убедительных аргументов расшифровки набора

литер, представленных на обеих сторонах монет в пользу Романа II. Напротив, с именами Василия II (ВА) и его брата Константина VIII (КТW) все вполне согласуется. Более того, факт отсутствия этой серии в рассматриваемом кладе, на наш взгляд, может свидетельствовать об их выпуске уже после похода князя Владимира, но предшествовать выпуску монет с монограммой KBW. Таким образом получается, что после возвращения города Византии херсонские монетарии возобновляют выпуск собственной монеты в традиционном виде, мало чем отличающемся и по размеру и по весу от предыдущих выпусков X в. Или, с учетом значительной редкости монет ВА — КТW (тем не менее, все-таки известно по крайней мере две серии с различными штампами), лучше сказать попробовали возобновить работу собственного монетного двора. Вполне вероятно, что и ход изменявшейся имперской политики в отношении города и последовавшее вслед за тем восстание херсонитов во главе со стратигом Георгием Цулой (Scylitzae 1973: 354; Cedrenus 1839: 464; Богданова 1991: 119; Степаненко 1992:

125–133; ср. Степаненко 2011: 153–162) так или иначе внесли свои коррективы и в ход своеобразной финансовой реформы. Итогом чего, очевидно, явилась эмиссия более крупных монет с монограммой KBW, благодаря чему мелкая местная монета могла быть приведена к эталонному столичному номиналу — фолису (Алексеевко 2006а: 250).

Таким образом, рассмотренный выше новый клад херсоно-византийских монет, уникальный по своему объему, имеет вполне традиционный состав монет, характерный для средневекового Херсона второй половины-конца X в. Время его изъятия из обращения, бесспорно, следует связывать с тревожными событиями последней четверти X в., когда город подвергся захвату русскими дружинами князя Владимира. Данные клада в очередной раз позволяют подтвердить мнение о значительной пестроте местного денежного рынка и участии в обращении многочисленных серий монет, выпущенных на протяжении предшествовавших ста и более лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н. А. Монеты. В: Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клевиной. *Херсонесский сборник*. Supplement 1. — Севастополь, 2006: 85–94.
- Алексеевко Н. А. Херсоно-византийские монеты с монограммой KBW (к вопросу о проблеме датировки и атрибуции). *АДСВ* 37. — Екатеринбург, 2006а: 237–254.
- Анохин В. А. Обзор монетного дела средневекового Херсона. *Нис* 3. — Киев, 1968: 99–113.
- Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. — Киев, 1977.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1983.
- Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1932 гг. *МИА* 4. — 1941: 231–232.
- Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949–1953 гг. *СА* XXIV. — 1955: 257–281
- Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром. *ВВ* 47. — 1986: 39–46.
- Гилевич А. М. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958–1960 гг. в: Е. Г. Сувор Херсонес Таврический. — Свердловск, 1961.
- Гилевич А. М. Новый клад херсоно-византийских монет. *ВВ* XXIV. — 1964: 150–158.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В., Коробков Д. Ю. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса (квартал ХСVI) в 1991 году. Архив НЗХТ, дело № 3079. — Севастополь, 1992.
- Кене Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. — СПб., 1848.
- Орешников А. В. Херсоно-византийские монеты. *ТМНО* III. Москва, 1905 (отдельный оттиск).
- Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса. *ВВ* 37. — 1976: 156–159.
- Рыжов С. Г., Бернацки А. Б., Беднарчик Ю., Нессель В. А., Бжустковская А., Розпендовски Е., Суэцка А. Отчет об исследовании цистерны в domus urbana в VII квартале Херсонеса Таврического совместной украинско-польской экспедицией в 2002 г. Архив НЗХТ, дд. 3825–3830, — Севастополь, 2002.
- Соколова И. В. Датировка некоторых монет Херсонеса. *Нис* 3. — Киев, 1968: 86–98.
- Соколова И. В. К датировке типов херсонских монет Маврикия (582–602) и Василия I (867–886). *Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики*. — Л., 1977: 174–177.
- Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Ленинград, 1983.
- Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики. *АДСВ* 26. — Барнаул, 1992: 125–133.
- Степаненко В. П. Архонт хазарии — стратиг херсона? *ХСб*. XVI. — 2011: 153–162.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979.
- Anokhin V. A. The Coinage of Chersonesus IV Century B. C. — XII Century A. D. *BAR* 69. — Oxford, 1980.
- Carson R. A. G., Kent J. P. C., Burnett A. M. The Roman Imperial Coins. Vol. X. — London, 1994.
- Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae opera. Vol. 2. — Bonnae, 1839. Grierson Ph. Byzantine Coins. — London, 1984.

Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III — Washington, 1973.

Grierson Ph. Byzantine Coins. — L., 1984.

Morrisson C. Catalogue des monnaies Byzantines de la Bibliothèque Nationale. Vol. 2. — Paris, 1970.

Sabatier J. Description générale des monnaies Byzantines. Vol. 1–2. — Paris, 1862.

Scylitzae Joannis. Synopsis Historiarum/Ed. I. Thurn. *CFHB* V. — 1973.

Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. Vol. I–II. — London, 1908.

КАТАЛОГ МОНЕТ

Позднеримская империя Аркадий (383–408) — 1 экз.

Аверс. Круговая надпись: [DN ARCA]DIVS [PF AVG].

Портрет имп. Аркадия в диадеме вправо.

Реверс. Круговая надпись: [VIRTVS E — XERCITI]. Император стоящий слева, держит копьё и опирается левой рукой на щит. Справа коронующая его Виктория, держащая пальмовую ветвь в левой руке. В обресе — CON [SA].

АЕ 3. Константинополь: 1-я мастерская (Выпуск: 395–401 гг.).

Carson, Kent, Burnett, 1994, p. 246, nos. 60–61.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
1.	16189	1,6	18	6	

Боспорское царство — выпуск Боспора IV в. н. э. — 1 экз.

Аверс. Круговая надпись стерта.

Погрудное изображение римского императора вправо.

Реверс. Надпись стерта.

Погрудное изображение боспорского царя вправо.

Медь. Статер.

Анохин, 1986: 730–777

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
2.	п/о 168	5,1	18	12	Плохой сохранности

Херсоно-византийские выпуски — 553 экз. Юстиниан I (527–565) — 1 экз.

Аверс. Круговая надпись: [DN IVSTINIANVS PP AVG]. Стерта.

Погрудное изображение императора в диадеме вправо.

Реверс. Круговая надпись: [VIC — TOR]. Стерта.

Фигура императора анфас, держащего копьё и опирающегося на щит.

Медь. Пентанумий.

Анохин, 1977: 338–339.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
3.	16094	3,0	16	7	Сильно потерта.

Михаил III (842–867) — 1 экз.

1-я серия (выпуск Михаила III и Василия I 866–867 гг.) — 1 экз.

Аверс. Монограмма имен Михаила и Василия (№ 1).

Реверс. Монограмма «Полис Херсон» (№ 2).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 338–339.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
4.	16158	2,3	13	12	Края обломаны

Василий I (867–886) — 52 экз.

1-я серия — 46 экз.

Аверс. Монограмма имени Василия (№ 3).

Реверс. Крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 360–373.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
5.	15882	3,2	16	12	
6.	15886	3,0	16	12	
7.	15888	5,2	18	12	
8.	15903	3,7	16	12	
9.	15910	2,7	16	12	
10.	15918	3,1	18	12	
11.	15935	3,4	16	12	
12.	15937	3,8	17	12+	
13.	15942	4,3	19	12	Л. с. испорчена
14.	15948	3,2	16	12	
15.	15970	4,4	18	12	Брак на Об. с.
16.	15974	4,5	17	12	
17.	15977	3,1	16	12	
18.	15987	3,6	17	12	
19.	16019	4,2	17	12	
20.	16026	2,9	18	12	
21.	16039	3,5	17	12	
22.	16040	4,4	19	12	Край обрублен
23.	16048	2,7	16	12	
24.	16049	1,5	15	12	
25.	16050	4,4	19	12	
26.	16051	3,5	16	12	
27.	16052	3,8	19	12	
28.	16053	4,5	18	12	
29.	16054	3,3	17	12	
30.	16055	3,6	16	12	
31.	16056	2,9	16	12	
32.	16057	3,3	18	12	
33.	16058	2,6	16	1	
34.	16101	3,8	16	12	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
35.	16102	4,5	17	12	
36.	16113	3,6	17	1	
37.	16120	2,2	18	12	
38.	16131	2,2	16	12	Плохая сохранность
39.	16145	3,6	16	12	
40.	16148	6,4	19	12	
41.	16169	1,5	16	12	Край обломан
42.	16219	2,3	17	12+	Края обломаны
43.	16241	3,4	16	12+	
44.	16276	3,0	17	12	
45.	16286	3,7	16	12	
46.	16333	1,8	16	12	Обломок: 3/4 монеты
47.	16336	2,7	17	12	Обломок: 2/3 монеты
48.	п/о388	3,6	17	-	О. с. стерта
49.	п/о437	3,1	17	12	Брак литья
50.	б/н	-	12 x 11	12	Обломок: 1/2 монеты

2-я серия — 1 экз.

Аверс. Монограмма имени Василия с жемчужиной в нижнем секторе (№ 5).

Реверс. Крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 376.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
51.	п/о409	1,3	17	12	Брак. Край обломан

3-я серия — 5 экз.

Аверс. Монограмма имени Василия с жемчужинами по сторонам (№ 4).

Реверс. Крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 377–382.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
52.	16020	1,1	15	2	
53.	16047	1,6	16	12	
54.	16174	2,7	17	1	
55.	16278	2,0	16	8	
56.	16340	1,2	16	2	

Лев VI (886–912) — 6 экз.

1-я серия — 1 экз.

Аверс. Монограмма имени Льва (№ 6).

Реверс. Крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 388.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
57.	15934	2,3	16	3	

2-я серия — 3 экз.

Аверс. Монограмма имени Льва по сторонам шестиконечного креста (№ 7).

Реверс. Погрудный портрет императора анфас.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 392, 394.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
58.	16011	2,2	16	12	
59.	16247	1,4	16	12	Край обломан
60.	п/о446	1,5	16	12	

3-я серия — 2 экз.

Аверс. Монограмма имени Льва (№ 6).

Реверс. Крест на ступенях с жемчужинами по сторонам..

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 393.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
61.	15988	2,1	16	12	
62.	16110	1,5	17	3	Отверстие. Край обломан

Константин VII (913–959)

1-й период правления 913–919 гг. — 21 экз.

1-я серия — 20 экз.

Аверс. Монограмма имени Константина (№ 8).

Реверс. Погрудное изображение императора анфас.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 397–400.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
63.	15951	2,4	17	1	
64.	15979	2,3	17	5	Брак литья
65.	15995	2,3	16	12	
66.	16000	1,8	16	6	В поле пробито отверстие
67.	16018	2,0	16	5+	
68.	16036	2,1	17	5	Край обрублен
69.	16044	2,5	19	5+	
70.	16059	2,5	17	5	Край обломан
71.	16060	3,0	17	2	
72.	16112	2,6	17	6	
73.	16126	1,8	17	6	
74.	16137	1,8	16	2	Сильно потерта
75.	16152	3,7	17	5+	
76.	16168	2,2	16	-	Стерта. Края обрублены
77.	16233	1,9	16	6	Брак литья.
78.	16266	2,4	17	6	
79.	16300	1,4	15	6	
80.	16301	1,9	16	1	Край обломан
81.	16315	1,8	18	1	Обломок. Брак литья
82.	16347	2,8	17	5	Край обломан

2-я серия (выпуск Константина и Зои 920 г.), — 1 экз.
 Аверс. Погрудное изображение императора анфас
 Реверс. Погрудное изображение императрицы анфас.
 Медь. Литье.
 Анохин, 1977: 401–402.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
83.	16159	1,9	14	6	Л. с. стерта

Роман I (921–944 гг.) — 125 экз.

1-я серия — 1 экз.
 Аверс. Монограмма имени Романа (№ 9).
 Реверс. Шестиконечный крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.
 Медь. Литье.
 Анохин, 1977: 408.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
84.	16213				

2-я серия — 7 экз.
 Аверс. Монограмма имени Романа (№ 10).
 Реверс. Шестиконечный крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.
 Медь. Литье.
 Анохин, 1977: 410.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
85.	15874	3,7	17	6	Брак литья Л. с.
86.	15961	2,7	17	6+	
87.	16033	3,5	17	6+	Край обломан
88.	16133	3,0	17	7	
89.	16135	2,7	17	6+	
90.	16186	3,1	17	7	
91.	16289	3,5	16	7	

3-я серия — 96 экз.
 Аверс. Монограмма имени Романа (№ 11).
 Реверс. Шестиконечный крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.
 Медь. Литье.
 Анохин, 1977: 411–413.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
92.	15879	3,0	18	6	
93.	15880	2,0	17	5	
94.	15883	2,3	17	6	
95.	15885	2,3	17	6+	
96.	15890	3,8	18	7	
97.	15896	3,0	18	6	
98.	15899	1,7	17	7	
99.	15901	3,6	17	6+	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
100.	15905	3,9	18	6	
101.	15908	3,3	18	6	Брак литья на л. с.
102.	15913	3,5	18	6	Брак литья на л. с.
103.	15949	2,3	16	6+	
104.	15953	2,5	17	7	
105.	15955	2,4	17	7	
106.	15957	3,1	18	6	
107.	15958	2,2	17	6+	
108.	15959	2,3	17	6+	
109.	15964	2,6	17	6+	
110.	15965	2,0	18	6+	
111.	15975	2,9	17	7	
112.	15976	2,4	17	6	
113.	15983	2,8	16	6	
114.	15986	1,8	17	6+	
115.	15990	3,5	18	6+	
116.	15993	3,2	16	6	
117.	15997	2,0	18	7	Брак литья
118.	15999	1,8	17	6+	Край обломан
119.	16002	3,7	17	7	вогнута
120.	16006	1,6	17	6+	
121.	16008	2,4	17	7	
122.	16015	1,6	16	6+	
123.	16016	3,1	17	6+	Брак литья
124.	16017	2,8	17	6+	
125.	16024	2,1	17	5	Край обломан
126.	16030	2,7	17	7	Брак литья
127.	16035	2,2	17	6+	
128.	16041	2,6	16	6	Брак литья
129.	16042	3,1	17	6+	Брак литья на л. с.
130.	16045	4,4	17	6+	
131.	16046	3,2	18	6	
132.	16063	2,3	17	7	
133.	16065	2,7	17	7	
134.	16066	2,4	17	6+	
135.	16067	3,7	18	7	
136.	16076	2,8	17	6+	Литник обломан
137.	16078	2,8	17	6+	
138.	16082	2,4	17	6+	
139.	16083	3,4	17	6+	
140.	16084	2,5	17	6+	
141.	16104	2,1	17	7	
142.	16121	2,2	17	7	
143.	16122	2,3	17	7	Литник обломан
144.	16125	1,5	17	6+	
145.	16128	2,7	17	7	
146.	16130	2,5	17	7	
147.	16134	1,4	17	7	Литник обломан
148.	16138	2,4	18	7	
149.	16139	2,5	17	7	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
150.	16140	1,6	19	6	Литник обломан; в поле от- верстие
151.	16151	2,6	19	7	
152.	16154	2,7	18	7	
153.	16155	3,8	17	6+	Литник отрублен; брак
154.	16156	2,2	17	6+	
155.	16166	2,2	18	6+	
156.	16173	2,3	18	6+	Литник обломан; коррозиро- вана
157.	16188	2,3	16	7	Брак литья на л. с.
158.	16195	2,3	16	7	Брак литья
159.	16203	1,4	18	7	Обломана
160.	16206	2,0	18	6	Литник обломан
161.	16217	4,2	19	6+	
162.	16218	2,6	18	7	Литник обломан
163.	16231	3,0	17	7	Брак литья
164.	16244	2,2	18	6+	Брак литья
165.	16248	2,4	18	7	Литники обрублены
166.	16252	2,6	18	6+	
167.	16256	2,4	18	7	
168.	16260	1,9	17	7	
169.	16265	1,9	17	6+	
170.	16271	1,8	17	6+	
171.	16272	2,2	16	6+	
172.	16273	2,3	17	7	Вогнута
173.	16292	2,3	16	6+	Брак литья
174.	16294	1,5	17	6+	Вогнута
175.	16308	2,0	18	6	Литник обломан
176.	16319	2,7	18	6	
177.	16321	2,2	17	6+	
178.	16323	2,4	18	-	
179.	16328	2,9	19	7	Брак литья
180.	16335	1,3	18	7	Обломок: 2/3 монеты
181.	16346	2,1	17	6	Обломок: 2/3 монеты
182.	п/о41	1,2	18	6	Литники обломаны
183.	п/о195	2,7	18	12?	Брак литья
184.	п/о435	2,4	18	-	Брак литья
185.	п/о450	3,0	16	11?	Стерта.
186.	п/о 528	2,1	16	6	Литник обломан
187.	п/о542	3,1	17	5+	Брак литья; л. с. стерта

4-я серия — 21 экз.

Аверс. Монограмма имени Романа (№ 11).

Реверс. Шестиконечный крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 419–421.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
188.	15870	3,0	18	6	Брак литья л. с.
189.	15919	2,8	17	6	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
190.	15926	3,9	17	1	
191.	15933	2,1	17	6+	
192.	15940	2,3	17	7	Литник обломан
193.	15943	1,9	17	6	
194.	15947	2,6	17	6	
195.	15980	2,2	17	7	
196.	15998	3,1	18	6+	
197.	16013	4,3	16	7	Брак литья л. с.
198.	16027	3,5	17	6	Брак литья
199.	16070	4,0	17	7	
200.	16071	2,9	17	7	
201.	16136	3,8	17	7	
202.	16215	2,9	18	6+	
203.	16296	2,5	17	8	Брак литья
204.	16344	1,8	17	6	В поле пробито отверстие
205.	16345	2,8	18	-	Брак литья; л. с. стерта
206.	п/о478	2,2	17	12	Обломок 1/2 монеты
207.	п/о541	1,3	16	12	Обломок 3/4
208.	б/н	-	13	12	Обломок

Константин VII (913–959)**2-й период правления 944–959 гг. — 133 экз.**

1-я серия (944–948 гг.) — 6 экз.

Аверс. Монограмма имени Константина (№ 8).

Реверс. Шестиконечный крест на ступенях с жемчужинами по сторонам.

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 414–418.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
209.	15895	1,8	16	12	
210.	16023	2,6	16	6	
211.	16262	2,3	16	6+	Литник отломан
212.	16275	2,4	17	5+	
213.	16277	1,4	17	6	Литник отломан
214.	16311	1,9	16	8+	Брак литья; литники отломаны

2-я серия (выпуск Константина и Романа II 948–959 гг.) — 127 экз.

Аверс. Монограмма имени Константина (№ 12).

Реверс. Монограмма имени Романа (№ 11).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 428–430.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
215.	15873	1,5	15	7	Литники обломаны
216.	15875	2,3	18	6	В поле пробито отверстие
217.	15881	1,9	19	6	Сломана
218.	15887	2,0	18	5	Брак литья
219.	15892	4,5	20	6	Плохо обрублены литники

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
220.	15893	2,0	17	6+	
221.	15902	2,0	17	6	
222.	15904	2,9	19	6	
223.	15906	2,5	18	6	
224.	15912	2,7	18	-	Брак литья
225.	15921	2,7	17	6	
226.	15922	2,4	18	7	
227.	15924	2,0	18	6	
228.	15932	3,1	18	6+	
229.	15941	2,3	18	6	В поле пробито отверстие
230.	15956	3,3	17	-	Брак литья на об. с.
231.	15969	2,1	18	6	
232.	15982	2,6	19	6+	
233.	15992	3,9	18	6	
234.	15996	3,0	18	6	
235.	16009	2,4	16	6	
236.	16031	3,0	17	6	
237.	16032	2,5	18	6	
238.	16037	2,6	18	6	
239.	16043	1,9	18	6	
240.	16064	2,8	18	7	
241.	16069	2,9	18	6	
242.	16072	1,5	17	6	
243.	16075	2,9	18	6	
244.	16085	2,3	18	6	
245.	16086	2,1	18	6	
246.	16087	2,4	19	6	В поле пробито отверстие
247.	16089	2,0	18	6	Литник облoman
248.	16098	1,9	18	6	В поле пробито отверстие
249.	16105	3,3	19	6	
250.	16106	2,1	18	6	
251.	16109	2,5	18	12?	Плохая сохранность
252.	16115	1,9	18	6	
253.	16132	1,9	18	6	
254.	16142	3,0	18	6	
255.	16143	2,3	18	6	Литник обрублен
256.	16144	2,4	19	?	Л. с. коррозирована
257.	16147	2,3	18	6+	
258.	16149	2,1	18	6	Плохая сохранность
259.	16153	2,0	18	6	
260.	16160	1,8	18	?	Плохая сохранность
261.	16163	1,8	16	6	Об. с. коррозирована
262.	16170	2,5	18	6	Плохая сохранность
263.	16172	2,6	18	6	
264.	16181	2,2	18	6	Литник отломан; трещина
265.	16193	2,5	18	6	
266.	16194	3,0	17	-	
267.	16207	1,8	15	6	Литник отломан
268.	16208	2,5	18	6	
269.	16210	2,2	18	6	
270.	16211	2,0	18	6	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
271.	16212	1,8	16	6	
272.	16216	1,8	17	6	
273.	16222	2,3	19	6	
274.	16223	2,3	19	6	
275.	16230	1,4	17	6	Литник отломан
276.	16232	3,2	18	6	
277.	16234	2,1	17	6	Литник отломан
278.	16238	1,8	17	6	
279.	16242	2,3	17	12	
280.	16243	2,0	18	6	
281.	16249	2,0	18	6	
282.	16251	2,9	18	6	
283.	16253	2,5	18	6	Вогнута
284.	16267	2,4	19	6	
285.	16268	3,1	18	6	
286.	16270	2,0	18	6	Литник отломан
287.	16280	1,0	11 x 13	6	Обломок
288.	16290	2,8	17	6	Брак литья
289.	16293	2,4	18	6	
290.	16304	2,9	17	7	
291.	16309	2,9	17	6	Литник отломан
292.	16313	1,5	18	6	Обломана; 3/4 монеты
293.	16322	3,0	19	6	
294.	16324	1,8	17	6	Брак литья
295.	16326	1,4	17	6	Литники отломаны
296.	16329	1,3	17	6	Обломок; 2/3 монеты
297.	16331	2,1	19	6	
298.	16332	2,6	18	6	Смята
299.	16337	1,6	17	6	В поле два отверстия
300.	16342	2,0	18	6	Вогнута; литник отломан
301.	16348	2,2	16	6	Литник отрублен
302.	16349	1,2	17	6	В поле отверстие; обломана — 2/3 монеты
303.	16350	2,8	18	-	Брак литья; литник отломан
304.	16352	1,8	17	6	По краю трещина
305.	16354	2,7	17	6?	вогнута
306.	16356	1,7	18	6	Обломок; 2/3 монеты
307.	16357	2,1	18	5+	Литник обрублен
308.	п/о 22	1,6	-	-	Обломки
309.	п/о75	1,7	18	-	Брак литья
310.	п/о91	2,1	19	6	Литник отломан
311.	п/о113	2,3	18	6	Литник отломан
312.	п/о116	1,2	18	-	Обломок; 1/2 монеты
313.	п/о187	0,4	-	-	Обломок; 1/5 монеты
314.	п/о188	0,7	16	-	Обломок; 1/3 монеты
315.	п/о196	2,5	19	-	Сломана на 4 части
316.	п/о285	1,4	18	6	Литники отломаны
317.	п/о294	2,3	18	6?	
318.	п/о353	1,2	17	6	Обломок; 1/2 монеты
319.	п/о380	1,0	18	6	Вогнута; обломана; 2/3 монеты

ТЫ

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
320.	п/о400	1,3	16		Обломок; 2/3 монеты
321.	п/о419	1,8	18	6	Брак
322.	п/о 431	1,6			Плохая сохранность
323.	п/о434	1,9	18	-	Л. с. стерта
324.	п/о439	1,3	15 x15	-	Обломок; 1/2 монеты
325.	п/о441	1,6	18	-	Брак литья; обломок; 1/2 монеты
326.	п/о449	2,3	17	6	Литник отломан
327.	п/о463	1,5	18	-	Литник отломан
328.	п/о465	1,4	-	-	Обломок; 1/4 монеты
329.	п/о467	1,4			Обломок; 1/4 монеты
330.	п/о468	2,5	18	6	стерта
331.	п/о470	0,9	17	-	Обломок; 1/4 монеты; в поле пробито отверстие
332.	п/о479	1,5	17	6	Брак литья; обломок; 2/3 монеты
333.	п/о480	1,0	16	-	Обломок; 1/2 монеты
334.	п/о491	1,0	17	3+	Обломок; 1/4 монеты; брак литья
335.	п/о514	1,0	16	-	Обломок; 1/3 монеты
336.	п/о519	1,4	16	-	Обломок; 2/3 монеты
337.	п/о521	1,3	17	6	Обломок; 1/2 монеты
338.	п/о525	1,1	17	6	Обломок; 1/2 монеты
339.	п/о530	1,9	18	-	Обломок; 3/4 монеты
340.	п/о533	1,3	17	6	Обломок; 1/2 монеты
341.	п/о543	2,0	17	-	Брак литья; стерта

Роман II (959–963) — 6 экз.

1-я серия (выпуск Романа II и Василия II 960–963 гг.) — 6 экз.

Аверс. Монограмма имени Романа (№ 13).

Реверс. Монограмма имени Василия (№ 14).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 431–432.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
342.	16025	2,5	17	12	
343.	16116	2,1	17	12	
344.	16176	2,6	16	12	Брак литья на об. с.
345.	16182	2,9	16	12	Брак литья на л. с.
346.	16187	2,2	17	12	Литник отломан
347.	16298	3,5	17	12	Брак литья

Никифор II Фока (963–969) — 23 экз.

Аверс. Монограмма имени Никифора (№ 15).

Реверс. Монограмма титула «деспот» (№ 16).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 435–437.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
348.	15923	2,6	18	12	В поле пробито отверстие
349.	15928	3,5	17	6	Брак литья на об. с.
350.	15930	2,2	19	6	В поле пробито отверстие
351.	15931	2,3	18	6	Литники обрублены
352.	15972	4,2	18	5+	
353.	15991	2,7	18	6	
354.	16028	2,6	18	6	
355.	16061	3,1	17	6+	
356.	16062	3,3	18	6	
357.	16096	3,4	19	6	Брак литья
358.	16103	3,7	18	6	
359.	16146	2,6	18	6	
360.	16171	5,0	18	6	Брак литья на л. с.
361.	16239	3,8	17	6	
362.	16255	2,0	18	6	Литник обрублен
363.	16257	4,3	18	6	Литник отломан
364.	16264	2,5	19	6	Литник отломан
365.	16282	2,2	17	6	
366.	16306	2,3	18	6	
367.	16314	2,3	18	6	
368.	16317	2,8	18	7	Брак литья
369.	16334	1,7	18	7	Брак литья
370.	16338	1,6	18	6	В поле пробито отверстие; обломана, 2/3 монеты

Иоанн Цимисхий (969–976) — 20 экз.

Аверс. Монограмма имени Иоанна (№ 17).

Реверс. Монограмма титула «деспот» (№ 16).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 438–440.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
371.	15871	3,2	16	6	
372.	15907	2,9	17	6	Брак литья
373.	15909	2,6	17	6	Брак литья на л. с.; литник обрублен
374.	15929	2,9	17	6	
375.	15945	1,7	16	6	Литники обрублены
376.	15966	3,6	17	6	Литник обрублен
377.	16080	2,3	18	6	
378.	16081	3,7	17	6	
379.	16097	1,6	16	6	обломана
380.	16100	2,2	16	6	
381.	16117	2,7	16	6	
382.	16150	3,5	18	6	
383.	16165	1,9	16	6	Литник отломан
384.	16183	3,9	17	-	Литники грубо обрублены
385.	16190	2,1	16	6+	
386.	16225	4,1	17	6	Брак литья

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	диаметр (мм)	примечания
387.	16226	3,3	16	6	Брак литья
388.	16229	2,1	16	6	Брак литья
389.	16299	2,7	16	6	Брак литья
390.	16343	1,8	16	6	Обломок; 2/3 монеты; брак литья; в поле пробито отверстие

Василий II (976–1025) — 151 экз.

1-я серия (выпуск 976–988 гг.) — 96 экз.

Аверс. Монограмма имени Василия (№ 18).

Реверс. Монограмма титула «деспот» (№ 20).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 441–442.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
391.	15872	2,7	16	12	
392.	15876	2,4	17	12	
394.	15884	3,3	17	12	
395.	15889	2,6	17	12	
396.	15891	2,0	17	12	Литник отломан
397.	15894	2,5	16	11	
398.	15897	2,3	17	12	
399.	15898	2,8	17	12	
400.	15900	2,4	17	12	
401.	15915	2,2	17	12	
402.	15917	2,6	16	12	
403.	15938	2,7	16	12	
404.	15950	2,7	16	12	Литник обрублен
405.	15954	1,8	16	12	В поле пробито отверстие
406.	15960	3,5	16	12	
407.	15963	2,9	16	11+	
408.	15968	2,4	17	12	
409.	15971	3,3	16	12	
410.	15973	3,1	17	12	Литники грубо обрублены
411.	15978	2,3	16	12	
412.	15981	3,0	17	12	
413.	15984	2,9	17	12	
414.	15989	2,3	17	12	
415.	15994	3,4	17	12	
416.	16003	2,7	16	12	
417.	16004	3,0	17	12	Литники обрублены
418.	16005	2,6	17	11+	
419.	16007	3,0	17	11+	
420.	16010	2,8	17	12	
421.	16014	2,1	16	12	
422.	16022	2,0	16	12	
423.	16034	2,3	17	3	Литник обрублен
424.	16038	3,0	17	11+	Брак литья
425.	16073	2,7	16	1	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
426.	16088	3,2	16	11+	
427.	16090	2,7	17	11+	
428.	16095	2,7	16	12	
429.	16099	2,5	17	11+	
430.	16107	2,3	17	12	
431.	16108	3,5	17	12	
432.	16111	3,2	17	12	Брак литья
433.	16114	2,6	17	12	
434.	16123	3,7	18	12	
435.	16129	2,2	17	12	Плохая сохранность
436.	16141	3,6	17	12	
437.	16161	2,6	16	12	Сильно потерта
438.	16162	2,9	16	12	
439.	16164	2,6	16	12	
440.	16175	2,8	17	12	
441.	16178	2,5	17	12	Плохая сохранность
442.	16179	2,1	16	11	Брак литья; стерта
443.	16180	2,9	17	12	
444.	16184	3,5	17	12	
445.	16185	2,4	16	11+	
446.	16191	2,0	17	12	
447.	16192	1,9	16	12	
448.	16196	3,0	17	6	
449.	16200	1,8	17	12	
450.	16201	2,2	17	12	
451.	16214	3,2	17	12	
452.	16220	2,0	16	12	
453.	16221	3,4	16	12	
454.	16224	3,1	17	12	
455.	16227	2,9	16	12	
456.	16245	2,0	16	12	Брак литья; литники обрублены
457.	16250	2,4	16	12	
458.	16254	2,1	16	12	Литники отломаны
459.	16258	2,4	16	12	Брак литья
460.	16259	3,1	16	12	Литник отломан
461.	16261	2,9	16	12	
462.	16263	2,7	16	12	Литники отломаны
463.	16269	3,0	17	12	
464.	16281	2,8	16	11	
465.	16283	2,6	17	12	Брак литья
466.	16284	3,0	17	11+	Литник отломан
467.	16285	1,7	18	3	Обломок; 1/2 монеты
468.	16287	1,9	16	12	Обломок; 2/3 монеты
469.	16288	3,5	16	12	
470.	16291	3,0	16	12	Брак литья
471.	16297	2,3	17	12	
472.	16297*	2,3	16	9	В поле пробито отверстие; брак литья
473.	16302	2,7	16	12	Брак литья
474.	16307	2,2	17	12	

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
475.	16312	2,5	16	12	
476.	16318	2,0	16	12	
477.	16320	1,8	16	12	Обломок; 1/2 монеты
478.	16325	3,3	17	12	
479.	16327	2,1	17	12	Обломана, 3/4 монеты
480.	16330	2,0	16	12	Литники отломаны
481.	16339	1,5	16	6	
482.	16351	2,6	16	2	Брак литья, литники отломаны
483.	16353	2,2	17	11	Брак литья
484.	п/о126	2,1	16	-	Брак литья
485.	п/о290	1,9	16	12	Литники отломаны; трещина
486.	п/о445	2,1	17	-	Обломана, 3/4 монеты
487.	п/о470	0,9	-	-	Обломок; 1/4 монеты. В поле пробито отверстие
488.	п/о517	1,9	16	-	Обломок; 2/3 монеты; брак литья

2-я серия (выпуск 976–988 гг.) — 55 экз.

Аверс. Монограмма имени Василия (№ 19).

Реверс. Монограмма титула «деспот» (№ 20).

Медь. Литье.

Анохин, 1977: 443–444.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
489.	15877	2,6	17	12	
490.	15878	3,5	17	12	
491.	15911	2,6	17	12	
492.	15914	2,4	16	12	Литник обрублен
493.	15916	2,9	18	12	
494.	15920	2,9	17	12	Брак литья
495.	15925	3,1	17	12	
496.	15927	2,0	16	12	Литник отломан
497.	15936	3,4	17	12	
498.	15939	2,6	17	12	
499.	15944	3,2	17	12	Помята
500.	15946	2,2	17	12	
501.	15952	2,9	16	12	
502.	15962	3,1	16	12	
503.	15967	3,3	17	12	
504.	15985	2,5	16	12	
505.	16001	2,6	17	12+	
506.	16012	2,8	17	12+	
507.	16021	2,8	16	12+	
508.	16029	2,4	17	12	Литник обрублен
509.	16068	3,6	17	12	
510.	16074	2,7	16	12	
511.	16077	2,0	16	12	
512.	16079	2,8	17	12	
513.	16091	4,3	17	12	
514.	16092	3,0	16	6?	Брак литья

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
515.	16093	2,3	16	12	
516.	16118	2,9	17	12	
517.	16119	1,6	16	12	Литники отломаны
518.	16124	2,8	18	12	
519.	16127	3,1	17	12	
520.	16157	2,6	17	12	
521.	16177	2,6	17	1	
522.	16197	2,2	17	-	Брак литья на об. с.
523.	16198	2,1	16	12	
524.	16199	3,9	17	12	
525.	16202	1,9	16	12	Литники отломаны
526.	16204	2,1	16	12	Брак литья; обломана
527.	16205	2,3	16	12	
528.	16209	2,4	16	12	
529.	16228	3,3	18	1	
530.	16235	2,9	17	12	Литники обрублены
531.	16236	2,4	16	12	
532.	16237	2,7	17	12	
533.	16240	4,5	17	12	Брак литья
534.	16246	2,9	17	12	Литники отломаны
535.	16274	1,9	16	12	Брак литья; обломана
536.	16279	2,9	17	12	
537.	16295	2,2	17	2	Литник отломан
538.	16303	2,4	16	12	Литник отломан
539.	16305	2,5	17	12	Литник отломан
540.	16310	3,1	16	12	Брак литья
541.	16316	3,0	17	12	
542.	16341	2,6	16	9	Литник отломан
543.	п/о467*	1,9	15	6	Брак литья

Неясные херсоно-византийские X века — 10 экз.

Аверс. Монограмма (?).

Реверс. Монограмма (?).

Медь. Литье.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
544.	16355	1,4	16	-	Края отломаны
545.	п/о444	1,6	16	-	В поле пробито отверстие
546.	п/о522	1,1	18	-	В поле пробито отверстие; брак литья, стерта
547.	п/о523	3,1	17	-	Брак литья, стерта
548.	п/о б/н	-	-	-	Обломок
549.	п/о б/н	-	-	-	Обломок
550.	п/о б/н	-	-	-	Обломок
551.	п/о б/н	-	-	-	Обломок
552.	п/о б/н	-	-	-	Обломок
553.	п/о б/н	-	-	-	Обломок

Неопределенная плохой сохранности — 1 экз.

№№ п/п	инв. № НЗХТ	Вес (г)	диаметр (мм)	соотношение осей (часы)	примечания
554.	п/о407	-	-	-	Сломана на 5 частей; минерализована

ЛИТЕРАТУРА К КАТАЛОГУ:

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. — Киев, 1977.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.

Carson R. A. G., Kent J. P. C., Burnett A. M. The Roman Imperial Coins. Vol. X. — London, 1994.

Н. А. Алексеенко

БОЛЬШОЙ КОРСУНЬСКИЙ КЛАД ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ X В.

РЕЗЮМЕ

В 1991 году при исследовании южной части средневекового квартала ХСVI в северо-восточном районе Херсонесского городища был обнаружен большой клад местных литых монет. В нем насчитывается 554 монеты: Позднеримская империя IV в. н. э. — 1 экз.; Боспорское царство IV в. н. э. — 1 экз.; Херсоно-византийские выпуски: VI в. — 1 экз.; IX в. — 59 экз., X в. — 494 экз. Неясные X в. — 14 экз.; Неопределенные — 8 экз. (обломки). Доминанту монет клада составляют выпуски Василия II (976–1025) — 152 экз. (Анохин, 1977: XXIX, 441–444).

Сохранность монет различна: некоторые из них потерты, часть испорчена окислами, кроме того многие имеют различные производственные дефекты.

Датировка доминирующей и одновременно с этим и самой младшей серии монет (152 экз.

= 27,3% от общего числа монет клада) начальным периодом времени правления Василия II (976–1025), выпуск которой традиционно относится к 976–989 гг. свидетельствует о том, что его сокрытие было произведено в конце X в.

Новый клад херсоно-византийских монет, уникальный по своему объему, имеет вполне традиционный состав монет, характерный для средневекового Херсона второй половины — конца X в. Время его изъятия из обращения, бесспорно, следует связывать с тревожными событиями последней четверти X в., когда город подвергся захвату русскими дружинами князя Владимира. Данные клада в очередной раз позволяют подтвердить мнение о значительной пестроте местного денежного рынка и участии в обращении многочисленных серий монет, выпущенных на протяжении предшествовавших ста и более лет.

М. О. Алексеенко

ВЕЛИКИЙ КОРСУНЬСКИЙ СКАРБ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ X СТ.

РЕЗЮМЕ

У 1991 році при дослідженні південної частини середньовічного кварталу ХСVI в північно-східному районі Херсонеського городища був виявлений великий скарб місцевих литих монет. У ньому налічується 554 монети: Пізня-римська імперія IV ст. н. е. — 1 прим.; Боспорське царство IV ст. н. е. — 1 прим.; Херсоно-византійські випуски: VI ст. — 1 прим.; IX ст. — 59 прим., X в. — 494 екз.

Неясні X ст. — 14 прим.; Невизначені — 8 екз. (уламки). Домінанту монет скарбу становлять випуски Василя II (976–1025) — 152 екз. (Анохін, 1977: XXIX, 441–444).

Збереження монет різне: деякі з них потерті, частина зіпсована окислами, крім того багато хто має різні виробничі дефекти.

Датування домінуючою і одночасно з цим

і самої молодшої серії монет (152 екз. = 27,3% від загального числа монет скарбу) початковим періодом часу правління Василя II (976–1025), випуск якої традиційно належить до 976–989 рр.. свідчить про те, що його приховування було вироблено в кінці X ст.

Новий скарб Херсоно-византийських монет, унікальний за своїм обсягом, має цілком традиційний склад монет, характерний для середньовічного Херсона другої половини —

кінця X ст. Час його вилучення з обігу, безперечно, слід пов'язувати з тривожними подіями останньої чверті X ст., Коли місто підпало під захоплення руськими дружинами князя Володимира. Дані скарбу в черговий раз дозволяють підтвердити думку про значну строкатість місцевого грошового ринку та участі в зверненні численних серій монет, які випущені протягом попередніх ста і більше років.

N. Alekseienco

THE BIG KORSUNSKY HOARD OF CHERSON-BYZANTINE COINS OF THE 10TH CENTURY

SUMMARY

In 1991 during the research of the South part of the medieval quarter XCVI in the northeastern area of the Chersoneses the big hoard consisted of the local cast coins was found. It contained 554 coins: 1 copy of the Late Roman Empire the 4th c.; 1 copy of the Bosphorus Kingdom the 4th c.; Cherson-Byzantine issues: of the 6th c. — 1 copy; of the 9th c. — 59 copies; of the 10th c. — 494 copies. Unclear coins of the 10th c. — 14 copies; uncertain coins of the 10th c. — 8 copies (fragmented). The dominant parts of the coins from the hoard are the issues of Basil II (976–1025) — 152 copies (Anokhin, 1980; XXIX, 441–444).

The condition of the coins is different: some of them are threadbare; part of them is spoiled by oxides, besides many have different production defects.

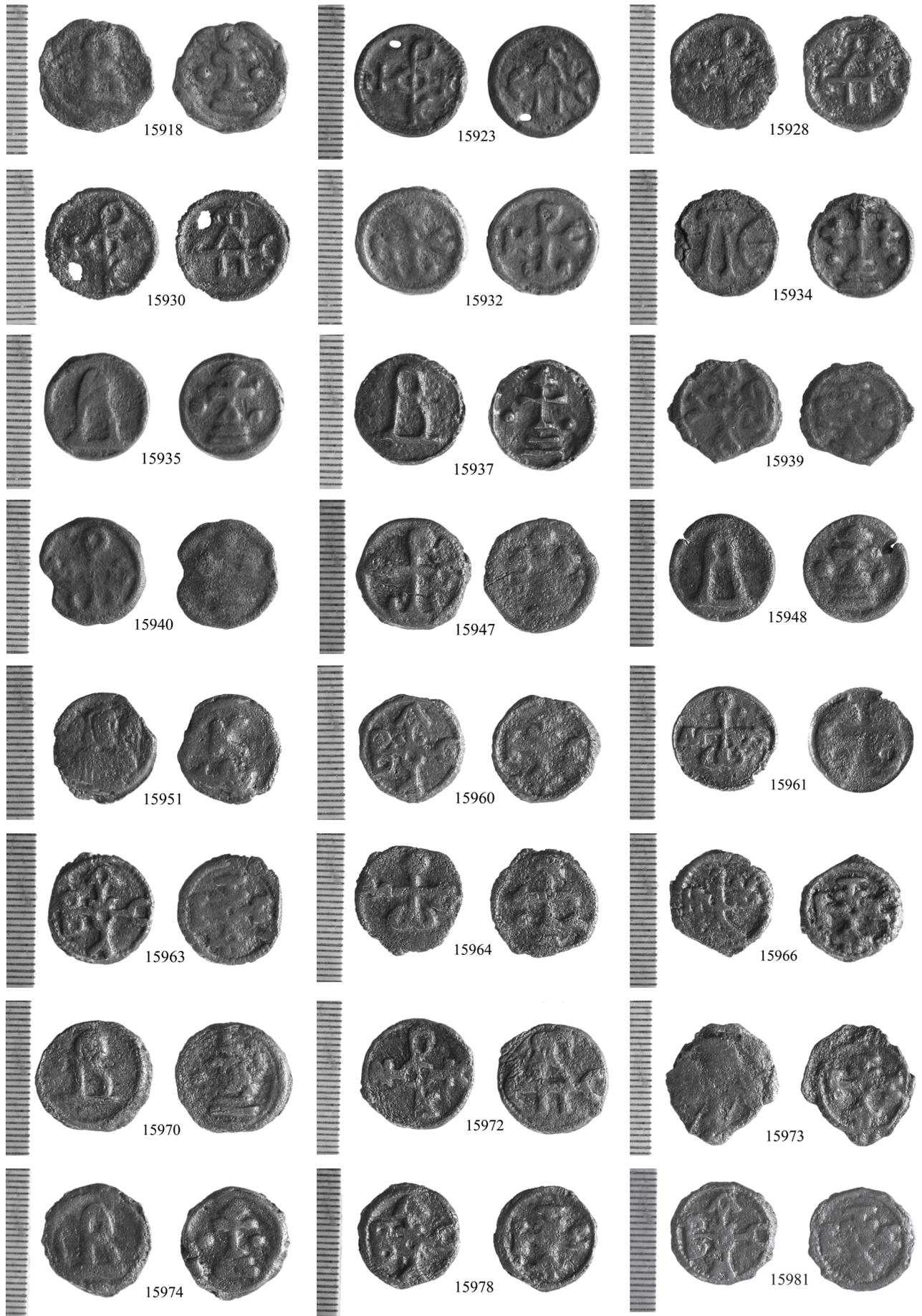
The dating of dominant and simultaneously the youngest (latest) series of the coins (152 copies =

27,3% of hoard coins total number) by the initial period of Basil II rule (976–1025) (their issuing date is traditionally referred to 976–989) testifies that the hoard hiding was made at the end of the 10th c.

This new hoard of the Cherson-Byzantine coins, unique on its volume and has wholly traditional composition of coins, typical for medieval Cherson of the second half — the end of the 10th c. Time of its withdrawal from circulation, undoubtedly, should be connected with the alarming events of the last fourth of the 10th c., when the city was captured by Russian troops of prince Vladimir.

The data obtained while researching the hoard allows ones again to confirm the significant variety of local money market and circulation of numerous series of coins issued during preceded hundred years or more.

Н. П. АНДРУЩЕНКО

ПЕРВЫЕ ВИНОДАВИЛЬНИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ХОРЕ ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА

1. Первые свидетельства о виноделии на территории Херсонеса Таврического.

Н. М. Печенкин, проводя археологические разведки в 1910 г. в районе так называемого Страбонова Херсонеса, обнаружил переносную винодавильную площадку (тарапан) (Печенкин 1911: 110).

Это была первая археологическая находка винодавильной площадки в Северном Причерноморье. До этого свидетельством существования винодавильных площадок на данной территории служило схематическое изображение стационарного тарапана, опубликованное Дюбуа де Монпере в 1841 г.

И вот, наконец, появился реальный артефакт, подтверждающий существование винодавильного производства в Херсонесе Таврическом.

Переносная винодавильная площадка (тарапан) была обнаружена Н. М. Печенкиным «... на склоне у Первого соляного озера, южнее хутора Вяземской...». (Печенкин 1911: 110) (рис. 2). Давильня «... имеет овальную форму, сделана из известковой плиты, толщиной 0,30 м. Длина её через слив — 1,15 м, ширина — 0,70 м. Центральная площадка давильни имеет в длину около 0,75 м. Ширина желоба вокруг площадки около 0,05–0,06 м. Одна из узких сторон овала заканчивается массивным сливом для стока выжатого в сосуд» (Стржелецкий 1961: 115).

В процессе прессования виноградный сок заполнял опоясывающую тарапан борозду и направлялся в слив. Переносной тарапан устанавливался на подставку с небольшим уклоном в сторону слива с тем, чтобы отжатый сок через слив мог стекать в расположенную рядом емкость. Как правило, приемник виноградного сока представлял собой керамический сосуд с широким горлом.

Подставка под тарапан могла быть изготовлена из камня или дерева. Приподнятое положение тарапана давало возможность размещать сулоприемник под сливом.

Выдавливание виноградного сока производилось двумя способами: с помощью гнета (рис. 1.1) или с помощью рычажного пресса (рис. 1.2).

Гнет представлял собой каменную плиту, кото-

рая укладывалась на прессуемую массу и тем самым производилось выдавливание виноградного сока.

Применение рычажного пресса обеспечивало гораздо более совершенный способ отжима виноградного сока. О широком распространении рычажного пресса свидетельствует изображение на аттическом килике (рис. 1.3). Следует отметить, что отжим винограда при изготовлении вина и отжим оливок при производстве оливкового масла осуществлялся одинаковым способом. Поэтому изображение на древнем сосуде можно отнести к изготовлению, как вина, так и масла.

На росписи не показана точка опоры заднего конца рычага пресса. По мнению В. Ф. Гайдукевича, опорное гнездо могло располагаться в стене (Гайдукевич 1958: 387).

Необходимо отметить, что первая находка винодавильной площадки на территории Херсонеса Таврического положила начало дальнейшим археологическим открытиям античного винодельческого производства на всем Северном Причерноморье.

2. Напоминание об утраченном.

На территории Херсонесского городища в настоящее время известно о существовании трех античных виноделен. Первой была обнаружена винодельня № 1, расположенная на самом берегу моря. Сначала, в 1931 г. были раскопаны два резервуара для приема отжатого виноградного сока. Полностью раскрыть античную винодельню мешали остатки стен возникшего на этом месте позднее средневекового помещения. Лишь в 1947 г. появилась возможность продолжить раскопки античного объекта. В результате был открыт третий резервуар и большой фрагмент давильной площадки (Белов 1952: 227).

Винодавильное помещение было длиной 7,0 м и шириной 5,25 м. Давильная площадка примыкала к короткой стороне и имела ширину 3,0 м. Сразу же за давильной площадкой в один ряд располагались резервуары для приема виноградного суслу. Давильная площадка имела уклон в сторону резервуаров, что обеспечивало сток отжатого сока в сулоприемники.

Давильная площадка изготавливалась на месте и состояла из нескольких слоев. Основанием служил утрамбованный со щебнем слой глины. Поверх него была устроена вымостка из бутовых камней, залитая раствором извести с песком. Завершающий верхний слой был красного цвета, что было обусловлено добавлением в раствор мелкотолченой керамики. Этот последний слой по мере износа неоднократно обновлялся.

Г. Д. Белов насчитал 6–7 слоев цемяночного раствора, наложенных друг на друга. Общая толщина давящей площадки составляла 0,18–0,20 м (Белов 1952: 228). В соответствии с количеством резервуаров для приема виноградного сула давящая площадка была разделена на три части. Разграничение поверхности площадки на отдельные участки осуществлялось устройством пазов шириной 0,06 м и глубиной 0,05 м, куда были вставлены доски на ребро.

Резервуары для приема виноградного сула имели практически одинаковые параметры. Размеры ближайшего к морю 1-го резервуара: 1,20 x 0,87 м при сохранившейся на момент раскопок глубине 0,30–0,50 м; второго: 1,13 x 0,70 м при глубине 0,35–0,50 м. Верхняя часть этих резервуаров была разрушена во время сооружения на их месте средневековых построек. Третий резервуар имел в плане следующие размеры: 1,05 x 0,97 x 1,00 x 0,97 м при глубине 1,0 м. Третий резервуар сохранился почти на всю глубину. Стенки первых двух резервуаров были сложены на известковом растворе с нанесением штукатурного слоя с внутренней стороны. На первый штукатурный слой белого цвета затем наслаивались тонкие слои красного цвета, что было вызвано добавлением в раствор мелкотолченой керамики. Г. Д. Белов обратил внимание, что в углах одного из резервуаров «... сохранилась 7–10 слоев, вследствие чего углы стали округлыми» (Белов 1952: 229). Стенки третьего резервуара, возведенного позднее, были сложены из обломков черепиц на известковом растворе. Толщина стенок колебалась от 0,13–0,18 м. Дно всех резервуаров было вымощено черепицами, утопленными в свежий раствор. По всей видимости, на этой винодельне использовался рычажный пресс. В. Ф. Гайдукевич предполагал, что пресс был рычажно-винтовым (Гайдукевич 1958: 449).

Судя по многочисленным обновляющим слоям штукатурки внутренней поверхности резервуаров, винодавильня функционировала длительное

время. Г. Д. Белов датировал здание винодельни II–IV вв. (Белов 1952: 229).

Время существования винодельни насчитывает два строительных периода.

В 1-й строительный период винодельня располагала всего двумя (1-м и 2-м) резервуарами для приема виноградного сула. Винодельня подобного типа с двумя сулоприемниками и рычажно-винтовым прессом обнаружены на Боспоре, на Тиритакском городище (Гайдукевич 1958: 397). По всей видимости, подобно боспорской винодельне рычажно-винтовой пресс был задействован на давящей площадке, расположенной напротив 2-го резервуара.

Античные винодельни с двумя сулоприемниками были редким явлением на территории Северного Причерноморья. Оптимальным вариантом, обеспечивающим наибольшую производительность, оказались винодельни с тремя давящими площадками и тремя резервуарами. Поэтому во 2-м строительном периоде винодельня № 1 на Херсонесском городище была реконструирована с добавлением третьего резервуара для приема виноградного сула.

Море постепенно вторгается на сушу, разрушая на своем пути древние сооружения Херсонесского городища. На период раскопок винодельни № 1 в 1931 г. и 1947 г. морским прибоем был разрушен только северный угол здания. Сейчас херсонесская винодельня № 1 уже полностью уничтожена морской стихией.

Сведения об утраченных археологических объектах также представляют исторический интерес. В связи с этим целесообразно в непосредственной близости от места, где когда-то находилась античная винодельня, установить специальный стенд. На этом стенде следует поместить изображение первоначального вида археологического памятника с тем, чтобы зрители могли наглядно представить, какой была винодельня много лет тому назад, во время ее использования древними херсонеситами. Основой для стендовой информации может послужить графическая реконструкция херсонесской античной винодельни № 1, выполненная Н. П. Андрущенко (рис. 3, 4).

Кроме того, такой стенд еще раз напомним о необходимости принятия безотлагательных мер по возведению берегоукрепительных сооружений на территории Национального заповедника «Херсонес Таврический».

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Г. Д. Херсонесские винодельни. *ВДИ* 2 (40). — 1952: 225–237.
 Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре. *МИА* 85. — М., 1958: 352–457.
 Печенкин Н. М. Археологические разведки местности страбоновского старого Херсонеса. *ИАК* 42. — СПб., 1911.
 Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. *ХСб.* VI. — Симферополь, 1961.

Н. П. Андрущенко

ПЕРВЫЕ ВИНОДАВИЛЬНИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ХОРЕ ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены самые первые находки каменных остатков херсонесских виноделен. Во-первых, это переносная винодавильная площадка — тарапан, обнаруженная Н. М. Печенкиным в 1910 г. на хоре Херсонеса. Во-вторых, рас-

копанная Г. Д. Беловым в 1931 г. на херсонесском городище винодельня № 1, которая в настоящее время утрачена (разрушена морским прибоем). Статью сопровождают реконструкции первоначального вида этих археологических объектов.

Н. П. Андрущенко

ПЕРШІ ВІНОДАВІЛЬНІ, ВІЯВЛЕНІ НА ХОРІ СТАРОДАВНЬОГО ХЕРСОНЕСА

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуті самі перші знахідки кам'яних залишків винодавилен херсонеських виноробів. По-перше, це пересувний майданчик — тарапан, знайдений Н. М. Печонкіним на хорі Херсонеса в 1910 р. По-друге, розко-

паная в 1931 р. Г. Д. Беловим на херсонеському городище виноробня № 1, яка зараз втрачена (зруйнована морським прибоем). Статтю супроводжують реконструкції первісного вигляду цих археологічних об'єктів.

N. Andrushchenko

FIRST WINERIES FOUND AT CHORA OF ANCIENT CHERSONESOS

SUMMARY

This article deals with the earliest finds of stone remains of Chersonesos' wineries. Firstly, it's a portable press ground — winery (tarapan), discovered by N. M. Pechenkin in 1910 at Chersonesos chora. Secondly — a winery № 1 (which is lost now —

destroyed by a breaking waves), excavated at Chersonesos in 1931 by G. D. Belov. An article is accompanied by reconstructions of original forms of these archaeological objects.

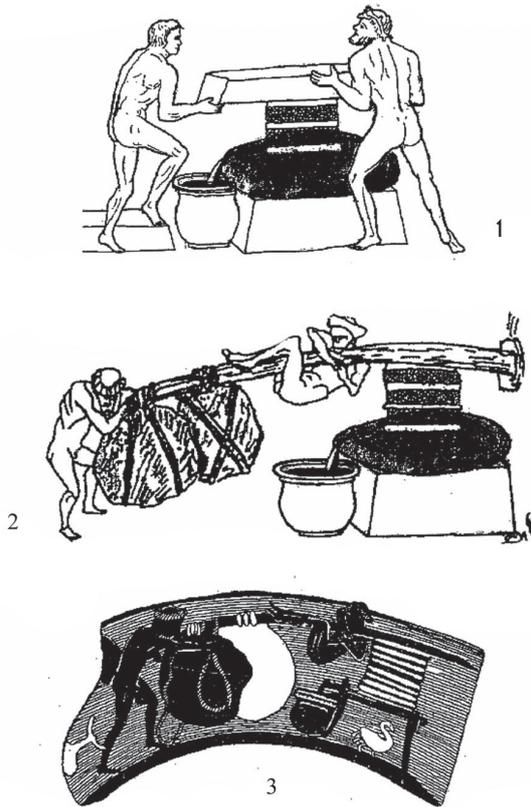

Рис 1. Первый тарапан (переносного типа), зафиксированный на территории Херсонеса Таврического Н.М. Печенкиным в 1940 г. Варианты использования: 1 - выжимание виноградного сока с помощью гнета – каменного груза, укладываемого на прессуемую массу; 2 - выжимание виноградного сока с помощью рычажного пресса с навесными гирями (реконструкции Н.П. Андрущенко); 3 – изображение пресса на чернофигурном аттическом килике (Гайдукевич В.Ф: Виноделие на Боспоре. МИА 85. – 1958: 387).

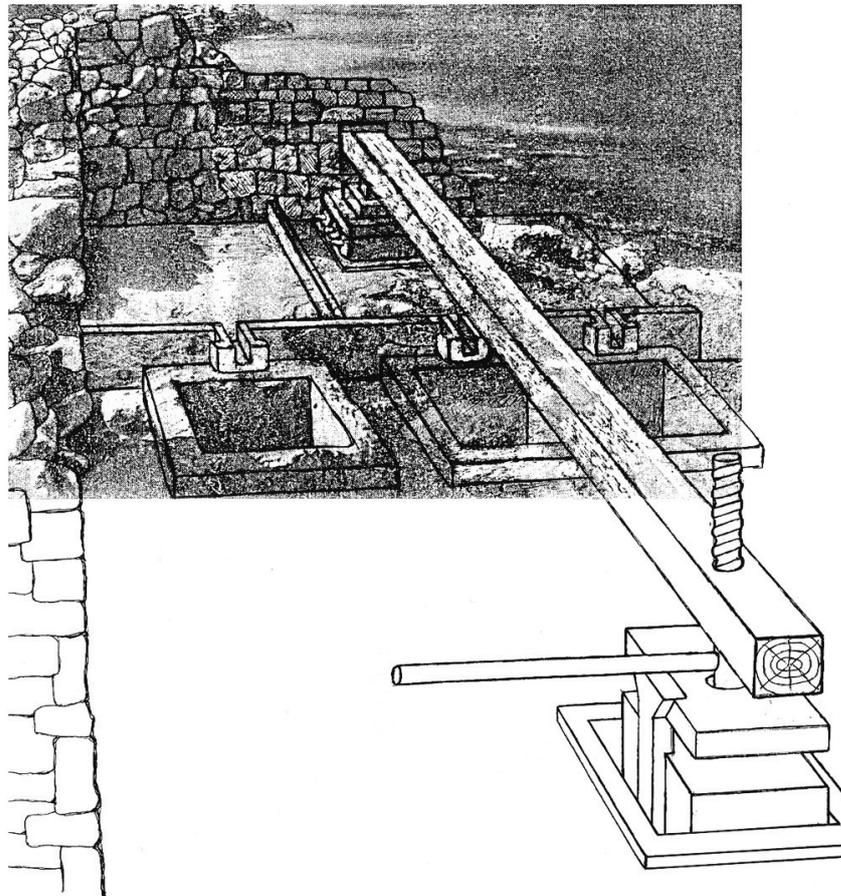

Рис. 3. Винодельня № 1 на городище Херсонеса. Общий вид. Реконструкция Н.П. Андрущенко

Рис. 2. Местонахождение переносной винодавильной площадки (тарапана), обнаруженной Н.М. Печенкиным в 1910 г.

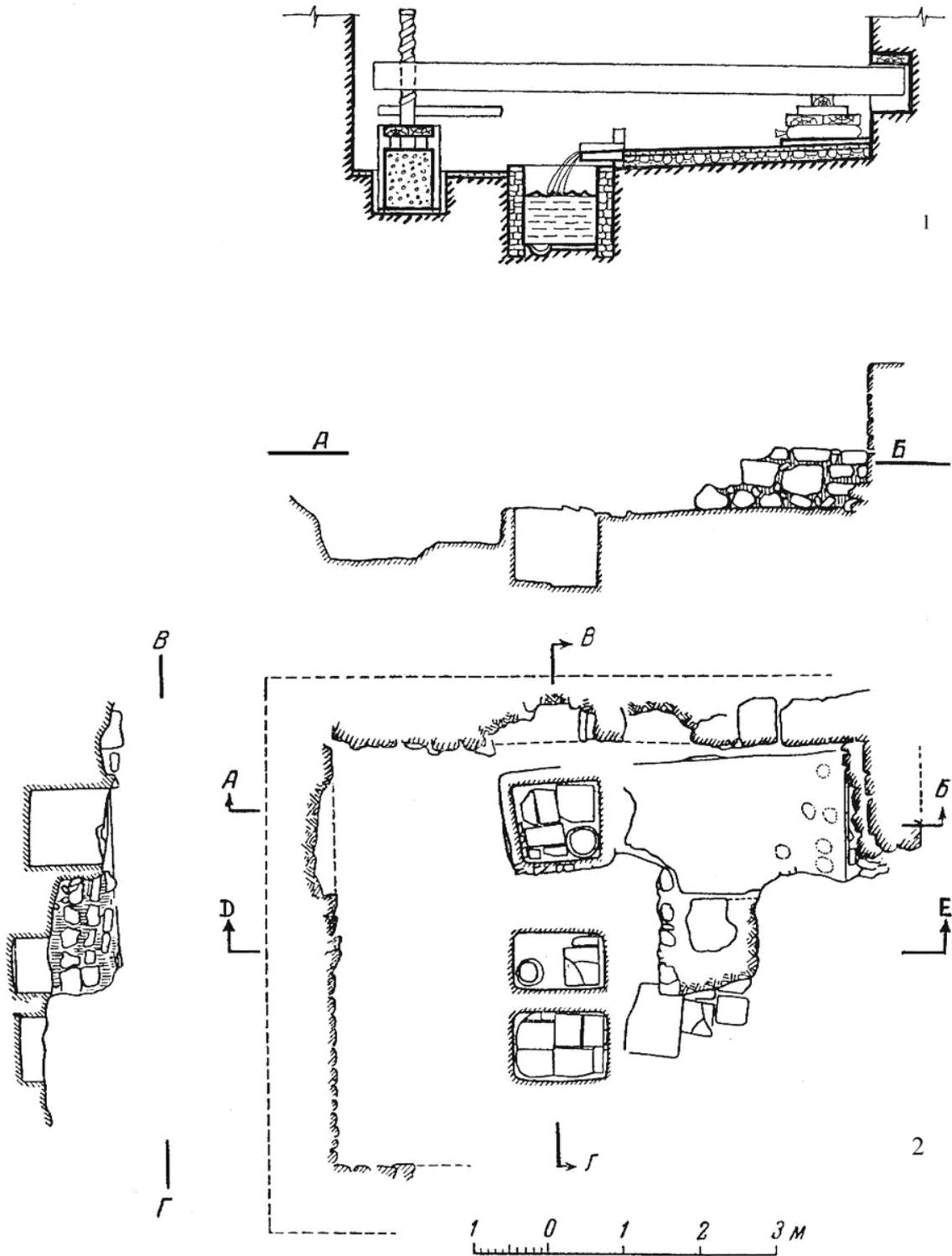

Рис. 4. Реконструкция Херсонесской винодельни № 1.

1. Разрез D-E. Реконструкция Н.П. Андрущенко,

2. План винодельни (Белов Г.Д. Херсонесские винодельни. ВДИ. – 1952, № 2: 227).

И. И. ВДОВИЧЕНКО,
Г. М. НИКОЛАЕНКО

АНТИЧНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА С ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В последнее время внимание исследователей вновь приковано к некоторым дискуссионным вопросам, связанным с созданием хоры Херсонесского государства, особенностями материальной и духовной культуры ее населения. В работах А. Н. Щеглова дана общая характеристика процесса и характера территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э., описываются отдельные памятники юго-западного и северо-западного Крыма (Щеглов 1976, 1978, 1993, 2000). Г. М. Николаенко (Николаенко 2004), В. М. Зубарь (Зубарь 2007) подвели итоги изучения ближней хоры. Другие территории и поселения принадлежавшие в IV–II вв. до н. э. Херсонесскому государству охарактеризованы в работах С. Ю. Монахова, Е. Я. Рогова (Монахов, Рогов, 1990), Е. А. Поповой, С. А. Коваленко (Попова, Коваленко, 2005), Л. Ханнестада, В. Ф. Столбы (Hannestad, Stolba 2002). В то же время, не все добытые в ходе археологических раскопок материалы, опубликованы. Среди них и расписная керамика, которая может дать важные сведения о датировке памятников, укладе жизни, религиозных представлениях обитателей поселений и усадеб. Поэтому целью нашей работы является введение в научный оборот найденной на хоре Херсонеса аттической краснофигурной посуды IV в. до н. э., которая маркирует начальный этап освоения сельскохозяйственной территории Херсонеса и эллинистической расписной керамики, как привозной, так и местного производства, характеризующей этапы развития хоры и время ее разрушения вследствие войн со скифами.

Эти материалы хранятся в основном в собраниях Эрмитажа, Национального заповедника «Херсонес Таврический», Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, Евпаторийского краеведческого музея, Республиканского историко-археологического заповедника «Калос Лимен». О находках расписной керамики на Гераклейском полуострове упоминают авторы раскопок в первых публикациях материалов — эти сведения собраны в работе Г. М. Николаенко (Николаенко 2004), однако атрибуция и точная

датирование их не производилось, за исключением небольшой статьи подготовленной И. И. Вдовиченко и посвященной небольшой депаспартизованной коллекции, хранящейся в Бахчисарайском музее (Вдовиченко 1994).

Исследователи отмечают, что на территории ближней хоры находки расписной керамики нечасты. Она встречается на перешейке и наделах Маячного полуострова, на Гераклейском полуострове в Карантинной балке и балке Бермана (Стржелецкий 1948, Николаенко 2004: 208). В фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранятся находки из раскопок Н. М. Печенкина, археолога-любителя, который, вдохновленный гипотезой А. Л. Бертье-Делагарда о том, что на Маячном полуострове находился древний или Страбонов Херсонес произвел здесь археологические исследования. Из усадьбы № 4 древнего земельного участка № 71 (Стржелецкий 1961: 39–40, прим. 1–4) происходят 3 фрагмента верхней части глубокого килика (инв. № 15043; размеры фрагментов: 5,4 x 5,0 см; 3,2 x 2,8 см; 4,5 x 3,0 см, диаметр венчика сосуда — около 12,0 см). Сохранилась незначительная часть изображения на лицевой стороне сосуда — стоящий атлет (Рис. 1). Торс развернут в $\frac{3}{4}$ влево, голова изображена в профильном повороте вправо. Он оглядывается назад в сторону стоящего за ним персонажа. Перед юношей — часть изображения тимпана с крестовидным орнаментом. На внутренней части венчика — плющевая гирлянда. Листья изображены в краснофигурной технике, а плети — накладной белой краской. Многочисленные килики с таким же сюжетом и стилистическими особенностями росписи и декором внутренней части венчика относят к числу работ мастера «Q» (аналогию см.: Ure 1944: fig. 10), которые датируются сейчас второй четвертью-серединой IV в. до н. э. (Moore 1997: 311 № 1357). Интересен фрагмент пелики (Рис. 2) из раскопок усадьбы на участке № 71 (инв. № 15024; размеры: 10,1 x 4,5 см). По краю венчика — слегка вдавленные овы. Лак полностью отшелушился, обнажив глиняное тесто — красноватого

цвета со светлыми известковыми включениями. Глина не похожа на аттическую. Такие вдавленные овы встречаются на пеликах с каннелированным туловом и орнаментом типа West Slope на горлышке, которые относятся к концу IV в. до н.э. (см.: Αλεξανδροπούλου 2004: πιν.324). Фрагмент стенки канфара (инв. № 15093) с каннелированным туловом (Рис. 3) имеет множество аналогий, в том числе и на афинской Агоре (Rotroff 1972: 244–245, №№ 28–31). Такие сосуды датируются обычно первой четвертью III в. до н.э. Размеры этого обломка — 4,1 x 3,2 см. Глина аттическая, хорошо отмученная, лак черный, блестящий. В верхней части сохранилась часть декора: ветвь плюща, нанесенная накладной жидкой глиной. Плоды переданы в рельефе, крупными строенными точками. Как показали недавние исследования, для этого использовались специальные керамические шапки, которые вдавливались в поверхность сосуда до обжига, а затем покрывались краской, жидкой глиной или позолотой (Cohen, Lapatin 2006: 114–115, 144–145). Этот вид декора использовался как на краснофигурных вазах раннего V в. до н.э., так и в более позднее время.

Из раскопок Н.М. Печенкина усадьбы на земельном участке № 60 (усадьба № 3) (Печенкин 1911: 118–124) происходит фрагмент верхней части скифоса (инв. № 15046; размеры: 4 x 3 см) с изображением юноши в гиматии с тимпаном в руке (Рис. 4). Он весьма близок сосуду с афинской Агоры, который Мэри Мур относит к F.V. Group и датирует серединой IV в. до н.э. (Moore 1997: № 1304). На фрагменте ручки канфара (инв. № 15163 размеры: 2,5 x 5,1 см) сохранилось рельефное изображение (Рис. 5). Оттиск сделан с очень стертой формы, однако общие пропорции изображения близки маскам бородастого сатира на ручках сосудов с афинской Агоры (Rotroff 1997: 290–291, № 445–447), которые датируются последней третью III — первой половиной II в. до н.э. Такой датировке соответствует и тусклое графитового цвета лаковое покрытие фрагмента. Красноватая, со светлыми включениями глина не похожа на аттическую.

Исследования Гераклейского полуострова были продолжены в 20-х гг. XX в. С 1922 по 1927 гг. сотрудниками Севастопольского музея краеведения под руководством П.П. Бабенчикова проводилась инвентаризация памятников Гераклейского полуострова. Сотрудники музея (в большинстве это были школьники и студенты) составляли планы и описания сельскохозяйственных усадеб (Вдовиченко 1994; Вдовиченко 2001: 14–25, Зубарь 2007: 18).

В 1926 г. инвентаризация проводилась, в основном, в районе Сарандинакиной балки, на восточной границе размежеванной территории хоры. В материалах архива Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Веймарн 1935: л. 2–6) упоминаются усадьбы, которые можно разместить на древних земельных участках №№ 212–213; 249; 296–297; 327; 337; 368; 376 (Николаенко 2001: 89–90; 102; 112–113; 123; 125–126; 136–137). В этих материалах есть упоминание о разведочных траншеях, а также о хищнических раскопках на памятниках в Сарандинакиной балке. Это усадьбы на земельных участках №№ 327 и 337. В Бахчисарайском государственном историко-культурном музее-заповеднике имеется небольшая коллекция античной керамики классического и эллинистического времени, происходящая из этих раскопок, получившая название «Гераклея». К сожалению, дневники юных археологов не содержат подробных описаний находок и определить точное местонахождение хранящихся сейчас в Бахчисарайском музее фрагментов аттической краснофигурной керамики не представляется возможным. На некоторых фрагментах, правда, сохранились пометки «Г — 1926». Возможно, это и есть материал из разведочных траншей 1926 г.

На фрагменте пелики (Рис. 6) частично сохранилось изображение двух юношей в гиматиях, стоящих лицом друг к другу (ее размеры: 5,5 x 6,2 см). У стоящего слева обнажены правая рука и плечо. Он держит в руке тимпан с крестовидным орнаментом. Под тимпаном — изображение круглого сосуда может быть, кольцевого аска или арибалла. Такие изображения характерны для пелик группы «G», датирующихся третьей четвертью IV в. до н.э. Близко изображению на оборотной стороне пелики из раскопок афинской Агоры № 63 (Moore 1997: 143, pl. 13, № 63).

Два обломка кратеров относятся к середине IV в. до н.э. На одном из них (КП-5745/516; размеры: 5,8 x 4,3 см; сохранилось изображение человеческой стопы (Рис. 7). Под рисунком орнаментальный пояс из полигонального меандра, чередующегося с квадратами и крестовидным орнаментом. На другом (КП-5745; размеры: 6,8 x 4,0 см) — часть изображения многолепестковой пальметки, грубо нанесенной кистью, разбавленным лаком (Рис. 8). Ручка от крышки леканы (КП-6095/168; размеры: 4,0 x 5,1 см) украшенная овами с жемчужником датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Рис. 9). На фрагменте венчика и стенки глубокого килика (КП-6095/210; размеры: 5,3 x 8,0 см) — юноша в гиматии, показанный

в профильном повороте вправо (Рис. 10). Он стоит перед стелой. В правой руке он держит тимпан с крестовидным орнаментом. За его спиной — завиток волюты. Роспись характерна для мастера "Q", и датируется второй четвертью — серединой IV в. до н.э. На фрагменте стенки скифоса аттического типа (КП-6035/168; размеры: 5,6 x 3,6 см) — две женщины одна закутана в гиматий) стоят лицом друг к другу (Рис. 11). Аналогичный сосуд, найденный на Афинской Агоре (Moore 1997: № 1294), датируется ранним IV в. до н.э.

Из раскопок К.Э. Гриневича в 1928 г. на Гераклейском полуострове происходит фрагмент открытого сосуда (инв. № 30212, размеры: 2,6 x 3,6 см) украшенного розеткой (накладные белая и охристая краски) и прочерченным орнаментом (Рис. 12). Розетки на керамике с декором West Slope распространены с 275 по 75 гг. до н.э., однако в сочетании с орнаментом, прочерченным по необожженной глине они встречаются в основном во II в. до н.э. (Στρίτσιδου 2004: 41, πιν. 21 α). Фрагмент верхней части кратера (инв. № 42/35348, размеры: 22,0 x 5,2, диам. венчика — 32 см) с изображением дельфинов и пальметт на отогнутом крае венчика (Рис. 13) также может быть отнесен к середине II в. до н.э. (Στρίτσιδου 2004: 111, πιν. 14 β, Забелина 1992: рис. 5 а) Оба сосуда — пергамского производства.

Из раскопок С.Ф. Стржелецкого к востоку от устья Карантинной балки в 1939 г., на земельном участке № 107 (Николаенко 2001: 60–61), где, по предположению С.Ф. Стржелецкого, находился так называемый поселок виноделов, происходит найденный в цистерне фрагмент стенки аттического краснофигурного кратера (инв. № 34/35907, размеры: 8,1 x 6,5 см) (Стржелецкий 1948: 51–63). На нем изображена амазонка, сражающаяся с грифоном (Рис. 14). Голова грифона передана белой накладной краской, поверх которой разбавленным до золотистого оттенка лаком прорисованы глаза и клюв. Белой краской изображена и перевязь от меча на плече и груди амазонки, пояс с крюком, на который крепили предметы вооружения. Аналогичную по композиции сцену мы видим на кратере Фалаевского типа из Лувра (Boardman 1989: № 414), на пелике из Ялты (Вдовиченко, Турова 2006: № 59). Такое изменение сюжета, когда в грифономахиях наряду с аримаспами, принимают участие и амазонки, характерно для позднего IV в. до н.э. На основании стилистических и сюжетных аналогий фрагмент можно отнести к группе «G» и датировать 330–320 гг. до н.э.

Возобновление исследований на памятниках сельскохозяйственной округи Херсонеса

в 70-х гг. XX в. также выявило материалы раннего времени, в том числе и расписную керамику.

Из раскопок экспедиции института археологии АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой в 1978 усадьбы земельного участка № 10, расположенного на территории между бухтами Камышовой и Омегой, происходит фрагмент стенки аттического краснофигурного кратера (инв. № 84/36918, размеры: 13,5 x 6,0 см) склеенный из трех обломков (Рис. 15). В нижней части обломка — граффито (верхняя часть двух знаков или букв), которое, к сожалению, не читается. Меандр под рисунком чередуется с шашечным орнаментом, сохранились также растительные завитки и пальметта под ручкой. Аналогичный декор под рисунком характерен для мастера Тойи, работы которого относят ко второй четверти IV в. до н.э. (Moore 1997: № 492; ARV² 1448, 1). На Маячном полуострове в 1988–89 гг., на усадьбе земельного участка № 57 был найден арибаллический лекиф (Рис. 16), с пальметтой (инв. № 1/37163; высота — 6,5 см, диам. венч. — 2,8 см, диам. поддона — 2,6 см) который близок по форме и декору сосуду из Вергины, найденному в погребении конца третьей начала четвертой четверти IV в. до н.э. (Дрочугов 2005: 82, εικ. 76). Здесь же найден фрагмент кратера (инв. № 7/37163; размеры: 3,9 x 5,0; 5,1 x 3,1 см), на котором сохранилось изображение пальметты в районе ручки (Рис. 17). Его можно отнести к середине — третьей четверти IV в. до н.э.

Во время раскопок Г.М. Николаенко и Е.Ф. Олениной в 1978–80 гг. на Гераклейском полуострове (усадьба 39 а) был найден фрагмент венчика кратера (Рис. 18) с изображением ветви плюща на венчике (инв. № 39/37030, размеры: 10,5 x 5,2 см). Плеть прочерчена, листья нанесены жидкой глиной. Глина розовая со светлыми включениями, черный тусклый лак. Возможно пергамское производство. Аналогичный орнамент — на скифосе из Коринфа, который относится к последней трети III в. до н.э. (Στρίτσιδου 2004: 119, πιν. 42 β). Верхняя часть фрагментированного эллинистического канфара (инв. № 18/37030; размеры: 5,8 x 2,6 см) украшена орнаментом типа West Slope (Рис. 19). Это гирлянда из миниатюрных гроздей винограда (нанесены жидкой глиной по черному лаку), укрепленных на ленте (белая накладная краска). Такие сосуды встречаются повсеместно (Rotroff 1997: № 192; Μπάρτζιου-Εθσταθίου, Ζηζιζα 2004: 41, πιν. α, β) и датируются второй четвертью III в. до н.э. Глина бежевого оттенка, хорошо отмученная, блестящий черный лак отличного качества. Канфар этого же

типа (инв. 46/37030, высота 9,3 см, диам. венчика — 6, см, диам. поддона — 4,5; диам. тулова — 8, 5 см) (Рис. 20) близок по форме сосудам с афинской Агоры, которые также относятся ко второй четверти III в. до н.э. (Rotroff 1997: 262, № 194, 195). Глина красноватая, рыхлая с включением белых частиц. Лак тусклый черный, в нижней части сосуда — коричневато-рыжего цвета. Орнамент в виде гирлянды из лотосов был нанесен на поверхность вначале более темным по цвету лаком, а поверх него — накладными красками — белой (тени) и бежевой (бутоны). Накладные краски почти полностью осыпались, сохранились только около ручек сосуда. Возможно местное производство

Во время раскопок Л. А. Ковалевской в 1988–89 гг. на усадьбе-наделе 341 был найден фрагмент лагиноса (инв. № 9/37161, размеры: 9,1 х 6,1 см) (Рис. 21). Глина светло-коричневая, хорошо отмученная с небольшими светлыми включениями. Поверх желтой плотной обмазки светло-коричневым и золотистым лаком нанесен орнамент — гирлянды и венки, тени. Скорее всего, это часть распространенной композиции, в которую наряду с венками и гирляндами включены музыкальные инструменты. Аналогичные сосуды встречаются повсеместно, в том числе и в Северном Причерноморье (Забелина, 1992: 290), датируются второй половиной II — началом I в. до н.э. (Rotroff 1997: 390, № 1504, 1505). Возможно, происходит из мастерских о. Делос.

Во время раскопок Г. М. Николаенко, М. В. Калашникова в 1998 г. в балке Бермана, в башне № 3 был найден фрагмент аска (Рис. 22) с пояском ов по краю щитка, (ограниченного желобком при переходе к тулову) (инв. № 1/37324; размеры: 7,5 х 5,5 см). Такие сосуды датируются обычно серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Дроруγου 2005: 152–153).

Расписная керамика найдена во время раскопок Г. М. Николаенко поселения на берегу Казачьей бухты на Маячном полуострове. В 1997 г. был обнаружен аск (Рис. 23) с изображением оливковой ветви на щитке (инв. № 13/37311, размеры: 6,1 х 2,6 см), который можно отнести к третьей четверти IV в. до н.э. (анalogии см. Дроруγου 2005: 41, εικ. 23). В этом же году же были найдены канфары классического типа с простым венчиком с декором West Slope. Один из них (инв. № 11/37311, размеры: выс. 9,9 см, диам. венчика — 5,3 см, диам. тулова — 7,9 см), с каннелированным туловом, склеен из 6 обломков, украшен изображением выщепленной плети плюща (Рис. 24). Изображение, нанесенное белой накладной краской и жидкой глиной, почти полностью стерлось. Глина хоро-

шо отмученная, розовато-бежевая, аттическая, лак черный, тусклый. Форма сосуда близка канфарам с афинской Агоры №№ 26–29 (Rotroff 1997: 244), которые датируются 286–275 гг. до н.э. Второй сосуд (инв. № 1/37323, размеры: выс. — 11,7 см, диам. венчика — 7,2 см, диам. поддона — 4,2 см, диам. тулова — 6,9, в нижней части — 7, 7 см) с гладким туловом также украшен плющевым орнаментом (Рис. 25). Однако здесь используется врезной орнамент (так показана плеть), листья и плоды прорисованы накладной глиной. Аналогичные по форме канфары (№№ 23–24) найдены на афинской Агоре (Rotroff 1997: 244), где они датируются 275–260 гг. до н.э., в гробницах Верии (Дроруγου, Τουρατσογλου 1980:100) в комплексе с монетами 277–239 гг. до н.э.

Здесь же в 1999 г. были найдены фрагменты кратера (Рис. 26) середины IV в. до н.э. с изображением пальметты у ручки и ов (инв. № 19/37332; размеры — 10 х 6, 4 х 3,5 см). На обломках — 5 починочных отверстий, в одном сохранилась проволока, при помощи которой производили ремонт. Из раскопок 2000 г. происходит фрагмент вместилища леканы (инв. № 13/37340; размеры 2,6 х 2,0 см), на котором изображен венок лавра (Рис. 27). Как и аналогичный сосуд из Берлина (Rohde 1986: taf. 28) он относится к группе Венской леканы и датируется второй четвертью IV в. до н.э. На фрагменте канфара (инв. № 18/37340, размеры 5,8 х 2,6 см) изображена, прочерченная по поверхности глины, гирлянда из бутонов лотоса на ленте (Рис. 28). Глина красноватая с мелкими светлыми включениями, лак черный, тусклый. Такие орнаменты встречаются на разных типах сосудов, произведенных в самых различных центрах (Μπάτζιου-Εθσταθίου, Ζηζιζα 2004: 41, πιν. α, β.; Rotroff 1997: 293, 262 (№ 188); Забелина 1992: 288, рис. 3 а). Они датируются обычно серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. Возможно к такому же типу эллинистических канфаров относится фрагмент (инв. № 17/37340, размеры 3,5 х 4,0 см) с изображением веточки мирта (Рис. 29). Ветвь нанесена белой накладной краской (осыпалась), листочки — жидкой глиной.

В 2003 г. найдены фрагменты двух расписных сосудов: кратера (Рис. 30) с меандром под рисунком (инв. № 26/37392; размеры: 3,1 х 2,3 см) и фрагмент аска (Рис. 31) с пальметтами у носика (инв. № 33/37392). Оба фрагмента датируются около середины IV в. до н.э. Интересны находки местной расписной эллинистической керамики (Рис. 32). Это обломки кувшинов и возможно кубков (инв. №№ 11, 29/37392, размеры: 4,2 х 2,9 см; 5,2 х 3,0 см; 9,0 х 4,1 см; 4,5 х 3,7 см; 5,1 х 3,5 см;

3,9 x 2,2 см; 3,4 x 2,2 см; 4,2 x 3,1 см). Их глина плотная красноватая насыщена многочисленными известковыми частицами, поверхность покрыта плотным белым ангобом, поверх которого нанесен красной краской простой орнамент — полосы, веточки, гирлянды). Эта посуда — подражание популярной в это время керамике Гафра, так называемой Laurel Group, которая датируется около 260–240 гг. до н. э. (Εγγλέζου, 2004: 333–340).

Раскопки 2004 г. принесли находку двух обломков лекан. На фрагменте края крышки с бортиком (инв. № 12/37421; размеры: 10,0 x 2,5 см) сохранилось изображение теней, которые обычно несет служанка вместе с ларцом или Эрот с зеркалом, по краю бортика — овы (Рис. 33). Аналогия на афинской Агоре датируется второй четвертью IV в. до н. э. (Moore 1997: № 1107). На большом фрагменте крышки (инв. № 11/37421; размеры: 7,1 x 4,5 см) изображен Эрот, который стоит в профильном повороте вправо (Рис. 34). Одна нога согнута в колене и поставлена на какое-то возвышение. Руки протянуты вперед, он что-то вручает женщине (может быть, украшение). Туловище покрыто белой накладной краской, крылья — краснофигурные. Аналогичные сосуды с афинской Агоры относятся к классу свадебных лекан и датируются второй четвертью IV в. до н. э. (Moore 1997: № 1106, 1116, 1117).

На дальней хоре Херсонеса (кроме Керкинитиды) находки расписной керамики известны на Панском. Это, во-первых, килик мастера Иены с изображением Аполлона Гиперборейского на грифоне, опубликованный К. С. Горбуновой (Горбунова 1977: табл. 1, рис. 82,4), фрагмент стенки глубокого килика мастера «Q» с головой сатира влево (вторая четверть — середина IV в.) (Горбунова 1977: табл. 1, рис. 82,1), фрагмент края скифоса с венком, гирляндой или частью волюты F.V. Group (Горбунова 1977: табл. 1, рис. 82,2), щиток аска с женскими головками в саккосах группы Кембриджских асков, середины IV в. до н. э. (Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002: 132; Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002 a: pl. 68–70). На некрополе Панское 1 в первой четверти IV в. до н. э. преобладает чернолаковая посуда, есть лекифы с изображением лебедя, сетчатый лекиф (Монахов, Рогов 1990: 128). Во второй четверти века — это скифосы коринфского типа с сетчатым орнаментом в придонной части, лекифы женская головка, лань, пантера), лекифы с пальметкой, сетчатые (Монахов, Рогов, 1990: 128–129). В третьей четверти — присутствуют лекифы с пальметками, сетчатые лекифы с небрежной росписью (Монахов, Рогов 1990: 129–130). А в четвертой

четверти столетия — поздние варианты сетчатых лекифов и лекифы с пальметками (Монахов, Рогов 1990: 130). Во время раскопок Чайкинского городища также найдены обломки расписной краснофигурной керамики, среди них фрагмент кратера с изображением лошади и аска с кошачьими хищниками (Табл. 2, 1–2) (Попова, Коваленко 2005: 10–11, рис. 4–5). На городище Калос-Лимен обнаружено расписная керамика IV в. до н. э. (Табл. 2, 3–12). Это фрагменты кратеров «керченского стиля», скифосов FB Group, пелик, сетчатого лекифа (Уженцев 2004: 174–182, рис. 5,8).

Итак на ближней хоре Херсонеса найдено 37 фрагментов расписной столовой посуды позднеклассического и эллинистического времени. Из них 17 — это обломки краснофигурной аттической посуды. Типологически она небогата. Это, прежде всего, сосуды, связанные с культурой употребления вина, с симпосием: кратеры (6), килики (2), скифосы (2). Сосуды для оливкового масла также представлены: пелика (1), аски (3). Косметические масла хранились в лекифах (1). Туалетные сосуды представлены леканами (3). Стилистические особенности росписи восстанавливаются в редких случаях, потому что размеры фрагментов невелики. Наиболее ранние сосуды относятся к первому десятилетию IV в. до н. э. (фрагмент скифоса). Однако наибольшее количество фрагментов относятся ко второй и третьей четверти века. Началом второй четверти датируются «свадебные леканы» (2), позже бытовали сосуды с росписями, относящимися к группе Венской леканы (1). Представлены работы мастера «Q» (2 килики), роспись некоторых скифосов относится к F.V. Group (1). Один из кратеров можно отнести к числу работ мастера Тойи. Поздний «керченский стиль» представлен группой G — к ней относится роспись пелики и кратера третьей четверти IV в. до н. э. Аски также относятся к поздней группе, датирующейся третьей четвертью века. При сравнении с набором расписной краснофигурной посуды Херсонеса (Вдовиченко, 2006: 118–143; Вдовиченко, Жесткова: 2006: 59–81) бросается в глаза отсутствие на хоре ранних групп керамики, ее малочисленность, скудный набор типов. В тоже время стилистически росписи ваз, найденных на хоре совпадают с известными в Херсонесе. Это естественно, поскольку парадная посуда покупалась в городе, причем брали лишь самое необходимое.

Аналогичная картина наблюдается и в эллинистическое время. Всего учтено 20 фрагментов. Кроме импортных сосудов: канфаров (7), кратеров (2), лагиносов-ойнохой (1), имеются кубки и кув-

шины местного производства (8). Есть и пелика (1), открытые сосуды, форма которых не ясна. Основная масса сосудов (17) относится к III в. до н.э. Однако есть и более ранние (конец IV в. до н.э.) и поздние экземпляры, которые относятся ко II — началу I в. до н.э. Расписная эллинистическая посуда на хоре Херсонеса преимущественно пергамского производства, хотя есть и продукция мастерских Делоса, изделия местных гончаров. К сожалению, мы не можем сравнить ее состав с городской — эллинистическая керамика Херсонеса не изучена.

Относительно дальней хоры, пока не опубликована в полном объеме расписная керамика таких крупных центров как Калос Лимен, Панское, можно ограничиться лишь общими наблюдениями. Самые ранние группы относятся к концу V — началу IV в. до н.э. Наибольшее количество керамики датируется второй и третьим четвертями IV в. до н.э. Наиболее распространенные типы как и на ближней хоре — килики, скифосы, аски, кратеры, пелики. Кроме того, здесь много лекифов, происходящих из могильников.

Таким образом, несмотря на немногочисленность находок расписной керамики на поселениях хоры, нужно отметить ее достаточно разнообразный типологический состав — представлены кратеры, сосуды для питья (килики скифосы), туалетные (лекифы, леканы), для масла (аски). Кроме традиционных изображений атлетов на сосудах для питья вина, сцен из жизни гинекея на свадебных леканах, в которых Эроты, наряду со служанками украшают невесту, представлены и мифологические сцены с изображением Аполлона Гиперборейского, сатиров и менад, хтонической Афродиты на лекифах, священных животных, связанных с подземным миром либо апотропеев — собак, кошачьих хищников, лани на асках и лекифах. Характерно появление варварских мифо-эпических сюжетов — амазономахий, грифономахий, общераспространенных в IV в. до н.э. в северо-причерноморском регионе.

Это характеризует быт и культурные традиции населения, греческого или очень эллинизированного.

ЛИТЕРАТУРА

- Вдовиченко И.И. Коллекция расписной керамики Бахчисарайского государственного историко-культурного музея-заповедника. *Сборник научных трудов БГИКЗ П.* — Симферополь, 2001: 14–25.
- Вдовиченко И.И. Расписная керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в собрании Национального заповедника Херсонес Таврический. *Проблемы истории, филологии, культуры XVI/1.* — Москва-Магнитогорск, 2006: 118–143.
- Вдовиченко И.И. Жесткова Г.И. Коллекция расписных ваз из раскопок Р.Х. Лепера в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». *ХСб.* XV. — Севастополь, 2006: 59–81.
- Вдовиченко И.И. Севастопольский музей краеведения. *Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья.* — Москва, 1994: 63–69.
- Веймарн Е.В. Описание к альбому-картотеке чертежей остатков античных сельскохозяйственных сооружений на Гераклейском полуострове. По материалам Севастопольского музея краеведения. 1923–1925 гг. — 1935. Архив НЗХТ, дело № 1404/1–2, л. 2–6
- Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе у с. Панское. *История и культура античного мира.* — М., 1977: 41–45.
- Забелина В.С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг. — М., 1992: 284–297.
- Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. — К., 2007.
- Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I. *Античный мир и археология.* — Саратов, 1990: 122–151
- Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. II. — Севастополь, 2001.
- Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. *Античные памятники Крыма.* — К., 2004.
- Печенкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбонового старого Херсонеса. *ИАК* 42. — 1911: 108–126.
- Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму по материалам Чайкинского городища). — М., 2005.
- Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. *ХСб.* VI. — Севастополь, 1961.
- Стржелецкий С.Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического. *ХСб.* IV. — Симферополь, 1948: 51–63.
- Уженцев В.Б. Ранний Калос-Лимен (первая половина-третья четверть IV в. до н.э.). *У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца).* — Симферополь, 2004: 174–182.

- Щеглов А. Н. Полис и хора. — Симферополь, 1976.
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978.
- Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым). *История и археология Юго-Западного Крыма*. — Симферополь, 1993: 10–38.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: Траншея 1967 г. в вершине Казачьей бухты. *БИАС 2*. — Симферополь, 2000: 53–77.
- Cohen B., Lapatin K. *Colors of Clay*. — Los Angeles-Malibu, 2006
- Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N. Panskoye I. *The Monumental Building U6. Vol. I*. — Aarhus, 2002.
- Moore M. B. Attic Red-figured and White-ground Pottery. *The Athenian Agora XXX*. — Princeton, New Jersey, 1997.
- Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials//*The Athenian Agora XXIX*. — Princeton, New Jersey, 1997.
- Sparkes B. A., Talcott Z. Black and plain pottery of 6th, 5th, 4th centuries B. C. *The Athenian Agora XII*. — Princeton, New Jersey, 1970.
- Ure A. D. Red-figure cups with incised and stamped decorations — II. *JHS LXIV*. — London, 1944: 67–77.
- Αλεξανδροπούλου Α. Η κεραμική της Γνάθια και τις «Δυτικής Κλιτύος» Μια συγκριτική προσέγγιση. ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. — Βόλος: 17–23. Απρίλιου 2000. — Αθήνα, 2004: 667–672.
- Δρούγου Σ. Βεργίνα. Τα πύλινα αγγεία τις μεγάλης τυμπας. — Αθήνα, 2005.
- Δρούγου Σ., Τουρατσογλού Γ. Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βέροιας. — Αθήνα, 1980.
- Εγγλέζου Μ. Μελανόγραφα αγγεία της κατηγορίας Hadra απο το εργαστήριο της «δάφνης» στην περιοχή της Φαιστού. ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος 17–23 Απρίλιου 2000. — Αθήνα, 2004: 333–340
- Μπάτζιου-Εθσταθίου Α., Ζηζιζά Ε. Αποθέτες απο το ανάκτορο Δημητριάδος. ΣΤ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Βόλος 17–23 Απρίλιου 2000. — Αθήνα, 2004: 41–46.
- Μαλακασιώτη Ζ. Ελληνιστική Άλος. Νοτιοανατολικό νεκροταφείο: Ταφικά σίνολα. Ελληνιστική κεραμική απο τη Θεσσαλία. — Βολος, 2000: 147–155.
- Στριτσίδου Α. Κεραμική με διακόσμο Διτικής Κλιτύς: Ζητήματα χρονολόγησης και θεματολογίου. — Θεσσαλονίκη, 2004.

И. И. Вдовиченко, Г. М. Николаенко

АНТИЧНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА С ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

В последнее время внимание исследователей вновь обращено к некоторым дискуссионным вопросам, связанным с созданием хоры Херсонеса Таврического, особенностями материальной и духовной культуры ее населения. В то же время не все материалы, полученные в процессе археологических раскопок, опубликованы и проанализированы. Исследование различий керамических комплексов городища и сельской округи Херсонеса Таврического подтверждает, что на хоре расписная керамика встречается нечасто. На ближней хоре она известна в Карантинной бухте, на Маячном полуострове, в Казачьей бухте, в балке Бермана, на Гераклеяском полуострове. Аттическая краснофигурная керамика IV в. до н.э. маркирует начальный этап развития сельскохозяйственной территории Херсонеса, тогда как эллинистическая расписная керамика позволяет уточнить время ее разрушения вследствие войн со скифами. За вре-

мя раскопок Н. М. Печенкина (1911), К. Э. Гриневича (1928), С. Ф. Стржелецкого и Г. Д. Белова (1939), И. Т. Кругликовой, С. Ю. Сапрыкина, Е. Н. Жеребцова, Г. М. Николаенко, Л. А. Ковалевской (1978, 1988–89, 1997–1998, 2000–2004) было обнаружено около 40 фрагментов расписной керамики. Необходимо отметить, что она крайне разнообразна по типологической структуре и представлена кратерами, гидриями, сосудами для питья (чаши, скифосы, канфары), туалетными сосудами (лекифы, леканы), сосудами для масла (аски). Это характеризует быт и культурные традиции населения хоры как греческие или очень эллинизированные. Наиболее ранние образцы датируются началом IV в. до н.э. Основная масса керамики датируется второй четвертью IV — серединой III в. до н.э. Самые же поздние сосуды относятся ко второй половине II в. до н.э.

І. І. Вдовиченко, Г. М. Ніколаєнко

АНТИЧНА РОЗПИСНА КЕРАМІКА З ХОРИ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО

РЕЗЮМЕ

Останнім часом увагу дослідників знову звернено до деяких дискусійних питань, пов'язаних зі створенням хори Херсонеса Таврійського, особливостями матеріальної і духовної культури її населення. У той же час не всі матеріали, отримані в процесі археологічних розкопок, опубліковані і проаналізовані. Дослідження відмінностей керамічних комплексів городища та сільської округи Херсонеса Таврійського підтверджує, що на хорі розписна кераміка зустрічається нечасто. На ближній хорі вона відома в Карантинній бухті, на Маяковому півострові, в Козачій бухті, в балці Бермана, на Гераклеїському півострові. Аттична краснофігурна кераміка IV ст. до н.е. маркує початковий етап розвитку сільськогосподарської території Херсонеса, тоді як елліністична розписна кераміка дозволяє уточнити час її руйнування внаслідок воєн з скіфами. За час роз-

копок Н.М. Печенкіна (1911), К.Э. Гриневича (1928), С.Ф. Стржелецький і Г.Д. Белова (1939), І.Т. Кругликової, С.Ю. Саприкіна, Е.Н. Жеребцова, Г.М. Ніколаєнко, Л.А. Ковалевської (1978, 1988–89, 1997–1998, 2000–2004) було виявлено близько 40 фрагментів розписної кераміки. Необхідно зазначити, що вона вкрай різноманітна за типологічною структурою і представлена кратерами, гідрїями, судинами для пиття (чаші, скіфоси, канфари), туалетними судинами (лекіфи, лекала), судинами для масла (аски). Це характеризує побут і культурні традиції населення хори як грецькі або дуже еллінізовані. Найбільш ранні зразки датуються початком IV ст. до н.е. Основна маса кераміки датується другою чвертю IV — серединою III ст. до н.е.. Самі ж пізні судини відносяться до другої половини II ст. до н.е..

I. Vdovichenko, G. Nikolaenko

ANTIQUÉ PAINTED CERAMICS FROM CHORA OF TAURIC CHERSONESOS

SUMMARY

Attention of researchers is again attracted to some debatable questions connected with creation of Chersonesos's Tauric chora, features of material and spiritual culture of its population. At the same time, not all the materials obtained during archeological excavations are published and analyzed. Investigation of difference between the pottery from urban and rural assemblages of Tauric Chersonesos confirms its infrequency in the territory of chora. On nearer chora it was found in the Quarantine bay, on peninsula Majachny, in the Cossack bay, Berman's ravine, on Geraklejsky peninsula. Attic red-figure pottery of the 4th century BC mark the initial stage of development of agricultural territory of Chersonesos, Hellenistic tableware allows to specify time of desolation as a result of wars with

Scythians. During of excavation of N. M. Pechenkin (1911), K. E. Grinevich (1928), S. F. Strzheletsky's and G. D. Belov (1939) I. T. Kruglikova, S. J. Saprykin, E. N. Zherebtsov, G. M. Nikolaenko, L. A. Kovalevskaya (1978, 1988–89, 1997–1998, 2000–2004) were found near 40 fragments of vessels. It is necessary to note its various typological structure — kraters, hydriai, vessels for drink (cups, skuphoi, kantharoi), toilet vessels (lekythoi, lekanes), for oil (askoi) are presented. It characterizes a life and cultural traditions of the population as Greek or very hellenised. The earliest samples are dated the early 4th century BC. The great bulk of pottery is dated from the second quarter of the 4th to the middle of the 3rd century BC. The latest vessels concern to the second half of the 2nd century BC.

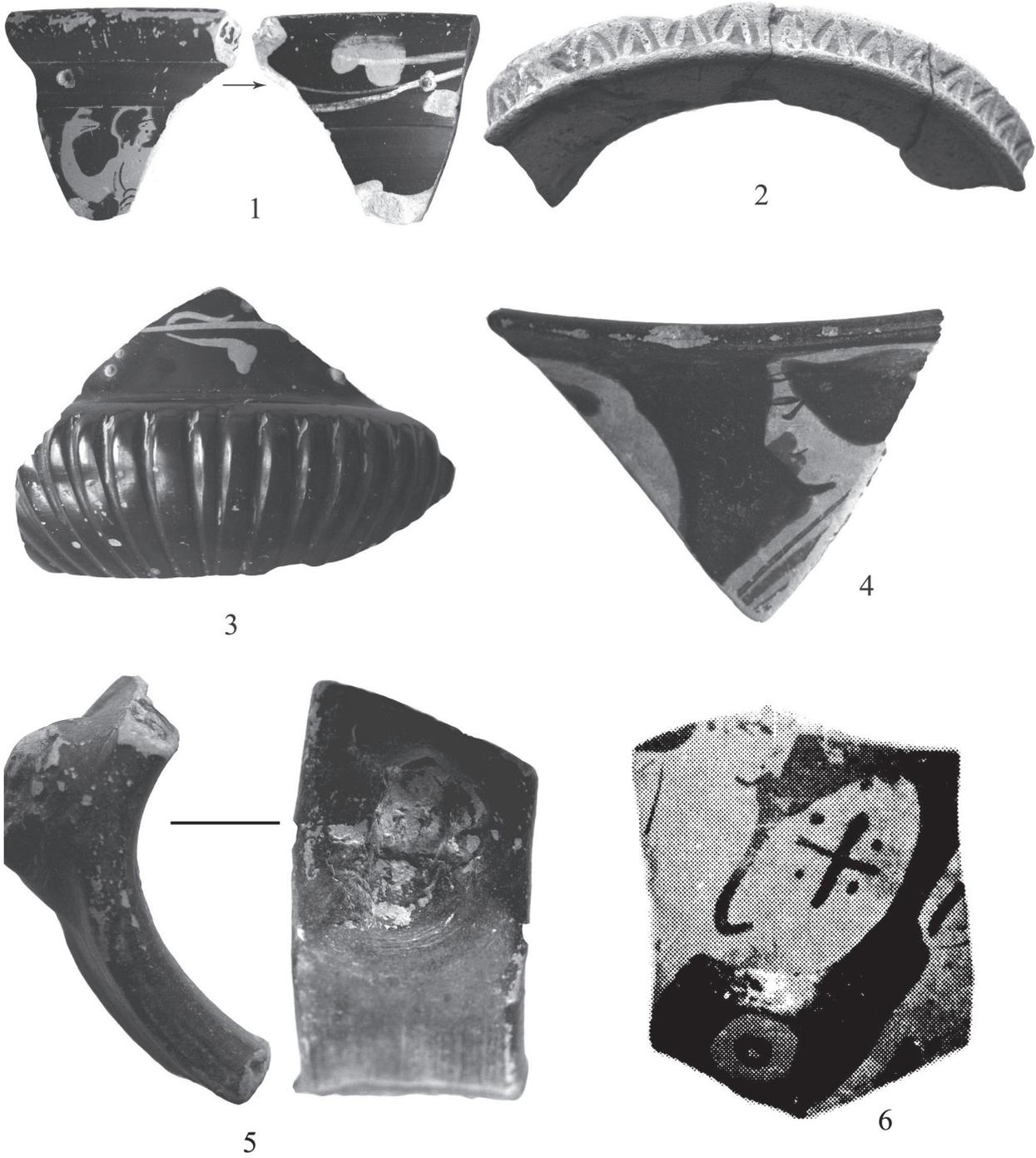

Табл. 1. Рис. 1-6.

7

8

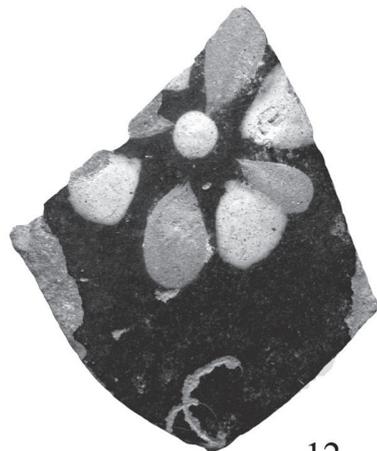
9

10

11

12

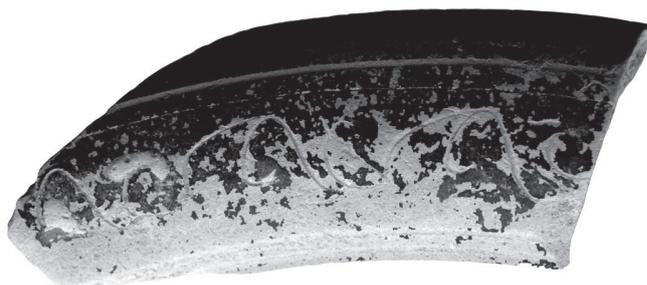
Табл. 2. Рис. 7 - 12.

Табл. 3. Рис. 13 - 16.

17

18

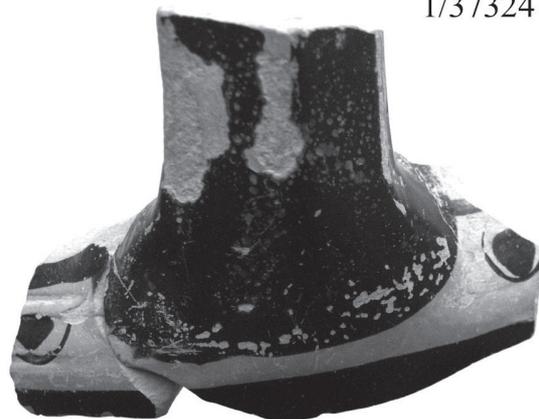
19

20

21

22

1/37324

Табл. 4. Рис. 17 - 22.

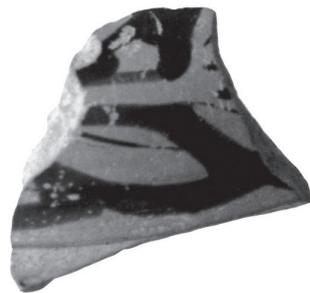
23

26

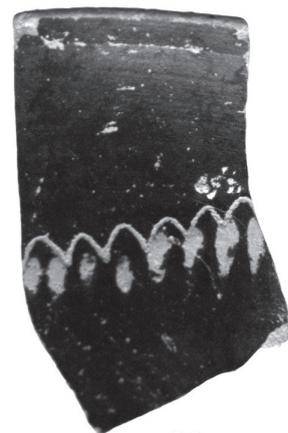
24

27

25

28

Табл. 5. Рис. 23 - 28.

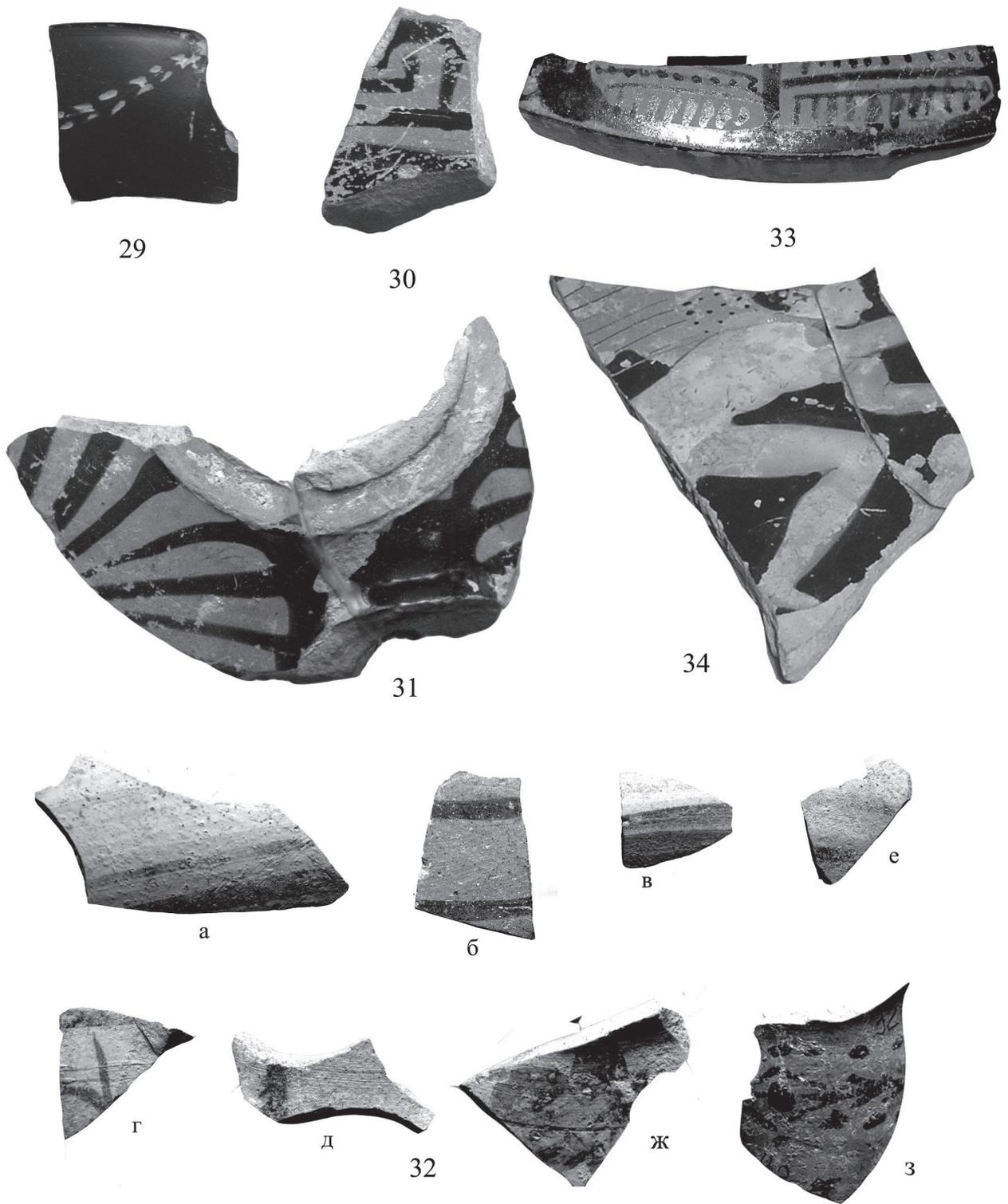
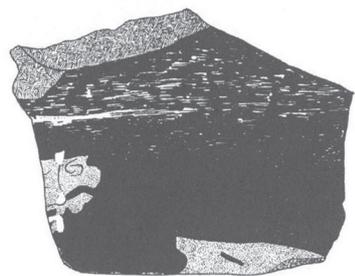
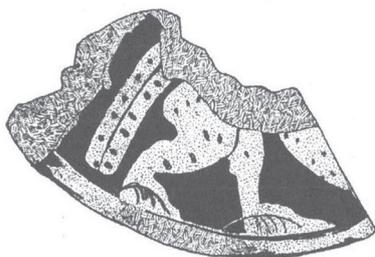

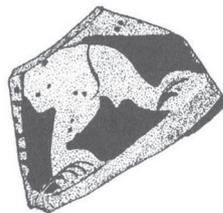
Табл. 6. Рис. 29 - 34.

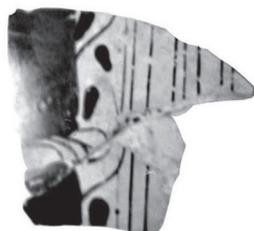
35

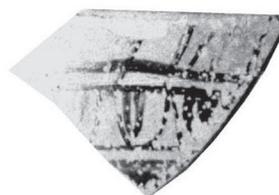
36

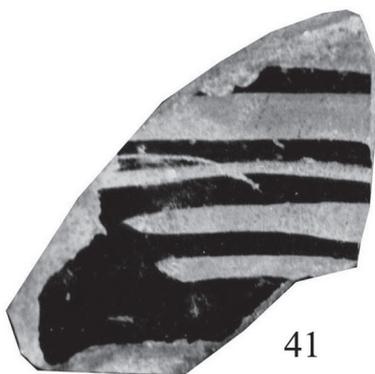
37

38

39

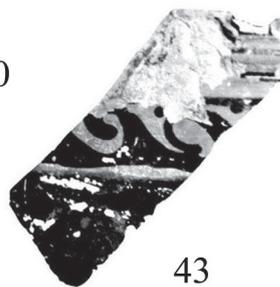
41

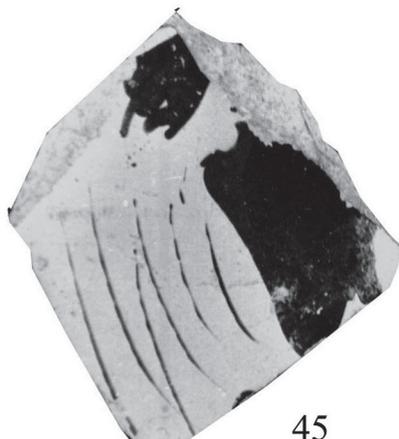
42

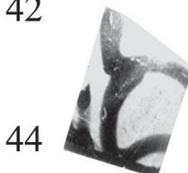
40

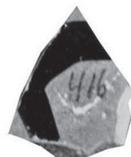
43

45

44

46

47

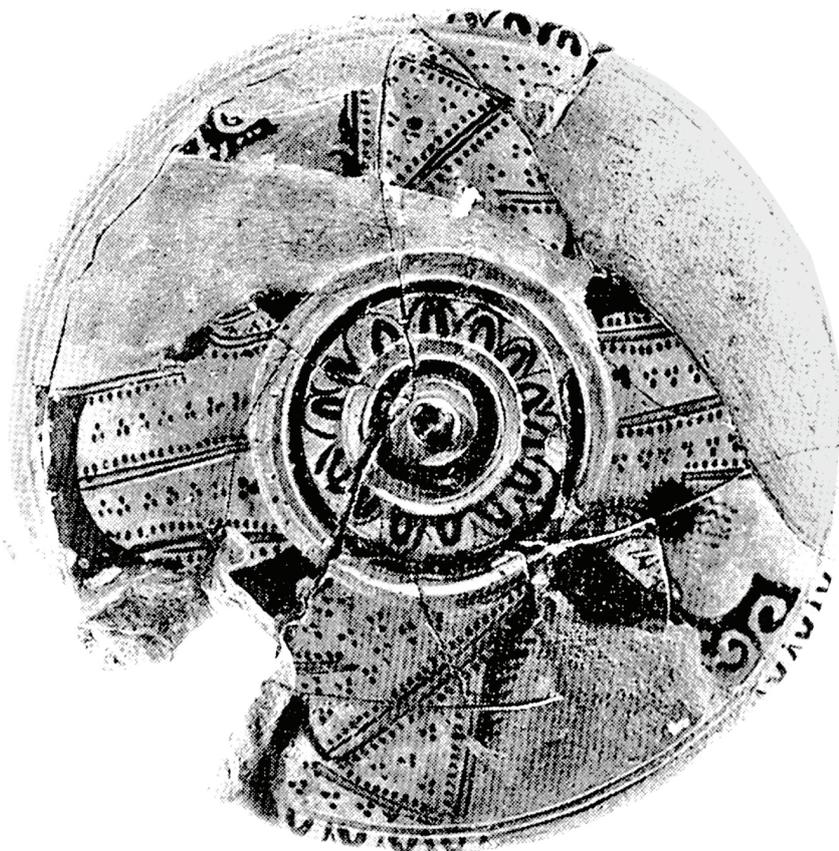
Табл. 7. Рис. 35 - 47.

48

49

50

51

Табл. 8. Рис. 48 - 51.

Н. В. ГИНЬКУТ

**ЧАШКА-ЕВЛОГИЯ XIV В. ИЗ РАСКОПОК ХРАМОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО**

Поливная керамика принадлежит к числу наиболее ярких памятников материальной культуры, встречающихся во время раскопок средневековых поселений. Среди археологического материала она занимает едва ли не лидирующее место. Ее широко использовали не только в повседневном светском, но и в церковном обиходе, в том числе и в качестве евлогий. Такие памятные вещи известны на византийских памятниках, например, в Херсонесе (Яшаева 2005: 202, 203, 13 аб, б). Встречены они и среди массового археологического материала гетуэзской крепости Чембало, расположенной у входа в Балаклавскую бухту и захваченной лигурийцами в середине XIV столетия (Гинькут 2005: 20–27; Адаксина, Мыц 2008: 6; Мыц 2009: 6). В результате десятилетних раскопок открыты башни восточной оборонительной линии, здания в консульском замке и цитадели, а также несколько небольших храмов. Руины одного из них находятся на вершине горы, к юго-западу от донжона и представляют собой двухнефную, двухапсидную церковь, возведенную в два этапа. Исследователи объекта, С. Б. Адаксина, В. П. Кирилло, В. Л. Мыц, датируют строительство памятника второй половиной — третьей четвертью XV столетия. Первоначально был сооружен основной храм с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой (т.н. «северный неф»), спустя некоторое время был пристроен второй неф, по мнению авторов раскопок: «с целью совершенства погребений членов отдельной семьи». Среди археологического материала из исследованного комплекса наше внимание привлекла небольшая чашка-пиала из погребения № 11 в основной части храма (Адаксина, Мыц 2008: 9–11, 77–79).

Чашка (НЗХТ КО 2/37516) (Рис. 1, 2) имеет полусферическую форму, с тонкими стенками, прямым венчиком, и профилированным кольцевым поддоном с вогнутым во внутрь дном выполнена из красной глины (10R 5/8; 2.5YR 5/8), плотных формовочных масс с равномерным добавлением кварцевого песка (20–30%) (среди видимых при-

месей)¹; покрыта с двух сторон светло-зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Диаметр венчика — 12 см, дна — 5, высота — 5 см. Сосуд относится к группе чашек для питья. Орнаментальная композиция покрывает полностью внутреннюю поверхность и выполнена в сочетании популярных в XIV столетии в византийском регионе техник «sgaffito» «champlevé». Она двучастная. В центральном медальоне изображен равноконечный крест, дополнительно орнаментированный четырехлепестковой розеткой и пунсоном по краю, имитируя металлические изделия. Поле сосуда украшено пятилепестковой розеткой, между лепестками которой расположены кресты в ромбах. Сами лепестки заполнены цепью-пирамидкой из 3-х звеньев и штриховым орнаментом. Внешняя поверхность пиалы декорирована вертикальными каннелюрами, выполненными тройными линиями. (Рис. 1, 2) Все эти элементы связаны непосредственно с христианской символикой и встречаются в декоративном оформлении византийских храмов, изделиях из металла, поливной византийской керамике более раннего времени (The Glory of Byzantium Art 1997: 58–59, № 22, 23; 162–163, № 110; Tetereriatnikov 1998: 236, 7; Byzantine Glazed Ceramics 1999: 83, № 90; 204–205, № 233–235). Повторяющийся на чашке крест в ромбе характерен для византийской поливной керамики на протяжении с X по XIV вв. (Якобсон 1959: 358, 187 (2); Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 128, № 133; The Glory of Byzantium Art 1997: 263, № 185; Byzantine Glazed Ceramics 1999: 47, № 33; 54–55, № 43–45) и обозначает «символ божественного покровительства, распространяемого на четыре стороны света» (Залеская 1998 а: 229). Сходство штрихового орнамента поля, а также полукружия с цветочной декорированием сосудов, мы наблюдаем и на вещах, связанных с христианской жизнью: на знамени византийском Сионе XII в. из ризницы Собора Св. Марка в Венеции, на ампуле пилигрима XIII в.

¹ Цвет глины и поливы дан по Munsell Soil Color Chart — Year 2000 Revised Edition; New Windsor.

(The Glory of Byzantium 1997: 169, 250–251, № 118, 176) Поэтому весь декор чаши говорит нам о ее особом предназначении.

Своеобразна профилировка поддона сосуда — со слегка вогнутым во внутрь дном. (Рис. 1). Подобная керамика не имеет широкого распространения в византийском регионе. Две пиалобразные чаши с аналогичной профилировкой дна нам известны из раскопок Фессалоник; они датируются XIV столетием и их декор также содержит христианские символы (Byzantine Glazed Ceramics 1999: 96, № 110/111; Dark 2001: 136–137, 65.C, D). Три поливных сосуда с близким поддоном были найдены в Монкастро (Кравченко: 1986, с. 113, 43.12,18), также три непосредственно были обнаружены и на крепости Чембало с византийской поливой XIV в. (К/О 7/37426; 11/37555; НВФ 1190/96) (Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: 98, 197 (№ 96)). Они также импортного производства (их формовочные массы содержат песочные примеси), но декорировка этих находок не имеет христианской символики. Поэтому сама форма дна на рассматриваемой чашке, не характерная для византийской поливной керамики Палеологовского времени, вероятнее всего, являлась подражанием для византийских центров XIV в. сосудам импортного производства или же своеобразной попыткой мастера подчеркнуть центральную часть орнамента. Но в керамике на территории Византии этот технологический прием не получил широкого распространения, поэтому находки византийских чаш с такой профилировкой дна единичны. В пользу XIV столетия говорят нам элементы оформления нашей чашки из двухапсидного храма. Например, крест в ромбе, цепь из 3-звеньев, пунсон, штриховой орнамент находят себе аналогии на синхронной по времени (XIV в.) обычной поливной керамике Византии (в том числе Константинополя, Фессалоник) (Кравченко 1991: 117, 4.4; Spiesser 1996: 43, 38.№ 390; Berti 1997: 106–109, Tav. 62, 63.b1,65, 66.8, 67, 84, 85, fig. 55, 56; Масловский: 2006, 397. 35.4,9,10; Waksman, Erhan, Eskalen 2009: 457–467, 4.IST 70, 5.IST 75; Byzantine Glazed Ceramics 1999, 230–231, № 268, 269; Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 159, 162, 180, 188, 194, 195, № 167, 170, 190, 199, 207, 208).

О месте производства нашей чаши судить очень сложно, поскольку для конца XIII — XIV столетий характерно существование множества керамических центров на территории Византийской империи (как непосредственно в Малой Азии, так и в Греции) (Byzantine Glazed Ceramics 1999, 158), мы можем говорить об особенностях стиля,

характерного для определенного времени и региона. Исследователи двухапсидного храма крепости Чембало, С.Б. Адаксина и В.Л. Мыц, склоняются в пользу производства Константинополя (Адаксина, Мыц 2008: 30). Учитывая, что находки посуды со столь специфическим поддоном были обнаружены пока лишь в нескольких местах (Фессалониках, Монкастро и у нас в Чембало), можно предположить пока лишь наличие единичных центров производства такой посуды, возможно в районе Фессалоники или Южного Понта (например, Константинопольский регион), торговые и культурные отношения с которыми тесно поддерживались Северным Причерноморьем. В пользу этого говорят нам элементы декора посуды (орнамент и техника его исполнения), характерные для продукции обжигательных печей этих регионов данного периода. (Byzantine Glazed Ceramics 1999, 204–207, № 233–237; Waksman, Erhan, Eskalen 2009: 458–466, fig. 3, IST 53, IST 57, IST 61).

Особый статус нашей чашки с крестом подчеркивает и топография находки. Она была обнаружена в одной из центральных могильных ям, вырубленных в скале, и сопровождала похороненную в ней женщину 35–40 лет с врожденными физиологическими патологиями: дисфункцией опорно-двигательного аппарата, левое предплечье короче правого, грудина женщины искривлена, вследствие чего подвижность ее была затруднена (Потехина 2008: 32–39). Сопроводительного материала за исключением этого сосуда при погребенной не было, что нам свидетельствует о ее аскетизме, хотя на территории крепости встречены захоронения даже с украшениями (Адаксина, Мыц, 2007: 34; Адаксина, Мыц: 2011: 36, 55–56). Чаша же была положена на грудь женщины дном вверх, т.е. крестом вниз, в месте расположения креста-тельника. В последующем при подзахоронении она оказалась на подбородке погребенной. Находка сосуда с крестом в месте расположения креста-тельника относится к группе единичных, если не единственных. Такое необычное положение сосуда еще раз нам указывает на значимость его для усопшей. Поливная керамика в Византийской империи использовалась не только в качестве столовой посуды и декоративного оформления, но и в сакральных целях. Нам известны небольшие полихромные иконки, отдельные чаши и даже блюда — евлогии (Залеская: 1998, 100, Яшаева 2005, 203), а также характерные для Палеологовской керамики сосуды-обереги с монограммами святых, многие из них продавались непосредственно у паломнических мест или же на ярмарках у храмов, посвященных Святым по-

кровителям городов (например, в ежегодно проходившие праздники в честь Св. Димитрия в Фессалониках, рядом с одной из церквей, вероятно всего, распространялась поливная керамика с изображением голубя и пальмовой ветви из местной прицерковной мастерской) (Paranikola-Bakirtzis, 1987: 195, 202; Гинькут 2005: 24–25). Паломничество в период средневековья зачастую совершалось с целью скорейшего выздоровления, причем часто к монастырским центрам, прославившимися своими монахами-медиками, могилам святых. (Арнаутова 2004:168–169, 186–187, 350–351, 352–353). И особое магическое значение в процессе лечения на бытовом уровне играл культ креста, амулеты с его изображением, вода, освященная не только священнослужителем, но и опущенным в нее крестом или реликвиями (Арнаутова 2004: 232–234, 272, 312–313, 352). Возможно, наша погребенная женщина совершила в свое время паломничество, надеясь на исцеление своего врожденного недуга. Поскольку двигаться ей было очень тяжело, то ее маршрут мог пролегать лишь на небольшие расстояния, доступные морским путем, т.е. Фессалоники, или же в Южный Понт (возможно, Константинополь), где и мог быть приобретен этот сосуд для питья с христианской символикой и обладающий магической силой исцеления.

Наличие сосудов в христианских погребениях Крыма было широко распространено в раннесредневековый период. В последующем этот обычай исчезает, и начинает появляться в могильниках Крыма лишь на рубеже XIII–XIV столетий. Однако в таких погребениях, наряду с украшениями и деталями костюма, присутствуют сосуды как открытого, так и закрытого типов (чаши, кувшины, горшки). Иногда они с заупокойной пищей и, в основном, не имеют декора, связанного с христианской символикой. Присутствие таких инвентарных захоронений на некрополях исследователи связывают с появлением на территории полуострова новой этнической группы из Кавказского региона — адыгов (Мыц 2009: 217–227). Этот обычай получил широкое распространение и в древнерусских городах, где в погребениях XII–XV вв. присутствует ритуальная посуда, в том числе и поливная (Панова 2004: 155–157, 52). Плитовые захоронения в храмах с поливной керамикой конца XIII–XIV вв. известны и на территории материковой Греции (например, церковь Св. Николая на Афинской агоре) (Т. Leslie Sheard 1997: 544). Подобные погребения есть и на крепости Чембало, например, в церкви св. Николая (Алексеевко, Гинькут, Дьячков 2003: 13, 48, 46;

К/О 15/37372), и в т. н. храме № 3 (Адаксина, Мыц, 2008: с. 20, 23, № 1, рис. 140–141), в Херсоне, в «храме с аркосолиями» (НЗХТ К/О 4/36710 А), но поливные сосуды не имеют орнаментации с христианской символикой. Наиболее близкой среди аналогий нашему погребению, может быть лишь могила № 1 третьей четверти XIII в. часовни квартала Ха из раскопок С. Г. Рыжова в северном районе Херсонеса. Там были найдены так же целые поливные сосуды для питья — пиалообразная чашка и одноручная кружка (Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 228, № 246; Рыжов, Голофаст 2000: 261, 8.6; 262, 9.6; Романчук 2003: 76, 62.199). Среди опубликованных материалов квартала отмечается присутствие нескольких поливных сосудов, связанных с христианской тематикой. Некоторые, возможно, как например, фаянсовое блюдо с крестом из Ближневосточного региона, являлись евлогиями (Рыжов, Голофаст 2000: 258, 5.1, 262, 9.6, 263, 1.3). На наш взгляд, погребение № 11 в двухапсидном храме крепости Чембало не несет на себе этнической нагрузки: отсутствуют элементы тризны и какой-либо другой инвентарь, говорящий об этом. Появление пиалы для питья с христианской символикой в захоронении можно объяснить лишь особой значимостью сосуда для погребенной, т.е. памятной евлогией. Практика положения оберега на грудь умершему, чтобы «на том свете ... он ему помог», хотя и не одобрялась церковью, все же существовала в период средневековья. (Арнаутова 2004: 309)

Исследователи двухапсидного храма крепости Чембало, С. Б. Адаксина и В. Л. Мыц, датируют находку достаточно широко 60 гг. XIV -первой половиной XV в. Выше мы уже отмечали, что производство византийских сосудов с подобным декором осуществлялось на протяжении XIV в., и в XV столетие не заходит. Могильная яма прорезала слой нивелировочной подсыпки, находясь под полом первоначального храма, датировку пола, по мнению исследователей, определяют 10 фрагментов поливных сосудов XIV в., а также фрагмент люстровой чаши испанского производства, отнесенной ими ко второй- третьей четверти XV в. (Адаксина, Мыц 2008: 10, 76, 80, 166.1) Однако, поливная керамика из утрамбовки пола — крымского производства и имеет довольно широкую дату с середины XIV столетия вплоть до XV в., а фрагмент люстровой чаши из Испании относится к производству мастерских Валенсии 1350–1400 гг. и датируется по Средиземноморским памятникам XIV столетием (Ray 1999: 53, № III), в Азове- последней

четвертью — концом XIV в. (Масловский 2006 а: 92–95, 2.4), в Крыму второй половиной XIV- началом XV в., впоследствии в регион начитает поступать люстровая керамика других типов (Тесленко 2004: 472–474). Соотнеся возраст погребенной, 35–40 лет, дату выпуска нашей византийской чаши с христианской символикой не позднее конца XIV в., а также фрагмент испанского импорта этого же времени из церкви, можно предположить, что наше погребение № 11, вероятнее всего, было наиболее ранним в храме, и может быть датировано в пределах второй половины- XIV —

рубежа — первой половины XV в. (а не второй половины XV в, как отмечается в отчете). Также и сам храм мог быть построен в этот же период.

В конце хочется еще раз подчеркнуть, что поливная керамика зачастую играла не последнюю роль в религиозной жизни общества и реликвией для человека в христианском средневековом мире могли стать не только иконы, кресты, медальоны с изображениями святых, выполненные из дорогостоящих материалов, но и простые поливные сосуды с христианскими символами.²

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В. Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2002 году. *Архив НЗХТ*. Д. 3588.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году. — СПб.-Симферополь, 2007.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. — СПб.-Симферополь, 2008.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. — СПб.-Симферополь, 2010.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 году. — СПб.-Симферополь, 2011.
- Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. — СПб., 2004.
- Гинькут Н. В. Изображение птиц на поливной керамике крепости Чембало: техника, декор, символика. *Символ в религии и философии*. — Севастополь, 2005: 19–36.
- Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г., Антонова И. А. Византийский Херсон. Каталог выставки. — М., 1991.
- Залеская В. Н. Керамические эвлогии X в. в Северном Причерноморье. *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики*. — Симферополь, 1998: 99–100
- Залеская В. Н. Два образка-энколпия палеологовского времени (Из новых поступлений византийского отделения Эрмитажа). *ВВ 55 (80) Часть 2*, 1998: 227–231.
- Кравченко А. А. Средневековый Белгород-на Днестре (конец XIII–XIV в.). — Киев, 1986.
- Кравченко А. А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. — Киев, 1991: 112–117.
- Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *Историко — археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. — 21*. — Азов, 2006: 308–473.
- Масловский А. Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году. *Историко — археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. — 21*. — Азов, 2006: 92–117.
- Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.
- Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. — М., 2004.
- Потехина И. Д. Погребение из центрального нефа двухапсидного храма (№ 2). В *Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году*. — СПб.-Симферополь, 2008: 32–39.
- Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. — Екатеринбург, 2003.
- Рыжов С. Г., Голофаст Л. А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса. *АДСВ 31*. — Екатеринбург, 2000: 251–265
- Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму. *Сугдейский сборник I*. — Киев-Судак 2004: 467–494.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. *МИА 63*. — М.-Л., 1959.
- Яшаева Т. Ю. Амбула св. Мины и карта херсонесских пилигримов. *Sacrum et Profanum I: Культ святых мест в древних и современных религиях*. — Севастополь, 2005: 201–206.
- Berti G. Pisa. La «Maioliche Arcaiche». Secc. XIII–XV (Museo Nazionale di San Matteo). — Firenze, 1997.

² Автор выражает благодарность С. Б. Адаксиной и В. Л. Мыцу (ГЭ, Россия) за возможность использовать материал раскопок, а также И. Б. Гусаковой (НЗХТ, Украина) за помощь в подготовке иллюстраций.

- Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito./ed. by D. Papanicola-Bakirtzi. — Athens, 1999.
- Dark K. Byzantine Pottery.- Tempus, 2001.
- T. Leslie Sheard, Jr. The Athenian Agora: Excavations of 1989–1993. *Hesperia* 66 (4). — 1997: 495–548.
- Papanikola-Bakirtzis D. The Palaeologan Pottery of Thessaloniki. *L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle, Recueil des rapports du Ixe Colloque serbo-grec Belgrade, 1985.* — Belgrade, 1987.
- Ray A. Spanish Pottery 1248–1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum. — London, 2000.
- Spieser J.-M. Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon. *Pergamenische Forschungen* 9. — Berlin-New York, 1996.
- Tetereriatnikov N. A Group of Early Churches in Cappadocia: Evidence for Dating. *BB* 55 (80), *Часть 2.* — 1998: 232–237.
- The Glory of Byzantium: art and culture of Middle Byzantine era, A.D. 843–1261/ed. by Helen.C. Evans and Willian D. Wixon. — New York, 1997.
- Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Les ateliers de ceramiques de Sirkeci (Istanbul) resultants de champagne 2008. *Anatolia Antiqua. Eski Anadolu, XVII.* — 2009: 458–466.

Н. В. Гинькут

ЧАШКА-ЕВЛОГИЯ XIV В. ИЗ РАСКОПОК ХРАМОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается небольшая поливная чашка-пиала, найденная в женском захоронении двухапсидного храма крепости Чембало. Декоративное оформление сосуда, топография и условия находки дают возможность атрибутировать ее как евлогию; сопутствующий археологический материал, контекст, возраст погребенной позволяют ее

датировать второй половиной 14-началом 15 столетия, и соответственно корректируют дату возведения храма — не позднее первой половины 15 в. Также отмечается роль поливной керамики в духовной жизни жителей генуэзской крепости Чембало.

Н. В. Гинькут

ЧАШКА-ЄВЛОГІЯ XIV В. З РОЗКОПОК ХРАМОВОГО ПОХОВАННЯ НА ТЕРИТОРІЇ ФОРТЕЦІ ЧЕМБАЛО

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається невелика поливна чашка-піала, знайдена в жіночому похованні двухапсидного храму фортеці Чембало. Декоративне оформлення судини, топографія і умови знахідки дають можливість атрибутувати її як Євлогій; супутній археологічний матеріал, кон-

текст, вік похованню дозволяють її датувати другою половиною 14 — початком 15 ст., і відповідно коригують дату зведення храму — не пізніше першої половини 15 ст. Також відзначається роль поливної кераміки в духовному житті мешканців генуезької фортеці Чембало.

N. Ginkut

THE CUP-EULOGIUS OF THE 14TH CENTURY FROM EXCAVATIONS OF TEMPLE BURIAL ON TERRITORY OF FORTRESS CEMBALO

SUMMARY

The small glazed drinking bowl found in a woman's burial of double-apsidal temple of Genoese Fortress Cembalo is considered in the article. The decoration of the vessel, the topography and conditions make it possible to attribute the find as Eulogius. The associated archaeological material,

the context, the age of the buried allows dating the find as the second half of 14th — the beginning of the 15th century. The date of temple construction adjusts accordingly to the first half of the 15th century. The role of glazed ceramics in the spiritual life of Genoese Fortress Cembalo citizens is also noted.

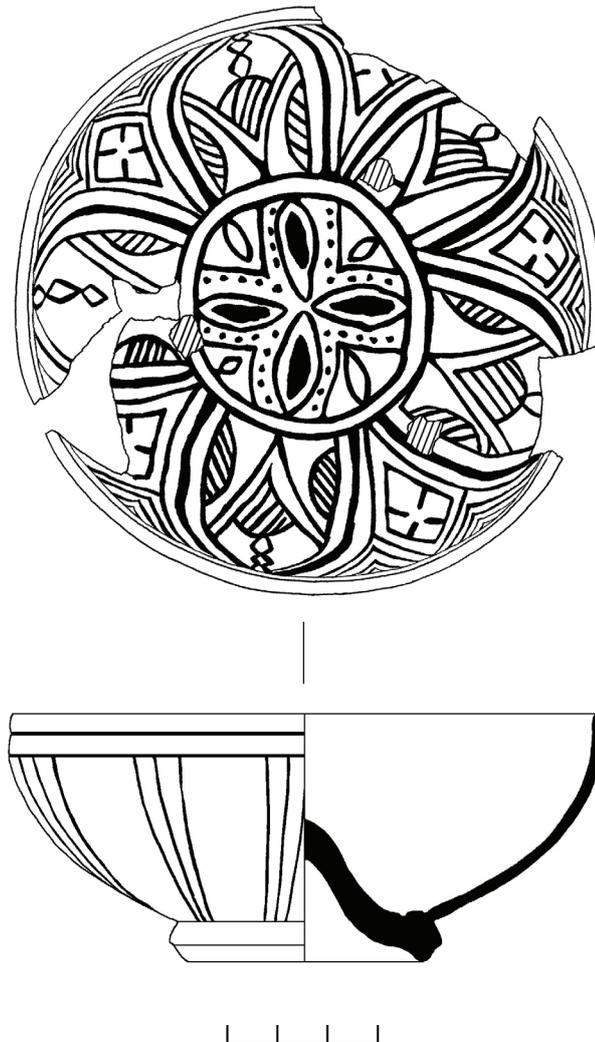

Рис. 1. Чашка-пиала из раскопок храма крепости Чембало (рис.).

Рис.2. Чашка-пиала из раскопок храма крепости Чембало (фото).

С. Г. ДЕМЬЯНЧУК,
В. А. НЕССЕЛЬ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЯХ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА

В 2008 г. Гераклеяская экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством Г. М. Николаенко вела охранные исследования в зоне строительства мемориала «35-я Береговая Батарея». В ходе этих работ были получены новые материалы, позволяющие уточнить некоторые вопросы, связанные с существованием укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова, так называемого «Страбонова Херсонеса». В данной публикации будет рассмотрен только один участок исследуемого памятника, в связи с его уникальными характеристиками.

Данный участок находится на юго-западной оконечности перешейка Маячного полуострова и является фрагментом территории укрепленного поселения аграрной округи — хоры античного Херсонеса Таврического, существовавшего здесь в IV–I вв. до н. э. (Николаенко 2001: 33).

Укрепление, возведенное поперек перешейка Маячного полуострова, занимало обращенный на юго-восток склон, который заключен между наиболее высокой частью перешейка (25–30 м над уровнем моря) и короткой Казачьей балкой, лежащей между вершиной одноименной бухты на северо-востоке и обрывистым берегом моря на юго-западе. Сооружение образовано двумя параллельными линиями оборонительных стен с квадратными башнями. Первая, внешняя (восточная) стена возведена вдоль бровки довольно крутого западного склона Казачьей балки. Вторая, внутренняя (западная) стена проложена по плосковершинному водораздельному плато южной части Маячного полуострова, по его наиболее высокой стороне. С южной, обращенной к открытому морю, стороны в настоящее время крепость ограничена вертикальным клифом с высотой неприступного обрыва 25–30 м. С северной стороны ее замыкала стена, которая пересекала в восточном направлении крутой скат балки, опускаясь к пониженному западному берегу Казачьей бухты. Расстояние между двумя почти параллельными линиями обороны в среднем равно 200–210 м. Наименьшая величина зафиксирована только в юго-западном конце го-

родища. Минимальная длина укрепления от края приморского обрыва до вершины бухты в настоящее время составляет около 740 м, максимальная по оси — более 900 м. Сохранившаяся площадь памятника около 17,5 га (Рис. 1).

Внутреннее пространство укрепления было разделено поперечными стенами, аналогичными тем, которые межевали территорию внутри Маячного полуострова, на четыре примерно равных по площади участка (около 4,5 га каждый) (Щеглов 1994: 18).

По мнению некоторых ученых, функциональное назначение двух средних участков (второго и третьего), на которых зафиксированы следы и остатки плантажа, определяется как земледельческая территория. Подобно земельным участкам внутри полуострова, оба они имели по одному строительному комплексу («усадеб»). Четвертый (северный) участок, имел плотную застройку.

Таким образом, предварительно можно говорить о том, что укрепление на перешейке, вероятно, сочетало в себе функции военной крепости и поселения (Рис. 2).

Первым исследователем, обнаружившим крепостные сооружения на перешейке Маячного полуострова в 1794 г. и описавшим его руины, был академик П. Паллас. В разные годы изучением данного памятника занимались: В. И. Барятинский — 1845 г.; А. Л. Бертье-Делагард — 1890 г.; К. К. Косцюшко-Валюжинич — 1890 г.; Н. М. Печенкин — 1904–1905; 1910–1911 гг.; Р. Х. Лепер — 1911–1912, 1914 гг.; А. Н. Щеглов — 1967 г.; С. Г. Рыжов — 1972 г.; А. А. Зедгенидзе — 1985–1987 гг.; Г. М. Николаенко — 1996–2010 гг. Подробнейшим образом история исследований укрепления на перешейке Маячного полуострова изложена в работе А. Н. Щеглова (1994: 8–42).

К сожалению, территория, занимаемая памятником, в разные годы подвергалась варварскому разрушению, и до нас дошли сильно фрагментированные остатки крепостных сооружений. В 40-е годы XIX в. в данном районе происходила массовая добыча камня для строительных работ и про-

изводства извести. Северная часть укрепления была практически уничтожена. Строительство береговой батареи перед Первой Мировой войной также нанесло невосполнимый урон памятнику. Ожесточенные бои 1941–42 гг. и 1944 г. поставили под угрозу само существование укрепленного поселения. 70–80-е гг. XX в. и бурное строительство в приморской зоне в наши дни привело к настоятельной необходимости охранных работ на перешейке Маячного полуострова (Рис. 3).

Охранные исследования 2008 г., в основном, проводились вдоль трассы восточной оборонительной стены, охватывая первые четыре куртины этой стены, а также часть первой куртины западной оборонительной стены. Была доследована башня № 3 и открыта башня № 4 восточной стены (по нумерации А. Н. Щеглова). Башня № 3 была раскопана Н. М. Печенкиным в 1911 г. и с тех пор не исследовалась.

В ходе работ по исследованию башни № 4 выяснилось, что данное сооружение оказалось не башней, а башенным выступом, что и обусловило необходимость введения в научный оборот материалов ее исследования. Башенный выступ № 4 восточной оборонительной стены расположен в центральной части комплекса (участок II по Щеглову), на возвышении, в 70 м к северо-востоку от башни № 3 восточной оборонительной стены. Длина открытой части 6, 7 м с севера на юг и 4, 1 м с востока на запад. Башенный выступ сильно разрушен во времена ВОВ, работами военного ведомства, а также в процессе функционирования садового товарищества в XX в. Башенный выступ образован тремя стенами — «северной», «южной», и «западной»- (полностью разрушена строительными работами в XX в). Сооружение пристроено к восточной оборонительной стене укрепления.

Стена «южная» — сложена из крупных подпрямоугольных подтесанных блоков, поставленных на земляную подушку толщиной 0, 1 м, лежащую на скале. Сохранилась на два-пять рядов кладки, открыта на 4, 1 м. Кладка регулярная, постелистая, двулицевая. Между фасадами плотная забивка из мелкого кулачкового камня. Высота 0, 8 м. Ширина 1 м. Стена «южная» пристроена к восточной оборонительной стене. Южный угол полностью разрушен траншеей при выборке камня в конце 70-х гг. XX в.

Стена «северная» — сложена из крупных подпрямоугольных подтесанных блоков, поставленных на земляную подушку толщиной 0, 1–0, 4 м, лежащую на скале. Толщина земляной подушки зависит от рельефа склона, на котором

поставлены стены башенного выступа. Сохранилась на один-три ряда кладки, открыта на 3, 3 м. Кладка регулярная, постелистая, двулицевая. Высота 0, 55 м. Ширина 1 м. Стена «северная» пристроена к восточной оборонительной стене. Восточный угол полностью разрушен траншеей при выборке камня в конце 70-х гг. XX в.

Траншея вдоль южного фаса «южной» стены. Длина — 4, 2 м, ширина — 1 м, глубина — 0, 5–0, 7 м. Прослеживается три слоя. Слой № 1 — грунт коричневого цвета, с включениями мелкого и среднего бутового камня, керамический материал отсутствует. Мощность слоя — 0, 2 м. Слой № 2 — завал камней, цвет грунта светло-коричневый. Мощность слоя — 0, 4 м. Слой № 3 — земляная подсыпка, цвет грунта красновато-коричневый. Мощность слоя — 0, 2 м.

Траншея вдоль северного фаса «северной» стены. Длина — 3, 6 м, ширина — 1 м, глубина — 0, 5–0, 7 м. Стратиграфия полностью совпадает с траншеей у «южной» стены. Керамический материал отсутствует.

Башенный выступ № 4 — четырехугольное в плане сооружение, сохранившиеся размеры 6, 7 x 4, 1 м, высота в наивысшей точке около 1, 5 м, ориентировано по оси север-юг. Образован стенами «южная», «северная», «западная» и восточная оборонительная. Изначально вход в башенный выступ, вероятно, существовал через восточную оборонительную стену. Впоследствии в башенный выступ можно было попасть через два проема, сделанные в местах примыкания стен выступа к восточной оборонительной стене. Пол башенного выступа был плотно утрамбован (Рис. 4–7). В центре башенного выступа располагались два очага, перекрывающих друг друга. Первый, вероятно, более ранний, сложен из 4 квадратных сырцовых плит размером 0, 42 x 0, 42 м, второй — 0, 60 x 0, 75 м, овальной формы, из плотной глины (Рис. 8). К южной стене выступа была пристроена сырцовая печь из небольших кирпичей (сохранившиеся размеры печи 1,1 x 0,7 м) (Рис. 9). Материал, найденный в ходе работ 2008 г., позволяет предположить, что башенный выступ возникает не ранее второй половины IV в. до н.э. На рубеже IV–III вв. до н.э. он утрачивает свое фортификационное значение и продолжает существовать до конца II в. до н.э.

Заполнение башенного выступа

Для установления времени существования 4 башенного выступа восточной оборонительной стены наиболее важным представляется изучение комплекса находок из самого заполнения башни. Обнаруженные здесь обломки амфорной тары

производства Херсонеса, Менды, Книда датируются серединой-третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов 1989: табл. XIX № 94; 2003: 95, 110, табл. 64 № 2; 71 № 5) (Рис. 11. 1, 11, 12). Ко второй половине IV — началу III вв. до н.э. можно отнести находку целого столового одноручного кувшинчика херсонесского производства с биконическим туловом, а также фрагменты сероглиняного чернолакового рыбного блюда и гончарной кухонной керамики (Ушаков, Струкова 2009: 135, рис. 3 № 6; 8 № 3; Handberg, Stolba, Уляков 2009: 169–171, fig. 6 (г); Каляев 2002: 169, pl. 94 № С127) (Рис. 1. 3, 4, 13 15, 16).

Несколько особняком от общей массы находок стоит фрагментированная тонкостенная мисочка полусферической формы, покрытая густым бурокрасным лаком, причем тон его на внутренней поверхности изделия несколько светлее. Такие сосуды связывают с родосским производством. Данная форма появляется в начале III в. до н.э., а свое наибольшее распространение получает в первой половине — середине II в. до н.э. (Ср.: Журавлев 2007: 278–279, рис. 2, № 13; Rotroff 1997: 117–118, 284, fig. 22, pl. 38 № 391–394) (Рис. 11. 14). Еще одна вызывающая интерес группа находок из башни — фрагменты лепных сосудов с горизонтальными валиками-ребрами на внешней стороне. Аналогии такому декору можно обнаружить среди крымских материалов эпохи поздней бронзы — раннего железа (Колотухин 2003: 41–44, 54, рис. 50 № 13; 51 №№ 3, 15; 52 №№ 11, 12; 56 №№ 1, 2, 5); Кравченко 2004: 57–58, 63, рис. 4 №№ 2, 3, 5, 14). Примечательно, что и при раскопках греческой усадьбы У6 на поселении Панское-I в Северо-Западном Крыму в массиве лепной посуды встречались изделия, украшенные подобным образом (Stolba 2002: 184, 194, pl. 123–124 № D68 — D70) (Рис. 11. 6–8).

Таким образом, анализ находок указывает на достаточно четкую дату существования этого башенного выступа — вторая половина IV — начало III вв. до н.э.

Стратиграфия

Все пространство башенного выступа, ограниченное стенами «южная», «северная», восточная оборонительная, было завалено средних размеров камнем. Завал лежал на земляной засыпи светло-коричневого цвета, мощностью 0,7 м. Вероятнее всего, засыпь производилась в первой трети III в. до н.э., когда башенный выступ утратил свое фортификационное значение, и данное сооружение приобрело некие хозяйственные функции. Под засыпью располагался слой светло-коричневого плотного суглинка, мощностью 0,15–0,20 м, на-

сыщенный тарной и столовой керамикой второй половины IV в. до н.э., чернолаковой керамикой второй половины-конца IV в. до н.э., а также немногочисленными фрагментами кухонной гончарной керамики второй половины IV в. до н.э., сероглиняной керамики второй половины IV-рубежа III–II вв. до н.э. На этом уровне были прослежены два сырцовых очага и печь сложенная из сырцовых кирпичей. Слой пола лежал на земляной подсыпке темно-коричневого грунта без включений датирующего материала.

Восточная оборонительная стена, куртина 4

Четвертая куртина восточной оборонительной стены расположена в центральной части укрепления (участок II по Щеглову) на западном склоне Казачьей балки. Раскопками 2008 г. ее часть, расположенная в 70 м от третьей башни открыта на 8,7 м в направлении с юго-запада на северо-восток. Высота в наивысшей точке 1,4 м, ширина 1,65 м. Сохранилась на 6 рядов кладки. Сложена на глиняном растворе. Кладка по западному фасу — трехслойная двухлицевая постелистая тычковая иррегулярная, сложена из подтесанных камней величиной от 0,1 до 0,4 м, по восточному фасу — трехслойная двухлицевая постелистая ложково-тычковая иррегулярная, сложена из крупных и средних бутовых камней. Поставлена на земляную подошву толщиной от 0,05 до 0,35 м, лежащую на скале. Земляная подошва светло-коричневого цвета с включением мелкого камня и мельчайших фрагментов керамики, также прослеживаются следы органических остатков. Ближе к скале цвет грунта меняется на красновато-коричневый. Типологически и по датированным аналогиям относится к системе кладок конца V — первой половины IV вв. до н.э. Интересной особенностью данного участка куртины является пристроенная к западному фасу восточной оборонительной стены прямоугольная конструкция, размером 1,8 x 0,5 м, сохранившаяся на один ряд кладки. Кладка иррегулярная из бутовых камней различной величины. Конструкция по высоте совпадала с современной дневной поверхностью стены, сложена в один ряд, под ней идут не перемешанные слои (Рис. 10).

При раскопках 4 куртины восточной оборонительной стены был получен весьма обильный керамический материал, анализ которого позволяет уточнить хронологические рамки существования этого участка оборонительной системы на перешейке Маячного полуострова. Самую незначительную долю находок составляет строительная керамика, представляющая собой

разрозненные фрагменты синопских и херсонесских керамид и калиптеров. Наиболее информативными в хронологическом отношении, а также самыми представительными в данном комплексе являются многочисленные обломки амфорной тары. Подавляющее большинство этих находок, принадлежавших амфорам производства Гераклеи (Рис. 12. 7, 26–27), Фасоса и центров его круга (Рис. 12. 2, 5, 6, 11–13, 15–19), Менды (Рис. 12. 14, 20, 25), Хиоса (Рис. 12. 1, 10), Херсонеса (Рис. 12. 9, 1–24) относится к последней четверти V — первой половине — третьей четверти IV вв. до н.э. На некоторых обломках обнаружены клейма: на ручке фасосской амфоры второй — третьей четверти IV в. до н.э. типа II биконического варианта развитой биконической серии II-B-2 сохранилась часть нечеткого штампа (Монахов 2003: 67–68, рис. 44 №№ 2, 3, 5), другое клеймо — в виде буквы Z в круглом штампе имеется на ручке мендейской амфоры второй — третьей четверти IV в. до н.э. мелитопольского (II-C) варианта (Монахов 2003: 93, табл. 63 № 4) (Рис. 12. 2, 20). На отдельных экземплярах херсонесской амфорной тары, относящихся к типам, датированным концом IV-первой половиной III вв. до н.э. (Монахов 1989: табл. XVIII, XIX) сохранились знаки, нанесенные красной краской или процарапанные по обожженной глине (Рис. 12. 9, 24).

Другая хорошо датированная категория керамических находок — это столовая посуда с лаковым покрытием. В исследуемом комплексе эта керамика представлена четырьмя основными группами: посуда с полосами темно-красного и коричневого лака, так называемая «ионийская», краснофигурная, чернолаковая керамика, в которой особо следует выделить группу сероглиняных сосудов с черным покрытием. Наиболее ранней из указанных групп является «ионийская» керамика, получившая в Херсонесе свое название по находкам архаической посуды ионийского происхождения с «полосатым» орнаментом на стенках (Золотарев 1993: 4–8). В нашем случае эта керамика представлена отдельными фрагментами чаш-киликов с горизонтальными ручками, украшенных полосами красного и красно-коричневого лака по венчику и внутренней стороне дна, а также обломками ручек кувшинов (Рис. 13. 5, 8–11). Вопрос о датировке этих сосудов, обнаруженных на территории Херсонеса, а также о месте их производства до сих пор не имеет однозначного решения. По мнению М.И. Золотарева, воспринявшего и доработавшего более раннюю гипотезу, эти находки следует относить к концу VI — второй четверти V вв. до н.э. (Золотарев 1993: 14). Однако не все исследователи согласны с подобной дати-

ровкой. Так, А.В. Буйских, анализируя херсонесские находки ранней керамики, пришла к выводу о наиболее вероятном появлении здесь расписной посуды не ранее начала — первой половины V в. до н.э. При этом исследовательница склонна считать только часть найденных в Херсонесе «полосатых» сосудов собственно ионийскими. Указывая на факты обнаружения «полосатых сосудов» вместе с материалами второй половины V — первой половины IV вв. до н.э., А.В. Буйских поднимает, тем самым, вопрос о возможном собственном керамическом производстве Херсонеса в столь раннее время (Буйских 2008: 27–35).

К первой половине IV в. до н.э. можно отнести фрагмент миниатюрного закрытого сосуда, скорее всего, расписного лекифа, покрытого жидким лаком темно-коричневого-темно-серого оттенка, с металлическим блеском. По сохранившемуся обломку трудно полностью восстановить изображение, однако на стенке отчетливо виден край пальметты. Подобное исполнение этого мотива присутствует на краснофигурных сосудах конца V-первой половины IV вв. до н.э. (Вдовиченко, Жесткова 2006: 66–67, табл. X: 2, XI: 12) (Рис. 13. 12).

Чернолаковые сосуды сильно фрагментированы, однако удалось выявить их основные формы: чашевидный скифос второй — третьей четверти IV в. до н.э. (Егорова 2009: 31, 100–101, рис. 12 №№ 159–164; Sparkes, Talcott 1970: 280, fig. 6 № 621), верхние части одноручных чаш второй половины IV в. до н.э. (Егорова 2009: 39–40, 132–134, рис. 26 №№ 414–428; Rotroff 1997: 329, fig. 58 №№ 856, 857; Sparkes, Talcott 1970: 290, fig. 8 № 757) (Рис. 13: 13–15). Следует особо выделить находки штампованных мисочек. Отметим, прежде всего, сильно поврежденную, однако, с восстанавливаемой графически формой, мелкую мисочку с загнутым внутрь краем, покрытую с обеих сторон густым блестящим черным лаком. На дне с внутренней стороны сохранилась часть штампа в виде пальметток, соединенных дугами и окруженных двумя рядами косых насечек. Глина плотная, бежевая, без видимых включений. Поддон утрачен, что несколько затрудняет точную датировку сосуда, однако нанесение подобного орнамента на данную форму позволяет отнести эту находку к середине IV в. до н.э. (Ср.: Егорова 2009: 116, рис. 20 № 278; Rotroff 1997: 338, fig. 62 № 966; Sparkes, Talcott 1970: 295, fig. 8 № 828, pl. 53, 56, 58 №№ 559, 560, 759, 805) (Рис. 13. 22). Обнаружены фрагменты днищ еще двух мисочек, также декорированных с внутренней стороны штампованным орнаментом из сочетаний пальметток, дуг, радиальных линий,

заполненных овами. Сосуды были покрыты хо-рошим густым лаком, на внешней поверхности дна имеются две концентрические полосы лака на фоне, оставленном в цвете глины. На одном обломке на такой полосе с внешней стороны дна было процарапано граффито. Глина плотная, бе-жевая, с очень мелкими редкими блестками слю-ды. Полные аналогии такому орнаменту известны на сосудах последней четверти V — начала IV вв. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 290, 292, 308, pl. 31, 57, 59 №№ 752, 783, 1025) (Рис. 13. 16, 23).

Группа сероглиняной керамики с черным по-крытием состоит из фрагментов рыбных блюд с отогнутым краем, одноручных чаш, кувшинов с цилиндрическим горлом и клювовидным венцом, а также гуттуса с шаровидным туловом на низком кольцевом поддоне (Рис. 14. 1–6, 16–20). Аналогии этим формам имеются среди находок в Херсонесе и на памятниках Северо-Западного Крыма, где они были обнаружены в слоях середины IV- нача-ла III в. до н.э. (Егорова 2009: 173–181, рис. 50–52; Ушаков, Струкова 2009: 135–138, рис. 3 № 1, 8 № 1, 9, 10 №№ 3–6, 11; Handberg, Stolba, Уляков 2009: 168–185, fig. 5–6).

Простая столовая посуда представлена об-ломками стенок и профильных частей херсо-несских кувшинов, украшенных линейной ро-списью красной краской (Рис. 13. 17–21). При раскопках Херсонеса и памятников Северо-Западного Крыма массовые обломки таких со-судов, а также их целые формы встречаются в слоях IV–III вв. до н.э. (Попова, Коваленко 2005: рис. 12 №№ 6, 9, 33 №№ 6, 9, 60 № 7, 126 № 8; Кальаев 2002: 161–162, pl. 78–79 №№ С7–С15; Zolotarev 2005: 197, fig. 9–11).

К IV–III вв. до н.э. относятся фрагменты со-судов для приготовления пищи, в, основном, ку-хонных кружальных кастрюль с упором для уста-новки крышки, и самих крышек (Рис. 14. 7–14). Среди этой керамики присутствует незначи-тельное количество фрагментов лепных горшков, из которых особо необходимо выделить стенки сосудов с горизонтальными валиками на внешней стороне, а также верхнюю часть и тулово неболь-шой корчажки со следами затирки (Рис. 14. 23, 24, 26). Как уже отмечалось ранее, эта группа кера-мики характерна для памятников эпохи бронзы — раннего железа (Колотухин 2003: 43–44, рис. 54 №№ 1, 4; Кравченко 2004: 58, рис. 2 №№ 3, 5). Интерес вызывают находки двух дисковидных лепных предметов (Рис. 14. 25, 27).

Рассмотренные выше находки дают возмож-ность определить время бытования четвертой кур-тины с первой половины IV до начала III вв. до н.э.

Стратиграфия раскопа четвертой куртины

Стратиграфия квадратов на всем протяжении открытого участка 4 куртины восточной оборони-тельной стены по фасадам была практически иден-тична. Верхние слои темно-коричневого грунта (дерновой, поддерновой) содержали значитель-ное количество фрагментов бытового мусора и остатков времен ВОВ. Четыре ямы, прослежен-ные на открытом участке куртины 4, в поддер-новом слое были времен ВОВ. Слой каменного завала мощностью от 0, 3 до 0, 55 м перекры-вал все пространство открытой стены и состо-ял из средних и крупных обработанных камней вдоль западного фаса и бутовых крупных камней по восточному фасау. В заполнении завала встре-чались фрагменты керамики эллинистического времени, стенки амфор Менды, Херсонеса, круга Фасоса, чернолаковых сосудов первой полови-ны III в. до н.э. Под слоем завала камней просле-живался слой светло-серого грунта мощностью 0, 25 м, включавший в себя мелкий камень, золу и множественные фрагменты керамической тары: амфоры Гераклеи, Синопы, Фасоса, Херсонеса, Хиоса, Родоса, Колхиды, чернолаковые сосуды, расписная керамика («ионийская полосатая»), се-роглиняная керамика, в основной массе, второй половины IV — первой половины III вв. до н.э. Весь слой имеет все признаки мусорной ямы. Далее залегал слой земляной подсыпки, на кото-рый была поставлена оборонительная стена, со-стоящий из грунта красновато-коричневого цвета с включениями фрагментов керамики: горло хер-сонесской амфоры с венчиком и верхним приле-пом массивной овальной ручки и граффито кон-ца IV в. до н.э., стенки херсонесских, фасосских, колхидских амфор, немногочисленная столовая керамика, следует отметить двустольную петле-видную ручку кувшина последней четверти VI — второй четверти V вв. до н.э., украшенную сверху полосами темно-красного «лака». Обломки чер-нолаковой керамики, в том числе сероглиняной, датируются, в основном, второй половиной IV — первой третью–серединой III вв. до н.э.

Весь полученный материал позволяет с опре-деленной долей вероятности говорить, что ба-шенный выступ № 4 возникает несколько позднее восточной оборонительной стены укрепления. В начале III в. до н.э., возможно, в связи с со-бытиями отраженными в Присяге херсонеси-тов и других эпиграфических документах, про-исходит перестройка башенного выступа № 4. В местах его примыкания к восточной оборо-нительной стене сооружаются два прохода, что позволяло попасть внутрь башенного выступа

со стороны Гераклеийского полуострова, и возводятся два сырцовых очага и печь. Функционирование башенного выступа № 4 можно отнести ко второй половине IV в. до н. э. — началу III в.

до н. э., когда он утрачивает свое фортификационное значение и в дальнейшем используется как жилое или хозяйственное помещение.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. — Симферополь, 2008.
- Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Коллекция расписных ваз из раскопок Р. Х. Лепера в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». *ХСб.* XV. — Севастополь, 2006: 59–69.
- Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. — Москва, 2009.
- Журавлев Д. В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка». *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму.* — Москва, 2007: 275–312.
- Золотарев М. И. Херсонесская архаика. — Севастополь, 1993.
- Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. — Киев, 2003.
- Кравченко Е. А. Матеріали доби пізньої бронзи із поселення Уч-Баш. *Археологія.* 4. — Киев, 2004: 52–66.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. — Саратов, 1989.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. — Москва-Саратов, 2003.
- Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Часть II. — Севастополь, 2001.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация. *Проблемы истории и археологии Крыма.* — Симферополь, 1994: 8–42.
- Ушаков С. В., Струкова Е. В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХС VII квартала Херсонеса Таврического. *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время.* — Ростов-на-Дону, 2009: 125–138.
- Handberg S., Stolba V., Уляков S.. Classical and Hellenistic grey ware from the Western Crimea. *Pontica.* XLII. Extras. — Constanța, 2009: 167–185.
- Кальев S. V. Commonware. *Panskoe I. The monumental building U6.* Text, plates. — Aarhus, 2002: 150–179.
- Rotroff S. I. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material. Part I, II. *The Athenian Agora.* Vol. XXIX. — Princeton, New Jersey, 1997.
- Sparkers B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th cent. BC. *The Athenian Agora.* Vol. XII. (Princeton).
- Stolba V. Handmade pottery. *Panskoe I. The monumental building U6.* Text, plates. — Aarhus, 2002: 180–200.
- Zolotarev M. I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos. *Chronologies of the Black Sea area in the period c. 400–100 BC* (ed. by V. Stolba, L. Hannested). — Aarhus, 2005: 193–216.

С. Г. Демьянчук, В. А. Нессель

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЯХ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА

РЕЗЮМЕ

В ходе работ Гераклеийской экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» были получены новые материалы, позволяющие уточнить некоторые вопросы, связанные с существованием укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова, так называемого «Страбона Херсонеса». В публикации рассматривается только один участок исследуемого памятника — башенный выступ № 4, в связи с его уникальными характеристиками. Это четырехугольное в плане сооружение, сохранившиеся размеры которого 6,

7 x 4, 1 м, высота в наивысшей точке около 1, 5 м, ориентировано по оси север-юг. Образован стенами «южная», «северная», «западная» и восточная оборонительная. Изначально вход в башенный выступ, вероятно, существовал через восточную оборонительную стену. Впоследствии в башенный выступ можно было попасть через два проема, сделанные в местах примыкания стен выступа к восточной оборонительной стене. Пол башенного выступа был плотно утрамбован. В центре сооружения располагались два очага, перебиваю-

щих друг друга. Первый, вероятно, более ранний, сложен из 4 квадратных сырцовых плит размером 0,42 x 0,42 м, второй — 0,60 x 0,75 м, овальной формы, из плотной глины. К южной стене выступа была пристроена сырцовая печь из небольших кирпичей.

С. Г. Дем'янчук, В. О. Нессель

НОВІ ДАНІ ПРО ФОРТИФІКАЦІЙНИХ СПОРУДАХ НА ПЕРЕШІЙКУ МАЯКОВОГО ПІВОСТРОВА

РЕЗЮМЕ

У ході робіт Гераклейською експедицією Національного заповідника «Херсонес Таврійський» були отримані нові матеріали, що дозволяють уточнити деякі питання, пов'язані з існуванням укріпленого поселення на перешийку Маякового півострова, так званого «Страбонава Херсонеса». У публікації розглядається тільки одна ділянка досліджуваного пам'ятника — баштовий виступ № 4, в зв'язку з його унікальними характеристиками. Це чотирикутна в плані споруда, розміри якої 6,7 x 4,1 м, висота в найвищій точці близько 1,5 м, орієнтована по осі північ — південь. Утворена стінами «південна», «північна», «західна» та східна оборонна. Спочатку вхід у баштовий виступ, ймовірно, існував через східну оборонну стіну. Згодом у баштовий виступ

Матеріал, знайдений в ході робіт 2008 г., дозволяє передположити, що баштовий виступ виникає не раніше другої половини IV в. до н. е. На рубежі IV–III вв. до н. е. він утрачує своє фортифікаційне значення і продовжує існувати до кінця II в. до н. е.

можно було потрапити через два отвори, зроблені в місцях примикання стін виступу до східної оборонної стіни. Пол баштового виступу був щільно утрамбований. У центрі споруди розташовувались два вогнища, що перекривають один другого. Перший, мабуть, більш ранній, складаний з 4 квадратних серцевих плит розміром 0,42 x 0,42 м, другий — 0,60 x 0,75 м, овальної форми, з щільною глини. До південної стіни виступу було прибудована сырцова піч з невеликих цеглин.

Матеріал, знайдений в ході робіт 2008 р., дозволяє припустити, що баштовий виступ виникає не раніше другої половини IV ст. до н. е. На рубежі IV–III ст. до н. е. він втрачає своє фортифікаційне значення і продовжує існувати до кінця II ст. до н. е.

S. Demyanchuk V. Nessel'

NEW DATA ABOUT THE FORTIFICATIONS ON THE ISTHMUS OF THE MAYACHNIY PENINSULA

SUMMARY

During the excavations of the Heracleian expedition of the National Preserve of «Tauric Chersonesos» new materials were obtained which help to clarify some questions about the existence of a fortified settlement on the isthmus on the Mayachny peninsula, the so-called «Chersonesos of Strabo». The publication considers only one part of this monument — a tower ledge 4, due to its unique characteristics. According to the plan, the construction, keep size of which is 6,7 x 4,1 m, height at the highest point is about 1,5 m, is oriented to the north-south axis. It is formed by the walls of «southern», «northern», «western» and eastern defensive. Originally the entrance to the tower ledge probably existed in the eastern defensive wall. Later in the sites of the addition of the tower ledge

walls to the eastern defensive wall two passages were made. The floor of the tower ledge was tightly packed. In the center of a building two fireplaces, overlapping each other is located. The first of them, probably the earliest, is made of 4 square plates of thick clay, raw sizes of which are 0,42 x 0,42 m, the second — 0,60 x 0,75 m, oval. The southern wall of the tower ledge was added to the furnace of small adobe bricks.

The material found in the work suggesting that tower ledge was appeared no early then before the second half of the 4th century BC. On the border of the 4th — 3rd centuries BC this construction lost its fortification sense. The finally date of its existence was the end of the 2nd century BC.

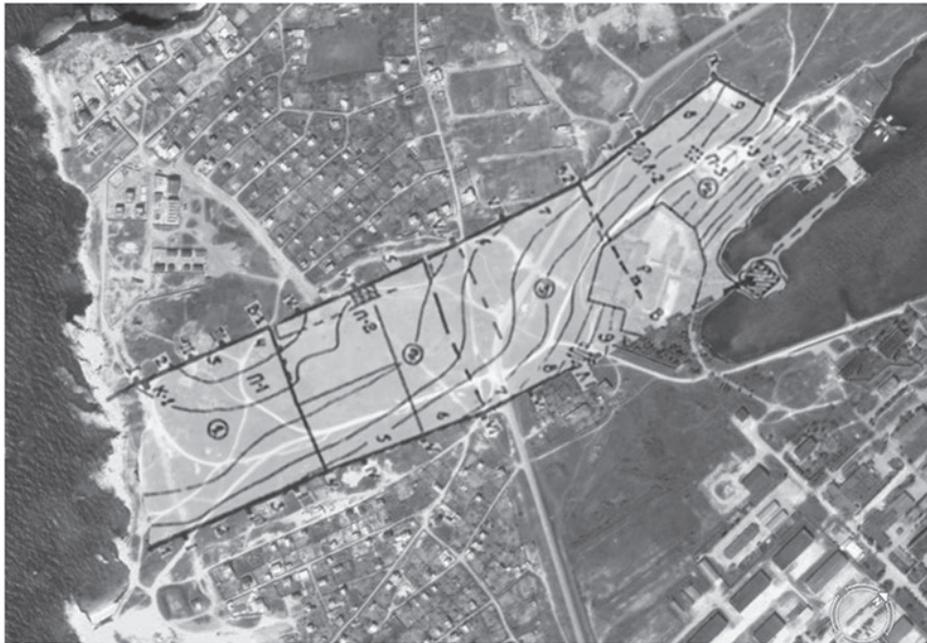

Рис. 1. Общий план укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова

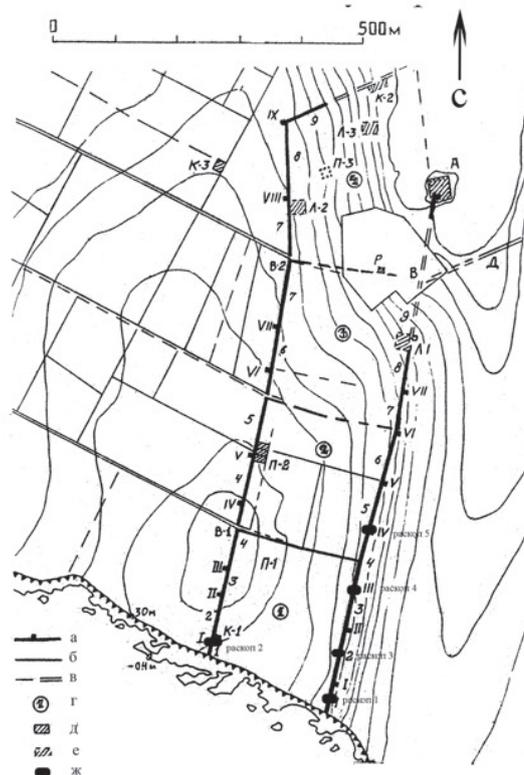

Рис. 2. Укрепление на перешейке Маячного полуострова (по А. Н. Щеглову): а - крепостные стены; б - монументальные поперечные стены; в - межевые стены, дороги; г - номера участков; д, е - раскопанные строительные комплексы с точной (д) и примерной (е) локализацией; ж - раскопы 2008 г.

Рис. 3. Остатки оборонительных стен укрепления

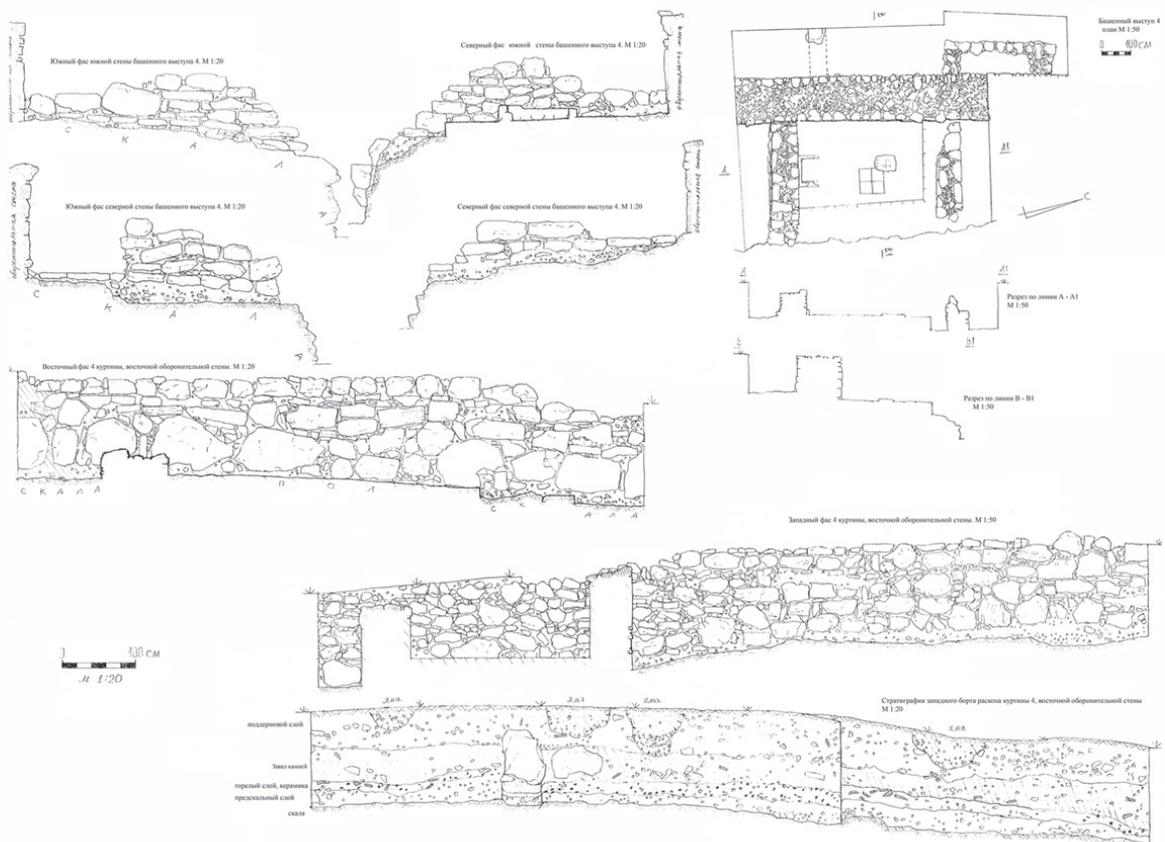

Рис. 4. Планы и разрезы 4 башенного выступа восточной оборонительной стены

Рис. 5. Башенный выступ 4. Восточная оборонительная стена, вид с северо-запада.

Рис. 6. Башенный выступ 4. Восточная оборонительная стена, вид с запада.

Рис. 7. Пол в 4 башенном выступе, вид с северо-запада.

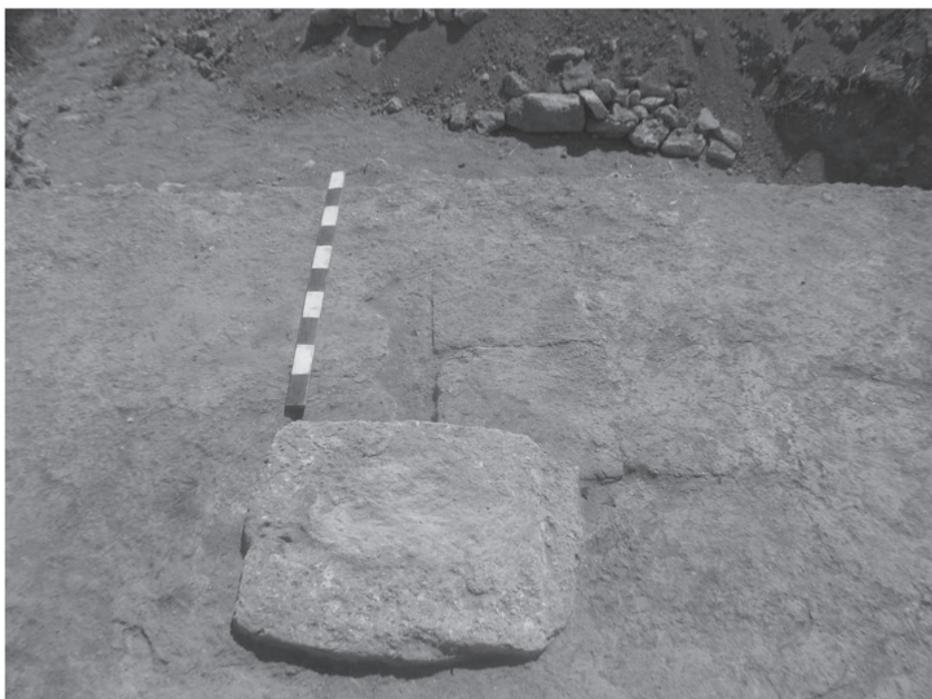

Рис. 8. Очаги в 4 башенном выступе, вид с запада

Рис. 9. Печь в 4 башенном выступе, вид с северо-запада.

Рис. 10. Прямоугольная конструкция, западный фас, вид с северо-запада.

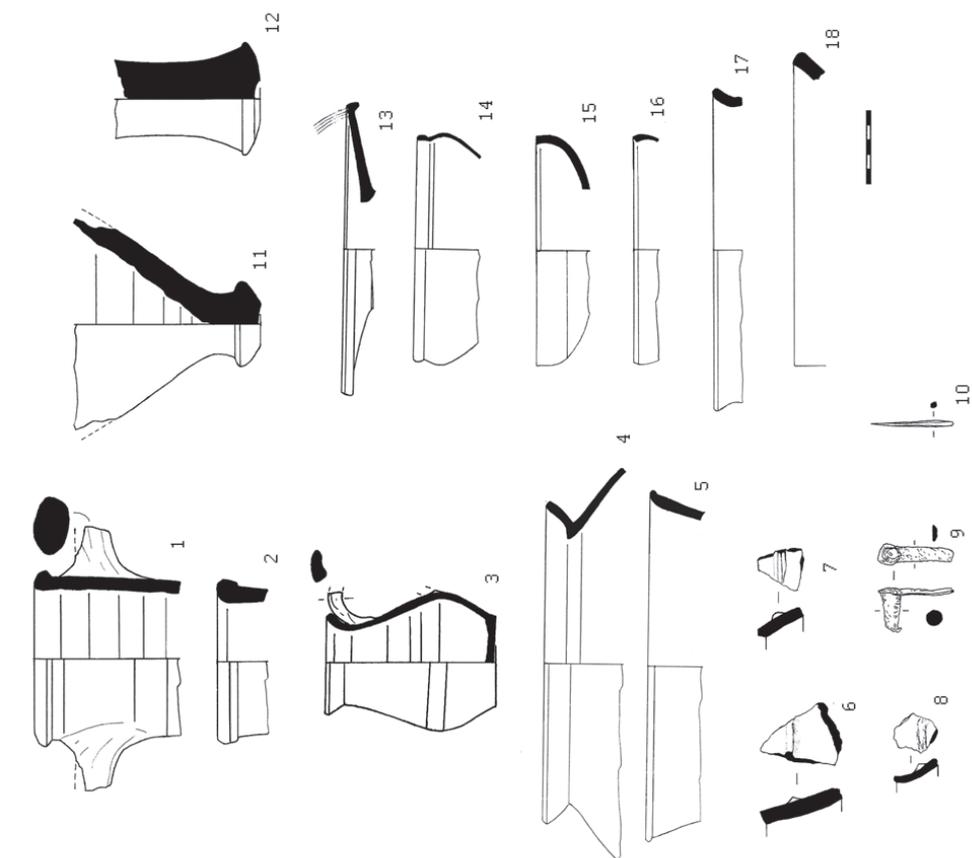

Рис. 11. Находки из заполнения 4 башенного выступа.

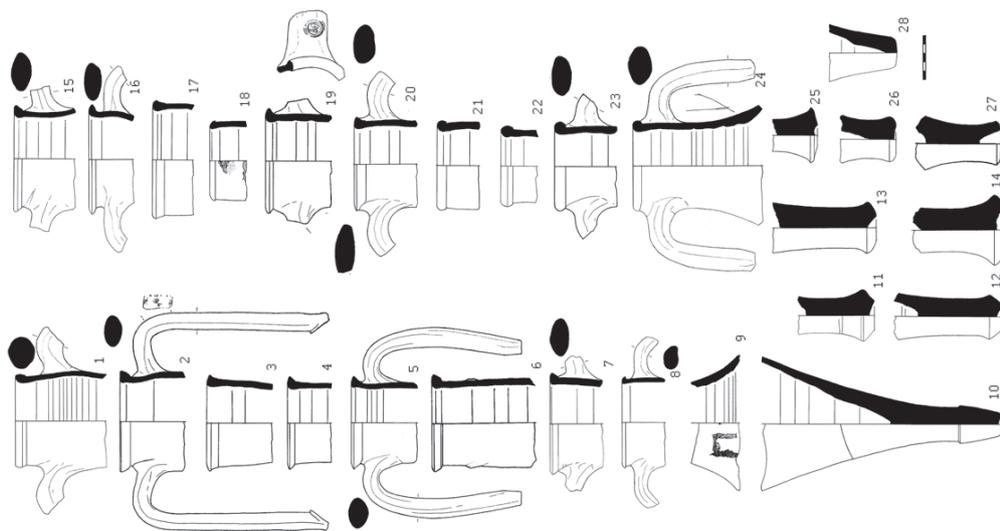

Рис. 12. Амфорная тара из раскопок 4 куртины восточной оборонительной стены.

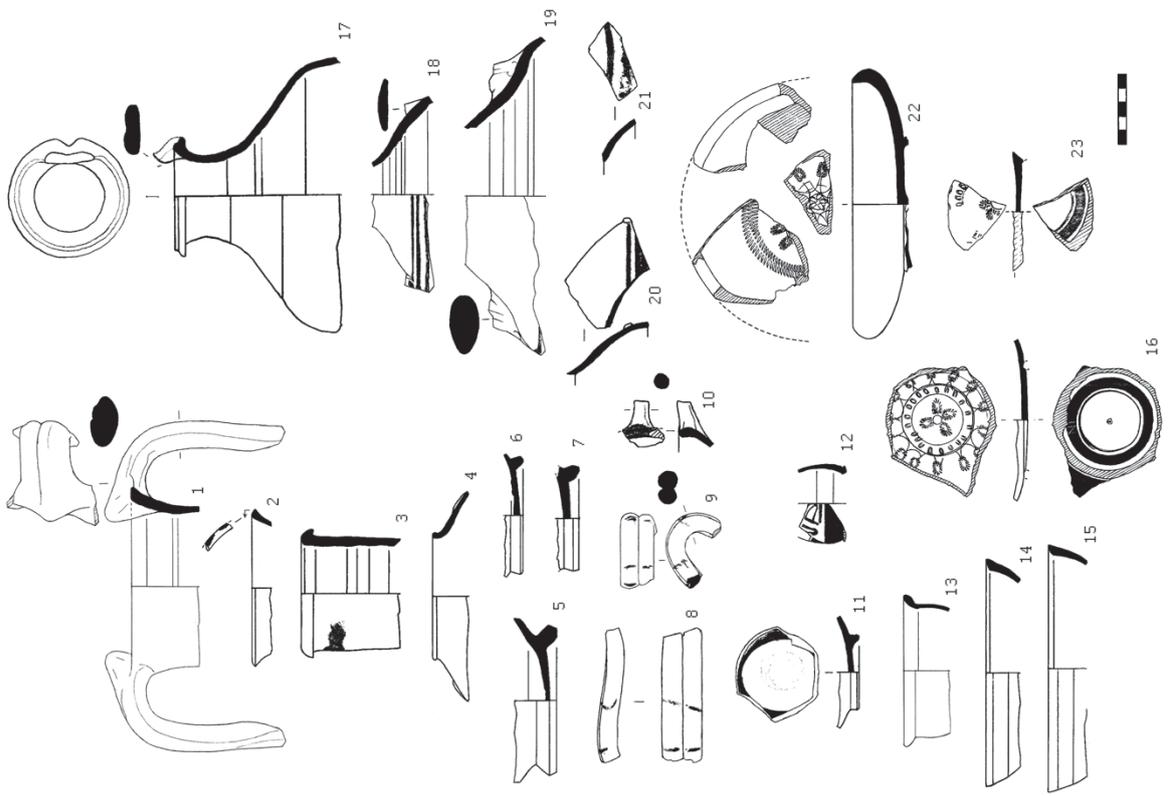

Рис. 13. Столовая посуда.

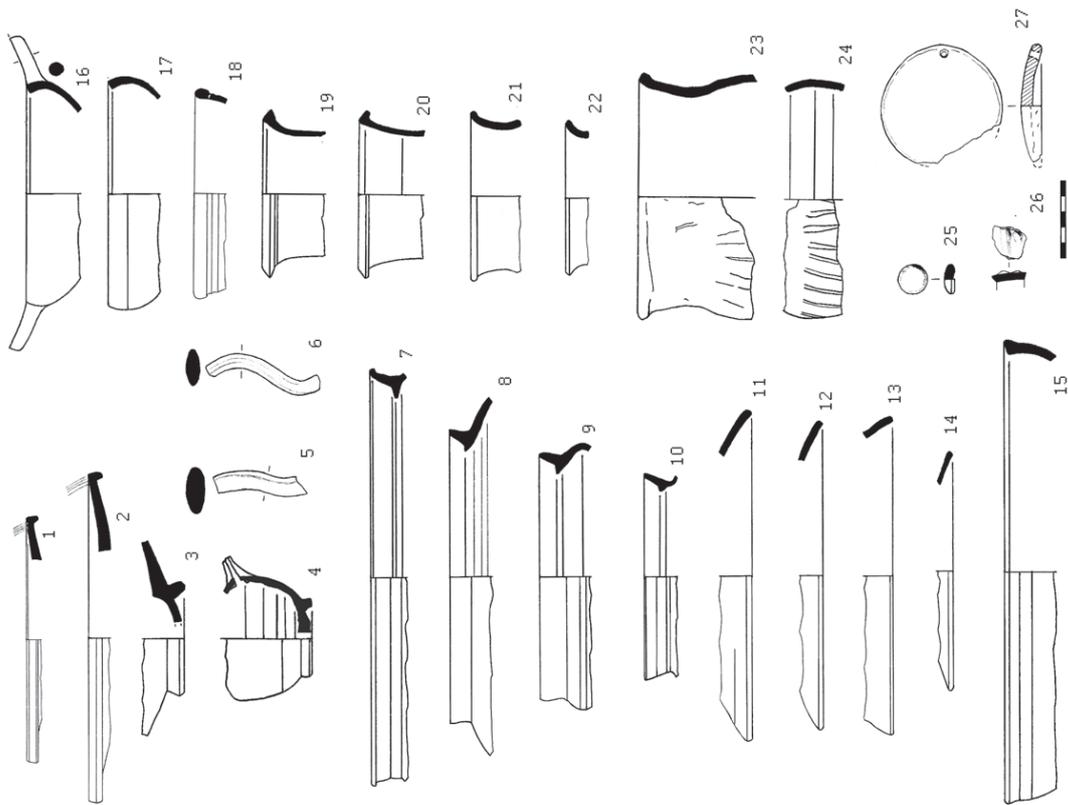

Рис. 14. Гончарная и лепная керамика.

Т. В. ДИАНОВА,
Н. В. КРАСОВСКАЯ

«МУЗЕЙ ПОСЕТИЛ <...> И В ТОМ РАСПИСАЛСЯ...»

2007 год был для Херсонеса юбилейным. И этих юбилеев три. Значима дата — 180 лет с начала раскопок. В газете «Северная пчела» от 14 июня 1827 г. мы читаем: «... *Главный командир Черноморского флота и портов, вице-адмирал А. С. Грейг, поручил известному своим просвещением чиновнику Н. Крузе, приступить к систематическому разрытию кургана на развалинах Херсонеса*». Но не менее значимы для истории музея две другие юбилейные даты — 160 лет со дня рождения Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847 г.) и — 100 лет со дня его смерти (1907 г.). Мы не будем вдаваться в подробности истории раскопок Херсонеса, и поговорим о Карле Казимировиче (Рис. 1), не как об археологе, а как о музейном работнике, вернее, об одной только части его многоплановой музейной работы.

В 1888 г. к раскопкам Херсонеса приступила Императорская Археологическая комиссия, которая осуществляла исследование археологических памятников и контроль за их состоянием на территории России. Научным руководителем раскопок был назначен профессор Н. П. Кондаков, а непосредственным производителем работ К. К. Косцюшко-Валюжинич. В 1891 г. была утверждена должность заведующего раскопками, на которую он был впоследствии назначен.

Благодаря К. К. Косцюшко-Валюжиничу были упорядочены археологические работы в Херсонесе. Ежегодно писались отчеты о раскопках. Значительная часть находок из раскопок оставалась на месте и к концу 80-х гг. XIX в. были созданы все предпосылки для организации музея в Херсонесе. В сентябре 1891 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич отсылает в Императорскую Археологическую комиссию проект музея. Но поскольку в сферу деятельности Комиссии не входило устройство археологических музеев, было дано разрешение только на строительство сарая для хранения древностей и то из денег, отпускаемых Комиссией на производство раскопок. Под руководством К. К. Косцюшко-Валюжинича к августу 1892 г., было построено небольшое, «барачного»

типа здание, на котором горделиво расположилась большая вывеска — «Склад местных древностей из раскопок, производившихся Императорской Археологической Комиссией с 19 мая 1888 года» (Рис. 2). Однако, во всех своих письмах Карл Казимирович называл его Херсонесским музеем.

Для того чтобы вести учет посетителей, К. К. Косцюшко-Валюжинич заказывает в Севастопольской типографии Книги для посетителей Херсонесского музея, в которых каждый посетитель должен был оставить роспись о своем посещении (Рис. 3). В данных Книгах кто-то просто оставлял роспись, другие расписывались, указывая свой титул, ранг, чин, социальное положение; кто-то из посетителей, помимо росписи, писал о своих впечатлениях...

С этой малоизвестной страницей из истории музея в Херсонесе нам и хотелось бы познакомить широкую общественность.

Первую Книгу посетителей открывает запись от 9 августа 1892 года — это день рождения Херсонесского музея (Архив НЗХТ. Дело № 165., л. 1).

В конце всех Книг посетителей К. К. Косцюшко-Валюжинич делал собственноручные записи. Он составлял статистику количества посетителей музея за месяц и год, и что самое важное, делал подробную выборку наиболее значимых, важных и интересных лиц, оставивших свои росписи в Книгах. В конце первой Книги рукой основателя и «устроителя» херсонесского музея сделана следующая запись:¹ *«В числе лиц, посетивших раскопки с 19 мая 1888 г. по 9 августа 1892 г., то есть с начала археологических раскопок, предпринятых Императорской Археологической Комиссией и до открытия музея находились:*

— *Их Императорские Высочества — Великий князь Алексей Александрович, Великая княгиня Александра Михайловна, Великий князь Михаил Михайлович,*

— *итальянский наследный принц;*

— *духовник Их императорского Величества Протопресвитер Янышев;*

¹ Здесь и далее: курсив — текст оригинала документов.

— обер-прокурор Святейшего Синода действительный тайный советник К. П. Победоносцев;

— командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант граф Мусин-Пушкин, генерал — адъютанты и вице-адмирал, и предводители дворянства; академики архитектуры и профессоры, литераторы и издатели — В. В. Суслов, Н. М. Чагин (главный распорядитель и архитектор по внутренней отделке строящегося Владимирского собора — Т. Д. и Н. К.), А. Майков, В. И. Немирович-Данченко, М. Н. Ремезов, В. С. Соболевский.

Деятели по истории и археологии:

— Председатель Императорского Московского археологического общества графиня Праксесия Сергеевна Уварова (урожденная княжна Щербатова — Т. Д. и Н. К.)²;

— член Императорской Академии наук Василий Васильевич Латышев. (1855–1921 гг.)³;

— председатель Таврической ученой архивной Комиссии А. Стевен;

— консервант (главный хранитель) Императорского исторического музея А. В. Орешников (один из выдающихся российских нумизматов, посвящавший свои работы и херсонесским монетам — Т. Д. и Н. К.);

— генерал-майор А. Бертье-Делагард, (с 1885 по 1888 гг. по поручению Одесского Общества истории и древностей руководитель раскопками Херсонеса — Т. Д. и Н. К.)⁴;

² Жена и сподвижница Алексея Сергеевича Уварова, основателя Императорского Московского археологического общества и Исторического музея в Москве. Археолог, председатель Московского археологического общества с 1864 г. (после смерти графа Уварова), почетный член Петербургской академии наук, кавалерственная дама ордена св. Екатерины, профессор Дерптского университета. Графиня П. С. Уварова (1840–1924 гг.), неоднократно (1902, 1903, 1904 г. г.) посещала раскопки и музей, и, вероятнее всего, именно итогом этих посещений и явилось известное письмо графини Императору Николаю II о судьбе Херсонеса.

³ Доктор греческой словесности, ординарный академик академии наук. Филолог, историк, эпиграфист. Специалист по древней истории и греческим надписям Северного Причерноморья, византийской литературе. С 1893 г. действительный член Петербургской академии наук, инициатор издания и редактор «Известий археологической комиссии» (1900). С 1917 г. академик РАН. К. К. Косцюшко-Валюжинич работал в тесном контакте с В. В. Латышевым, который сделал переводы наиболее значимых эпиграфических памятников из раскопок Херсонеса.

⁴ Историк и краевед, археолог и нумизмат, генерал-майор Александр Львович Бертье-Делагард родился в Севастополе — 26 октября 1842 г. Получив военное инженерное образование, занимался строительством на юге России — в Херсоне, Одессе. В 1874 г. его перевели в Севастополь. После Крымской войны город лежал еще в развалинах. Инженер А. Л. Бертье-Делагард, восстанавливая разрушенный Севастополь, много строил: стапеля Лазаревского Адмиралтейства, батареи, возводил Приморский бульвар. Страстно интересуясь историей Крыма, он долгие годы изучал историю Херсонеса и Георгиевского монастыря, проблемы Крымского средневековья, античного Херсонеса и Боспора. Понимая уникальность памятников Крыма, природожденный исследователь участвовал в раскопках, уделял много внимания охране и реставрации исторических мест Тав-

— профессор А. Кочубинский, профессор Н. И. Веселовский, Товарищ Председателя императорского археологического музея И. Е. Забелин...» (Архив НЗХТ. Дело № 165, л. 163 об.).

И это — еще до открытия музея!

Музей ютился в тесном, сыром и полутемном помещении на берегу Карантинной бухты. Значительная часть памятников хранилась под открытым небом. Но по своей сути это был музей. В 1892 году его посетили 534 человека, в следующем 1893 г. — 1776 человек, а за первые 5 лет существования музея 12611 человек оставили в Книгах посетителей свои росписи.

В 1896 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич вновь ходатайствует перед Комиссией о строительстве музейного здания. Однако ответ барона Тизенгаузена, вице-председателя Комиссии гласил: «Имейте постоянно ввиду, что 1) нынешняя коллекция в Вашем складе имеет значение временное, 2) Археологическая комиссия по уставу своему сама не устраивает музеев <...>. Ведь большая часть Ваших посетителей — люди ни аза не смыслящие в археологии, и, как бы велико ни было количество Ваших посетителей (вероятно, в большинстве богомольцев), проку от этого для археологии никакого не будет, даже если Вы измените вывеску <...>. Сообщаю Вам личное свое мнение...». На полях этого письма Карл Казимирович написал: «Взгляд кабинетного ученого, никогда не побывавшего в Херсонесе <...> В Херсонесе раскопки продлятся еще целое столетие и неужели все находки древности будут постоянно перевозиться в Петербург и Москву? Я уверен, что вопрос о местном музее есть только вопрос времени <...>» (Архив НЗХТ. Дело № 39, л. 105–106). И все же музей, пусть и в виде «склада» продолжал работать. Организацию и устройство музея можно считать одной из самых больших заслуг К. К. Косцюшко-Валюжинича и мы по праву считаем его основателем Херсонесского музея.

Представители разных сословий, образования и рода занятий приходили в музей. Крестьяне и мещане, дворяне и титулованные особы, деятели науки и известные писатели, академики живописи и архитектуры, режиссеры и актеры Императорских театров, члены Императорской семьи и Императорского Двора, военные и духовные лица одинаково с неизменным интересом приходили в Херсонес, чтобы «прикоснуться» к величественным памятникам и проникнуться духом древней культуры. Рамки статьи не позво-

риды. В своей известной работе «К истории христианства в Крыму» подробно рассмотрел историографию Георгиевского монастыря, сделал его описание.

ляют даже просто перечислить всех известных и интересных людей, посещавших Херсонесский музей, а тем более описать их более подробно. Мы предлагаем читателю наиболее на наш взгляд интересные факты и свидетельства из Книг посетителей музея за разные годы.

Севастополь был центром притяжения всех гастролирующих театров. Зимой и летом, непрерывно сменяя друг друга, давали представления драматические и оперные театры, оперетты. В город ежегодно приезжали актеры многих театральных трупп из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Львова и других городов.

Уже в первый год открытия музея — 3 октября 1892 года — его посетили выдающиеся украинские актеры и театральные деятели *Мария Константиновна Заньковецкая* и *Николай Карпович Садовский* (Архив НЗХТ. Дело № 165, л. 13) (Рис. 4). В Книгах посетителей за разные годы находим росписи известных в России режиссеров и актеров, театральных деятелей. 10 июля 1893 года — «*артистка Императорских театров М. Савина*». 25 августа 1900 г. — музей и раскопки посетил актер и режиссер, знаменитый теоретик сценического искусства «*Константин Сергеевич Станиславский*». 30 марта 1901 года — режиссер, писатель, педагог, театральный деятель «*Владимир Иванович Немирович-Данченко с супругой*». Трижды в 1899, 1900 и в 1902 гг. посещал Херсонесский музей «*режиссер и артист Санкт-Петербургского Александринского театра Александр Акимович Санин*». 29 августа 1906 года — «*артист Императорских театров Леонид Собинов*». (Архив НЗХТ. Д, д. №№ 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171)

Весной 1900 года Художественно-общественный театр (МХАТ) во главе с К. Станиславским приехал на гастроли в Крым. В Севастополе были объявлены четыре спектакля, в числе которых «Дядя Ваня» и «Чайка» А. Чехова. Даже для избалованной пестротой и яркостью театральных имен севастопольской публики гастроли МХАТа были событием исключительным. Но и для молодого театрального коллектива это была необычная и отчаянно смелая поездка — полным составом, со своими декорациями, бутфорией и костюмами отправиться на крайний юг страны в свои первые гастроли. 10 апреля паромом из Ялты приехал А. Чехов, его встречали на пристани вся труппа и множество публики. Затем в Летнем театре, который был выстроен на берегу моря, мхатовцы показали больному Чехову его пьесу «Дядя Ваня». Конечно, пьесу посмотрели и многие севастопольцы, и она имела

колоссальный успех. Актеры театра осмотрели достопримечательности Севастополя. Это известные факты. (М. Лезинский. — Литературный Севастополь. Путеводитель). А вот подтверждением тому, что они посетили раскопки Херсонеса и музей, являются их автографы. 9 апреля 1900 года в Книге посетителей музея свои автографы оставили «*Ольга Книппер, Маргарита Савицкая, режиссер и артист Московского Художественного общедоступного театра Александр Санин, Мария Григорьевна*» и другие актеры театра (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 125) (Рис. 5).

Во время поездок в Крым находили время для посещения Херсонесского музея и раскопок известные деятели российской литературы. Около десяти раз в Севастополе бывал писатель Алексей Максимович Горький. И в каждый приезд его всегда притягивал Херсонес. Впервые его он посетил 15 января 1897 г. с первой женой Екатериной Пешковой, о чем свидетельствуют их росписи в Книге посетителей музея (Архив НЗХТ. Дело № 166, л. 210 об.). Он встречался и беседовал с археологами, ведущими раскопки, работал в монастырском архиве. Итогом этого посещения стал документально-публицистический очерк — «Херсонес Таврический», где мы видим Херсонес глазами писателя.

1900 год. 13 марта вместе со своими друзьями — литераторами «*А. Воротниковым*» и «*В. Поссе*» А. Горький опять побывал в музее и оставил свою роспись — «*А. Пешков*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 120 об.). Этот приезд в Севастополь был знаменателен для А. М. Горького тем, что здесь происходит его первое очное знакомство с Московским Художественным театром и Марией Федоровной Андреевой, ставшей его соратником, другом и женой. Весной 1900 года писатель был в Севастополе дважды. В архиве заповедника хранится интересная фотография 1900 года — на фоне «Склада местных древностей» труппа МХАТа (посетившая музей 9 апреля) и вместе с ними А. М. Горький (Рис. 6.)

В Книге посетителей за 1898 год находим свидетельство посещения музея семьей Анны Ахматовой, пока еще в то время Анны Горенко: «*27 апреля. Ийя (сестра), Инна (мать Инна Эразмовна), Андрей (отец Андрей Анатольевич), Анна Горенко. Царское село.*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 8) (Рис. 7). В автобиографии, озаглавленной «Коротко о себе», Анна Ахматова вспоминает: «... Каждое лето я проводила в Севастополе, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих мест —

древний Херсонес, около которого мы жили...»⁵.

27 апреля 1900 г.знакомился с Херсонесом «*Иван Бунин*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 131 оборот) (рис. 8). Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), русский писатель, прозаик, поэт, переводчик. Почетный академик Петербургской Академии наук (1909), лауреат Нобелевской премии по литературе (1933).

22 апреля 1903 года, возможно, вместе совершая прогулку, музей посетили «*Антон Чехов*» и режиссер «*Всеволод Мейерхольд*» (Архив НЗХТ. Дело № 170, л. 3 об.).

В октябре 1905 г. музей осматривал писатель «*Д. Мамин — Сибиряк с семейством*» (Архив НЗХТ. Дело № 171, л. 75 об.). Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк/настоящая фамилия — Мамин/(1852–1912), прозаик, беллетрист. И в том же месяце — «*Гр. А. Толстой*»⁶ (Архив НЗХТ. Дело № 171, л. 76 об.).

29 мая 1909 г. оставил роспись о своем посещении музея «*Владимир Гиляровский*» (Архив НЗХТ. Дело № 172, л. 58 об.) — русский журналист, писатель, поэт, бытописатель Москвы, известный многим, как «дядя Гиляй». В 1913 году во время путешествия по Крыму побывал в музее русский писатель «*Михаил Пришвин*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 197 об.).

Кроме писателей и театральных деятелей не оставляли без внимания Херсонес и другие известные представители творческой интеллигенции. Здесь бывали художники и архитекторы, ученые различных направлений — медицины, истории и археологии, естествознания:

— май 1895 г., 14 июля 1896 г., — «*осматривал сей музей кораблестроительной части чертежник Скубетов*» (Архив НЗХТ. Дело № 166, л. л. 28, 150); январь 1898 г. — на первой странице Книги читаем: «*январь 4 — го. — Мартин Скубетов — чертежник строения броненосцев*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 1). Мартин Иванович Скубетов (по паспорту Мартын Иванович Скубентов) родился в 1872 г. Окончил Николаевскую

⁵ Анна Ахматова/Горенко/(1889–1966), поэт. Во время приезда в Севастополь в летние месяцы, с 1896 года по 1902 год, Аня с матерью жила неподалеку от Херсонеса в дачном поселке вблизи имения Н. И. Тура, который сдавал дачи курортникам. Имение носило название «Отрада», затем — «Новый Херсонес». Прилегающий к имению район именовался Туровская слобода, или попросту Туровка (позже — поселок Вакуленчука), и находился в районе нынешнего проспекта Гагарина. Установить местоположение домика или усадьбы, в которой останавливались Аня и Инна Эразмовна Горенко, сейчас вряд ли возможно, но, скорее всего, оттуда был хорошо виден Владимирский собор в Херсонесе: «Все глядеть бы на смуглые главы Херсонесского храма с крыльца. И не знать, что от счастья и славы Безнадежно дряхлеют сердца» (1913). Последнее посещение А. Ахматовой Севастополя — осень 1916 года.

⁶ Вероятно, граф Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) — писатель.

портовую Ремесленную школу по специальности мастерового кузнечного цеха. Но, т.к. он имел в школьном аттестате отличные оценки по черчению и рисованию, в кузнечном цехе работать ему не пришлось. С 1890 г. он состоял чертежником при постройке эскадренных броненосцев «12 Апостолов», «Три святителя» и «Ростислав» в Лазаревском Адмиралтействе. С 1 февраля 1903 г. М. И. Скубетов перешел на постоянную работу в Императорскую Археологическую комиссию, и по 1 октября 1914 г. ни одно ее издание о Херсонесе не обходилось без его чертежей. Общение с виднейшими учеными того времени, посещавшими Херсонес, чтение и собирание книг по истории и археологии, сделали Мартина Ивановича ближайшим и доверенным сотрудником К. К. Косцюшко-Валюжинича, а в 1908 г. он был единогласно избран членом Таврической Ученой Архивной комиссии (ТУАК).

— август 1898 г. — «*художник Дмитрий Струков*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 35 об.). Дмитрий Михайлович Струков (1827–1899) — археолог, историк и художник. Как великолепно рисовальщика, знатока церковного искусства Московское археологическое общество послало его в 1867 г. в Крым и на Кавказ исследовать христианские древности. Одной из первых работ Д. М. Струкова в Крыму стало участие в возобновлении пещерного храма во имя св. Климента в Инкерманской обители близ Севастополя в 1867 г. В 1871 г. «Таврические епархиальные ведомости» поместили краткую информацию: «По соизволению Государя Императора в Крым для розыскания древнейших христианских памятников командирован опытный исследователь христианских древностей художник Д. М. Струков». Самое впечатляющее открытие было сделано в небольшой деревне Партенит, расположенной у подножия Аю-Дага. Партенитская базилика оказалась большой, приспособленной для архиерейской службы. У алтаря Д. М. Струков нашел расколотую на несколько частей каменную строительную надпись 1427 г. на греческом языке. В тексте было названо имя основателя базилики — Иоанн Исповедник (Иоанн Готский). Обширный архив Д. М. Струкова впоследствии оказался в Румянцевском музее, там же находятся и «Записки по истории Херсонеса и Инкермана», «Записка о Херсонесе и освящении храма Св. Владимира» и т. д.

— в июне 1896 года посетил музей «*Апполинарий Васнецов*»⁷, художник-пейзажист, акаде-

⁷ Апполинарий Михайлович Васнецов (1856–1933). В картинах из истории Москвы Васнецов выступил основоположником исторического пейзажа — особого жанра в русской живописи, воссоздаю-

мик живописи, знаток и вдохновенный поэт старой Москвы, младший брат знаменитого Виктора Васнецова (Архив НЗХТ. Дело № 166, л. 72 об.).

— дважды: 29 августа 1898 г. и 8 октября 1912 г. был в Херсонесском музее художник, «профессор живописи Константин Маковский» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 36; дело № 173 л. 191) (Рис. 9). Константин Егорович Маковский (1839–1915) — русский живописец, один из членов-учредителей «Товарищества передвижников» (1870).

— так же в августе 1898 г. был в музее «Фартусов Виктор Дормидонтович» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 29-а оборот) — академик живописи; им были написаны композиции чудотворных и явленных икон в Храме Христа Спасителя.

— в 1893 и 1894 гг. — «академики архитектуры А. М. Кочетов, А. Бекетов, Г. Котов, Вл. Николаев, В. Пруссаков» (Архив НЗХТ. Дело № 165, л. 129, 21). 2 апреля 1895 г. — «Архитектор Владимир Иванович Чагин из Москвы и Ксения Александровна Степанова тоже из Москвы» (Архив НЗХТ. Дело № 166, л. 9).

— 12 сентября 1905 г. музей посетил «профессор Иван Цветаев» (Архив НЗХТ. Дело № 171, л. 269) — отец Марины Цветаевой. Иван Владимирович Цветаев — российский ученый-историк, археолог, филолог и искусствовед, член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Московского университета (с 1877), создатель и первый директор Музея изящных искусств в Москве (ныне Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

— 12 мая 1912 г. — «Профессор хирург Н. Бурденко» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 122). Николай Нилович Бурденко (1876–1946), русский хирург, основоположник отечественной нейрохирургии. В качестве врача он принимал участие в Первой мировой войне, где проявил себя как крупный ор-

шего облик древних русских городов на основе исторических документов и археологических изысканий. Углубленная работа Васнецова над историей Москвы приводит художника к сближению с историками и археологами. В 1900 году художника приняли в члены Комиссии по сохранению древних памятников при Московском археологическом обществе. С 1901 года он стал членом-корреспондентом этого общества, а в 1906 году за заслуги на научном поприще единогласно был избран действительным членом Московского археологического общества. Это было большой честью для художника и свидетельствовало о признании его работы над изучением старой Москвы видными русскими учеными-историками и археологами. А. М. Васнецов более десяти лет участвовал в работе Комиссии по охране древних памятников. Ему часто приходилось обследовать старые здания, а также изучать древние иконы и руководить их реставрацией. Обследуя исторический памятник, художник давал его обмеры, делал зарисовки и высказывал в письменном виде соображения о возможности его реставрации. В 1903 году Васнецов принимает энергичное участие в организации Союза русских художников. С 1918 по 1929 год Апполинарий Михайлович был председателем, а потом почетным председателем Комиссии по изучению старой Москвы.

ганизатор медицинской службы русской армии. Организатор и первый президент Академии медицинских наук (с 1944).

Частыми посетителя музея были члены практически всех существующих в России научных обществ: много раз бывал в музее граф А. А. Бобринский — член Государственного Совета, сенатор, председатель Императорской Археологической комиссии (ИАК); члены ученых обществ, доценты и приват-доценты, профессора, академики — Б. В. Фармаковский, Ю. А. Кулаковский, Б. И. Ханенко, Э. фон Штерн, М. Ростовцев, А. Орешников, Н. П. Кондаков, Д. Айналов, В. Шкорпил, А. Л. Бертье — Делгард, С. Желелев, К. В. Болсуновский, В. В. Латышев, В. К. Трутовский, В. Ф. Миллер, Т. В. Кибальчич, Х. Гиль, Р. Прендель, Ф. Браун, Ф. Успенский и многие другие. Со многими из них К. К. Косцюшко-Валюжинич поддерживал тесные научные контакты, вел обширную переписку по проблемам датировок открытых архитектурных памятников и находок.

Проявляли интерес к Херсонесу и иностранные гости. Ученые различных институтов и научных обществ из многих городов — Праги, Вюрцбурга, Лейпцига, Бухареста, Кембриджа, Софии, Берлина, Кракова и стран — Франции, Германии, Мексики, Японии, Бельгии, Великобритании — ежегодно посещали Херсонес. В Книгах посетителей мы находим и росписи глав чрезвычайных посольств в Россию, генеральных консулов и послов иностранных государств, а также росписи глав и членов королевских семей.

25 мая 1896 г.: «В Императорскую Археологическую комиссию. Имею честь довести до сведения <...>, что сего числа в 12 часов дня Ее Величество Королева элинов Ольга Константиновна (в девичестве Великая княжна Ольга Константиновна Романова, дочь Великого князя Константина Павловича и внучка императора Николая I — Т. Д. и Н. К.) и Их Высочества Великие Князья Константин (герцог Спартский), Георгий и Николай Георгиевичи изволили осматривать Херсонесский музей и расписаться в Книге для посетителей, при чем я был удостоен разрешением Ее Величества на поднесение пятнадцати фотографических снимков с наиболее интересных древностей. Заведующий раскопками Косцюшко-Валюжинич.» (Архив НЗХТ. Дело № 39, л. 144, док. 210). После осмотра музея Ее Величество оставила в Книге посетителей собственноручную роспись — «Ольга К.» (Архив НЗХТ. Дело № 166, л. 141) (Рис. 10).

В 1898 г. музей посетили «Королевские высочества греческие принцы Андрей и Христофор»

(Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 18).

Неоднократно музей посещали многие видные деятели церкви: «*Николай — епископ Таврический*» (был в музее 4 раза — в 1899, 1901, и дважды в 1902 г.), «*Антоний-митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, епископы Иннокентий и Антоний, архимандрит Порфирий Виноградов*». (Архив НЗХТ. Д., д. №№ 168 и 169).

В Книге посетителей за 1898 г. есть автограф послушника Матвея Головина (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 1). А среди архивных документов хранится дело под № 206 — «Рукопись послушника М. Головина «Херсонес Таврический», где описана история строительства монастыря на территории древнего городища и строительство Владимирского собора. Несмотря на то, что он состоял в братии монастыря, М. Головин был очень интересующимся человеком, увлекался историей и археологией и часто общался с К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Вероятно, сам М. Головин и подарил ему эту рукопись. Именно о нем пишет К. К. Косцюшко-Валюжинич в своем письме от 6 июля 1898 г. в Императорскую Археологическую комиссию: «... при замещении монастырем площади вокруг собора с южной стороны апсиды древней базилики послушником Матвеем Головиным <...> была замечена мраморная плита, явившаяся частью декрета и любезно доставленная Головиным в склад древностей ...» (Архив НЗХТ. Дело № 40, л. 27).

Еще одна запись от 30 марта 1900 г. —
*«Где не станет нога- тут, там и здесь,
 Одна могила древний Херсонес.
 Камни, кости, лишь прах да черепки
 Говорят, кто были его предки.*

И подпись: *Монах — миссионер, чех Вячеслав*» (Архив НЗХТ. Дело 167, л. 123).

Не оставался Херсонес и без высочайшего внимания Российского Императорского Дома. 10 мая 1893 г. музей посетили Их Величества Государь Император Александр III с Государыней Императрицей и наследником Цесаревичем, Великой Княгиней Ксенией Александровной, Великими Князьями Георгием Александровичем, Михаилом Александровичем, Алексеем Александровичем «и пробыли в нем 35 минут» (Архив НЗХТ. Дело № 42, л. 25). «*Их Величества осматривали <...> мраморы и орнаменты иконостасных плит <...>. Войдя в само здание Их Величества и Императорские Высочества начали осмотр музея с классических древностей, а именно с надписи, содержащей гражданскую присягу херсонесцев конца четвертого века...*» (Архив НЗХТ. Дело № 49, л. л. 32, 33). В Книге посетителей музея Импера-

тор Александр III оставил свою роспись. (Архив НЗХТ. Дело № 165, л. 28 об.) (Рис. 11).

Как известно, Императорская семья ежегодно отдыхала в Ливадии, своей летней резиденции. Судя по Книгам посетителей музея, император Николай II с императрицей Александрой Федоровной, Великие князья Александр Михайлович, Михаил Александрович, Великая княгиня Ксения и другие члены Императорской семьи — почти каждый год посещали музей и раскопки.

«*22 августа 1898 г. Николай, Мария, Александр, Михаил, Ксения*» (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 33, 49, 121 об.). «*18 сентября 1902 г. Николай, Александра, Михаил, министр Императорского Двора барон Фредерикс, княжна Оболенская, княжна Орбелиани*» (Архив НЗХТ. Дело № 169, л. 74) (рис. 12), и в этот день, как напишет потом в своем рапорте⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич: «*Высочайшее обозрение музея и раскопок продолжалось два часа!*» (Архив НЗХТ. Дело № 40, л. 225) (рис. 13).

Хотелось бы отметить, что император неоднократно бывал в Херсонесе и с детьми. Вот несколько примеров. 1902 год — «*в пятницу 20 и в субботу 21 сентября музей и раскопки изволили посетить августейшие дочери Их Величества и книга музея обогатилась еще тремя драгоценными подписями... К. К. Косцюшко-Валюжинич*» (Архив НЗХТ. Дело № 40, л. 232 об.) (рис. 14). 1909 год, — вместе с Ольгой и Татьяной; 1911 год — вместе с Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией. (Архив НЗХТ. Дело № 167, л. 33; Дело № 172, л. 107). Нельзя без волнения читать имена, написанные детским почерком — «*Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия*» (Архив НЗХТ. Д. № 169 л. 74 (об.); д. № 214, л. 5.).

Последняя запись, сделанная в Книге посетителей музея императором Николаем II датируется 11 августа 1913 г. (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 246).

И в составе свиты императора Николая II и самостоятельно часто посещали музей члены и потомки известных княжеских семей и родов — князья и княгини Гагарины, Трубецкие, Оболенские, Суворовы, Сумароковы, Кочубей, Путятины, Голицыны, Щербатовы и др.

5 октября 1902 г. музей посетил «*статс-секретарь граф Ламсдорф*» (Архив НЗХТ. Дело 169, л. 84). Владимир Николаевич Ламсдорф (1845–1907) — русский государственный деятель. С 1897 г. — товарищ (заместитель) министра иностранных дел, с 1900 г. — управляющий министерством, а затем министр иностранных дел.

⁸ После посещения Херсонеса Императором Николаем II, К. К. Косцюшко-Валюжинич писал подробные письма-рапорты графу Бобринскому. Рапорт посещения Херсонеса в 1902 г. и фотографии этого посещения изданы отдельной брошюрой.

29 августа 1902 г. осматривал раскопки и музей «Сотрудник СП — Петербургского Археологического Института граф Петр Апраксин» (Архив НЗХТ. Дело № 169, л. 62 об.) (рис. 15), а спустя десять лет (15 марта 1912 года) судьба вновь привела графа Апраксина в Херсонес (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 105).⁹ Перед эмиграцией, в последние дни пребывания в России, граф Апраксин вновь, в третий раз, посещает Херсонесский музей. В Книге посетителей мы находим его роспись: «19 июля 1920. Граф Петр Николаевич Апраксин». (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 427).

С каждым годом росла известность музея и в научном мире, и среди простого люда. Публикации результатов раскопок и наиболее значимых памятников Херсонеса в центральных научных изданиях и в периодической печати привлекали внимание к Херсонесу и музею. К. К. Косцюшко-Валюжинич регулярно сообщал в своих письмах в Императорскую Археологическую комиссию об увеличении числа посетителей музея. Мы видим его записи в Книгах: в 1898 г. расписалось — 3182, в 1899 г. — 3434, в 1900 г. — 5128, в 1901 г. — 6507, в 1902 г. — 8151 человек. Всего же с 1898 г. по 1902 г. 26452 посетителя осмотрели музей и раскопки и оставили свои росписи в Книгах.

В декабре 1907 г. скончался Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. В Книге посетителей есть волнующая запись: «1907 год. 16 декабря в день погребения уважаемого г. Косцюшко посетил музей рабочий — каменщик А. Крупенин. Мир праху твоему великий труженник во имя науки» (Архив НЗХТ. Дело № 171, л. 239 оборот).

В сентябре 1914 г. Императорская Археологическая комиссия командирует в Херсонес Лаврентия Алексеевича Моисеева, ставшего первым директором Херсонесского музея (с 1915 г.) Он принял музей в трудное время. Одной из его задач стало спасение древностей Херсонеса от разграбления в период Первой Мировой войны, революции и интервенции и его заслуга в том, что ему удалось без потерь сохранить все археологические коллекции музея.

⁹ Петр Николаевич Апраксин — известный государственный и общественный деятель России, руководитель Русского Собрания действительный статский советник. В 1911–13 гг. он занимал должность Таврического губернатора. Граф Апраксин был одним из старейших членов Русского Собрания (РС), куда вступил еще в 1902 г. За крупные пожертвования на нужды общества Апраксин и его жена (урожденная княгиня Барятинская) были избраны пожизненными членами Русского Собрания. Во время гражданской войны переехал с семьей в Крым, был последним председателем Ялтинской управы. После эмиграции жил в Югославии, затем обосновался в Бельгии, где в 1923 г. основал Историко-генеалогическое общество. В 1945 г. занял должность председателя комитета по строительству Храма-памятника во имя Царя-Мученика Николая II в Брюсселе. Скончался в 1962 г. и похоронен в Брюсселе.

Берем наиболее объемную из всех Книг посетителей. Эта Книга вмещает в себя 12 лет посещений музея, с 1910 по 1922 гг., но это не просто годы, это целая историческая эпоха.

Первая мировая война вносит коррективы в жизнь музея. В это время Севастополь находился под обстрелом, раскопки практически вести было невозможно. В Книге для посетителей Моисеев делает запись: «С конца лета 1914 г. музей был закрыт для посетителей: — важнейшие вещи из него после обстрела «Гёбенем» Севастополя вывезены на хранение в Харьков, где до сих пор сохраняются» (Архив НЗХТ. Дело № 173 л. 324 об.). Они были размещены в книгохранилище библиотеки Харьковского университета. Это положило начало тесному научному сотрудничеству Херсонесского музея и Харьковского университета.

В период Первой Мировой войны древнее городище неумолимо подвергалось разрушению со стороны воинских частей, расположившихся на его территории. В течение всего 1915 г. военные занимали одно музейное помещение за другим, сохранение музейного имущества в условиях анархии и разрухи стало насущной проблемой. Л. А. Моисеев был вынужден перевезти архив и канцелярию непосредственно в Севастополь, так как в то время музей находился за городской чертой. В годы гражданской войны раскопки на территории Херсонеса также не проводились — запрещалось вести даже обмеры стен.

Трудно представить, что было бы с музеем, если бы не Л. А. Моисеев с его свободным знанием европейских языков и умением находить подход к властям, сменявшим друг друга в те годы, как в калейдоскопе.

«Заведующему Историческим музеем при Херсонесском монастыре. Сегодня около 9-ти часов утра высшее Германское командование посетит для осмотра Исторический музей при Херсонесском монастыре, о чем Севастопольская городская управа уведомляет Вас для зависящих распоряжений об открытии музея к указанному времени. Член Управы (подпись), Секретарь (подпись)» (Архив НЗХТ. Дело № 147, л. 63). В письме Лаврентия Моисеева в Императорское Германское Управление в Севастополе от 10 июля 1918 г. читаем: «Покорнейше прошу не отказать сообщить мне список лиц, посетивших вчера с фельдмаршалом графом Эйхорном музей и раскопки Херсонеса, для занесения их в книгу музейных посещений, что останется навсегда очень важным и интересным историческим документом» (Архив НЗХТ. Дело 173, л. 326).

Через несколько дней в Книге посетителей

Л. А. Моисеев делает запись: «*После четырехлетнего перерыва музей открывается вновь 15 июля 1918 г. Директор музея Л. Моисеев*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 327). Можно предполагать разные варианты: открытие музея было рекомендовано гостями, посетившими музей 9 июля 1918 г.; либо Л. А. Моисеев убедил их в необходимости открыть музей; либо договорился об охране территории музея; либо это просто случайное совпадение...?

Несмотря на революционные события и гражданскую войну, экономическую разруху и безвластие, музей по-прежнему пользуется популярностью.

«*11 августа 1918 г. Сколько раз я стремился увидеть раскопки Херсонеса как историческую древность? Много пришлось видеть наконец я приехал в Севастополь, и вот я на раскопках древнего славного известного своей храбростью народа. По дороге сюда я заметил уже наши разаренные казармы, тоже известных когда-то своей храбростью русских солдат. Больно защемило мое сердце при виде этой картины. И мелькнула мысль неужели и наша доблесть отойдет в область предания. Подпись.*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 329 об.).

Перелистываем страницы посещений музея за 1920 г. — перелистываем частицу истории Исхода...

Безысходностью, грустью и трагическим предвидением невозможности возвращения на Родину пронизаны многие записи о посещении музея в этом многострадальном году. Здесь есаулы и солдаты Войска Донского, хорунжие, подпоручики и поручики, корнеты и полковники, сестры милосердия, графы и князья, купцы и статские советники...:

— музей и раскопки посещают «*князя Юсупов и Сумароков*», «*князь Д. Голицын*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 448, 340).

— «*Броненосца «Ростислав» подпоручики (росписи), 11 апреля 1920 г.*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 393 оборот).

17 мая 1920 г. «*музей и раскопки посетил Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенант барон Врангель с командованием генерального штаба*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 413) (Рис. 16).

19 мая: «*Я долго все мечтал увидеть старинные искусства и наконец мне удалось и я пришел к такому заключению что нашим архитекторам еще далеко до старины. Всеволод Шипулинский, бывший коммерсант г. Котополя, теперь солдат Марковского полка*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 418 оборот).

«*Судя по раскопкам, мне кажется, что женщины древнего Херсонеса лучше понимали и хранили чувства своих современников, чем женщины их прекрасного потомства. 1920 г. 21 мая. Князь пор. (поручик?) В. Быханов*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 419). (Рис. 17).

22 мая 1920 г.: «*Милый и славный Херсонес и Крым увижу ль я еще хоть раз Вас. (Подпись)*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 419) (Рис. 17).

«*Музей посетили офицеры Добровольческой армии. 10 июля 1920 г. Подпоручики (Подписи)*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 424 об.) «*Посетил Донской офицер есаул Ковалев ст. Луганской. Остался тронут до некоторой степени богатым материалом. 12. 07. 1920 г.*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 433 об.).

«*Сестра милосердия бронепоезда «Генерал Шкуро» (Подпись).*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 399).

«*18 июля 1920 г. два брата Л. и В. Шнейдер из Богодухова Харьковской губ. заброшенные судьбой в Крым наконец увидели одно из желаний, то на что можно смотреть и вспоминать былое прошлое и хорошее но в будущем при осмотре теперешних остатков варварства от «древних» красот будут проклинать варваров красных. Боритесь со злом разрушения и злом культуры я Вас всех призываю. Оставим мы для своего потомства все хорошее!»*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 426–427).

В первых числах ноября 1920 г. Красная армия штурмом взяла Перекоп и устремилась к побережью. 16 ноября на всей территории Крымского полуострова окончательно установилась советская власть.

1 января 1921 г. А. Лебедев. Эмиссар Отдела Музеев Наркомпроса. Г. Бонч-Осмоловский, завед. Крымохрис¹⁰ (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 453).

2 февраля 1921 года — «*Имел удовольствие посетить Херсонесский музей и раскопки красноармеец 2-го Отдельного полевого тяжелого арtdивизиона Алексей Иванович Евстифеев уроженец Симбирской губернии Сызранского уезда*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 453 об.).

В октябре 1922 года музей посетил поэт, художник, критик и исследователь «*Максимилиан Волошин*» (Архив НЗХТ. Дело № 173, л. 456) (рис. 18). М. Волошин юношей осматривал «низкие обрывистые террасы, на которых громоздятся развалины

¹⁰ Единственной силой, способной противостоять стремительному урагану всеобщего разрушения под названием «национализация дворцов и дворцовых ценностей», оказалось подразделение Наркомата просвещения, ведавшее делами охраны памятников искусства и старины (сокращенно Охрис). Первое время его возглавлял археолог Г. А. Бонч-Осмоловский, (1890–1943). Советский ученый, археолог и антрополог.

Херсонеса» (Максимилиан Волошин. — Культура, искусство, памятники Крыма). А в зрелые годы поэт и историк неоднократно приезжает в Севастополь с чтением лекций и своих стихов.

С установлением Советской власти в Крыму учреждения культуры были включены в уже сложившуюся систему музейного дела и охраны памятников страны Советов. Усадьба Херсонесского монастыря, упраздненной новой властью, была отведена вначале под концлагерь, а затем поделена между домом Собеса и стрелковым полком. Но уже в 1921 г. Л. Моисеев начинает упорную борьбу за передачу усадьбы и зданий монастыря Херсонесскому музею и к началу 1924 г. ему удалось добиться юридической передачи усадьбы и зданий монастыря целиком в ведение Херсонесского музея. В этот период была реэвакуирована из Харькова и коллекция древностей.

Настал 1925 год, который можно назвать поворотным в истории Херсонесского музея. После проведенного ремонта в зданиях бывшего монастыря развернулась новая экспозиция музея. В просторных зданиях бывшего монастыря впервые был организован музей с научно обоснованной экспозицией. Многим в этом отношении музей обязан энергичной деятельности тогдашнего директора, доцента Ленинградского университета Константина Эдуардовича Гриневича, возглавившего музей в 1924 г. Именно в эти годы Херсонесский музей стал превращаться из «склада древностей» в большое научно-исследовательское и научно-просветительное учреждение.

Оценку самоотверженному труду музейных работников, мы находим в записях, оставленных в Книге посетителей:

«Наконец-то музей Херсонеса принял подobaющий вид и обстановку». 30.04.1926 г. (Архив НЗХТ. Дело № 174, л. 90 об.).

«Переведенный в новое помещение Херсонесский музей дает возможность каждому посещающему легко понять по составленным надписям, все отделы такового чего не было раньше. Приношу глубокую благодарность администрации и всем музейным работникам. Подпись. (Архив НЗХТ. Дело № 174, л. 29 об.).

«Музей посетила делегация из Швеции, Дании и Норвегии». 9.06.1926 г. (Архив НЗХТ. Дело № 174, л. 94 оборот).

«Посетив музей остался очень доволен, но имею маленькое пожелание, чтобы все лучшие экспонаты были возвращены в музей, где они могут дать больше пользы в виду их ценности. 10.06.1926 г. » (Архив НЗХТ. Дело № 174, л. 96 оборот).

«Осмотревши Херсонесский музей 2 января 1927 года вынесено впечатление, что музей вполне восстанавливается, считаю необходимым закрепить за музеем все строения для использования в целях расширения музея. ПредКрымЦик (а) В. Ибрагимов». (Архив НЗХТ. Дело № 174, л. 235 об.).

В 30-е гг. музей и раскопки по-прежнему посещают представители самых разных сословий. Книги посетителей ведутся уже по двум типам: отдельно «Книги учета посетителей» — эти Книги разлинованы на столбики, где отдельно выделены — год, месяц посещения и, что самое интересное, столбики по сословиям, где выделены: рабочий, служащий, крестьянин, военный, студент, домохозяйка, учащиеся. В этих Книгах только росписи и даты. Появляются уже отдельные «Книги замечаний и пожеланий о Херсонесском музее». Вот несколько записей из Книг тех лет:

«Музей посетила группа беспризорников из детского приемника Карантина и выносит благодарность бабушке, которая нам все объясняла. Еще характерно то что музей является наглядным пособием по истории до нашей эры. 15/VII-1935 г. А. Рыжов.» (Архив НЗХТ. Дело № 512, тетрадь 2, л. 14 об.).

«Впечатления произведенные музеем самые замечательные. Восхищаемся тем уровнем культуры которого достигли древние жители Херсонеса... 2/V- 1938 г. Командир РККФ (подпись)» (Архив НЗХТ. Дело № 374, л. 15 об.).

«Мы пятая татарская школа, посетили музей, остались очень хорошие впечатления от всех экспонатов и умение передать детям исторические даты... Ученики 5 школы 3 класса, ст. вожатая (подпись)» (Архив НЗХТ. Дело № 534, л. 93).

«Вся группа экскурсантов ...Московского ГПИ им. К. Либкнехта выражает глубокую благодарность научному сотруднику херсонесского музея Александру Кузьмичу Тахтаю, который в течение 5 часов знакомил нас с ценнейшими историческими памятниками прошлого... 11.VII. 1939 г. » (Архив НЗХТ. Дело № 534, л. 102).

«Вообще я не люблю музеев. За Маяковским мне хочется повторить «ненавижу всяческую мертвечину — обожаю всяческую жизнь». Но Херсонесский музей — музей необычный. Сюда приходишь как к источнику, который, знаешь, бьет века, с древнейших времен и по сие время. Херсонесский музей отличается от других тем, что стоит в непосредственной близости от неисчерпаемого колодца, в который смотрит пылкий солнечный луч сегодня. Музей дышит мыслью и чувством заботливой любви к делу что

переживает века... Павел Барто. 24/IX-1940 г.)» (Архив НЗХТ. Дело № 534, л. 123 об.).

Существенные коррективы в работу музея внес 1941 г. Война для Херсонесского музея началась 25 июня 1941 г., когда во двор музея упала бомба, взрывом которой были повреждены музейные здания. Как напишет потом в своем отчете С. Ф. Стржелецкий, (Архив НЗХТ. Дело № 459, л. 2 оборот), это была единственная бомба, упавшая в Херсонесе до сентября 1941 г. Почти весь мужской состав работников музея вошел в ряды народного ополчения. Четыре сотрудника музея записываются добровольцами в ряды Красной армии. На территории музея организуется бомбоубежище. По мере приближения фронта все острее вставал вопрос о необходимости эвакуации музея в тыл. Подготовку памятников Херсонеса, архива и библиотеки возглавил главный хранитель музея А. К. Тахтай. Ящиков не хватало, и для упаковки были извлечены из подвалов старые монастырские сундуки. По Разнарядке об эвакуации музея было разрешено вывезти три тонны груза. Благодаря настойчивости директора музея И. Д. Максименко фактически было вывезено восемь тонн. Все имущество музея — памятники, архив, библиотека, — подготовленное для эвакуации было упаковано в 108 ящиков. Сопровождать ценный груз был назначен С. Ф. Стржелецкий. Обстановка на фронте все усложнялась, для эвакуации оставался единственный путь — море. 18 сентября 1941 г. музейное имущество погрузили на теплоход «Волга», шедший в г. Потти. Прошло более трех месяцев невероятных трудностей, долгих стоянок, голода и холода, постоянной тревоги за целостность музейных экспонатов, прежде чем 26 ноября 1941 г. имущество Херсонесского музея было доставлено в Свердловск, где оно было размещено в печально известном бывшем доме купца Ипатьева.

Херсонесский музей был единственным из музеев Крыма, осуществивший эвакуацию своевременно и по возможности полностью. Но значительная часть памятников все же оставалась в Херсонесе. Поэтому одновременно с работой по эвакуации проводилась работа по охране оставшихся памятников. Толстым слоем земли были засыпаны мозаики, для хранения памятников оборудованы две большие античные цистерны. Сотрудники музея эвакуируются в тыл. Хранителем оставшихся фондов, памятников и зданий по приказу директора музея был оставлен Н. З. Федоров, старейший работник музея, более 40 лет работавший в музее. Из научных работников остается в музее один А. К. Тахтай, отказавшийся ехать в эвакуацию. «Но здесь же будет пекло» — на-

стаивал директор музея И. Максименко. «В каждом пекле должен быть свой цербер, и я останусь таким цербером у этих святых камней», — ответил А. Тахтай (В. И. Граб, О. Б. Супруненко. 1991: 31). И остается хранителем Херсонеса и его памятников всю войну. К великому сожалению рукописи, отчеты о раскопках периода оккупации Севастополя, находки этого периода исчезли. Как напишет потом А. Тахтай, в своей Докладной записке:¹¹ «5-го июля 1942 года моя жена... была выброшена немцами из нашей быв. квартиры в Севастополь в 2 часа, получив разрешение взять с собой самое необходимое. Моя избранная библиотека, неопубликованные рукописи, в частности отчеты о «военно-археологических» раскопках в Херсонесе времени осады, наиболее ценные находки этого времени, <...> остались на квартире и исчезли бесследно. 6-го июля в Херсонес прибыла «комиссия археологов» крымского айнцацитаба и наложила свои «конфискационные» листки на музейные корпуса и собор. Ключ от средневекового отдела был вручен командиру в/ч, занявшей Херсонес, адъютантом которого был Ламздорф (сын быв. русского министра иностранных дел), очищавший мою квартиру для себя, — большой любитель древностей, коллекционер...» (Архив НЗХТ. Дело № 881, л. 61). Того самого графа Ламздорфа, роспись которого есть в Книге посетителей музея за 1902 г.

Ольга Берггольц, русская писательница и поэтесса, побывавшая в Севастополе в 1944 г., через четыре месяца после его освобождения, написала в своей книге: «... Под ежеминутной угрозой ареста, лагеря, смерти, Тахтай берег и хранил музей. За старым ученым постепенно закрепилось прозвище «спаситель Херсонеса». (Берггольц 1946: 131–151).

Однако, несмотря на оккупацию, музей работал. Как пишет А. Тахтай в Управление музеев НКП РСФСР: «... Экспозиция музея существовала и существует в усеченном и, так сказать «кусткамеризованном» виде. Общая хронологическая линия в основном сохранена. При немцах музей работал, как и все прочие Крымские, на особых началах/запретная зона/... 27.VI.1944 г. А. Тахтай». (Архив НЗХТ. Дело № 881, л. л. 54–63).

После освобождения Крыма и Севастополя 9 мая 1944 г., Исполком Севастопольского городского совета 26 августа 1944 г. принимает решение о реэвакуации Херсонесских памятников с Урала. В газете «Красный черноморец» № 48 от 25 фев-

¹¹ «Докладная записка О Херсонесе в эпоху немецкой оккупации быв. Хранителя Музея А. Тахтая. 1 января 1945 г.» Архив НЗХТ. Дело № 881, л. л. 61–63.

раля 1945 г. читаем: «Сегодня отмечается событие, немаловажное в научной жизни Севастополя, Крыма и всей нашей страны: открывается Государственный Херсонесский музей <...> Экспозиции, вывезенные в свое время на Урал, возвращены в музей. Торжественное открытие <...> посвящается доблестным воинам Красной Армии и Черноморского флота, освободившим Севастополь» (Архив НЗХТ. Дело № 500, л. 3).

И вот первая послевоенная запись в Книге посетителей: «Восстановление и открытие музея истории Херсонеса является культурным вкладом в дело возрождения города-героя Севастополя. Много еще надо для полного восстановления

музея времени и средств, но и в настоящем состоянии, экспонаты и материалы дают полное представление о славной истории Херсонеса — предшественника Севастополя. Замечательно показаны исторические памятники и документы борьбы обитателей Херсонеса с нашествниками. Слава сотрудникам музея, сумевшим сберечь ценные экспонаты от немецко-фашистских варваров и своим кропотливым трудом в трудных условиях открыть музей. Подполковник Е. Ревенко. 4 марта 1945 г.» (Архив НЗХТ. Дело № 627, л. 4).

Этой записью в Книге посетителей открывается уже следующая страница в истории музея...

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. «Коротко о себе» *Стихотворения и поэмы*. — <Л.>, 1976.
Берггольц О. *Говорит Ленинград*. — Л., 1946.
Волошин М. *Культура, искусство, памятники Крыма. КРЫМ*. Путеводитель под общ. ред. д-ра И. М. Саркизова — Серазини, 1925: 126–148.
Граб В. И., Супруненко О. Б. *Археолог Александр Тахтай*. — Полтава, 1991.
Лезинский М. *Литературный Севастополь*. Путеводитель. — Севастополь, 1995.

ИСТОЧНИКИ

- «Альбом с подписями лиц быв. царской фамилии и придворн., посетивших Херсонесский музей». Архив НЗХТ. Дело № 214.
Вырезки из газет и журналов и брошюр, посвященные истории и археологии Херсонеса и отчасти Крыма с 19 мая 1888 г. Архив НЗХТ. Дело № 49.
Вырезки из газет за 1926, 1927, 1928, 1940, 1945 гг. Архив НЗХТ. Дело № 500.
Дело Херсонесского музея за 1918 г. (разная переписка). Архив НЗХТ. Дело № 147.
«Докладная записка. О Херсонесе в эпоху немецкой оккупации быв. Хранителя Музея А. Тахтая. 1 января 1945 г.». Архив НЗХТ. Дело № 881.
«Заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе. Переписка с Императорской Археологической комиссией, ее председателем, членами и делопроизводителем с 1 января 1898 по 31 декабря 1902 г.». Архив НЗХТ. Дело № 40.
«Заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе. Переписка с Правительственными и общественными учреждениями, с учеными обществами и их представителями с 15 декабря 1888 по 31 декабря 1902 г.». Архив НЗХТ. Дело № 42.
Книга для посетителей Херсонесского музея с 9 августа 1892 г. по 1 января 1895 г. Архив НЗХТ. Дело № 165.
Книга для посетителей Херсонесского музея за 1895 г. Архив НЗХТ. Дело № 166.
Книга для посетителей Херсонесского музея 1898 г. Архив НЗХТ. Дело № 167.
Книга для посетителей Херсонесского музея с 1 января 1901 г. Архив НЗХТ. Дело № 168.
Книга для посетителей Херсонесского музея с 1 мая 1902 г. Архив НЗХТ. Дело № 169.
Книга для посетителей Херсонесского музея с 15 апреля 1903 г. Архив НЗХТ. Дело № 170.
Книга для посетителей Херсонесского музея с 1 января 1905 г. Архив НЗХТ. Дело № 171.
Книга для записи посетителей Херсонесского музея. Архив НЗХТ. Дело № 172.
Книга для записи посетителей Херсонесского музея. Архив НЗХТ. Дело № 173.
Книга для посетителей Херсонесского археологического музея. Архив НЗХТ. Дело № 174.
Книга для отзывов о Государственном Херсонесском историко-археологическом музее. Феодальный отдел. 1938 г. Архив НЗХТ. Дело № 374.
Книга замечаний и пожеланий о Херсонесском музее — феодальный отдел. 1939–1941 гг. Архив НЗХТ. Дело № 534.
Книги отзывов ГХМ с 1945 по 1952 г. Архив НЗХТ. Дело № 627.
Материалы по эвакуации и реэвакуации музея в период Великой отечественной войны и возобновление работы музея. Архив НЗХТ. Дело № 881.
Письмо В. Г. Тизенгаузена — К. К. Косцюшко-Валюжиничу от 14.07.1895 г. Архив НЗХТ. Дело № 39.
«О посещении Их Императорскими Величествами Государем императором Николаем Александровичем и Госу-

дарыней императрицей Александрой Федоровной и Его императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 г.» Рапорт заведующего раскопками и музеем в Херсонесе... К. К. Косцюшко-Валюжинича Его Сиятельству Председателю Комиссии Гофмейстеру двора Его Величества сенатору графу А. А. Бобринскому. Архив НЗХТ. Дело № 40. Тетрадь для заметок посетителей Херсонесского музея за 1934, 1935–1936, 1937 гг. Архив НЗХТ. Дело № 512, тетрадь 2.

Т. В. Дианова, Н. В. Красовская

«МУЗЕЙ ПОСЕТИЛ <...> И В ТОМ РАСПИСАЛСЯ...»

РЕЗЮМЕ

Херсонесский музей, основанный в 1892 г., является одним из старейших музеев Украины. Формирование архива музея началось в 1888 г. Благодаря тому, что музей одним из первых эвакуировался в годы первой и второй мировых войн, и благодаря самоотверженности его сотрудников, удалось сохранить значительную часть документов. В статье использованы документы лишь одного периода истории Херсонесского музея —

с момента основания 1892 г. до середины 40-х годов XX столетия.

Из анализа только одной категории архивных документов — Книг посетителей — можно сделать вывод, что с момента основания музея он пользовался широкой популярностью среди самых различных категорий населения, о чем свидетельствует неуклонный рост численности его посетителей.

Т. В. Дианова., Н. В. Красовська

«МУЗЕЙ ВІДВІДАВ <...> І В ТОМУ РОЗПИСАТИСЯ ...»

РЕЗЮМЕ

Херсонесський музей, заснований у 1892 р., є одним із найстаріших музеїв України. Формування архіву музею почалося в 1888 г. Завдяки тому, що музей одним з перших евакуювався у роки першої та другої світових війн, і завдяки самовідданості його співробітників, удалося зберегти значну частину документів.

У статті використані документи лише одного періоду історії музею Херсонесського — з момен-

ту створення 1892 р. до середини 40-х років XX століття.

З аналізу лише однієї категорії архівних документів — Книг відвідувачів — можна зробити висновок, що з моменту створення музею він користувався широкою популярністю серед самих різних категорій населення, про що свідчить неухильне зростання чисельності його відвідувачів.

T. Dianova, N. Krasovskaya

«MUSEUM VISITED» ... «AND UNDERSIGNED»

SUMMARY

The museum in Chersonesos Established in 1892 is one of the oldest museums in Ukraine. The museum archives started its collection from 1888. At World War 2nd period the great part of the documents were saved owing to the exertion of the museum staff and due to the fact that it was one of the first museums that was evacuated. The given paper analyses the documents from a single period in the history of

the museum in Chersonesos: from 1892, when the museum was founded, to mid-1940s.

The analysis of a single category of archival documents, visitors' books, allows one to draw the conclusion that from its foundation date the museum was very popular among various groups of people and that the number of visitors increases till now.

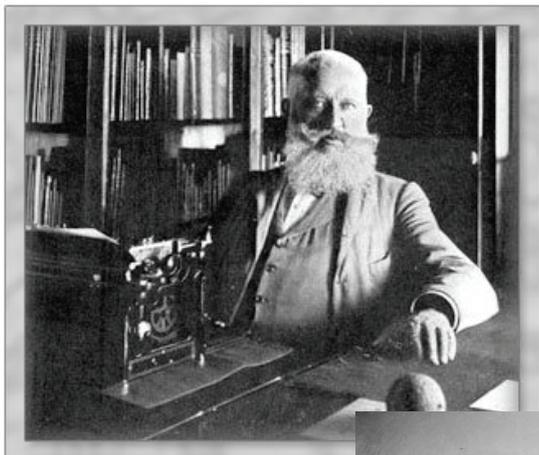

Рис.1. – Портрет Карла Казимировича Косцюшко-Валужинича. Не ранее 1906 г.

Рис.2. – Общий вид «Склада местных древностей» Императорской Археологической комиссии. 1903 г.

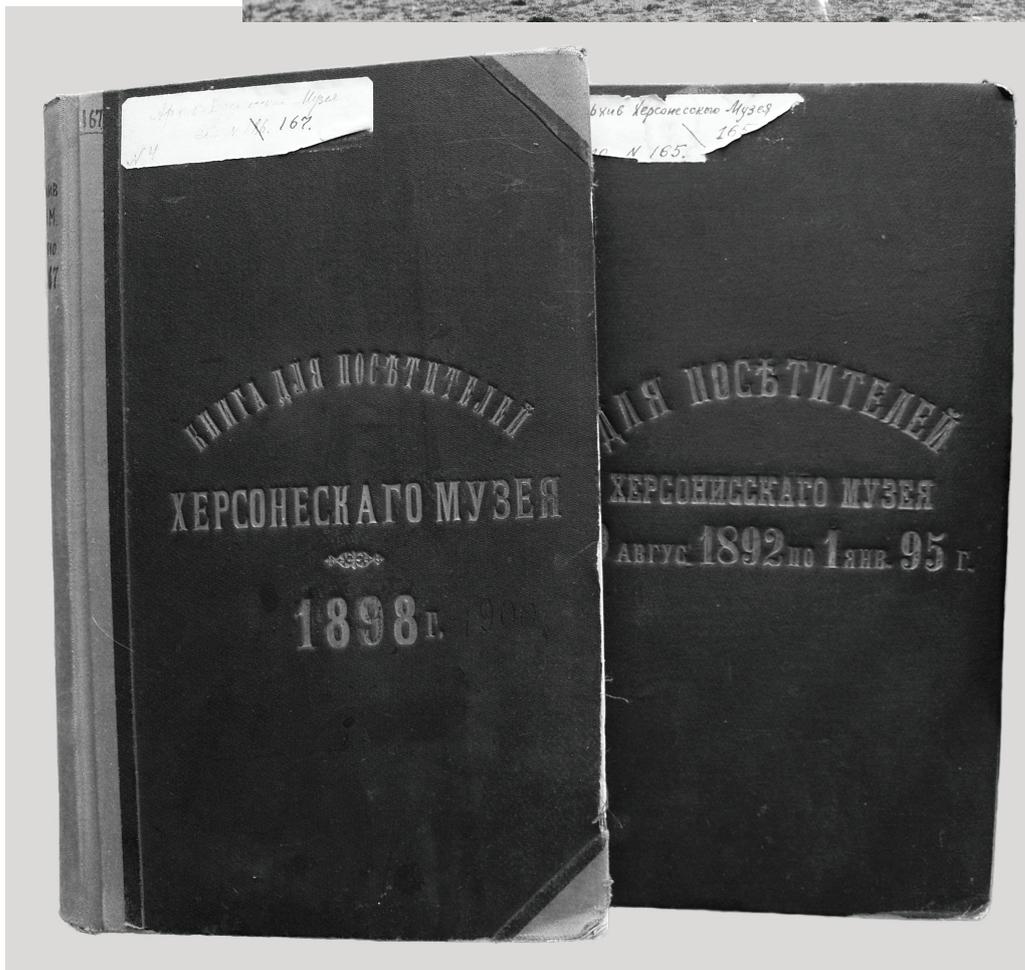

Рис.3. – Книги для посетителей Херсонесского музея.

27
 28
 28
 28
 29
 30.
 30.
 1. Окт.
 1го Окт.

Митинский Николай Иванович
 Ш. Кат. Куп. Ахонин Купец Коренин
 Софроний Мухоморов М. Сидоров
 Купец Сафрон Александрович Домогузов
 Марис Александрович Бухалович
 Канцлер М. Мухоморов
 Штеддин М. В. Штисселевский
 Купец С. Елизарович
 Штеддин М. В. Штисселевский
 А. А. Штеддин
 М. В. Штеддин
 30. И. Штеддинский

2. Октября отом. Смирнов 1892. г. Петербург
 2 октября Ивань Шостак
 3го Октября Степанов Иван
 Николай Шостак
 Александрович Шостак
 Архивер малярский малярский Кико-
 лаи Купцов или Сафонов
 Степанов Александрович Шостак
 Актер Купец Николаев
 Карпенко
 Архивер Маляр Конрадин
 новна Барковская
 Экспериментальный

29

Рис. 4. — Автограф в Книге посетителей музея М. К. Заньковецкой и Н. К. Садовского.

9 Августа 1900. К. Самойлов
 Гр. Хансен

9 Августа 1900. Иван Иванович Савицкий
 П. В. Виноградов

9 Августа 1900. Станислав Станиславович
 Херсонеса Николай и Евфимий Щедриков
 и Евдоким Вавилов.
 Борис Васильевич Толмачев

9 Авг. 1900. Артист Александр
 Дима Киммер
 Маргарита Савицкая
 Мария Стрелова

9 Авг. 1900. Артист Александр
 Александрович Александрович
 артист Художественного театра Николай Александрович
 Дима Виноградов 9 августа 1900.

Режиссер и артист Московского Художествен-
 ного театра Александр Савицкий 9-го Августа
 Артист Художественного театра Александр Александрович 9-го Августа 1900.

9/V 1900. Станислав, К. Виноградов, Мисюрова,
 Метельский.

9/IV 1900. Илья Савицкий
 Анна Гавриловна
 9/IV 1900. Александр Александрович

9/IV 1900. Мария Александровна
 Лиза Виноградова

1900

Рис.5.- Автографы актеров Московского Художественного театра.

Рис. 6.- А.М.Горький и актеры МХАТа у «Склада местных дровностей».

24 апр. подполковник В.И. Туринский полковник Тоддусов,
 25 апреля 1898. Василий Гаврилович Чесноков.
 15 августа 1898. Павел Стефанович Гаврилов у Сарайцев Вятской губ.
 26 апреля 1898 А.И. Исеев из Архангельска и Катеринослав. губ.
 26 апреля 1898 Егор Иванович Гейнрих из Екатерин. губ.
 " " " Андрей Васильевич Менделеев из Симбир. губ.
 " " " Григорий Александрович Яковлев из Ярославля.
 " " " Валентин Павлович
 " " " Егор Иванович
 " " " К. Думбровский
 " " " В.И. Кондратьев. Севастополь
 " " " А.А. Баранов. Керчь
 " " " С.И. Кондратьев. Севастополь
 " " " В.И. Карасова. Керчь
 " " " Михаил Волынецов. Харьков
 " " " Николай и Доминик Рюмины Симферополь
 27/IV 98 Мартен Рубин из Одессы.
 " " " М.А. Шенюк из Москвы.
 27 апреля 1898 года Елизавета Горенко
 Дмитрий Горенко
 27 апр. 98. А. Сергеева. Керчь
 Людмила, Андрей, Анна Горенко, Царск. Село.
 27 мая 1898 Виктор и Андриана Лобинцы из Одессы
 27 апреля Василий Гаврилович Спиридонов
 27 апр. 1898. Иван Иванович Осипов
 27 апр. 1898. Николай Иванович Аркашов
 28th April 1898. Friedrich Sulzger aus Moskau.
 28th апр. 98 Ангелина
 29 апр. Вера Михайловна Плева.
 29 " " " " "

Рис. 7. – Запись в Книге посетителей о посещении музея семьей Анны Ахматовой (Горенко).

Семейство Ягуповых
 Тубунин Сергей Яковлевич М. Лазо
 Анна Васильевна Лазо
 Табриш Уршумин
 Акулино Иеромимовна
 Нарретий Васильевич Недвибка
 В. В. Брошней, Д. В. Фабарская и В. Фабарский 1901 г.
 1900 г. Андрей Федор Фридрихович Ягупов Фортисберг из сел. Ми-
 минского, сел. Зыда, сел. Зыда.
 1925/4 Анна Ивановна Ваишева, Минское (сере. ур.)
 25 апреля Владимир О. И. Андреев, с сестрой Анной Владимировной.
 Покосов (судом. м. в.)
 28го апреля. С. Суськов
 Вал. Борисов 28 апр. 1901 г.
 26 апреля 1901 г. Иван Александрович Мурашев
 26 апреля Юоз - Коручик, Великий Новгород
 Сергей Метинин
 26 апреля Вал. У. Зыда.
 27 апреля Петр Александрович Комельков и
 Александров Коробушова
 Александр П. Михайленко
 Успенский Чекаин
 27 апр. 1901. Куп. Александр Кучушев
 27 апр. 1902. Иван Павлович Кусов
 27 апр. 1900. Виктор Александрович Лане
 27 апр. 1900. Александров
 27 апр. 1900 г. М. Бунин

Рис. 8.- Автограф в Книге посетителей музея И. Бунина.

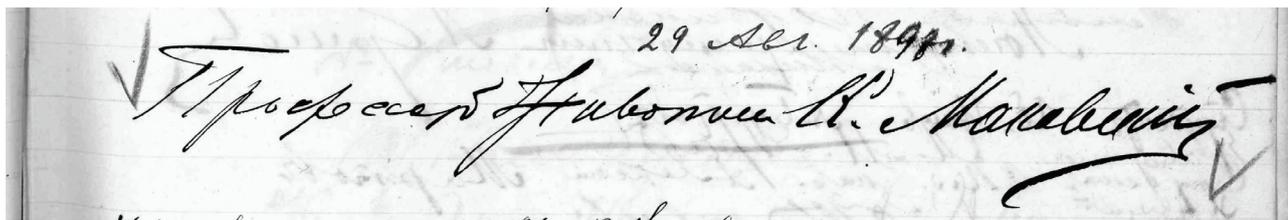

Рис. 9. – Автограф в Книге посетителей К. Маковского.

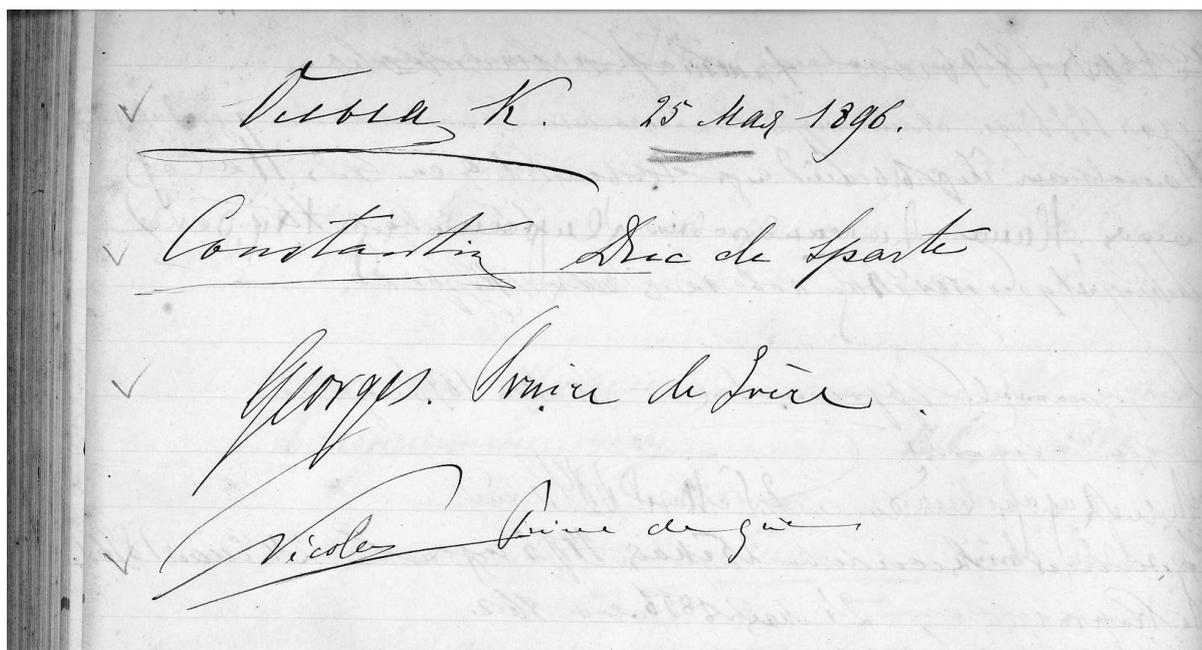

Рис.10.- Роспись Королевы эллинов Ольги.

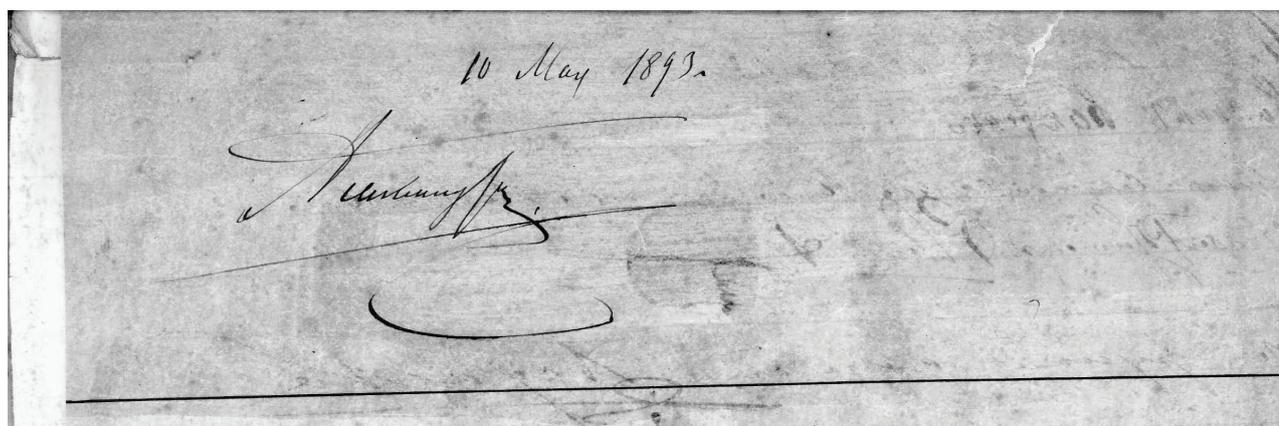

Рис.11. – Роспись Императора Александра III

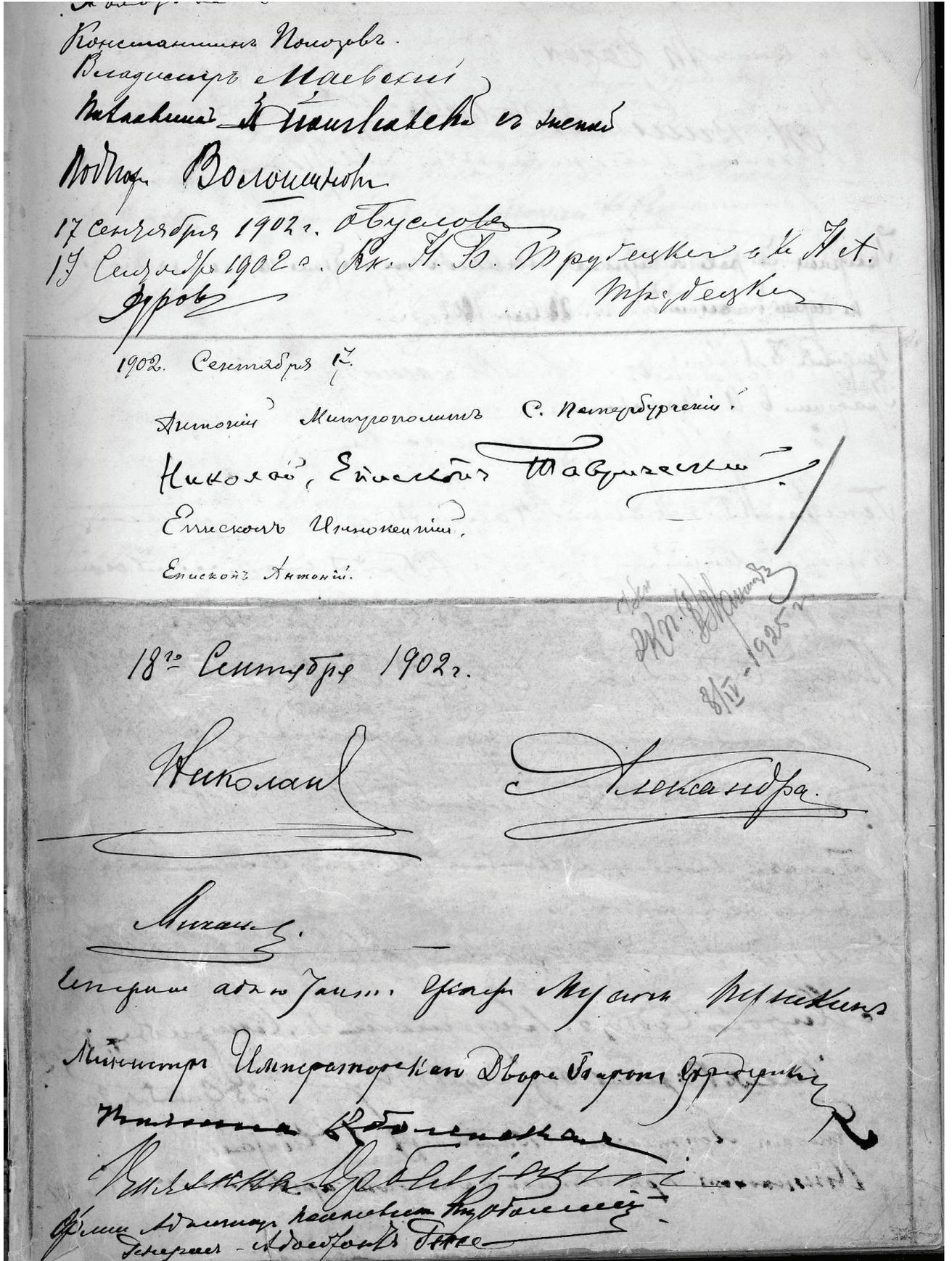

Рис. 12.- Росписи в Книге посетителей Императора Николая II, членов Императорской семьи и Императорского Двора.

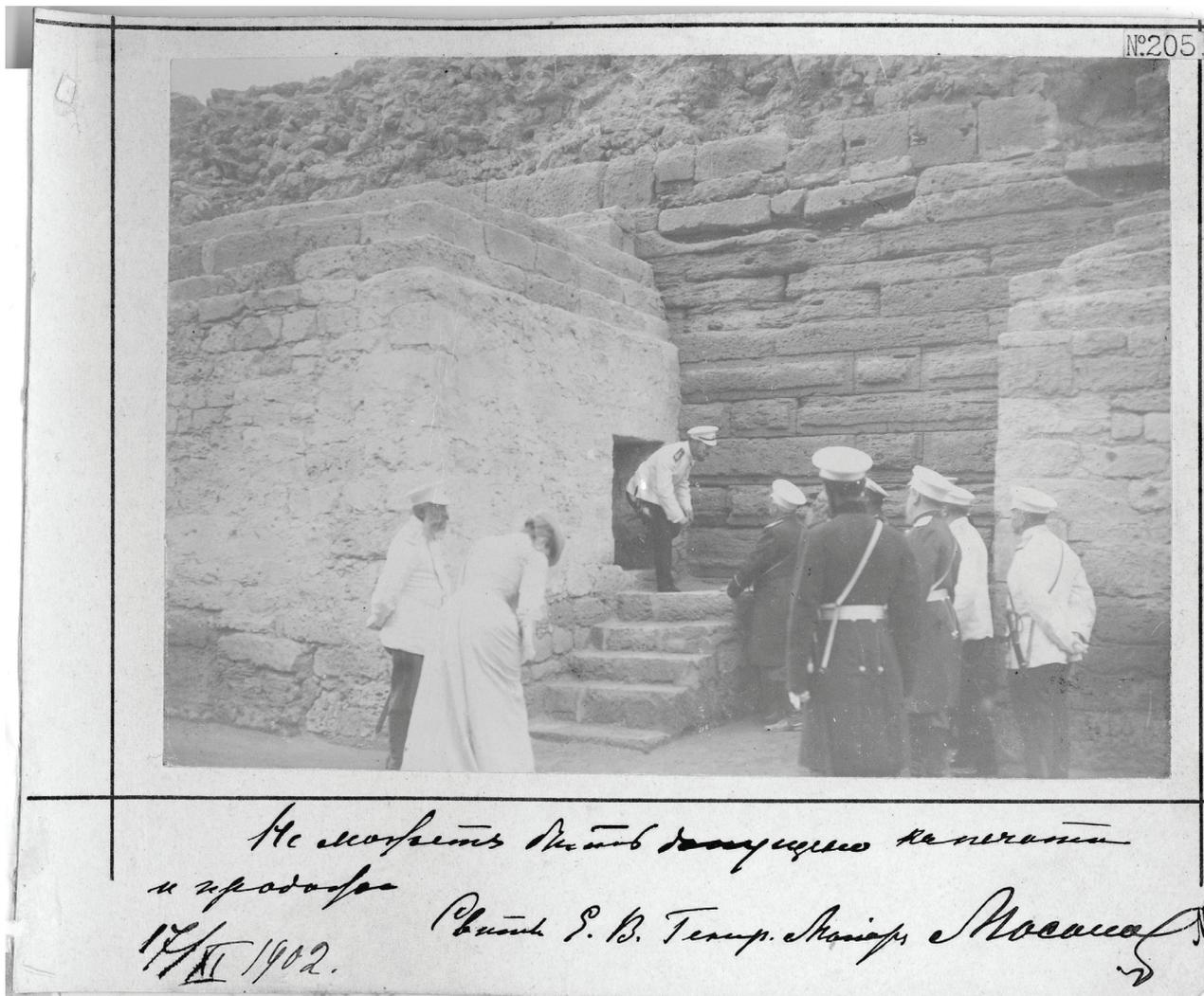
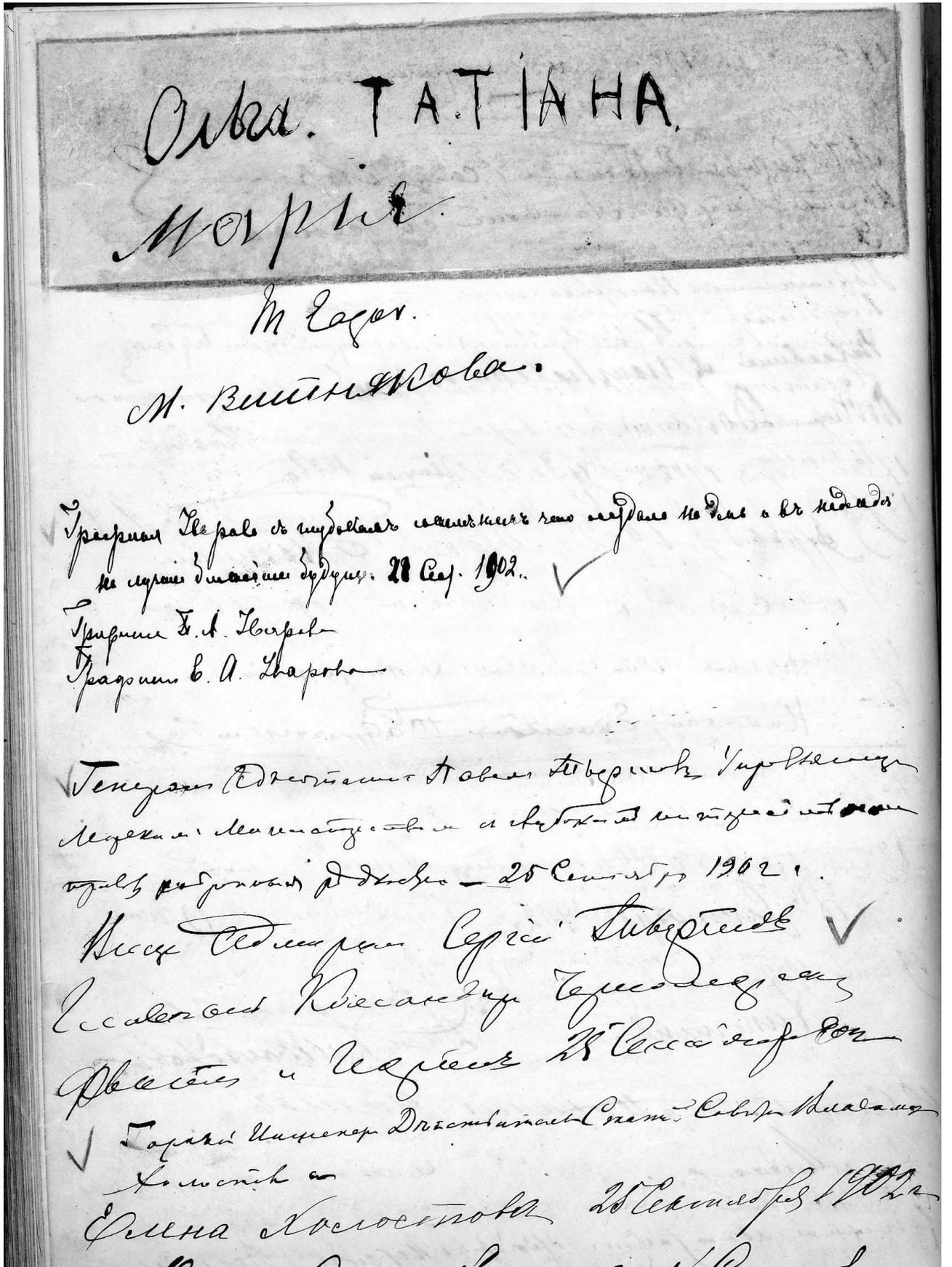

Рис. 13. – Император Николай II осматривает Пристенный склеп у оборонительной стены Херсонеса. 1902 г.

Ольга. ТАТИАНА.

Моррис.

М. Сегер.

М. Вильямовна.

Графиня Тереза де Турелла посетилась рано утром на Даче в 10 часов
на улице Шварцбургской. 28 Сеп. 1902. ✓

Графиня Е. А. Турелла
Графиня В. А. Турелла

Телеграф Адмирала Павла Степановича Туреллы
Моррис и Моррисовна. 28 Сеп. 1902. ✓

Мисс Адмирала Сергея Степановича
Скавронский Александр Туреллы
Ростов и Мария Александровна

✓ Графиня Ипполита Александровна Смирнова
Холмская
Ольга Колосовна 28 Сеп. 1902. ✓

Рис. 14. – Росписи в Книге посетителей дочерей Императора Николая II.

Надирда и Андис, Полторацкая
 Рыловъ Козимъ Абуцаи 29. 1902 года

Мария Петровна Шеховцова 1902 года 29 августа
 Парасковья Сергеевна Шеховцова 1902. 29 авг.
 Илья Сосинович Шеховцов 1902. 29 авг.
 Александра Никитишна Шеховцова 1902. 29 авг.
 Евдокия Сосиловна Шеховцова 1902. 29 августа
 Степанъ Саломовичъ Буцаи ствучени 29. 1902 год
 Александръ Павловичъ Буцаи ствучени 1902 год
 Андрей Седовичъ Буцаи ствучени 1902 год
 Иванъ Маврицъ
 Павелъ Щенко

20 = 101 нмс. Морской полк М. Камышевъ Копытца
 - 8 нмс. Демидово войска в Кассель? Селитра
 Михаилъ Павловичъ Кузнецовъ
 Александръ Стефановичъ
 Комитанъ Демидовъ

9. Состудникъ Ст. Архангелскаго Иеридуно
 Управителю Врацки
 Оскаръ Лавинъ
 Помощи Николай Губа и Евгенія Емцова

Рис. 15.- Автограф в Книге посетителей графа П. Апраксина.

17 мая побывали в музее и расписались.
 Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России
 генерал-лейтенант барон Врангелъ, генерал-лейтенант Шаминск
 и командир штаба кавалерии главнокомандующего
 генерал-майор генерал-майор Георгиев.

Рис. 16.- Запись в Книге... о посещении музея Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России бароном Врангелем и членами генерального штаба.

1920 г. 21/V. Тверь.

Судя по раскопкам, мы кажутся, что функции древнего персонала лучше понимали и брали чувства своих современников, а что функции из прекрасного пожелала.

1920 г. 21/V.
 Князь Кор. В. Толкачев-
 Олшанский

1. Книжка согласен с мнением
 2. Дел. Тверь

Олшанский

1920 г. 22/V

Рис. 17. – Отзывы в Книге посетителей. 1920 г.

В/х = 22 года
 Завершил прошение реставрации Теловидца
 артиста Д. Смарго
 Максимилиан Волошин

Доцент 1го класса Ученый Ассистент
 Феллаука

М. Корень.
 И. В. Павлов
 П. М. Смирнов
 Проф. Н. П. ...

Завершил работу по... список...
 2... А. Куршевский
 Нар. Ряд Акулины Кузнецова
 У. С. ...
 10 ...
 С. В. ...

Рис. 18. - Автограф Максимилиана Волошина.

А. В. ИВАНОВ

**НАСЕЛЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА
ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ**

Антропологическому составу населения Херсонеса посвящено значительное количество исследований, однако, различные периоды истории поселения остаются освещенными крайне неравномерно. Среди опубликованных к настоящему времени материалов, характеризующих население Херсонеса, наиболее ранней следует считать небольшую краниологическую серию из раскопок захоронений I–IV вв. на западном участке некрополя города (Назарова 1990:1 сл., Назарова 2002: 6)¹. Материал, охватывающий последующие IV–IX вв. также весьма малочислен, а его сохранность оставляет желать лучшего (Иванов 2005: 1627 сл.). По существу репрезентативными сериями представлен лишь позднейший период существования города — X–XIV вв.

В этой связи представляется, что публикация данных, характеризующих антропологический состав населения полиса на раннем этапе его существования в поздне — классическое — эллинистическое время, существенно дополнит целостность картины. Тем более, что рассматриваемая серия связана с «северным некрополем» одним из наиболее дискуссионных объектов в истории раскопок Херсонеса, вызывающим живейший интерес исследователей вот уже семьдесят лет.

Некрополь V–III вв. до н.э., был открыт в 1936 г. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г.Д. Белова (Белов 1938: 163 сл.), в ходе исследования застройки жилых кварталов античного и, в основном, средневекового времени (рис. 1). Некрополь располагался на Северном берегу херсонесского городища, основная часть захоронений зафиксирована между VIII–X поперечными улицами. Первоначально, с нач. V в. до н.э., погребения совершались вне городской территории, не позже начала III в. до н.э. некрополь был поглощен растущим городским поселением и застроен. Ко времени исследования его территория была перекрыта строитель-

ными остатками и культурными напластованиями эллинистического, римского и византийского (в основном до 2 пол. XIII в.) периодов существования города.

По разным данным на северном некрополе было исследовано от 140 (Рогов 2005: 162) до 160 (Белов 1981: 164) погребений. За редким исключением погребения совершены по обряду ингумации в индивидуальных грунтовых могилах. Основной тип погребального сооружения — грунтовая яма, изредка обложенная камнями. Большая часть ям впущена в уже сформировавшийся культурный слой, реже дно доводилось до скалы, еще реже в скальной породе устраивалась неглубокая лоткообразная выемка. Стратифицировать уровень древней дневной поверхности, с которой совершались захоронения, возможности не представилось. Вероятно, некоторая часть погребений была совершена в гробах, или, что вероятнее, могилы имели деревянные перекрытия (Зедгенидзе, Савеля 1981: 196). Значительная часть захоронений детей раннего возраста совершена в амфорах. Преобладающая ориентировка погребений восточная.

Уже в процессе исследования памятника внимание привлекло положение костяков в захоронениях. Большая часть погребенных помещалась в могилы в вытянутом положении на спине. Однако до 30% или 34 наблюдения из 114, где представлялась возможность определить позу погребенного (Кадеев 1995: 34), составляли скорченные погребения (рис. 2). Этот прелюбопытнейший факт сразу же породил вопрос об этнической принадлежности погребенных, а позже и тесно связанную с этим проблему социального статуса т.н. «скорченников» в городской общине Херсонеса Таврического.

Длительное время в отечественной археологической литературе господствующим было мнение о том, что скорченная поза погребенных на Северном берегу Херсонеса Таврического, есть несомненный признак принадлежности их к туземному населению, отождествлявшемуся с таврами. Этого положения придерживался в первую оче-

¹ В публикациях Т.А. Назаровой указывается различный количественный состав серии, если в работе 1990 г. приводятся данные по 11 пригодным для измерения черепам (♂ 7, ♀ 4), то в публикации 2002 г. говорится об исследованной серии из 20 единиц (♂ 13, ♀ 8).

редь сам первоисследователь памятника (Белов 1938:165 сл., 1948:20, 1957:238, 1981:171), его мнение разделяли Н. В. Пятыхева (Пятыхева 1949: 123)² и А. И. Тюменев (Тюменев 1949: 245). Крайнюю позицию занимал С. Ф. Стржелецкий, полагавший все погребения Северного некрополя Херсонеса, независимо от позы погребенных, принадлежавшими таврам, инкорпорированным в городское сообщество в качестве не только свободных, но и равноправных сограждан, причем незначительно затронутых ассимиляцией (Стржелецкий 1948: 94–95).

Компромиссная точка зрения была высказана А. А. Зедгенидзе и О. Я. Савелей — считая, что северный некрополь «менее всего представляется чисто греческим», авторы предлагают рассматривать его как «некрополь этнически неоднородного населения, возможно с прослойкой туземных элементов» (Зедгенидзе, Савеля 1981: 199). А. Н. Щеглов, характеризуя взаимоотношения тавров и греческих колоний в Таврике, признает дискуссионность рассматриваемого вопроса, но полагает, что уже в V в. до н. э. в городе сформировался слой варварского населения, в котором «довольно большую (если не преобладающую) долю мог составлять таврский элемент, и гипотеза о принадлежности скорченных захоронений другим этническим группам представляется ему «менее доказательными, чем гипотеза об их таврском происхождении» (Щеглов 1981: 212, 1988: 75). Высказывались и «экзотические» предположения о связи скорченных захоронений со скифами (Капошина 1941) или карийцами (Откупщиков 1975: 56), впрочем не получившие поддержки.

Начиная с В. Д. Блаватского (Блаватский 1953: 163) предпринимались попытки использовать материал северного некрополя в этно-социальных реконструкциях, предполагалось, что скорченная поза погребенных подчеркивает низкий, вплоть до рабского, социальный статус представителей «варварских» этносов в составе населения полиса. Но если В. Д. Блаватский считал таковыми именно тавров, то его последователи не исключая наличия «какого-то количества рабов из среды таврского населения» и, полагая принадлежность скорченных костяков домашним рабам, все же прямо эти факты не связывают (Зубарь 1993: 64–65).

Параллельно существует мнение о принадлежности скорченных погребений, как и всего некрополя, греческому населению полиса. Впервые это точка зрения была представлена в работе Л. М. Славина посвященной поселению на о. Березань (Славин, 1956, с. 168), позже, независимо, к этому же выводу пришел В. В. Лапин (Лапин 1966: 212 сл.). Наиболее резко против принадлежности погребений таврам выступил В. И. Кадеев (Кадеев 1973: 108 сл., 1995:32 сл.). Основными аргументами в пользу данной позиции выступает наличие некоторого количества скорченных погребений в некрополях античных городов Причерноморья: Аполлонии, Ольвии, Фанагории, Каллатиса. Общим в этническом составе населения этих центров представляется именно наличие общины греческих колонистов, варварское окружение полисов при этом абсолютно различно. Причем в каждом случае исследователи связывали «скорченников» с «местным» варварским окружением: в Ольвии со скифами, в Аполлонии — фракийцами, Фанагории — синдо-меотами. Наличие скорченных погребений в некрополе Каллатиса (2 захоронения IV–III вв.) представлялось исследователю особенно важным, ввиду того, что подобно Херсонесу он был апоикией Гераклеи Понтийской и может отражать определенную общность традиций (Кадеев 1995: 32, 34).

Некрополь на северном берегу выделяется исключительной бедностью погребального инвентаря, тем не менее, присутствующие в захоронениях предметы имеют типично греческий облик, в то время как находки кизил-кобинской керамики связанной с таврским населением, весьма не многочисленны не только для территории занимаемой некрополем но и на всем городище в целом. Против таврской атрибуции погребений свидетельствует соседство в пределах единого погребального сооружения, скорченных костяков с вытянутыми и амфорными детскими погребениями, правильная планировка некрополя, наличие нескольких погребений по обряду кремации, фрагменты типично греческих надгробий. Наконец в собственно таврских могильниках присутствуют не только скорченные, но и вытянутые погребения, что по мнению В. И. Кадеева лишает значения «этот постоянный и нередко единственный аргумент в пользу таврской принадлежности скорченных погребений». В качестве дополнительного аргумента приводятся свидетельства древних авторов об акоммуникативности и ксенофобии тавров. В заключение, декларируется порочность

² В октябре 1945 г. в Херсонес была командирована сотрудник ГИМ Н. В. Пятыхева с заданием доставить череп «из таврского некрополя для реконструкции головы тавра». Поскольку в пострадавших во время войны фондах херсонесского музея такового не нашлось, была предоставлена возможность добыть искомое путем раскопок, в ходе которых были исследованы восемь погребений. Сохранность двух черепов в принципе позволяла решить поставленную задачу, однако сведениями о дальнейшем ходе «проекта» автор не располагает.

самой гипотезы о принадлежности скорченных погребений таврам, порожденной в недоброй памяти годы, когда недооценка роли туземного компонента и его благотворного влияния на колонистов могла дорого обойтись исследователю (Кадеев 1995: 36).

Большинство приведенных фактов имеют и свою контр — аргументацию, требующую рассматривать северный некрополь Херсонеса как весьма неординарный памятник (Зедгенидзе, Савеля 1981: 198–199). Е. Я. Рогов опираясь на стратегическую некрополя, приводит данные в пользу сужения датировок скорченных захоронений, указывая, что появляются они на некрополе далеко не с самого начала его функционирования, но не ранее второй четверти IV в. до н.э. Причем существование традиции, по его мнению ограничивается 40–50 годами, пресекаясь на рубеже IV–III вв. до н.э., что объясняется исследователем убытием из города группы населения практиковавшей скорченные погребения или их окончательной ассимиляцией в течение двух-трех поколений (Рогов 2005: 166). Одновременно, подводя итог нескольким десятилетиям дискуссии, Е. Рогов констатирует, что «Споры об этносе погребенных как в вытянутом, так и в скорченном положении все более приобретают схоластический характер, (...) что со всей очевидностью свидетельствует, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет. Наше заключение основывается также и на том, что все высказанные по этой проблеме точки зрения опираются на одну и ту же сумму фактов...» (Рогов 2005: 161).

Любопытно, что антропологический материал со столь важного памятника, на протяжении семи десятилетий остающийся в центре оживленной дискуссии, не привлекал внимания исследователей. По непонятной причине среди историков и антропологов сложилось мнение, что этот ценный палеоантропологический материал не сохранился (Зиневиц 1973: 141). Однако еще в публикации Г. Ф. Дебеца 1949 г., посвященной населению средневекового Крыма, было отмечено, что материал из раскопок некрополя Херсонеса, проводившихся Г. Д. Беловым в 1930–32 и 1935 гг., сохранился и находится в Музее антропологии и этнографии (коллекции №№ 5100 и 5382) (Дебец 1949: 335). Было логично предположить, что материалы раскопок 1936 г. находятся там же, что, собственно говоря, и подтвердилось. Интересовавшая нас серия поступила в фонды музея в 1938 г., при ней сохранился акт о приобретении материала посредством покупки. В 2005 г. автору

представилась возможность работы с рассматриваемым материалом.³

Кроме того, в фондах Национального заповедника Херсонес Таврический автором было выявлено еще пять черепов различной сохранности (4♂, 1♀), связанных с раскопками памятника. Сопоставление сохранившейся маркировки материала с данными отчетов, показало, что черепа происходят из засыпи колодца, содержавшей материал рубежа н.э., исследованного Г. Д. Беловым в 1940 г. в XVII квартале городища. Надо полагать, что останки попали в колодец из погребенный некрополя, разрушенных в ходе строительных работ, проводившихся на его территории в римское время. Исходя из этих данных, мы сочли возможным присоединить рассматриваемый материал к основной части серии⁴.

Сохраняя главную интригу, отметим, что в выборке присутствуют останки погребенных как в вытянутом — ♂: №№ 13/13, 40/40, 44/44, 46/47, 71/78, 74/84, 77/87, ♀: 15/15, 23/23, 45/46, 51/52, 61/65, так и в скорченном — ♂ №№ 52/53, 75/85, 80/90, ♀ 24/24, 59/63, 81/91 (нумерация — в числителе № коллекционный, в знаменателе № погребения, по Белов, 1938 г.), положении. Погребение № 39/39 представляет собой «сомнительный скорченный тип», его ноги были согнуты в коленях (рис. 3), предполагается, что погребенный был помещен на спине с согнутыми ногами в могилу, имевшую деревянное перекрытие (Рогов 2005: 162), впоследствии кости нижних конечностей завалились вправо. Женский череп № 12, должен был соответствовать погребению № 11, однако под этим номером в 1938 г. зафиксирована кремация. Таким образом, сразу отметим, что положение костяка погребенного не связано с его полом.

Сохранившаяся часть выборки представлена двадцатью пятью черепами взрослых. Из них 15 определены как мужские (11 погребения, 4 засыпь), 10 как женские (соответственно 9 и 1). Половой диморфизм в серии выражен очень четко, и затруднений с определением пола не возникало. Мужские черепа отличались крупными размерами, массивностью, выразительным мышечным рельефом, женские на их фоне воспринимались как весьма грацильные, однако значения их измерений часто довольно значительны для женских серий. Сохранность материала, к сожалению, следу-

³ Автор искренне признателен В. И. Хартановичу, В. Г. Моисееву и В. И. Селезневой за огромное содействие, позволившее выполнить эту работу.

⁴ На северном берегу городища присутствуют и многочисленные позднейшие погребения, однако, все они связаны с христианскими культовыми комплексами, появившимися здесь не ранее сер. V в. т.е. значительно позже формирования засыпи колодца 1940 г.

ет оценить как плохую, черепа нуждались в значительной реставрации и практически все были восстановлены с большими или меньшими утратами, что предопределило неполноту измерений (таб. 1, 2).

Возрастной состав основной части выборки довольно необычен: все девять женщин относились к возрастной группе *adultus*, среди мужчин 6-*adultus*, 5-*maturus*, причем возраст погребенных не превосходил 40–45 лет. Впрочем, черепа из насыпи колодца принадлежали двум мужчинам *senelis*, одному *maturus*, одному *adultus* и женщине *senelis*.

Исследуемая серия представляет группу довольно неоднородного европеоидного населения, величины квадратического отклонения по большинству признаков завышены в сравнении со стандартными. Мозговой отдел черепа в особенности в мужской части выборки характеризуется значительными линейными размерами. По продольно-поперечному указателю серия мезокранна (♂ 75,18; ♀ 78, 25), однако наблюдается значительный размах *min-max* (♀ 72.16–88,57; ♂ 67,54–80,65). На уровне индивидуальных наблюдений в серии присутствуют долихокранный (♂ 46/47,74/84,80/90,1/40; ♀ 12/11,23/23,24/24), мезокранный (♂ 39/39,13/13,71/78,77/87,3/40; ♀ 59/63, 81/91) и резко брахикранный (♂ 40/40, 44/44; ♀ 15/15, 45/46, 2/40) компоненты. Для мужской части серии характерны небольшие значения высотно — продольного (71,61) и высотно — поперечного указателей (87,37), что характеризует черепные коробки как низкие и умеренно-широкие. Похоже, что у женской части выборки эти соотношения несколько выше, однако число выполненных измерений очень невелико. Угол профиля лба и в мужской и в женской выборке ближе к прямому. Ширина затылка у мужчин в среднем умеренная (110.73), у долихокранных черепов затылок узкий, у женской части выборки широкий.

Характерной чертой серии представляется ослабленная горизонтальная профилировка на уровне *fmo-fmo*. Средняя величина *NM* угла у мужчин 144,8-свидетельствует об умеренной профилировке, однако у шести индивидов (№№ 39/39,40/40,46/47,44/44,71/78,77/87) лицо на верхнем уровне явно уплощено, о хорошей профилировке можно говорить лишь в трех случаях

(№№ 13/13,74/84,4/40). В женской части серии выполнено лишь три измерения и во всех случаях профилировка ослаблена. Величины *ZM* угла напротив свидетельствуют о хорошей профилировке лицевого отдела на уровне *ZM* точек у мужчин, в женской выборке выполнено всего два измерения в одном случае (№ 80/90) профилировка умеренная. Глубина клыковой ямки в большинстве случаев относительно невелика у мужчин в среднем 3, 72, у женщин несколько больше –3,92.

Вертикальную профилировку лица удалось определить лишь в очень ограниченном числе случаев. Общий лицевой угол у мужчин в одном случае соответствует ортогнатному типу строения (№ 1/40), в двух случаях мезогнатному (№№ 44/44, 74/84) и в одном случае определен слабый прогнатизм (№ 13/113), в альвеолярной части в трех из четырех измерений отмечен умеренный прогнатизм (№№ 13/13,71/78). Единственное измерение общего лицевого угла у женщин на грани мезо и ортогнатных величин, на альвеолярном уровне (два измерения) прогнатизм не выявлен.

По верхней высоте лица мужская часть выборки неоднородна, усредненный показатель (70.4) лежит близко к границе средних и малых величин на индивидуальном уровне из десяти измерений в четырех случаях лицо низкое (№№ 13/13, 40/40,74/84,77/87), в трех средне-высокое (№№ 52/53,75/85,1/40), в трех высокое (№№ 39/39, 44/44, 4/40). Единственное измерение у женщин (№ 59/63) свидетельствует о большой высоте лицевого отдела. Скуловой диаметр измерен лишь на двух мужских и двух женских черепках во всех случаях он невелик.

Верхняя ширина лица у мужчин в пределах средних значений (105.25), На индивидуальном уровне отмечен значительный размах измерений (*min*100-*max*114). У №№ 39/39, 52/53,77/87,3/40,5/40 верхняя ширина большая, у № 13/13,44/44,80/90, 4/40 средняя, малая ширина отмечена у №№ 40/40,46/47, 74/84, 1/40. У женщин верхняя ширина лица в пределах малых (№ 12/11, 24/24, 45/46) и средних величин (№ 61/65, 81/91). Средняя ширина лица у мужчин большая (95, 19), два измерения женской выборки соответствуют малой (№ 12/11) и средней (№ 81/91) величинам признака. Угловая ширина н. челюсти у всей серии в границах средних величин. Верхнелицевой указатель удалось вычислить только для трех индивидов — два у мужчин (№№ 13/13, 74/84), оба мезен, один у женщин лептен. По орбитному указателю как мужская (87,74) так и в женская выборки (87,74) характеризуется гипсикранией.

⁵ Автор сочла возможным объединение этих небольших выборок на том основании, что г. Керкенидида с III в. до н.э. входил в состав Херсонесского государства (Назарова 2006: 71–72), однако отметим, что Керкенидида была основана в 3 четв. VI в. до н.э. ионийцами, в отличие от дорийского Херсонеса и до конца IV в. до н.э. существовала как самостоятельный полис. Учитывая крайнюю малочисленность материала, вывод о тождественности антропологического состава населения обоих городов представляется преждевременным и требующим дальнейшего изучения по мере накопления данных.

Ширина носа небольшая у всей серии при средней высоте у мужчин и малой у женщин. По носовому указателю мужская выборка мезоринная, два измерения у женщин указывают на лепторинию. Симотический указатель у мужской части серии сильно варьирует (min-max 18.18–61.11) от низкого до высокого при высоких значениях дакриального указателя. У женщин симотический и дакриальный указатели свидетельствуют о средневысоком переносье.

Результаты компонентного анализа подтверждают тезис о смешанном характере серии. Мужская часть выборки анализировалась по 13 признакам: 1 продольный дм, 8 поперечный дм, 12 ширина затылка, 48 верхней высоте лица, 43 верхней и 46 средней ширине лица, высоте 55 и ширине 54 носа, 51, mf ширине и высоте 52 орбиты, 20 ушной высоте, 77 NM и ZM углам. Для мужчин основной процент изменчивости описывается I и II ГК, суммарно 45%. I ГК описывает 25,7% изменчивости, высокую положительную корреляцию демонстрируют средняя ширина лица (46) и углы горизонтальной профилировки лица (77, ZM). ГК II описывает 20,1% соответственно основные нагрузки положительных связей — ширина орбиты mf, верхняя (43) высота лица и в значительно меньшей мере поперечный дм. черепной коробки и высоту орбиты.

Худшая сохранность черепов женской выборки позволила рассмотреть только 9 признаков соответственно: 1 продольный дм, 8 поперечный дм, 12 ширина затылка, 43 верхнюю и 46 среднюю ширину лица, ширину носа (54), ширину (51 mf) и высоту орбиты (52), ушную высоту (20). На I ГК приходится 37,9%, на II ГК — 23%. Основные нагрузки I ГК — ложатся на ширину затылка, поперечный дм, среднюю ширину лица и в меньшей мере ширину носа, II ГК на высоту и ширину и глазницы и ушную высоту.

Таким образом, серия представляется довольно смешанной. У мужчин — очевидна вариабельность по степени горизонтальной профилировки и основным линейным параметрам лицевого отдела. В женской выборке основные различия проявляются в широтных параметрах черепной коробки и строении глазниц. В целом определенную специфичность серии можно усматривать в ослаблении горизонтальной профилировки на уровне *fm0-fm0* и некоторой тенденцией к прогнатизму у мужской части выборки.

Явных признаков прижизненных заболеваний на исследованном материале выявлено не было, впрочем, это вопрос отдельного исследования. Отметим только зубочелюстные патологии — семь

случаев поражения кариесом (♀4, ♂3) и четыре случая значительных отложений зубного камня (все ♂). Определенное внимание привлек женский череп № 24/24. Его поперечный размер составил 134, а широтные размеры лба соответственно 87 (9) и 106 (10). Неестественно узкая лобная часть имела выраженный «перегиб» вдоль линии бывшего метопического шва, лицевой отдел черепа не сохранился, все это напоминало посмертную деформацию, однако широтные размеры сохранившейся н. челюсти также оказались очень небольшими (66. — 97). Вероятно, необычную морфологию черепа следует рассматривать как вариант индивидуального развития.

Приходится признать, что сколько-нибудь определенную связь морфологических черт с положением костяков в могиле выявить не удалось, иначе это можно сформулировать как то, что погребенные в скорченном положении в антропологическом отношении не отличаются от погребенных вытянутыми на спине. Интерпретировать этот факт, разумеется, можно различным образом.

База антропологических данных, с которыми целесообразно сопоставить херсонесский материал классического времени, весьма ограничена. Следуя традиционной постановке проблемы, рассмотрим серию с некрополя северного берега в сравнении с материалами характеризующими крымских тавров.

Антропологический материал характеризующий таврское население очень невелик, в сущности, исследователи оперируют данными давно введенными в научный оборот Е. В. Жировым, Г. Ф. Дебецем и К. Ф. Соколовой (Дебец 1948: 164, Жиров 1949: 276 сл., Соколова 1960: 66–67). Г. Дебец полагал характерным для тавров массивный брахикранный тип. К. Ф. Соколова помимо материала, связанного собственно с таврами включила в рассмотрение черепа из погребений, выбранных по принципу скорченности костяка, датированные от поздней бронзы до рубежа н. э., и сделала вывод об исключительной смешанности полученной серии, и соответственно антропологической неоднородности тавров, выделив в их составе как минимум три антропологических типа.

Т. А. Назарова проведя аргументированную ревизию ранее опубликованных краниологических материалов, связанных с таврами, сочла возможным оперировать измерениями серии из четырнадцати (♂9, ♀5) черепов, к сожалению, ввиду плохой сохранности обмеренных далеко не по полной программе. Автор характеризует мужские черепа из таврской серии как суббрахикранные (79,3), со средними продольными

и поперечными диаметрами (182,4 и 144,6 соотв.), небольшой высотой черепной коробки (129), среднешироким (97) умеренно-покатым лбом, широким (137,3), высоким (70) хорошо профилированным в вертикальной и горизонтальной (NM 134,4, ZM124,6) плоскости лицом, FC средней глубины (4,7) узким (54/55–46,4), резко выступающим носом и мезоконхными (77,97) орбитами. Женская часть, соотносимой с таврами серии, также суббрахиокранна (79,8), с очень большой высотой черепной коробки (139,5), хорошо профилированным (NM 133,3, ZM126,8) широким (131, 7) лицом, широким (54/55–51,1) сильно выступающим носом и мезоконхными орбитами (82,5) (Назарова, 1997: 69).

Мнения антропологов в отношении проблемы присутствия тавров в составе населения античного Херсонеса прямо противоположны. Опираясь на предположения, выдвинутые Г. Ф. Дебецем (Дебец 1948: 334, 386), Г. П. Зиневич полагала возможным влияние тавров на формировании антропологического типа населения Херсонеса вплоть до раннесредневекового времени (Зиневич, 1973: 155). М. М. Герасимова, опираясь в основном на аргументацию археологов, признает мнение о преобладании местного компонента в составе населения полиса убедительным (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 22–23).

Т. А. Назарова, напротив, полагает, что таврский компонент «мы можем с достаточной степенью уверенности исключить из антропологического типа херсонеситов» (Назарова 2006: 72). Используемая серия, представляющая население Херсонеса IV–III в. до н. э., собрана из трех черепов из погребений, отнесенных к эллинистическому времени с западного некрополя города и трех черепов некрополя Керкинитиды. Помимо материалов эллинистического времени для сравнительного анализа использован также немногочисленный материал первых вв. н. э. Автор полагает, что мужскую таврскую выборку отличает от жителей города значительно большая ширина лица, меньшая ширина и большая высота черепной коробки, следуя Г. Ф. Дебецу Т. А. Назарова характеризует таврские черепа как сравнительно более массивные. Отличия женской выборки усматриваются в меньшей ширине и высоте черепной коробки и лицевого отдела и более слабой профилировке лица. «Таким образом неоднократно поднимавшийся вопрос о присутствии в составе населения Херсонеса тавров результатами антропологических исследований решается отрицательно».

Заметим, что в основе такого заключения лежит гипотеза об антропологическом еди-

нообразии как тавров так и жителей Херсонеса классического и эллинистического периодов его существования. Представляется, что в отношении тавров решить этот вопрос, оперируя имеющимся материалом не представляется возможным. В отношении же населения полиса публикуемые данные позволяют утверждать, что оно было в антропологическом отношении смешанным уже на раннем этапе существования поселения. К проблеме возможного выделения в его составе местного компонента можно будет вновь обратиться по мере накопления репрезентативного антропологического материала характеризующего население юго-западной и южной Таврики периода раннего металла.

В равной мере проблематично и выделение в составе населения Херсонеса собственно греческого компонента. Антропологические данные, характеризующие антропологический состав метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской отсутствуют, можно только предполагать наличие в его составе греческого и местного малоазийского компонентов, представленных подчиненными мариандинами. (Щеглов 1981: 212, 217, прим. 22, 23). Вероятно, следует учитывать и саму дорийскую модель колонизации, сопровождавшуюся захватом территорий и вытеснением аборигенного населения, что должно было способствовать сохранению «чистоты рядов» колонистов и их ближайших потомков. В этом плане небезынтересны опубликованные, но, к сожалению, очень неполные данные по населению Арголиды архаического времени (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 41, таб. 15) как области расселения дорийского населения — средние параметры мужской выборки некрополя на Северном берегу Херсонеса довольно близки к ним. В то же время, имеющиеся данные о населении Греции I тыс. до н. э. свидетельствуют об антропологической неоднородности ее населения. Л. Анжелом было выявлено, как минимум, шесть антропологических групп (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 38), объединяемых двумя более крупными антропологическими типами — средиземноморобалканским, связанным с бассейном Эгейского моря, и переднеазиатским, тяготеющим к Малой Азии вплоть до Кавказа (Пулянос, 1960: 8). При этом, краниологических данных позволявших бы судить о населении отдельных областей античной Греции и в особенности центров колонизации совершенно недостаточно.

Таким образом, при исследовании населения Херсонеса Таврического на ранних этапах его существования встает сложная проблема, связанная

с миграцией заведомо неоднородного населения в среду местных жителей характеризующихся, в известной мере, гипотетичными антропологическими характеристиками. В методическом плане ставится задача выделения из смешанного европеоидного населения более низких таксономических групп, что представляется довольно проблематичным на имеющемся сегодня материале.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. — Симферополь, 1938.
- Белов Г. Д. Херсонес Таврический. — Л., 1948.
- Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА XIII*. — 1950:
- Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА № 3*. — 1981: 163–180.
- Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. *ТИЭ 14*. — М., 1948.
- Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. *МАЭ XII*. — М.-Л., 1949: 333–387.
- Жиров Е. В. Костяки из каменных ящиков Крыма. *МАЭ X–M*., 1949: 276–284.
- Зедгенидзе А. А. Савеля О. Я. 1981 Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. как источник изучения этнического и социального состава населения города. *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. — Цхалтубо-Тбилиси, 1979: 191–203.
- Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973.
- Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. — Киев, 1993.
- Иванов А. В. Население Византийского Херсона по данным антропологии. в: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005: 1627–1638.
- Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя. *ВДИ 4*. — 1973: 108–116.
- Кадеев В. И. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического. *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. — Симферополь, 1995: 32–38.
- Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. *СА VII*. — 1941: 161–173.
- Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. — М., 1972.
- Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966.
- Назарова Т. А. Антропологическая характеристика погребенных из грунтовых могил некрополя Херсонеса. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма — Киев, 1990: 1–13.
- Назарова Т. А. Населения Херсонеса в I–XIV ст. за антропологическими данными. автореферат канд. диссертации. — Киев, 2002.
- Назарова Т. А. К вопросу об антропологии тавров. *ХСб.* 8. — Севастополь, 1997: 68–74.
- Назарова Т. А. Тавры в составе населения античного Херсонеса. *ВА 14*. — 2006: 68–73.
- Откупщиков Ю. В. Греческая колонизация и карийцы. *Античные византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья*. Тезисы докладов. — Тбилиси, 1975: 55–56.
- Пятышева Н. В. Тавры и Херсонес Таврический. *КСИИМК 29*. — 1949: 122–124.
- Пулянос А. Н. Проблемы антропологии Греции в связи с этногенезом ее народа. Автореферат канд. диссертации. — Москва, 1960.
- Рогов Е. Я. Греки и варвары в Западном Крыму. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. — СПб., 2005: 137–210.
- Славин Л. М. Давньогрецьке поселення на острові Березань. *ІЗКДУ 16 (6)*. — К., 1956.
- Соколова К. Ф. Тавры Крымского полуострова. *ВоА 3*. — 1960: 66–76.
- Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса. *ХСб.*, вып. 4. — 1948: 69–96.
- Тюменев А. И. Херсонесские этюды. *ВДИ 4*. — 1949: 245–275.
- Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике. *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Тбилиси, 1979: 204–217.

А. В. Иванов

НАСЕЛЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ.

РЕЗЮМЕ

Автором рассматривается краниологическая серия поздне-классического — эллинистического периода с «северного некрополя» Херсонеса. До 30% погребенных здесь было похоронено в скорченном положении, что породило вопрос об их этнической принадлежности и социальном статусе в городской общине. Согласно публикуе-

мым данным, население Херсонеса, уже на ранних стадиях существования города, представляется неоднородным в антропологическом отношении, однако выделение в европеоидной популяции смешанного состава более мелких таксономических групп остается проблематичным.

О. В. Иванов

НАСЕЛЕННЯ ЕЛЛІНІСТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА ЗА ДАНИМИ АНТРОПОЛОГІЇ.

РЕЗЮМЕ

Автором розглядається краніологічна серія пізніше-класического — елліністичного періоду з «північного некрополя» Херсонеса. До 30% похованих тут було поховано в скорченому положенні, що породило питання про їх етнічної приналежності і соціальний статус у міській громаді. Згідно з опублікованими дани-

ми, населення Херсонеса, вже на ранніх стадіях існування міста, представляється неоднорідним в антропологічному відношенні, проте виділення в европеїдній популяції змішаного складу дрібніших таксономічних груп залишається проблематичним.

A. Ivanov

POPULATION OF HELLENISTIC CHERSONESOS ON THE DATE OF ANTHROPOLOGY

SUMMARY

The author examines the late Classic Hellenistic series from the «north necropolis» of the Chersonesos. As the 30 percent of the buried were in writhen position it rises a question of their ethnic attribute and social status in the city community. According to

the published data, the population of the Chersonesos was heterogeneous even on the early stages of the city existence. However, it is quite problematic to separate this mixed Caucasoid population from the other small taxonomic groups by means of given material.

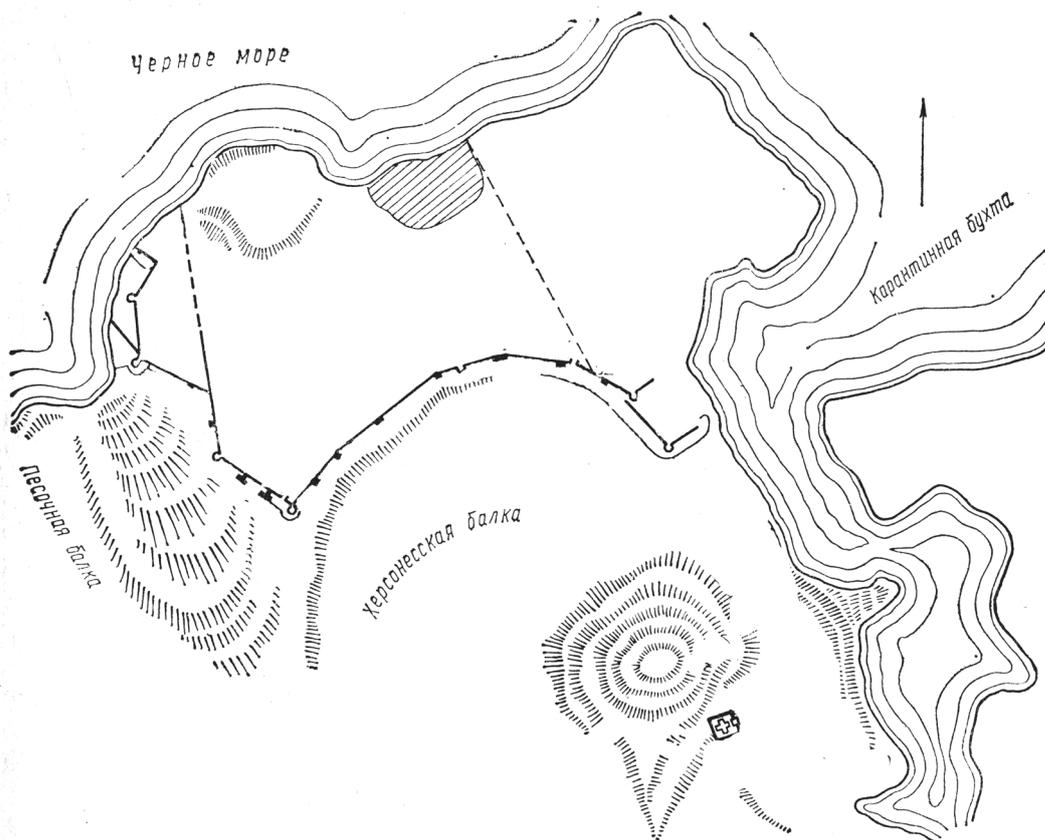

Рис 1. Некрополь на северном берегу на плане городища Херсонеса Таврического.

Рис2. Раскопки участка некрополя на северном берегу городища 1936г.

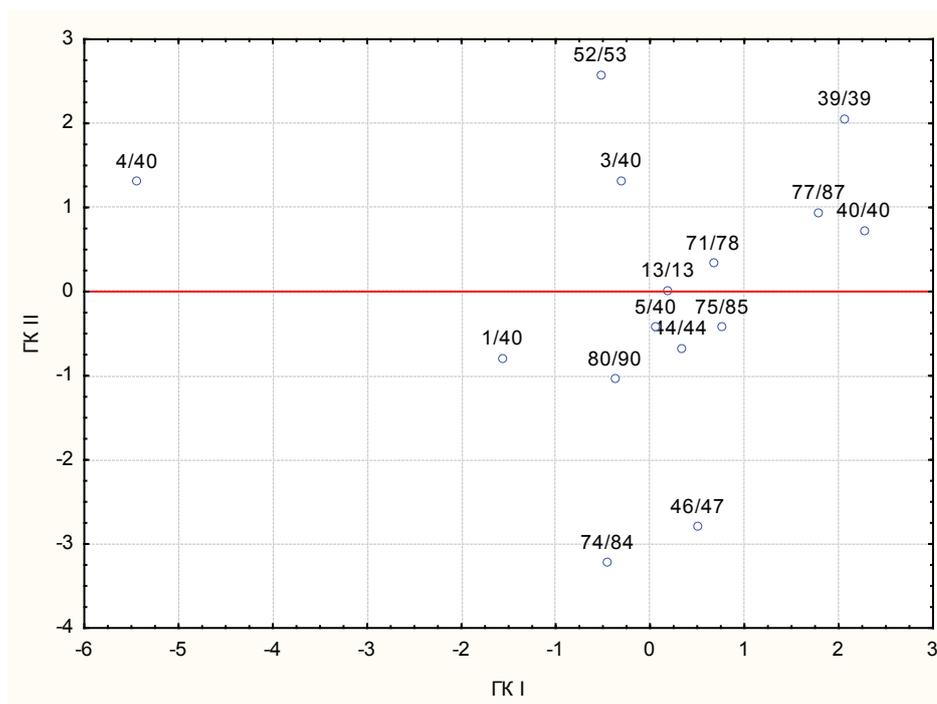
Рис 3. Скорченное положение покойного погребение №2, 1935г.

Рис 4. то же , погребение №73, 1936г.

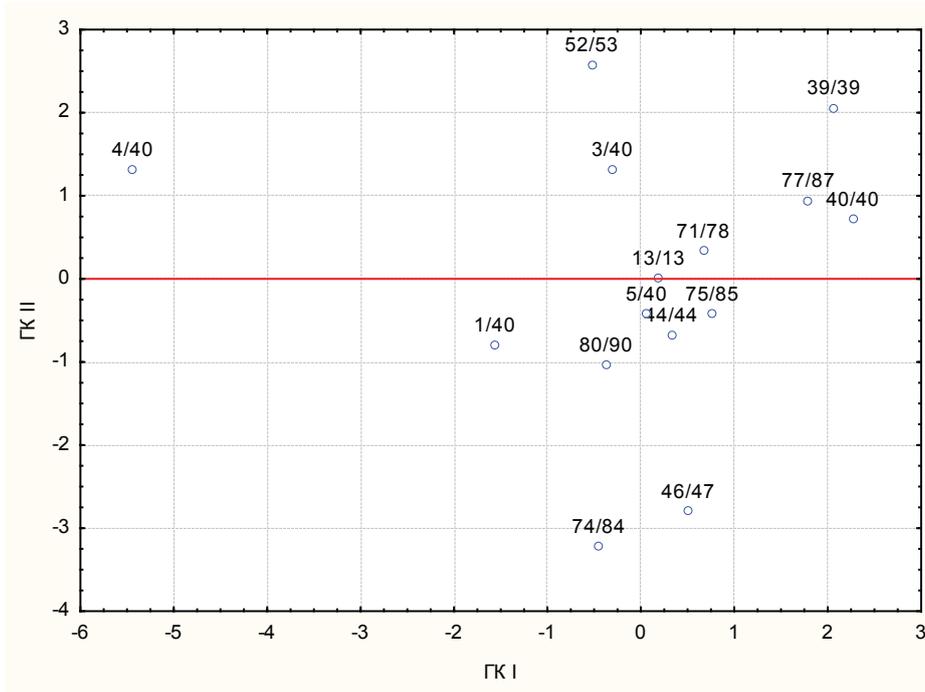

Рис 5. Вытянутое положение покойного погребение №23, 1936г.

	1	2	3	4
var				
1	-0.210	0.066	0.731	-0.434
8	0.431	0.558	-0.424	-0.270
12	0.406	0.469	-0.604	-0.190
48	-0.708	0.292	-0.149	0.508
43	0.180	0.781	0.357	0.247
46	0.722	0.360	0.259	0.224
55	-0.284	0.422	-0.461	0.432
54	0.367	0.425	0.742	-0.035
51	-0.332	0.790	0.022	-0.264
52	-0.676	0.445	0.179	0.256
20	0.027	0.255	-0.318	-0.724
77	0.776	-0.081	-0.097	0.409
ZM	0.713	-0.039	0.048	0.252
Charact. value :	3.344	2.613	2.204	1.743
Per cent :	25.723	20.102	16.957	13.409

Рис 6. Графическое представление внутригруппового анализа серии, метод ГК : . мужчины,

var			
1	0.478	0.150	0.820
8	0.735	0.068	-0.398
12	0.943	0.313	-0.059
43	0.554	-0.343	-0.132
46	0.719	-0.160	-0.133
54	0.605	-0.740	0.043
51	0.448	0.562	-0.570
52	-0.248	0.833	-0.126
20	0.548	0.531	0.590

Charact. value : 3.409 2.107 1.560

Percent : 37.876 23.412 17.338

Рис 7. Графическое представление внутригруппового анализа серии, метод ГК : женщины.

В. А. НЕССЕЛЬ

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК РИМСКОГО ВОЕННОГО ПОСТА В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Археологическими исследованиями, проводимыми совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Институтом археологии Варшавского университета в 2000–2002 гг., был открыт римский военный пост, расположенный на выс. Казацкой, находящейся в восточной части массива Сапун-горы. Раскопками было установлено, что в систему поста входила квадратная в плане башня, к которой примыкали жилые и хозяйственные постройки, окруженные оградой и рвом (Sarnowski, Savelija, Karasiewicz-Szczypiorski 2002: 167–172). Археологический материал, полученный в процессе изучения данного комплекса, состоит из значительного количества строительной керамики, среди которой немало клейменных экземпляров, тарной, столовой, кухонной посуды, сосудов специального назначения (светильников и курильниц), а также находок стеклянных и металлических изделий.

Представляемая публикация посвящена обзору находок столовой посуды, значительная часть которой представлена краснолаковыми изделиями. Подавляющее большинство форм столовых сосудов с лаковым покрытием, обнаруженных при раскопках римского военного поста на выс. Казацкой, принадлежит группе керамики понтийского производства. Используя в настоящей работе ставшую уже традиционной типологию, разработанную в 1985 г. Дж. Хейсом для сосудов группы Pontic Sigillata (Hayes 1985), мы, вслед за рядом современных исследователей, вынуждены признать, что к сегодняшнему дню данная типология уже не является совершенной. Разработки последних лет, посвященные краснолаковой керамике из региона Северного Причерноморья, показывают, что в группу Pontic Sigillata входило значительно больше форм, указанных Хейсом (Домжалский 1998: 23; Журавлев 1998: 31–51; Zhuravlev 2000: 152–155; Klenina 2003: р. 225–228). Более того, в настоящее время на основании технологических особенностей и ареала находок делаются попытки выделения в большой группе понтийской керамики отдельных, локальных групп (Ушаков 1997:

120–123; Zhuravlev 2000: р. 152–155; Klenina 2003: 226–227). Однако, до обнаружения в городах Северного Причерноморья гончарных мастерских по изготовлению краснолаковой посуды, эти схемы следует принимать в качестве предположений.

Помимо сосудов понтийского происхождения, среди краснолаковой керамики, обнаруженной на территории римского военного поста, выделяются сосуды импортного производства. Несмотря на то, что их доля в общем числе находок столовой посуды крайне незначительна (всего 2 экземпляра), они, однако, являются достаточно информативными с точки зрения датировки данного строительного комплекса. Эти сосуды принадлежат к группе Eastern Sigillata B, центром производства которой был город Траллы в Малой Азии (Hayes 1985: 49). Керамика данной группы, характерная для I-нач. II вв. н.э., присутствует на большинстве памятников Северного Причерноморья (Журавлев 1997: 227–260, там же см. библиографию вопроса; Журавлев 1998: 34–35).

Кроме краснолаковой посуды, при раскопках башни и примыкавших к ней построек были найдены простые столовые сосуды. Их форма и качество изготовления находят прямые аналоги среди материала Херсонеса и его ближней округи. Примечательно, что большая часть этих сосудов представляют закрытые формы.

Краснолаковая керамика

1. Eastern Sigillata B, form 70 (Hayes 1985: tav. XIV, 19) — чаши с вертикальным бортиком, слегка нависающим над скошенными стенками, дно на низком плоском поддоне, на внутренней стороне дна — плохо сохранившийся штамп в виде розетки, на внешней стороне имеются граффити. Глина светло-оранжевого оттенка, слоистой структуры, содержит значительную примесь слюды. Лак оранжевый, блестящий. Д=14, 3 см, д=5 см. (Рис. 1: 1, 2)

Аналогии и датировка: среди погребального инвентаря могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму выделена целая серия сосудов группы Eastern Sigillata B. Наиболее близкой ана-

логией нашей находке является форма 8 (чаши) из данного комплекса, в основном, датируемая сер. — втор. пол. I — перв. четв. II в. н. э. Характерно, что на сосудах группы Eastern Sigillata B довольно часто встречаются клейма, особенно в виде розетт и цветов различной формы (Журавлев 1997: 240–242, 248–249, рис. 4–6).

2. Pontic Sigillata, form 1 (Hayes 1985: tav. XXII, XXIII) — тарелки с вертикальным бортиком и сильно скошенными стенками. На бортике при переходе к стенке — выступающее ребро, дно на кольцевом поддоне. На дне — ряды концентрических насечек, у одного экземпляра в центре дна — штамп-пальметта. Глина плотная, светло-коричневого, оранжевого оттенка, содержит очень редкие известковые включения. Лак неровный, оранжевый и коричневато-оранжевый, полностью покрывает внутреннюю часть сосуда и, частично, его внешнюю сторону. Д=15–23 см, д=5, 8–8, 8 см. (Рис. 1: 3–10)

Аналогии и датировка: сосуды данной формы широко распространены в Северном Причерноморье в I–II вв. н. э. (Арсеньева, Науменко 1993: 75, рис. 19: 4, 5; Бураков 1976: табл. IX: 16–18, 20; Журавлев, Ломтадзе 1999: 99, рис. 3: 17, 18; Кленина 2004: 46, рис. 13: 131–132; Крапивина 1993: 12; рис. 51; Нессель 2000: 146, рис. 31: 2, 3; 2003: 4, рис. 2:10; Хршановский 1998: 84, рис. 3: 3, 1).

3. Pontic Sigillata, form 5 (Hayes 1985: tav. XXIII) — чаши с высоким вертикальным бортиком и сильно скошенными стенками; дно плоское или на очень низкой плоской подставке. Бортик с внешней стороны профилирован 2-мя горизонтальными желобками, переход к стенке обозначен выступающим ребром с внешней стороны сосуда. На одном экземпляре с внешней стороны стенки нанесено граффито. Глина плотная, светло-коричневого, оранжевого оттенка. Лак неровный, оранжевый и коричневато-оранжевый, полностью покрывает внутреннюю часть сосуда и, частично, его внешнюю сторону. Д=11, 8–17, 5 см, д=6, 8 см. (Рис. 2: 1–3, 5–8)

Аналогии и датировка: I–I пол. III вв. н. э. (Арсеньева, Науменко 1993: рис. 19: 1–3; Журавлев, Ломтадзе 1999: 99, рис. 3: 19–25; Кленина 2004: 54–55, рис. 19; Ковалевская 1998: 95, рис. 4: 7; Нессель 2000: 149, рис. 32: 19, 22–23; 2003: 4–5, рис. 2: 2–4)

4. Pontic Sigillata, form 6 (Hayes 1985: XXIII) — крупные глубокие чаши, с высоким, слегка наклоненным внутрь бортиком, профилированным с внешней стороны горизонтальными бороздками; есть примеры украшения бортика лентовидными налестками различной формы. Стенки сильно скошены, в отдельных случаях украшены в верхней части с внутренней стороны рядами кон-

центрических насечек; дно на низкой кольцевой подставке. Глина плотная, светло-коричневого, оранжевого оттенка. Лак неровный, оранжевый, красно-оранжевый и коричневато-оранжевый, полностью покрывает внутреннюю часть сосуда и, частично, его внешнюю сторону. Д=18, 7–22, 5 см. (Рис. 2: 4, 9–14)

Аналогии и датировка: несмотря на то, что сосуды этой формы постоянно встречаются при раскопках античных памятников Северного Причерноморья, среди исследователей нет единого мнения по поводу их датировки — от широких хронологических рамок — I–III вв. н. э. (Ковалевская 1998: 95, рис. 3: 11; Нессель 2000: 149, рис. 32: 15, 21) до более узкого времени — пер. пол. II в. н. э. (Журавлев, Ломтадзе 1999: 100, рис. 3: 26–28), сер. II–III вв. н. э. (Кленина 2004: 52–54, рис. 18–19).

5. Тарелки с широким плоским венцом, горизонтально отогнутым наружу. Стенки округлые, дно на кольцевом поддоне (не сохранилось). Лак красно-оранжевый. Глина оранжевая. Д=21–30 см. (Рис. 3: 1, 2)

Аналогии и датировка: такие тарелки присутствуют среди керамического материала на многих памятниках Северного Причерноморья первых вв. н. э. Чаще всего их находят в слоях середины II — первой половины — середины III вв. н. э., однако встречаются и более ранние находки (Журавлев, Ломтадзе 1999: 100, рис. 3: 29; Кленина 2004: 44–45, рис. 12; Нессель 2000: 146, рис. 31: 4–7, 12; 2003: 5, рис. 3:4). В настоящее время ряд исследователей сходятся во мнении, что эти сосуды изготавливались в Черноморском регионе. В новейших работах по исследованию группы Pontic Sigillata из раскопок памятников Юго-Западного Крыма перв. вв. н. э. сосуды этой формы включены в рассматриваемую группу керамики (Ср.: Zhuravlev 2000: 152–155, fig. 5: 3–4; Klenina 2003: 225–227, fig. 2: 3–4).

6. Миски на кольцевом поддоне, с туловом полусферической формы и загнутым внутрь краем. Качество и цвет лака и глины аналогичны сосудам предыдущей формы. Д=13–17, 5–30 см. (Рис. 3: 3–6)

Аналогии и датировка: эти сосуды являются наиболее распространенной формой краснолаковой керамики, присутствующей на большинстве памятников первых веков в регионе Северного Причерноморья (Арсеньева 1985: 80, рис. 2; Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 18, рис. 8: 1–7; Кленина 2004: 39–42, рис. 9–10; Крапивина 1993: 108). Как и предшествующую форму, данные сосуды следует рассматривать в качестве продукции понтийских керамических мастерских (Klenina 2003: 225–227,

fig. 2: 1–2). Существует предположение, что миски этой формы могли изготавливаться непосредственно в Херсонесе (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 18; Зубарь 1982: 66; Klenina 2003: 226).

7. Миски полусферической формы, с округлыми стенками и подтреугольным венчиком со скошенной внутрь верхней гранью. Глина плотная, светло-коричневая, оранжевая. Лак оранжево-красный, с пятнами в нижней части. Д=16, 5–28 см. (Рис. 3: 7–9)

Аналогии и датировка: в Херсонесе и в Северном Причерноморье сосуды данной формы чаще всего встречаются среди материала II–III вв. н. э. (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 21, рис. 9 А: 2, 3; Кленина 2004: 43, рис. 11; Крапивина 1993: 108, рис. 46: 6–7; Петерс 1976: 90, рис. 9)

8. Кубки с туловом грушевидной формы на низкой дисковидной подставке, с высоким венцом, слегка отогнутым наружу, и петлевидной ручкой. Переход от горла к венчику с внешней стороны отмечен широким наклепным пояском. Глина плотная, красно-оранжевого оттенка. Лак цвета глины. Д=8–10 см, д=3, 5 см. (Рис. 3:10–12)

Аналогии и датировка: грушевидные кубки составляют значительную долю находок при раскопках Херсонеса, памятников его округа, а также во всем Северном Причерноморье в II–III вв. (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 21, рис. 9 Б: 7–9; Зубарь 1982: 76–77, рис. 48; Кадеев 1970: 96–97, рис. 12: 3–6; Книпович 1952: 305, рис. 5:1; Ковалевская 1998: 95, рис. 3: 12–14; Крапивина 1993: 116, рис. 57: 1–16). Такая массовость сосудов этой формы позволяет предположить их местное изготовление (Кадеев 1970: 96–97; Klenina 2003: 226, fig. 3:1)

9. Кувшины с одной или двумя профилированными ручками, шаровидным туловом, высоким цилиндрическим горлом, немного расширенным к вертикальному профилированному венцу. Верхняя часть горла, а также плечо сосуда могут быть украшены несколькими горизонтальными бороздками. Дно на кольцевом поддоне. Глина плотная, светло-оранжевого и светло-коричневого оттенка, с очень редкими известковыми включениями. Лак оранжевый, красно-оранжевый, нанесен с внешней стороны на верхнюю часть сосуда. Д=5–8 см, д=6–7 см. (Рис. 4:1–7)

Аналогии и датировка: ближайшими аналогиями сосудам этой формы являются находки середины II — первой половины III вв. н. э. из Херсонеса и его округа, а также из Усть-Альминского могильника (Высотская 1994: табл. 2:29; 8:6; 11:8; 18:19; Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: рис. 9 Б: 16, 24, 26; Кленина 2004: 59–60, рис. 21: 200; 23: 216; Нессель 2000: 143, рис. 33:17, 21–22, 24–25; 27).

10. Кувшины с высоким прямым горлом и прямоугольным венцом, слегка отогнутым наружу. Нижняя часть сосудов неизвестна. Горло сверху может быть украшено 2-мя горизонтальными бороздками. Глина плотная, светло-коричневого и светло-оранжевого цвета. Лак буро-оранжевый, красно-оранжевый, покрывает сосуд с внешней стороны. Д=8–10 см. (Рис. 4: 8–11)

Аналогии и датировка: при раскопках памятников первых веков н. э. в округе Херсонеса кувшины аналогичной формы встречались в слоях середины II- первой полувтны — середины III вв. н. э. (Кленина 2004: 58–59, рис. 21: 206; Нессель 2000: 153, рис. 33: 29–31)

11. Крупный сосуд типа вазы (сохранилась верхняя часть горла). Широкое горло немного расширено к прямоугольному плоскому венцу; прямо под венцом имеется острое ребро. Глина рыхловатая, оранжевого оттенка, с очень редкими включениями известковых частиц и блесок слюды. Лак бурого оттенка. Д=14 см. (Рис. 5: 1)

Аналогии и датировка: наиболее близкой аналогией данному сосуду является находка из раскопок храма Юпитера Долихена в Балаклаве, где близкий по форме кувшин был обнаружен в слоях середины II- первой половины III вв. н. э. (Нессель 2000: 153, рис. 34: 5)

Столовые сосуды без лакового покрытия

12. Кубки с грушевидным туловом на дисковидной подставке, форма и размеры которых аналогичны краснолаковым сосудам (№ 8 данного описания). У некоторых экземпляров на внешней стороне дна имеются граффити. Глина плотная, розового, оранжевого оттенков, с незначительной примесью известковых частиц. (Рис. 5: 2–7)

Аналогии и датировка: как и аналогичные им сосуды с лаковым покрытием, эти кубки повсеместно встречаются в I–III вв. н. э. в Северном Причерноморье; практически полное сходство в форме, размерах, качестве глины доказывают изготовление данных сосудов в одних мастерских с краснолаковыми изделиями (Зубарь 1982: 76–77; Кадеев 1970: 96–97; Кленина 2004: 64, там же см. основную библиографию).

13. Горшочек с высоким вертикальным венцом, слегка вогнутым с внутренней стороны. Глина розовато-оранжевая, с мелкими известковыми включениями. Д=13 см. (Рис. 5: 8)

Аналогии и датировка: данная форма аналогична сосудам с лаковым покрытием, хорошо известным в Крыму и Северном Причерноморье во II–III вв. (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 21 рис. 9 Б; Кадеев 1970: 96, рис. 12:3–6; Кни-

пович 1952: 305, рис. 5:1; Крапивина 1993: 116, рис. 57:1–6 и др.)

14. Кувшины с высоким, слегка расширенным горлом, профилированным венцом с выступающим ребром. Глина светло-оранжевая. Д=6, 7–7, 5 см. (Рис. 5: 9–10)

15. Одноручные кувшины с высоким ойнохоевидным горлом, желобчатым с внешней стороны. Ручка уплощенная, профилированная. (Рис. 5: 11)

Аналогии и датировка: в Танаисе и в Ольвии столовые ойнохойи обнаружены в слоях конца II – III вв. н.э. (Арсеньева, Науменко 1993: 73; Крапивина 1993: 103)

Благодаря тому, что рассмотренные выше столовые сосуды были обнаружены на территории римского военного поста на выс. Казацкой, время функционирования которого

надежно определено промежутком со второй четверти– середины II – III вв. (Sarnowski, Savelija, Karasiewicz-Szczypiorski 2002: 167–172), мы можем достаточно уверенно говорить о датировке рассматриваемых форм керамических изделий. Наиболее ранние из всех найденных краснолаковых сосудов — чашки группы Eastern Sigillata В не противоречат общей хронологической ситуации, тем более, что в общем массиве керамики уже встречались предметы малоазиатского импорта сер. I–II вв. н.э. — штампованный светильник с изображением Эрота (Нессель 2005: 506–507, рис. 1:1). Эти находки довольно убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о самом раннем этапе строительной деятельности на данном памятнике римской военной истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса. *КСИА* 182. — 1985: 72–83.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. н.э. *Вестник Танаиса* 1. — Ростов-на-Дону, 1993: 61–114.
- Бураков А. В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий н. э. (Киев).
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — Киев, 1994.
- Домжалский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды Государственного исторического музея* 102. — М., 1998: 17–30.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы Eastern Sigillata В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *Древности Евразии*. — М., 1997: 227–260.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы (краткий обзор отечественной литературы). *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды Государственного исторического музея*. 102. — М., 1998: 31–51.
- Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея. *Древности Боспора* 2. — М., 1999: 98–113.
- Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. — Севастополь, 1997.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического. — Киев, 1982.
- Кадеев В. И. Очерки истории Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. — Харьков, 1970.
- Кленина Е. Ю. Керамические сосуды II–III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). — Познать, 2004.
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых вв. н. э. их раскопок Боспорской экспедиции 1935–1040 гг. *МИА* 25. — М.-Л., 1952: 289–326.
- Ковалевская Л. А. Керамический комплекс кон. II–пер. пол. III вв. н. э. из раскопок виллы 341. *ХСб IX*. — Севастополь, 1998: 89–99.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. — Киев 1993.
- Нессель В. А. Столовая керамика. *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Под ред. Т. Сарновски, О. Я. Савеля*. — Варшава, 2000: 140–154.
- Нессель В. А. Светильники из раскопок храма Юпитера Долихена и военного поста на выс. Казацкой. *Сугдейский сборник II*. — Киев-Судак, 2005: 506–516.
- Петерс Б. Г. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения. *КСИА* 145. — 1976.
- Ушаков С. В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике. *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект*. Тезисы докладов. — Севастополь, 1997: 120–123.
- Хршановский В. А. Погребения I–II вв. н. э. с краснолаковой керамикой из раскопок некрополя Илурата. *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды Государственного исторического музея*. 102. — М., 1998: 77–87.
- Hayes J. W. Sigillate Orientali/Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). *Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia del'arte antica, classica e orientale*. — Roma, 1985.

- Klenina E. Some aspects of the table earthenware of the 2nd — 3rd centuries AD from Chersonesos Taurica. *Rei Cretariae Romanae Fautorvm Acta* 38. — 2003: 225–228.
- Sarnowski T., Savelija O., Karasiewicz-Szczypiorski R. Extra fines Imperii. Rzymiski posterunek wojskowy w okolicach Sewastopola na Krymie. *Światowit IV (XLV). Fasc. A.* — 2002: 167–172.
- Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (1st–3rd centuries AD). *Rei Cretariae Romanae Fautorvm Acta* 36. — 2000: 151–160.

В. А. Нессель

СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК РИМСКОГО ВОЕННОГО ПОСТА В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Археологическими раскопками 1999–2002 г. на высоте Казацкая, расположенной в окрестностях Херсонеса Таврического, был открыт римский военный пост, состоявший из квадратной башни, двора, жилых и хозяйственных построек, окруженных оградой и рвом. Обнаруженный в процессе исследования этого поста материал представляет собой значительный массив строительной, тарной, столовой и кухонной керамики, сосудов специального назначения, а также фрагментов стеклянных и металлических изделий.

Данная публикация посвящена изучению краснолаковой керамики, найденной во время раскопок. Большинство форм обнаруженных краснолаковых сосудов относятся к понтийскому производству. Используя в своем исследовании ставшую традиционной типологию краснолаковой керамики, разработанную Дж. Хейсом, мы вы-

нуждены признать, что к настоящему времени она уже не является абсолютно верной. Помимо понтийских сосудов на территории поста встречалась керамика группы Восточная сигиллата В. Центром производства этой посуды считается город Траллы в Малой Азии. Кроме краснолаковой керамики на этом памятнике были обнаружены простые столовые сосуды, типы и формы которых аналогичны таким же изделиям, покрытым лаком.

Время существования римского военного поста на высоте Казацкой определяется второй четвертью II — III вв. н. э. Это время уточняется большинством найденных столовых сосудов. Самые ранние находки из категории краснолаковой керамики — сосуды группы Восточная сигиллата В являются хронологическим репером для установления времени начала строительной деятельности на этом памятнике римской военной истории.

В. О. Нессель

СТОЛОВА КЕРАМІКА З РОЗКОПОК РИМСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ПОСТА В ОКРУЗІ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО

РЕЗЮМЕ

Археологічними розкопками 1999–2002 рр. на висоті Козацькій, що знаходиться в околицях Херсонеса Таврійського, був відкрит римський військовий пост, що складався з квадратної башні, двора, жилих та хозяйських споруд в оточенні огорожі і рову. Виявлений в процесі дослідження цього поста матеріал становить собою значний масив будівельної, тарної, столової та кухонної кераміки, посудів спеціального призначення, а також фрагментів скляних і металевих виробів.

Дана публікація присвячена вивченню червонолакової кераміки, знайденої під час розкопок. Більшість форм виявлених червонолакових

посудин відносяться до понтійського виробництва. Користуючись в своєму дослідженні ставшую традиційною типологією червонолакової кераміки, розробленою Дж. Хейсом, ми змушені визнати, що до теперішнього часу вона вже не з'являється цілком вірною. Окрім понтійських посудин на території поста зустрічалась кераміка групи Східна сигиллата В. Центром виробництва цього посуду визнається місто Трали в Малій Азії. Окрім червонолакової кераміки на цьому пам'ятнику було виявлено прості столові посудини, типи і форми яких аналогічні таким же виробам, покритих лаком.

Час існування римського військового поста на висоті Козацький визнається другою чвертю II–III ст. н. е. Цей час уточнюється більшістю знайдених столових посудин. Найбільш ранні знахідки з категорії червонолакової кераміки —

посудини групи Східна сігіллата В — є хронологчним репером для установлення часу початку будівельної діяльності на даному пам'ятнику римської військової історії.

V. Nessel'

THE TABLE POTTERY FROM THE EXCAVATIONS OF A ROMAN MILITARY POST NEAR THE TAURIC CHERSONESOS

SUMMARY

The roman military post on the Kazackaja-hill was excavated during the archaeological excavations near the Tauric Chersonesos in 1999-2002. The system of the post included the square tower, the courtyard, the dwelling and the household rooms, the fence and the ditch. The archaeological material consists of the large number of building, ware, table and kitchen pottery, special vessels and fragments of glass and metal foods.

The category of the red slip pottery is considered in this paper. The main shapes of red slip vessels are the ware of Pontic production. To the studying of this ware the traditional typology by J. Hayes has been applied although this typology is not absolute

now. Besides Pontic pottery the vessels of the group of Eastern Sigillata B were found here. The centre of production of this ceramic was in Tralles in Asia Minor. On the territory of the post there were the table vessels without slip which forms were similar to the red slip ware.

The roman military post on the Kazackaja-hill was dated in the second quarter of the 2nd-3th centuries AD. This time is proved by such indicative material as the table pottery. The earliest finds among this category — vessels of the group of Eastern Sigillata B are chronological index for definition of the beginning of the building activity on this place of Roman military history.

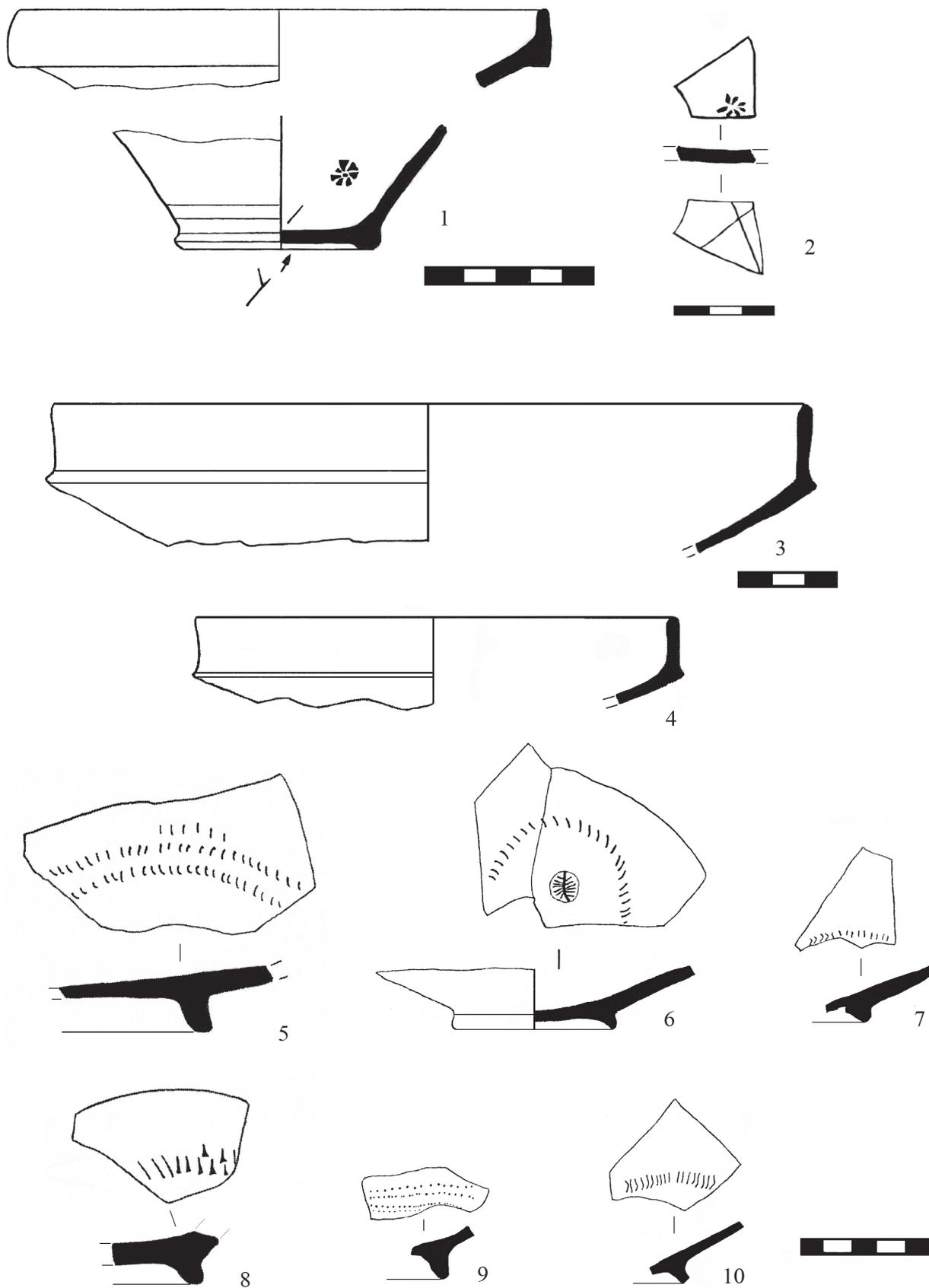

Рис. 1. Краснолаковая керамика: чаши, тарелки

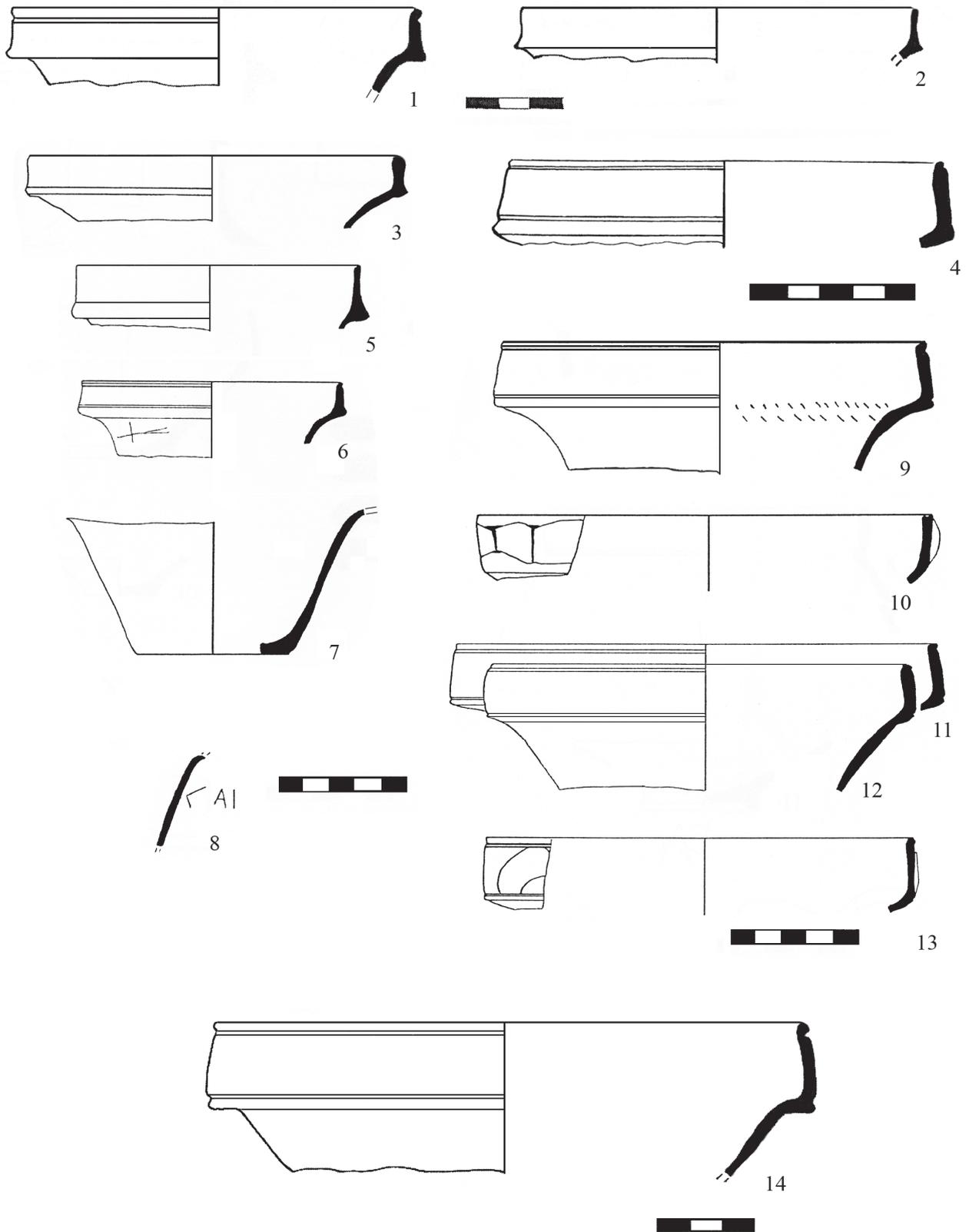

Рис. 2. Краснолаковая керамика: чаши

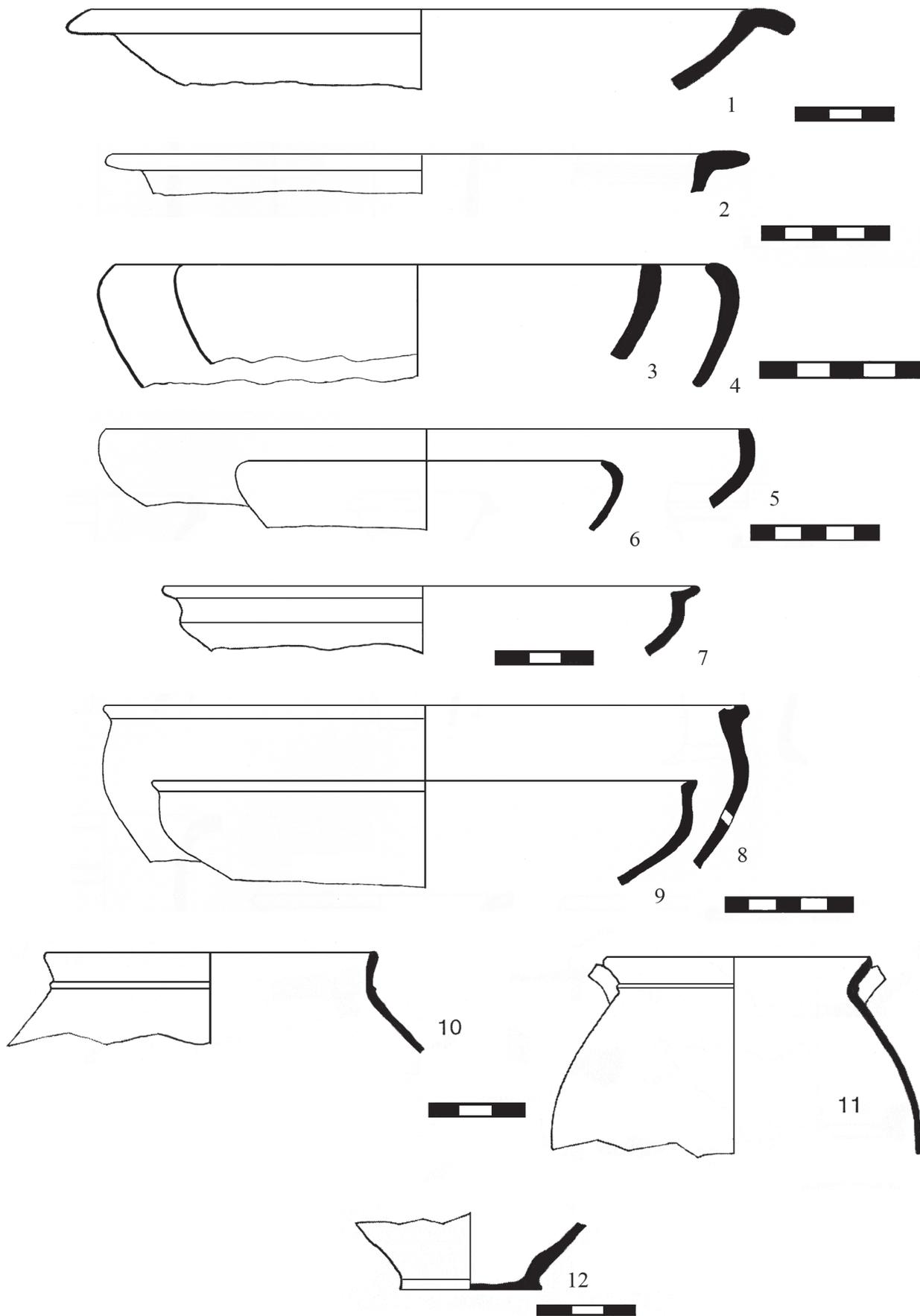

Рис. 3. Краснолаковая керамика: тарелки, миски, кубки

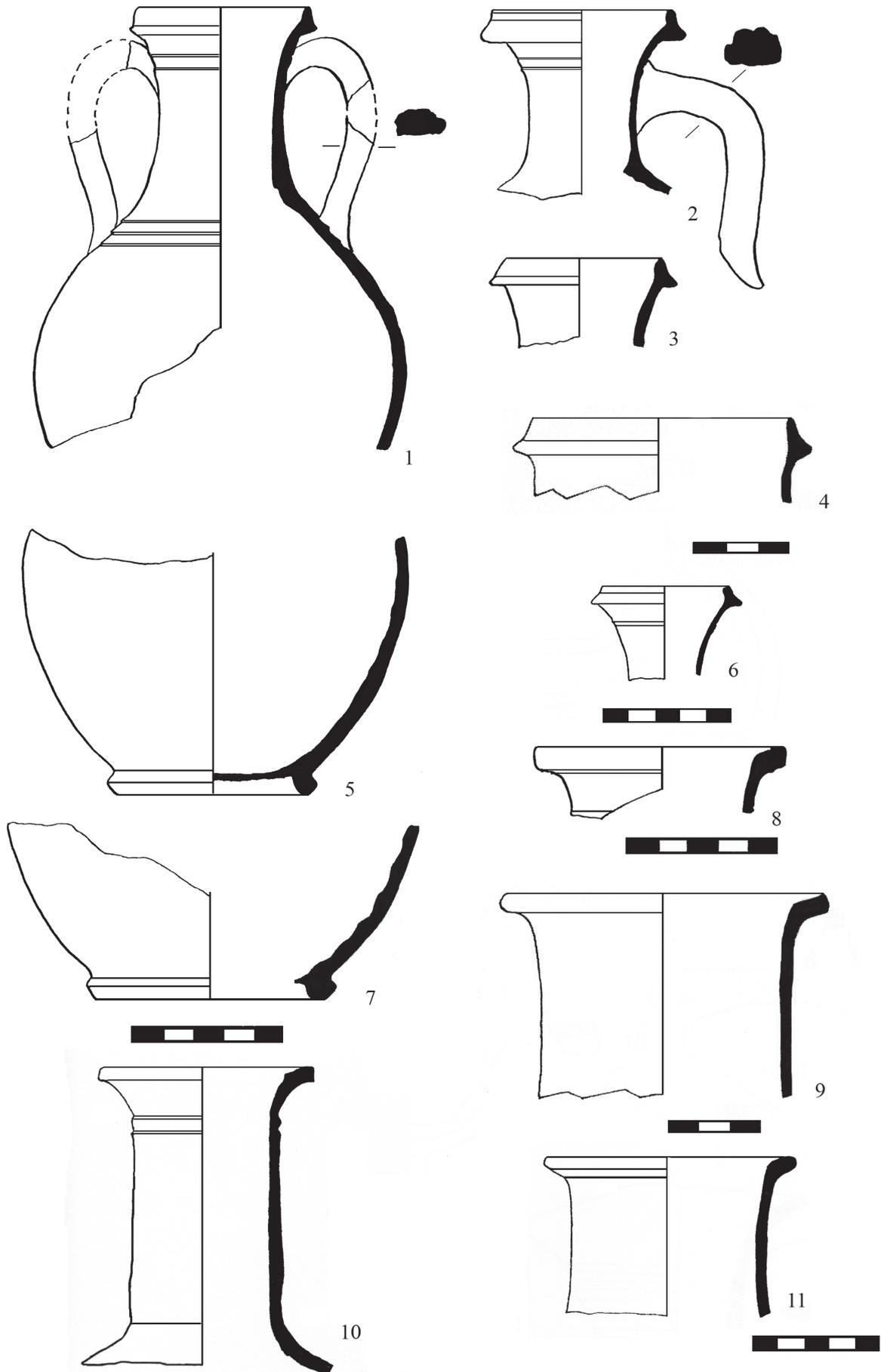

Рис. 4. Краснолаковые кувшины

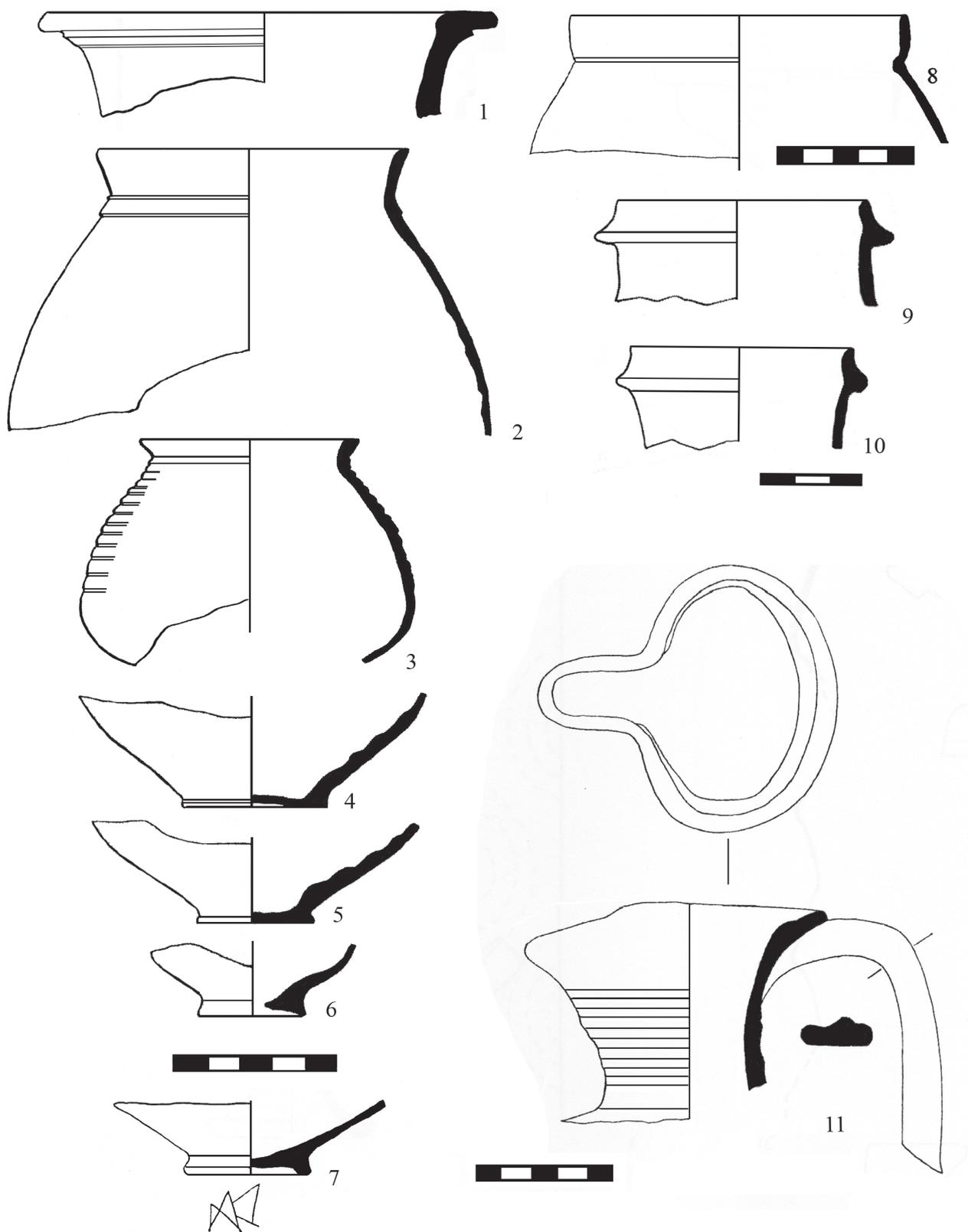

Рис. 5. Краснолаковая и прострая столовая керамика

Г. М. НИКОЛАЕНКО,
Е. Я. ТУРОВСКИЙ,
А. А. ФИЛИППЕНКО.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС УСАДЬБЫ НАДЕЛА 11 НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Керамический комплекс усадьбы имеет много общих черт с комплексами других синхронных памятников ближней округи античного Херсонеса, в то же время, он имеет и отличительные особенности, заставляющие провести его внимательный анализ. Начнем этот анализ с такой достаточно массовой категории керамики как столовая посуда. Значительная часть этой посуды — чернолаковая керамика аттического производства.

Чернолаковая столовая аттическая керамика представлена на памятнике достаточно большим числом мелких фрагментов, многие из которых не поддаются точному определению; тем не менее, достаточное число профильных частей и даже археологически целых форм позволяют судить о наборе столовой посуды и ее хронологии. Большую часть чернолаковой керамики составляют фрагменты мисок и мисочек на кольцевом поддоне. Подразделяются они на две большие группы. Первая имеет загнутый внутрь край (рис. 1,11,14), самые ранние образцы сосудов такого типа, как правило, относятся ко времени около середины IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: fig.830), однако, они широко представлены и в комплексах второй половины этого столетия. Вторая группа мисок на кольцевом поддоне имеет венец, отогнутый наружу, или венец без существенного отклонения (Рис. 1,8–10,12–13).

Другая форма открытых сосудов комплекса — блюда (plate). Они отличаются небольшой высотой, слегка выступающим краем в форме валика, изящно и плавно прогнутыми стенками и плоским дном на кольцевом поддоне. На внутренней поверхности дна штампованный орнамент из разрозненных или соединенных вместе пальметок (Sparkes, Talcott 1970: fig. 1056, 1060). Датируются они второй — третьей четвертями IV в. до н.э. В комплексе усадьбы небольшие, но уверенно атрибутируемые фрагменты от нескольких подобных блюд (Рис. 1,5).

Кроме того, представлен еще один тип аттических чаш (Рис. 2,1) от одной из них сохранилось

дно на кольцевом поддоне, имеющее циркулярный, нанесенный лаком орнамент на поддоне и штампованный орнамент с лицевой стороны. Датируются подобные чаши широко от конца V до конца IV в. до н.э. Вполне изящная форма пальметок и неплохое качество лака позволяют говорить, на наш взгляд, о середине-третьей четверти IV в. до н.э.

Встречались на усадьбе и достаточно многочисленные фрагменты рыбных блюд, в том числе и археологически целые формы (Рис. 1,1–3). По материалам Афинской агоры такие блюда датируются 325–300 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: fig.1073–1076), по материалам причерноморских памятников они датируются раннеэллинистическим временем (Чичикова 1984: обр. 39), (Данильченко 2000: 219–220). Отдельно остановимся на рыбном сероглиняном блюде с глубокой солонкой и слегка отогнутым книзу венчиком (Рис. 1,4), возможно, ольвийского производства (Крапивина 2006: 184, рис. 199,10). Достаточно много фрагментов чернолаковых солонок на кольцевом поддоне, с венчиком загнутым внутрь (Рис. 1,6–7). Датируются подобные солонки в основном третьей четвертью IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: fig.949), (Thompson 1934: fig. A14, A20). Из специальных сосудов упомянем находку горла кувшина типа аска (Рис. 2, № 20).

Теперь о такой массовой группе чернолаковой посуды как чаши для питья. На усадьбе они представлены посудой трех видов: скифосами, киликами и канфарами. Скифосы представлены двумя фрагментами доньев: один фрагмент маленького скифоса на кольцевом поддоне (Рис. 2,22), другой крупный фрагмент днища скифоса покрупнее с владельческим граффито (Рис. 2,21). Скорее всего, имя восстанавливается как EY [ΚΛΙ] ΔΑΣ. Такие скифосы появились еще в последней четверти V в. до н.э. и производились в первой половине следующего столетия (Sparkes, Talcott 1970: fig.334–359), (Русяева, Назарчук 2006: 176). Следует отметить, что скифосы в IV столетии не самый распространенный вид столовой посу-

ды, наиболее распространенными сосудами для питья становятся канфары и канфаровидные килики. Среди этой группы посуды наиболее ранними в нашем комплексе являются канфаровидные килики, имеющие широкий нависающий венчик (Рис. 2,2–3,5) и достаточно короткую ножку (Рис. 2,15,17). По классификации Б. А. Спаркес и Л. Талькотт датируются они второй и третьей четвертями IV в. до н. э. (1970: fig. 698, 701). Следующий по времени тип сосуда для питья — канфар стройных пропорций, с гладким туловом, почти прямым венчиком и несколько отогнутым краем, вертикальные ручки сосудов имеют остроконечные горизонтальные выступы, практически не возвышающиеся над венцом (Рис. 2,4,6,12,14). По материалам северопричерноморских памятников датируются такие канфары, скорее всего, третьей четвертью IV в. до н. э. (Данильченко 2000: 218). Более поздними по времени является подобный предыдущему тип канфара, но имеющий четко выраженные каннелюры в нижней части (Рис. 2,7–10,12–14), а в верхней части часто роспись в виде ветки лавра, нанесенной разбавленной глиной (т. н. керамики Западного склона афинской агоры). Датируется такая посуда концом IV–III вв. до н. э. (Рис. 2,11). В заключение хотим отметить весьма необычную ножку канфара с очень широким кольцевым поддоном и очень узкой ножкой (Рис. 2,19), судя по очень качественному лаку, сосуд следует датировать второй-третьей четвертью IV в. до н. э. Среди прочей столовой и хозяйственной посуды подавляющее большинство принадлежит херсонесской красноглиняной посуде. Основные группы в этой категории материала: кувшины и миски, а также небольшие тазики-лутерии. Характерно, что на усадьбах Гераклеяского полуострова, как правило, посуда названной категории исключительно херсонесского производства; тут же встречены фрагменты синопской и сероглиняной (ольвийской) посуды. Основной тип кувшина — сосуд средней величины, на плоском или кольцевом поддоне, с широкой плоской ручкой (Рис. 3,2). Встречаются фрагменты кувшинов (Рис. 3,5) и ойнохой (Рис. 3,3). Некоторые фрагменты кувшинов имеют сложные орнаменты, нанесенные красной краской (Рис. 3,4).

Кухонная посуда представлена кастрюлями (Рис. 3,1) и простыми горшками.

Пифосы представлены продукцией двух центров — Гераклеи Понтийской и Синоп. На венчике одного синопского пифоса отгиснуто астиномное клеймо. Характерно, что при этом все найденные фрагменты крышек пифосов херсонесского производства.

Еще одна достаточно массовая группа материала — строительная керамика, количество фрагментов которой показывает, что, по крайней мере, некоторые из помещений усадьбы имели черепичную кровлю. Количество фрагментов черепиц херсонесского и синопского производства примерно одинаково.

Теперь перейдем к характеристике амфорной тары — наиболее массовой категории материала на усадьбе II надела. Следует отметить, что по количественным показателям комплекс имеет мало отличительных черт по отношению к другим аграрным памятникам Гераклеяского полуострова. На первом месте с глубоким отрывом от других центров находится амфорная тара самого Херсонеса, в ее состав входят амфоры разных групп, по типологии С. Ю. Монахова (Монахов 1989) (Рис. 2,1–5). Помимо амфор, включенных в его типологию, мы полагаем, что к херсонесским амфорам принадлежит и тип амфор с высокой цилиндрической расширяющейся книзу ножкой, полый внутри (Рис. 2,6). В качестве аргументов в пользу такого мнения приведем следующие обстоятельства. Подобные ножки известны нам только из Херсонеса и его аграрной периферии. Характер глины этих амфор визуально очень похож на типично херсонесскую. В 80-е гг. прошлого столетия на дне Стрелецкой бухты, у одного из современных причалов был обнаружен целый склад подобных сосудов, которые составляли один комплекс с обычными херсонесскими клейменными амфорами (Туровский 1995: 81–84). И если раньше, к моменту публикации данного комплекса, у одного из авторов настоящей статьи складывалось впечатление, что обнаруженный склад суть принадлежность затонувшей в результате трансгрессии береговой линии херсонесской сельской усадьбы, то ныне он полагает, что так называемый «склад» — это груз херсонесского корабля, который в силу каких-то причин, например, пожара, затонул прямо у берега.

Однако вернемся к амфорному комплексу усадьбы. Как и на большинстве других синхронных усадеб на втором месте прочно стоит амфорная тара Синоп, крупнейшего партнера Херсонеса во все времена (Монахов 1992) (Рис. 5,4,9). Неожиданно много фрагментов амфор Гераклеи Понтийской (Рис. 5,1,3) и Менды (Рис. 5,8). Достаточно много фрагментов амфор Книда, судя по ножке, ранних вариантов этого центра (Рис. 5,7, 10), а также Коса. Встречаются и фрагменты амфор типа Солоха I (Рис. 5,6), производство тары этого типа относят ныне к про-

дукции разных центров — Пепарета, Самоса, Книда и других. Из продукции прочих центров отметим несколько фрагментов коринфских амфор, типа Коринф А.

Теперь о наиболее информативной части керамического комплекса усадьбы — керамических клеймах. На сегодняшний день, не смотря на наличие многих спорных моментов, эта категория материала остается наиболее точным из существующих хронологических индикаторов. Среди клейм отмечены клейма, нанесенные на венчик пифоса, на черепицах, на ручках, а в ряде случаев и на горлах амфор. Из центров производства представлены: Херсонес, Синопа, Фасос и Менда.

Наиболее массовыми являются находки херсонесских клейм — 19 экземпляров. Из них 3 проставлены на горлах амфор (легенды на всех трех неразборчивы), остальные оттиснуты на ручках. По группам хронологической классификации херсонесских клейм (Кац 1994) распределяются они следующим образом. К подгруппе 1-А принадлежит одно клеймо с именем астинома Батилла. К подгруппе 1-Б — 6 клейм с именами астиномов: Аполлатея, Аполлония, Гераклея (2 экз.), Ксанфа и Матрия. К подгруппе 1-В относятся 5 клейм с именами астиномов: Аполлонида, Диоскурида (2 экз.), Пасиона, Полистрата. Хронологические рамки херсонесских клейм лежат в интервале от начала последней четверти IV в. до н. э. до 70-х гг. III в. до н. э.

На втором месте клейма Синопы — 6 экземпляров. Из них одно на венце пифоса, два на керамидах и три на ручках амфор. Клеймо на горле синопского пифоса с именами астинома Гистиэя и фабриканта Нимактора с эмблемой — орел на дельфине принадлежит к I группе синопских клейм. Клейма на венчиках синопских клейм необычайно редки, известно не более 10, причем большая их часть происходит из Херсонеса и его округи (информация Н. Ф. Федосеева). К той же группе принадлежит и два клейма на керамидах: с именем астинома Дионисия и фабриканта Лакона, эмблема — орел на дельфине и с именем астинома Диофанта и эм-

блемой — птица. Несколько позже по времени ретроградное клеймо на черепице с именем фабриканта Миникка и неразборчивым именем астинома, эмблема виноградный лист (?). К III хронологической группе принадлежит клеймо на ручке амфоры с именем астинома Бориса и фабриканта Аполлония, с эмблемой — голова бородатого Сатира. К IV группе относится клеймо на ручке с именем астинома Димитрия сына Теугнита. Еще одно клеймо на керамиде Теугнита (ок. 302 г.). Еще одно клеймо на керамиде восстановить не удалось. Выбивается из общей схемы клеймо на ручке с именем астинома Дионисия сына Дионисия и внука Клейтагора, которое принадлежит к VI хронологической группе.

Из клейм других центров отмечено достаточно позднее клеймо Книда с именем магистрата Гермocrates и, скорее всего, с именем фабриканта Клеона (ср.: Jefremow 1995: fig. 427–429). Клеймо Фасоса с именем Леострата. Лунарная сигма указывает на время не ранее третьей четверти IV в. до н. э. По-видимому, клеймо Менды с буквой альфа или дельта в круглой рамке. Еще одно клеймо, на котором в прямоугольной рамке обозначена одна крупная буква — омега, принадлежит к продукции неизвестного средиземноморского центра.

Теперь подытожим сказанное — усадьба надела № 11 в значительной степени выбивается из схемы, вполне применимой к большинству других усадеб Гераклеяского п-ова (исключая усадьбы Маячного п-ова). По присутствию здесь достаточно ранних материалов — киликов с тяжелым литым венчиком, амфор Менды и ряда других можно достаточно уверенно предполагать, что первоначальные постройки появились здесь еще в рамках второй четверти IV в. до н. э. Отличается от обычных усадеб и архитектурный облик памятника — отсутствует башня, а также планировка помещений по периметру двора. Поздние материалы происходят не с усадьбы, а с дороги, к которой она примыкала. Время прекращения жизни на усадьбе относится к 60-м годам III в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Данильченко С. А. Чернолаковая аттическая керамика поселения Козырка II. *ΣΥΣΤΙΤΙΑ*. Памяти Ю. В. Андреева. — СПб., 2000: 217–222.
- Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. — Саратов, 1994.
- Крапивина В. В. Простая столовая посуда. *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. — Симферополь, 2006: 181–186.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. — Саратов, 1989.
- Монахов С. Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор. *Греческие амфоры*. Саратов, 1992: 163–204.
- Русяева А. С., Назарчук В. И. Аттическая керамика. *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. — Симферополь, 2006: 169–176.

Туровський С. Я. Склад амфорної тари з затопленої сільської садиби Херсонеса. *Археологія* 3. — 1995: 81–84.
 Sparkes В. А., Talkott L. The Black and Plain Pottery of 6th, 5th, 4th Centuries. *The Athenian Agora* 12. — 1970.
 Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. — München, 1995.

Г. М. Николаенко, Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС УСАДЬБЫ НАДЕЛА XI
НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

РЕЗЮМЕ

Комплекс находок усадьбы надела 11 значительно отличается от материалов других усадеб Гераклеяского полуострова (за исключением усадеб Маячного полуострова). Здесь с амфорами Менды и некоторыми другими ранними находками были найдены килики с массивными формованными венчиками. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что самые ранние по-

стройки появились здесь в пределах второй четверти IV в. до н. э. Отличается от обычных усадеб и архитектурный облик памятника — отсутствие башни, а так же планировка помещений по периметру внутреннего двора. Поздние материалы происходят не с усадьбы, а с дороги к которой она прилегает. Время прекращения жизни на усадьбе относится к 60-м гг. III в. до н. э.

Г. М. Ніколаєнко, Е. Я. Туровський, А. А. Філіппенко

**КЕРАМІЧНИЙ КОМПЛЕКС САДИБИ НАДІЛИВ XI
НА ГЕРАКЛЕЙСЬКОМУ ПІВОСТРОВІ**

РЕЗЮМЕ

Комплекс знахідок садиби наділу 11 значно відрізняється від матеріалів інших садиб Гераклеяського півострова (за винятком садиб Маякового півострова). Тут з амфорами Менд і деякими іншими ранніми знахідками були знайдені килики з масивними формованими віночками. Можна з достатньою часткою впевненості припустити, що найраніші споруди з'явилися тут

у межах другої чверті IV ст. до н. е. Відрізняється від звичайних садиб та архітектурний вигляд споруди — відсутність вежі, а так само планування приміщень по периметру внутрішнього двору. Пізні матеріали відбуваються не з садиби, а з дороги до якої вона прилягає. Час припинення життя на садибі відноситься до 60-х рр.. III ст. до н. е.

G. Nikolaenko, E. Turovskij, A. Filippenko

**COMPLEX OF CERAMICS FROM MANOR OF THE PLOT 11
ON GERAKLEJSKIY PENINSULA**

SUMMARY

The complex of finds at manor of the plot № 11 considerably differs from the basic parts of other manors of Geraklejskiy Peninsula (excepting the manors at Majachniy Peninsula). Here amphora Menda and the number of other early finds such as kilikes with the heavy cast nimbus were discovered. It is possible to assume, that initial constructions have

appeared here within the limits of the second quarter of the 4th century BC. The architectural shape of a monument differs from the usual manors; there is no tower and another lay-out of premises on court yard perimeter. Late materials occurred not from the manor but from the road adjoining it. The life terminated there at about the 60th of the 3rd century BC.

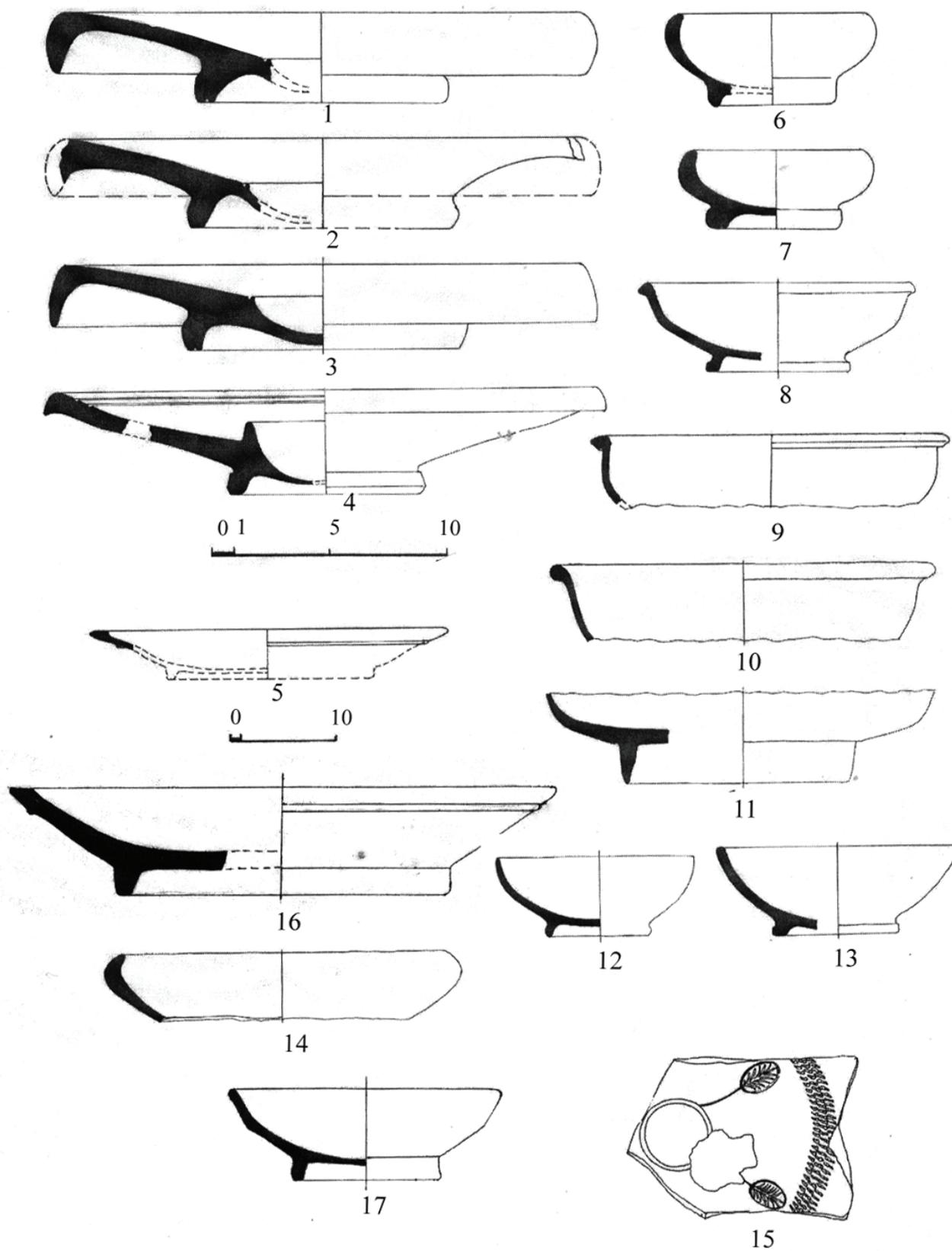

Рис .1. Черноголаковая керамика: рыбные блюда, солонки, миски.

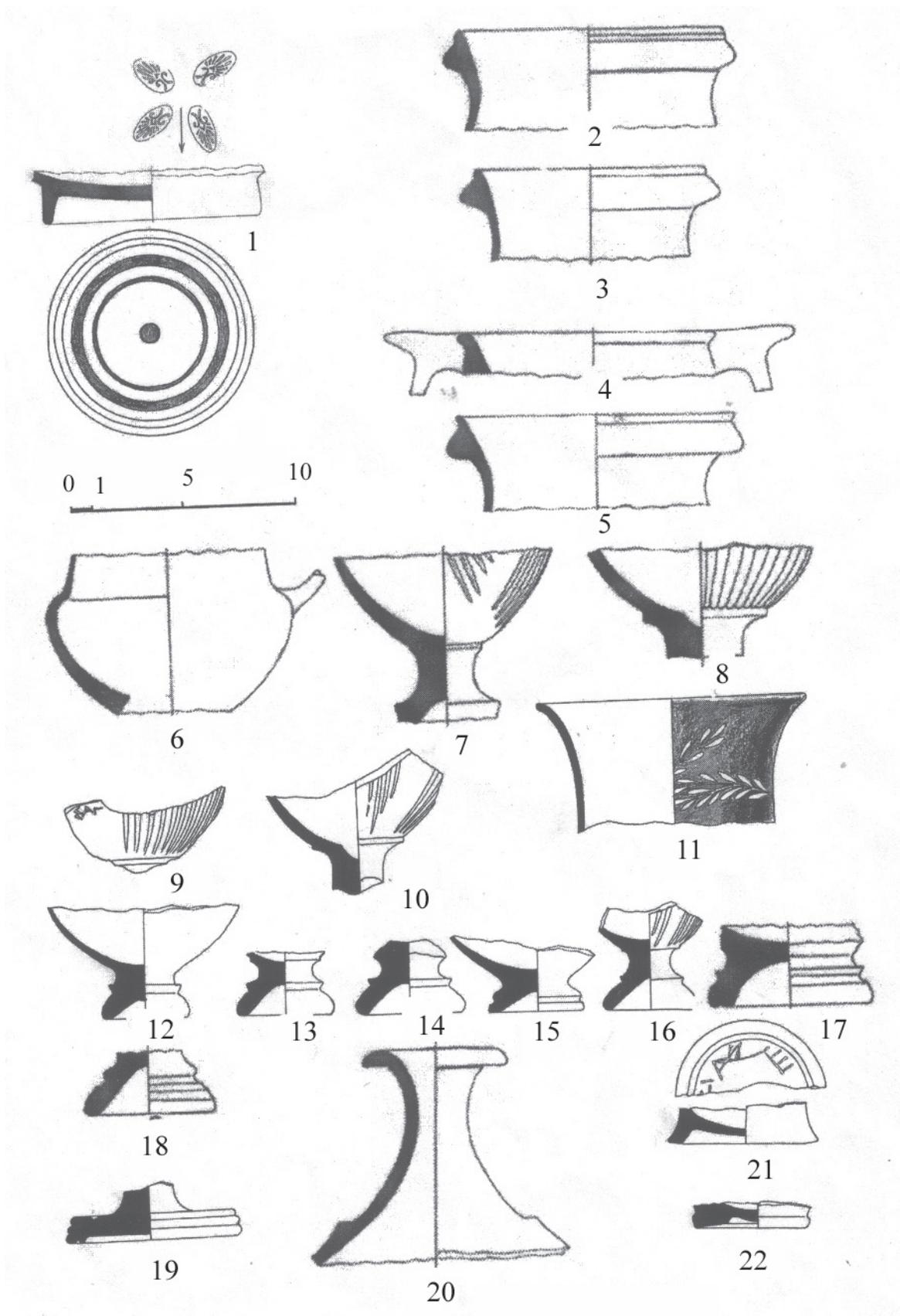

Рис .2. Чернотаковая керамика: чаши, килики, канфары, скифосы, аск.

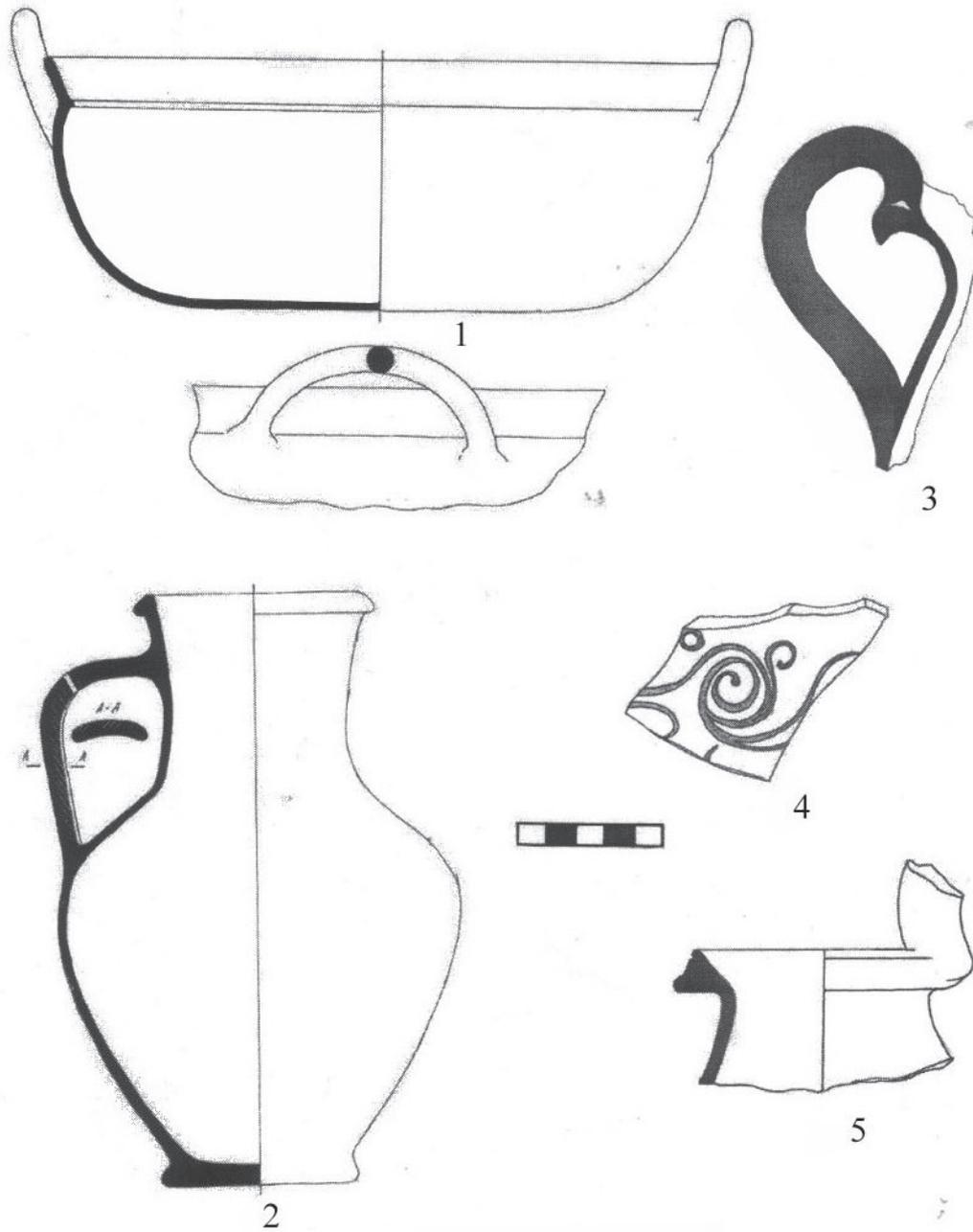

Рис .3. Простая гончарная посуда.

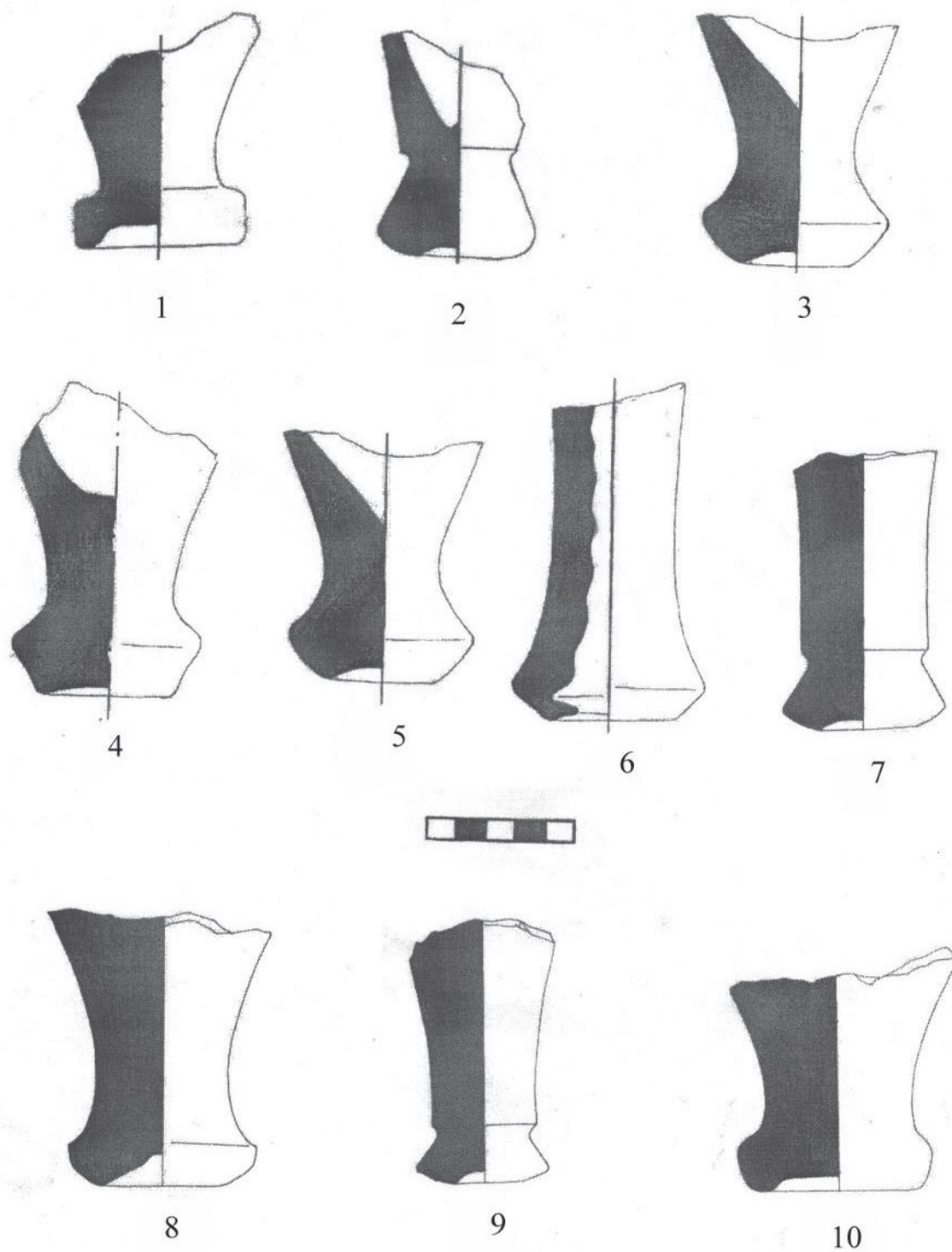

Рис .4. Амфоры.

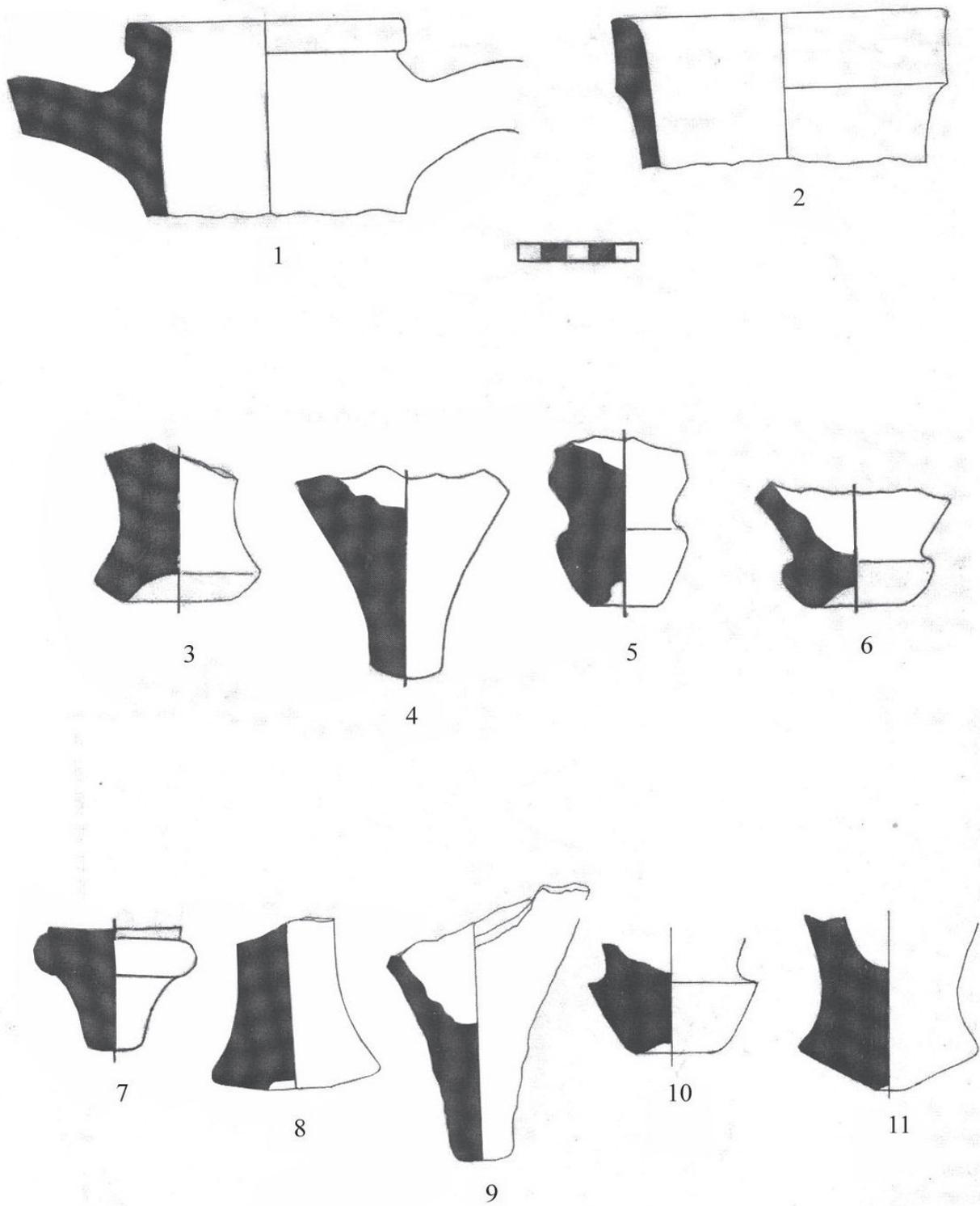

Рис .5. Амфоры.

В. Г. САМОЙЛЕНКО

**КОНСЕРВАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ОСТАТКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАНИ
В IX КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО**

Комплекс бани в IX квартале городища расположен рядом с одной из самых крупных христианских базилик Херсонеса Таврического т. н. «Северной базиликой» (рис. 1). В средние века в городе получила распространение традиция организации бань в крупных отдельно стоящих кварталах. Связано это было с достаточно широким влиянием византийской культуры и традициями, поскольку Херсон являлся крупным военно-политическим центром в составе Византийской империи (Якобсон 1950: 48).

Баня в IX квартале частично исследована раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1893 г. (Косцюшко-Валюжинич 1895: 54). Памятник представлял собой большое здание с террасой и следами мраморной облицовки (Архив НЗХТ. д. 3: 69) (рис. 2). Южная стена бани в 1893 г. осталась не раскопана. Первый схематичный план памятника опубликован Д. В. Айналовым вскоре после раскопок (Айналов 1905: 27) (рис. 3).

Следующими раскопками, проведёнными в 1982 г. под руководством С. Г. Рыжова, была открыта южная стена с ваннами и зачищены основные помещения (рис. 4). В результате было определено назначение памятника. Здание бани имеет форму вытянутого прямоугольника 16х6.75 м. Внутреннее пространство разделено на 4 помещения: I-2.25х5 м., II-3.65х5 м., III-4х5 м., IV-2.5х5 м. (Архив НЗХТ. д. 2346: 3). Хорошо сохранились только части фундамента, стен и так называемый «второй пол». Фундамент состоит из крупных необработанных блоков известняка. Для лицевой части стен применялись обработанные блоки. Кладка бани сложена на известковом растворе с добавлением толчёной керамики. «Второй пол» представляет собой нижнюю часть топочного канала и продухов. Основной пол на сегодняшний день не сохранился. Во всех помещениях «второй пол» выложен известковыми плитами неправильной формы. Подошва пола во всех 4 помещениях расположена на разном уровне; она понижается ступенями примерно на 10 см. после каждого помещения в сторону «входа» в баню. Между II

и III, III и IV помещениями сохранились столбы от внутренних стен здания. Из помещения I вдоль северной стены бани проходит канал в сторону помещения IV, где через отверстие в западной стене выходит наружу. При расчистке южной стены были открыты три дверных проёма. Они располагаются в помещениях 2–4. Двери вели в ванны, пристроенные к стене с южной стороны. По внешней стороне ванны имели форму прямоугольника размером 2.25х3 м. (рис. 5). Хорошо сохранилась только ванна № 3. Её дно было уложено черепицей, которая представляла собой более поздний ремонт. Под ней сохранился первоначальный пол, состоящий из мраморных плит (Архив НЗХТ. д. 2346: 3–4). Найденные при раскопках камни для свода позволяют предполагать, что перекрытие бани могло быть сводчатое (Архив НЗХТ. д. 2346: 33). Исследования внутри помещений позволили предположительно датировать время её сооружения концом V–VI в. В конце X-начале XI в. баня прекращает существование (Архив НЗХТ. д. 2346: 32).

Первые известные на сегодняшний день работы, направленные на сохранение памятника, были организованы в 1940 г. Документальные или другие опубликованные материалы по этому поводу отсутствуют. Сохранилось несколько негативов, связанных с этим событием. При их изучении становится очевидным, что памятник, за прошедшие после его открытия годы, подвергся значительным утратам. В основном это касается кладок стен и состояния оригинального раствора. К 1940 г. разрушениям подверглись верхние части западной и южной стен, с западной стороны бани было частично утрачено плитовое перекрытие топочного канала помещения IV. Раствор и ещё видимые на негативе после раскопок части штукатурки, выкрошились, в результате чего, монолитность кладки нарушилась. Консервационные работы 1940 г. проводились под руководством сотрудника Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкого. В ходе работ памятник был очищен от развалов камней и растительности. Верхние части стен по всей открытой площади памятника закрепили

с применением цементного раствора (рис. 6). Раствор наносился сплошным слоем толщиной 1–2 см с учётом отвода воды с поверхности кладки. На сегодняшний день состав раствора выяснить не удалось. Раскопки 1893 г. открыли всю северную стену бани, основание которой опиралось на земляную насыпь. В результате, ко времени проведения консервационных работ 1940 г., земляное основание северной стены под влиянием осадков оказалось размыто. Северо-западная часть просела и наклонилась в сторону дороги. Для предотвращения дальнейшего разрушения этот участок был укреплен тремя вертикальными контрфорсами (рис. 7).

Проведённые в 1982 г. дополнительные исследования и крайне неудовлетворительное состояние памятника послужило основанием для начала нового этапа консервационно-реставрационных работ. К 1983 г. памятник дошёл со значительными утратами. Сильным разрушениям подверглись верхние участки стен. Контрфорсы, устроенные в ходе консервационных работ 1940 г., на северной стене бани не сохранились (рис. 8). С западной стороны было окончательно утрачено плитовое перекрытие топочного канала помещения IV, а сама западная стена практически полностью разрушилась. Из пяти рядов кладки, открытых в 1893 г., сохранился только один нижний. Из стены выпал крупный порожный камень, указывающий направление входа в баню и уровень дневной поверхности X в. Из шести опорных колонн, указывающих направление продухов под полом бани, в удовлетворительном состоянии сохранился только один, расположенный в южной части между III и IV помещениями. Продолжалось разрушение оригинального кладочного раствора.

Консервационно-реставрационные работы 1983 г. были направлены на сохранение архитектурной целостности комплекса. Для этого планировалось частично восстановить рухнувшие или утраченные элементы кладки. Реконструкция произведена на хорошо определяемых, но плохо сохранившихся участках стен (рис. 9). В результате проведённых работ были частично восстановлены северная и западная стены бани. Камень порога, указывающий направление входа в баню, видимо, из-за крупных размеров и большого веса, вернуть на прежнее место не удалось. С южной стороны бани реконструированы стены ванн № 2 и № 3 (Архив НЗХТ. д. 2599: 8). В помещениях II и III восстановлены опорные столбы для пола с продухами в виде пустот. На стене между помещениями III–IV восстановлено перекрытие и два ряда кладки двух подпольных каналов (Архив НЗХТ. д. 4139: 6) (рис. 10).

К сожалению, отсутствие каких-либо значительных источников информации о раскопках 1893 года и сильно разрушенные конструктивные элементы самого здания затруднили его понимание. Причиной отсутствия информации являлась недостаточно выработанная к тому времени методика ведения археологических раскопок. Кроме того, в Херсонесе на рубеже XIX начала XX в., как правило, не проводились консервационно-реставрационные работы на уже исследованных памятниках. Отсутствовала тщательная документация с фиксацией всех этапов работ. Поэтому консервационные работы 1940 г. так же дошли до нас только благодаря фотофиксации. Какие-либо нормативные документы, методика и результаты работ не опубликованы. Недостаточно информативными оказались и консервационно-реставрационные работы 1983 г.

В ходе работы по подготовке проекта консервации 2009 г. была получена дополнительная информация, позволившая существенно пополнить знания о конструктивных особенностях бани в IX квартале и исправить некоторые неточности, допущенные при проведении предшествующих консервационно-реставрационных работ. Незначительные остатки исследуемого комплекса не позволяют более детально говорить о технических особенностях и архитектурном облике средневековой бани. Определённая информация по этому вопросу накоплена при изучении хорошо сохранившихся памятников Закавказья.

Следуя историческим аналогиям, средневековая баня в основном состоит из нескольких помещений, основные из которых — передняя для раздевания и помещение для мытья (рис. 11). Нередко существовали отдельные помещения с котлами для холодной или горячей воды. В отдельно стоящем хозяйственном помещении находилась печь для обогрева воздуха (рис. 12). Горячий воздух проходил через топку в виде удлиненного канала и далее по каналам под полом основных помещений бани, прогревая их. Таким же образом могли прогреваться и чаны с водой (Якобсон 1950: 83, рис. 35). Последующая обработка архивных материалов показала, что при определении количества опорных столбов стен и направлении продухов между помещениями II и III была допущена ошибка. Кроме того, в процессе консервации в кладочном растворе основания северной стены помещения I бани была обнаружена монета византийского императора Константина VII 913–959 г. Сдана на хранение в фонды Национального заповедника «Херсонес Таврический» № 19803. Находка монеты позволила пересмотреть датировку

памятника и определить время его строительства не ранее 20-х г. X в. (Архив НЗХТ. Д. 4139: 9).

В отчёте о раскопках 1982 г. автор высказал предположение о наличии входа в помещения бани с восточной стороны (Архив НЗХТ. д. 2346: 3). С этим невозможно согласиться, поскольку основание проёма расположено на одном уровне с топочным каналом, который располагается ниже основного входа в баню. Дополнительным аргументом в пользу иной интерпретации проёма в восточной стене служит план 1905 г., где он обозначен как свод. Свод располагался ниже уровня основного пола и, по-нашему мнению, был связан с печью топочным каналом. Кроме того, свод связывал помещение № I бани с крупным помещением, видимо хозяйственного назначения, примыкающим к ней с восточной стороны. На сегодняшний день это помещение не сохранилось. Вход в баню, в таком случае, должен был располагаться с западной стороны, то есть противоположной от печи, так как это было в бане квартала XV (Белов, Стржелецкий 1953: 94).

Вскоре после археологических исследований 1982 г. были проведены консервационно-реставрационные работы. В отчёте о раскопках указано, что между II–III и III–IV помещениями сохранились столбы от внутренних стен здания, в которых устроены 3 канала для тёплого воздуха (Архив НЗХТ. д. 2346: 3). Видимо, следуя отчёту, на стене между помещениями II–III были восстановлены 3 топочных канала размером 0.5x0.7 м. Исследования в процессе подготовки документации по консервационно-реставрационным работам 2009 г. показали, что центральный топочный канал между помещениями II–III реконструирован не верно. Изначально он отсутствовал полностью, что так же хорошо видно на плане 1905 г. Это подтверждается материалами консервационных работ 1940 г. из фондов Национального заповедника Херсонес Таврический (негатив № 6027) (рис. 13). Такое расположение топочных каналов так же не соответствует конструктивным особенностям комплексов уже изученных бань. Примером может служить комплекс средневековой бани в III квартале Херсонеса, открытый в 1912 г. Р. Х. Лепером (Гриневич 1927: 104). Несмотря на меньшие размеры бани в III квартале 6.8x4 м., порядок расположения топливных каналов в количественном отношении совпадает с расположением однотипных каналов в комплексе бани IX квартала и составляет 1x2x3 в зависимости от назначения помещений (рис. 14). В стене между помещениями для раздевания и купания существует два топочных канала, а в стене с топкой их

выявлено три (Якобсон 1950: 79). Совершенно по-другому устроены топочные каналы бани в квартале XV. От печи, расположенной в юго-восточной части помещения, тёплый воздух проходил по каналу, расположенному под полом. Затем поднимался вверх по вертикальным каналам, устроенным в стенах бани. С каждой стороны располагалось по три канала (Белов, Стржелецкий 1953: 94). Такой принцип обогрева бани в IX квартале, видимо, не применялся. Исходя из аналогий бани в III квартале Херсонеса, пол мог состоять из плоских плит опирающихся на многочисленные каменные столбики (Якобсон 1950: 79). Таким же образом был устроен пол бани дворцового комплекса Багратидов в Ани (Армения) (Якобсон 1950: 83). Примером другого конструктивного решения могут служить образцы пола в виде толстой водонепроницаемой заливки из известкового раствора, как это было в крепостной бане Дманиси (Грузия) (Мухелишвили 1940: 273).

Исследования комплекса бани Херсонеса Таврического позволили обратить внимание на большую историческую и архитектурную ценность данного объекта. Прежде всего, отмечается большое количество ванн и помещений, относительно изученных на данный момент памятников такого типа в Херсонесе, Северном Причерноморье и Закавказье. Значительные размеры памятника, отделка мраморными плитами предполагают её общественное использование, поскольку, так называемые внутриквартальные бани Херсонеса, сильно уступают ей по основным характеристикам. Незначительные остатки бани не позволяют нам в полной мере оценить и произвести реконструкцию основных элементов, однако всё же дают некоторую информацию о строительных традициях в Херсонесе X века. Открытая в IX квартале Херсонеса баня представляет собой усовершенствованный тип сооружений, связанных с давней римской традицией, начало которой прослеживается в Херсонесе, начиная с II–III вв. (Сорочан, Зубарь, Марченко 2001: 532).

Комплекс бани расположен на обрывистом берегу в 30 м. от моря. Расположение объекта недалеко от моря означает, что он подвержен дополнительному воздействию природных факторов в виде брызг морских волн и сильного северного ветра. Это негативно сказывается на сохранности, в первую очередь, оригинального раствора, разрушение которого приводит к деформации кладки. По состоянию на 2009 г., комплекс подвергся значительной руинации, что выразилось в виде частичных утрат лицевой кладки и забутовки. Па-

мятник и пространство вокруг него заросло травой и кустарником. На верхних и боковых участках стен старый консервационный раствор в результате воздействия природных факторов практически полностью потерял свои качества, способствуя дальнейшему разрушению. Основные разрушения кладки произошли на участке южной стены помещения I. Практически полностью отсутствовала южная стена ванны № 1, отдельные утраты кладки отмечены на северо-восточной и северо-западной стенах бани. Проведённые через многие десятилетия консервационно-реставрационные работы 1940 г. и 1983 г. смогли лишь частично сохранить утраченные со времени раскопок элементы кладки. Несмотря на близость к основным экскурсионным маршрутам, объект оказался заброшен. На памятнике отсутствовали указатели или какая-либо другая информация, способствующая его пониманию и определению значимости. Частичная руинация и неверно произведённая реконструкция потребовали проведения консервационно-реставрационных работ.

При проведении консервационно-реставрационных работ в 2009 г. был проведён поиск и использование всей возможной информации об объекте, подготовлена техническая документация. Основным принципом являлось сохранение аутентичности памятника, то есть сохранение его в том виде, в котором он дошёл к началу работ 2009 г., исключая какое-либо дополнительное воздействие. В процессе работ проводилась фотофиксация всех элементов кладки для определения состояния памятника до и после работ. На исследовании был взят образец оригинального раствора из кладки бани. Работы проводились Государственным научно-технологическим центром консервации и реставрации памятников (Киев). Комплекс исследований включал следующие виды анализов:

1. петрографическое исследование структуры в прозрачных шлифах;

2. исследование состава заполнителя в нерастворимых остатках после растворения пробы в 5%-ой соляной кислоте;
3. капельные реакции на наличие органических добавок в составе вяжущего;
4. термическое воздействие до 500⁰ С на пробу для выявления наличия органической добавки в извести.

В результате проведённых исследований выяснилась принадлежность раствора к группе известковых с заполнением из смеси цемянки и ракушечного песка. Раствор не однородный по структуре, комковатый, физико-механические свойства хорошие, розовый оттенок выражен незначительно.

Консервационные работы производились с использованием раствора, рекомендованного специалистами Государственного научно-технологического центра консервации и реставрации памятников (Киев).

Следуя методике работ, раствор наносился на вертикальные и горизонтальные швы кладки в местах наибольших утрат. На поверхности кладки раствор должен обеспечивать отведения воды и осадков. В местах, где оригинальный раствор хорошо сохранился, устраивались так называемые «окна», то есть места, где новый консервационный раствор не применялся (рис. 15). Для этого при проведении работ использовались чертежи с указанием мест нанесения нового раствора (Архив НЗХТ, д. 4139: 14, рис. 26–27). Таким образом, можно было увидеть сохранившиеся фрагменты оригинальной кладки без опасности разрушения памятника (рис. 16).

Значение памятника в экспозиционном плане и включение объекта в экскурсионный маршрут заповедника, безусловно, будет способствовать его популяризации в соответствии с принятой 4 октября 2008 г. Хартией ИКОМОС об интерпретации и презентации достопримечательных мест.

ЛИТЕРАТУРА

- Айналов Д. В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. I. — М., 1905.
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 года). *МИА* 34. — М., 1953: 32–108.
Гриневиц К. Э. Северо-Восточные кварталы Херсонеса. По данным раскопок Р. Х. Лепера. *ХСб.* 3. — 1927.
Косцюшко-Валюжинич К. К. *ОАК* за 1893 год. — СПб., 1895.
Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчёт о раскопках в Херсонесе за 1892–1893 год // Архив НЗХТ, д. № 3.
Мусхелишвили Л. Раскопки в Дманиси. *СА.* — М., 1948 (VI): 268–276
Самойленко В. Г. Отчёт о консервационно-реставрационных работах на остатках средневековой бани в IX квартале Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ, д. № 4139.

Седикова Л. В. Отчёт о консервационных работах на бане в IX квартале (Паспорта по консервации и реставрации) // Архив НЗХТ, д. № 2599.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2001.

Рыжов С. Г. Отчёт о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса в 1982 году // Архив НЗХТ, д. № 2346.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. *МИА* 17. — М., 1950.

В. Г. Самойленко

КОНСЕРВАЦИОННО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ОСТАТКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАНИ В IX КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 2009 Г.

РЕЗЮМЕ

Баня в IX квартале частично открыта раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1893 г. Первые работы, направленные на сохранение памятника, были произведены в 1940 г. Дальнейшими раскопками в 1982 г. была открыта южная стена с ваннами и зачищены основные помещения. Дополнительные исследования и крайне неудовлетворительное состояние памятника послужило основанием для следующего этапа консервационно-реставрационных работ 1983 г.

В процессе подготовки объекта к консервации (2009 г.) в кладочном растворе основания северной стены помещения I бани была обнаружена монета, которая позволила уточнить датировку памятника.

Исследования комплекса бани в IX квартале Херсонеса Таврического позволили обратить внимание на большую историческую и архитек-

турную ценность данного объекта. Прежде всего, отмечается большое количество ванн и помещений, относительно изученных на данный момент памятников такого типа в Херсонесе, Северном Причерноморье и Закавказье. Значительные размеры памятника, предполагают его общественное использование, поскольку, так называемые, внутриквартальные бани Херсонеса, сильно уступают ей по основным характеристикам. Незначительные остатки бани не позволяют в полной мере оценить и произвести реконструкцию архитектурных элементов, однако всё же дают некоторую информацию о строительных традициях в Херсонесе IX- X в.в. Открытая в IX квартале баня представляет собой усовершенствованный тип сооружений, связанных с давней римской традицией, начало которой прослеживается в Херсонесе в II-III в.

В. Г. Самойленко

КОНСЕРВАЦІЙНО-РЕСТАВРАЦІЙНІ РОБОТИ НА ЗАЛИШКАХ СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ЛАЗНІ В IX КВАРТАЛІ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО В 2009 Р.

РЕЗЮМЕ

Баня в IX кварталі частково відкрита розкопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1893 р. Перші роботи, спрямовані на збереження пам'ятника, були проведені в 1940 р. Подальшими розкопками в 1982 р. була відкрита південна стіна з ваннами і зачищені основні приміщення. Додаткові дослідження і вкрай незадовільний стан пам'ятника послужили підставою для наступного етапу консерваційно-реставраційних робіт 1983 р.

У процесі підготовки об'єкта до консервації (2009 р.) в розчину кладки підстави північної

стіни приміщення I лазні була виявлена монета, яка дозволила уточнити датування пам'ятника.

Дослідження комплексу лазні в IX кварталі Херсонеса Таврійського дозволили звернути увагу на велику історичну та архітектурну цінність даного об'єкта. Перш за все, відзначається велика кількість ванн і приміщень, відносно вивчених на даний момент пам'ятників такого типу в Херсонесі, Північному Причорномор'ї та Закавказзі. Значні розміри пам'ятника припускають його громадське використання, оскільки, так

звані, внутрішньоквартальні лазні Херсонеса, сильно поступаються їй за основними характеристиками. Незначні залишки лазні не дозволяють повною мірою оцінити і провести реконструкцію архітектурних елементів, проте все ж дають

деяку інформацію про будівельні традиції в Херсонесі IX–X ст. Відкрита в IX кварталі лазня являє собою вдосконалений тип споруд, пов'язаних з давньо римською традицією, початок якій простежується в Херсонесі в II–III ст.

V. Samoylenko

**CONSERVATION AND RESTORATION WORKS CARRIED OUT IN 2009
AT THE REMAINS OF MEDIEVAL BATHS IN INSULA IX
OF THE TAURIC CHERSONESOS**

SUMMARY

The baths of Insula IX were partially excavated in 1893 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich. Further excavations in 1982 uncovered the southern wall with bath-tubs, and the main rooms were cleaned. Thus the dimensions and the function of the monument were discovered. The first known works aimed at preservation of the monument were carried out in 1940. There are several negative pictures associated with this event, but there are no related documents or other published materials. By 1983 the monument suffered considerable losses. Additional excavation and very low preservation degree of the monument encouraged a new stage of conservation and restoration works.

In the course of preparation for the conservation project in 2009 additional information was obtained considerably enriching our knowledge of the structural peculiarities of the baths in Insula IX and helping to correct some discrepancies from the previous conservation and restoration undertakings. Moreover, in the process of preparation of the object for conservation a coin was discovered in the masonry of the foundation of the northern wall of Room 1 of the baths. The discovery of the coin permitted reconsidering the dating of the monument.

The study of the complex of baths in Insula IX of the Tauric Chersonesos attracted attention to great historic and architectural value of this object. First of all, notable is the large number of bath tubs and rooms compared to other studied monuments of this

type in Chersonesos, Black Sea North littoral and Transcaucasia. Considerable size of the monument suggests its public use, since the so-called inter-insula baths of Chersonesos yield to these ones on major parameters. Scarce remains of the baths do not allow us to evaluate and reconstruct their architectural elements in full, but still provide us with some information on the building traditions of Chersonesos in the 9th-10th cc. The baths discovered in Insula IX of Chersonesos represent an improvement of this type of structures, associated with the old Roman tradition and originating from the 2nd-3rd cc.

In the course of conservation and restoration works undertaken in 2009 technical documentation was developed, as well as the work schedule. Thorough photo fixation of all masonry elements has been carried out in the process of work, what allows determining the condition of the monument before and after treatment.

After conservation works explicit informative base should be developed for the Preserve visitors, since the monument lies on the excursion route.

Completion of the conservation works will contribute to better preservation and popularization of the unique cultural heritage monument in accordance with the ICOMOS Charter for the Interpretation and Presentation of Cultural Heritage Sites ratified on October 4, 2008.

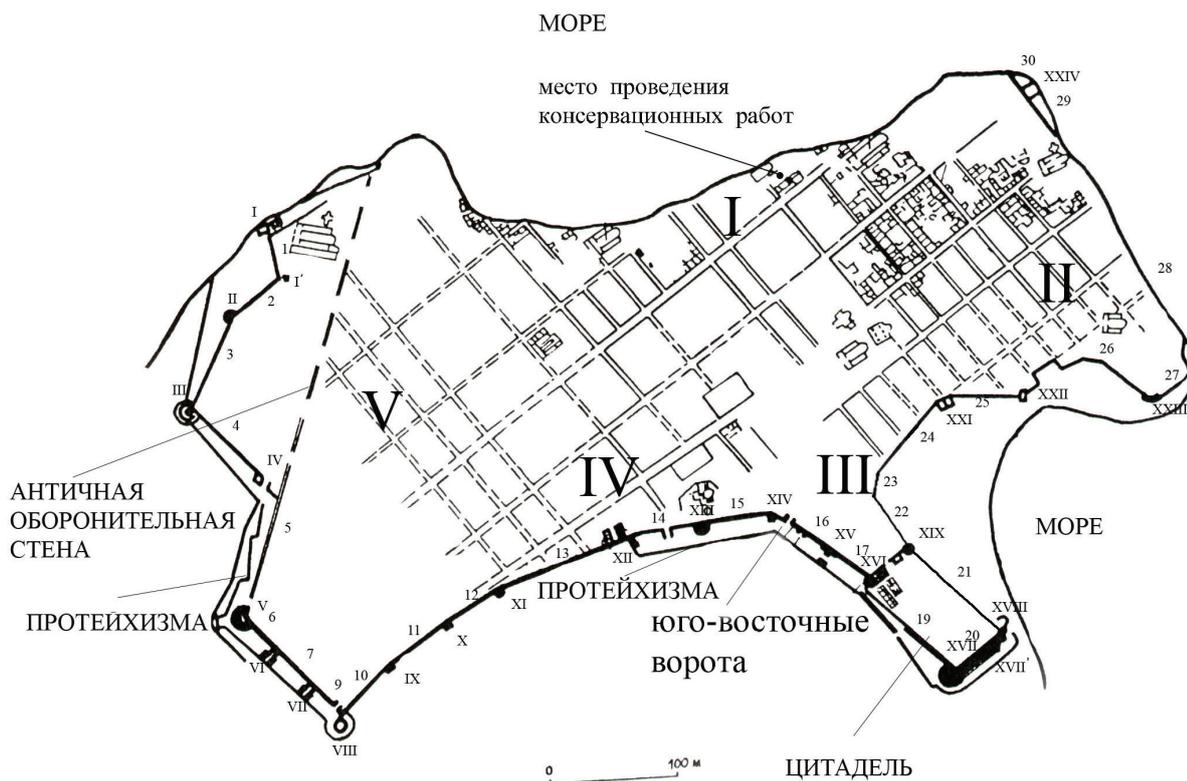

Рис 1. План-схема Херсонеса.

I – Северный район; II – Северо-восточный район; III – Юго-восточный район;
IV – Южный район; V – Западный район.

Рис 2. Остатки бани после раскопок 1893 г. Вид с запада. Негатив №10876

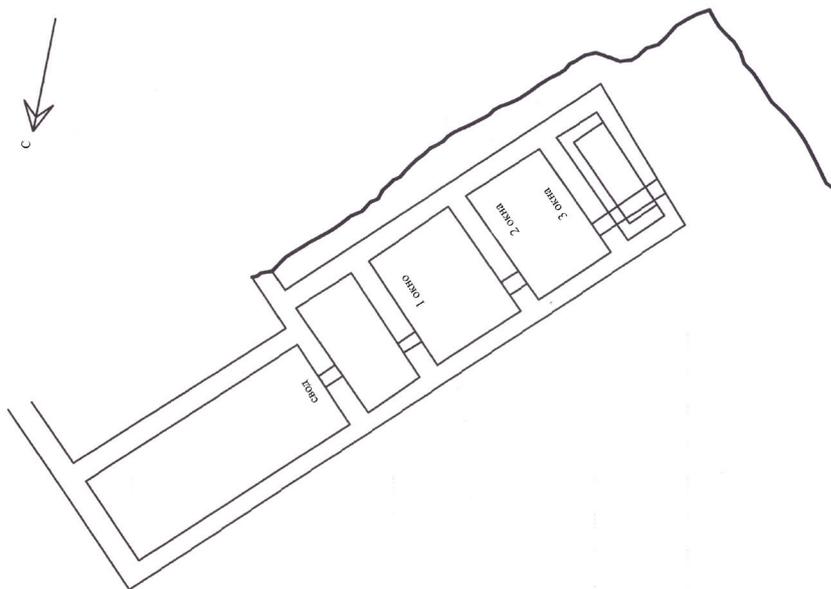
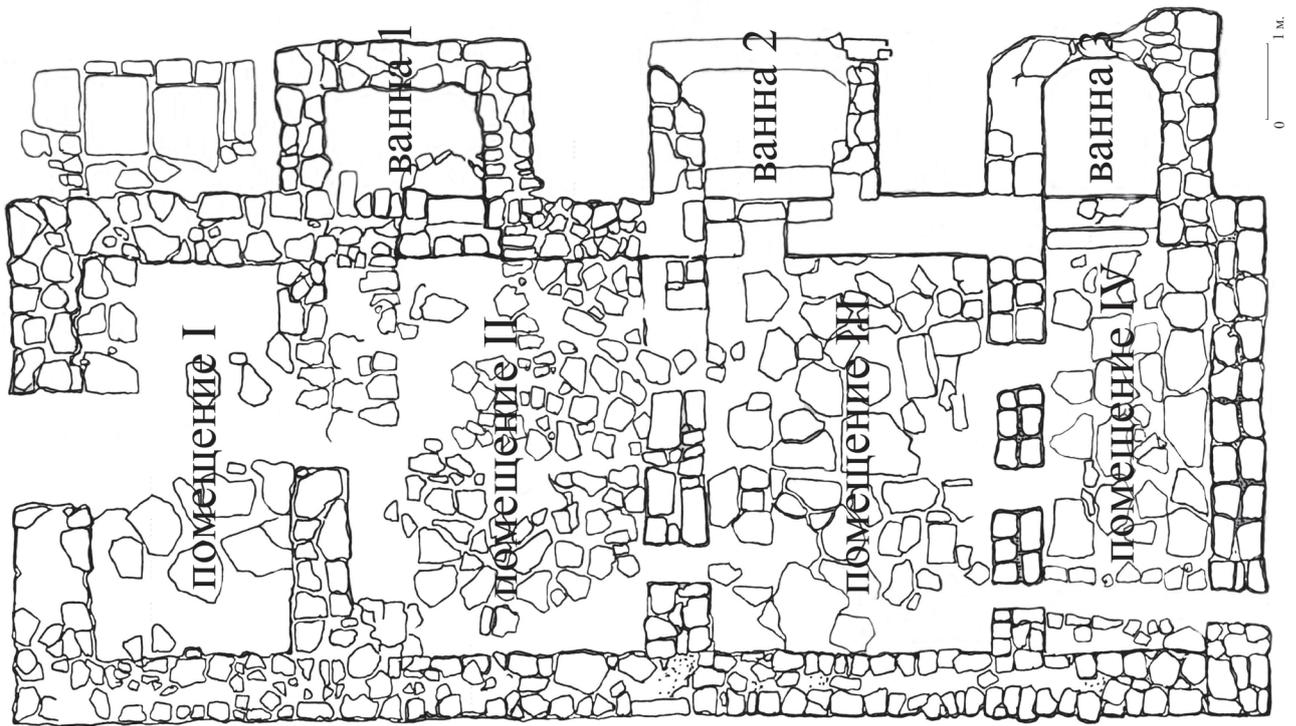

Рис 3. План бани 1905 г.

Рис 4. План бани после раскопок 1982 г.

Рис 5. Остатки бани во время раскопок 1982 г. Вид с запада.

Рис 6. Остатки бани во время консервации 1940 г. Вид с юго-запада. Негатив № 7363.

Рис 7. Остатки бани во время консервации 1940 г. Вид с северо-востока. Негатив № 7366.

Рис 8. Остатки бани во время раскопок 1982 г. Вид с северо-востока.

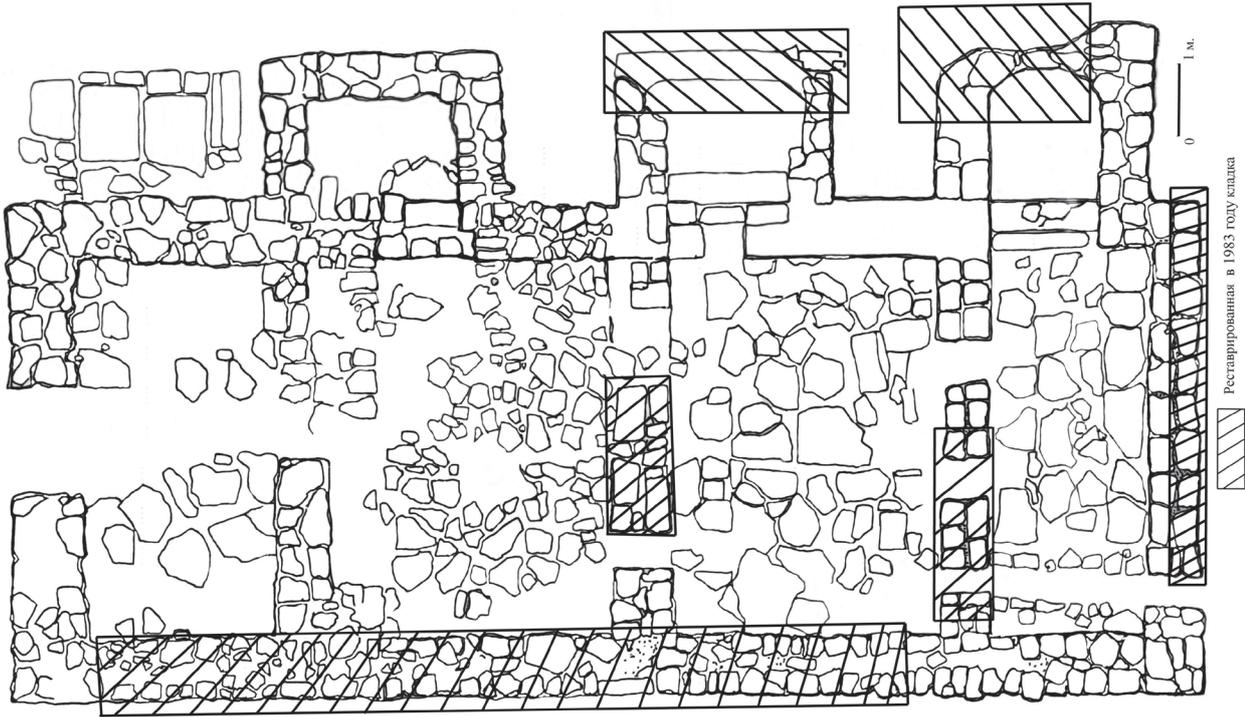

Рис 9. План бани с реставрированными участками стен 1983 г.

Рис 10. Остатки бани в процессе реставрационных работ 1983 г. Вид с юго-запада.

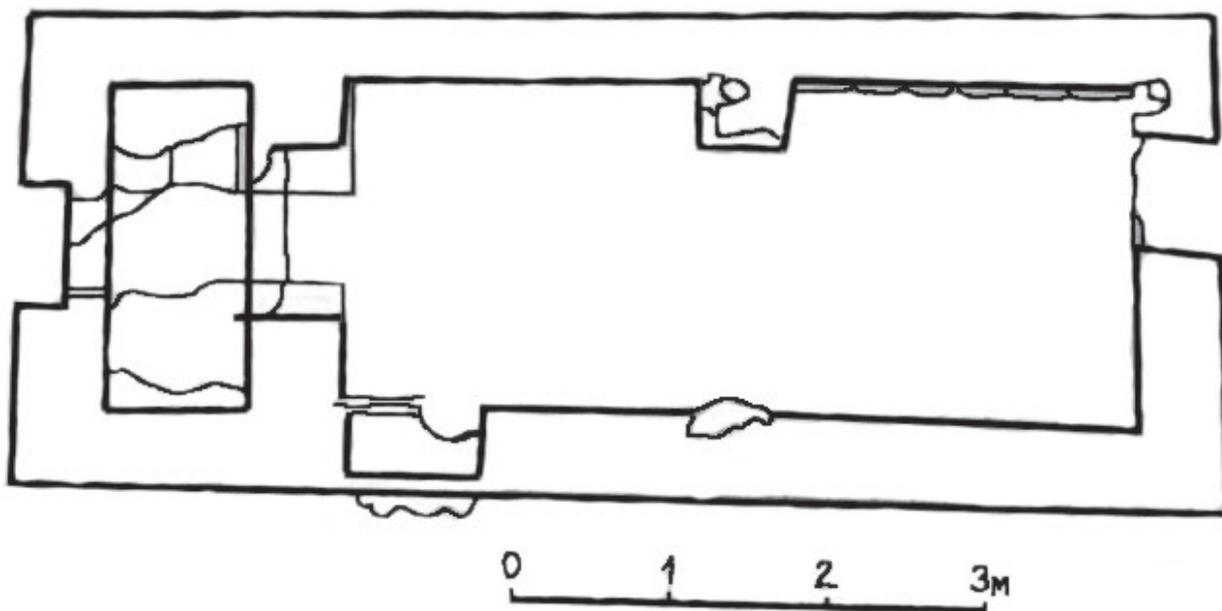

Рис 11. План бани в Анберде (по А.Л. Якобсону).

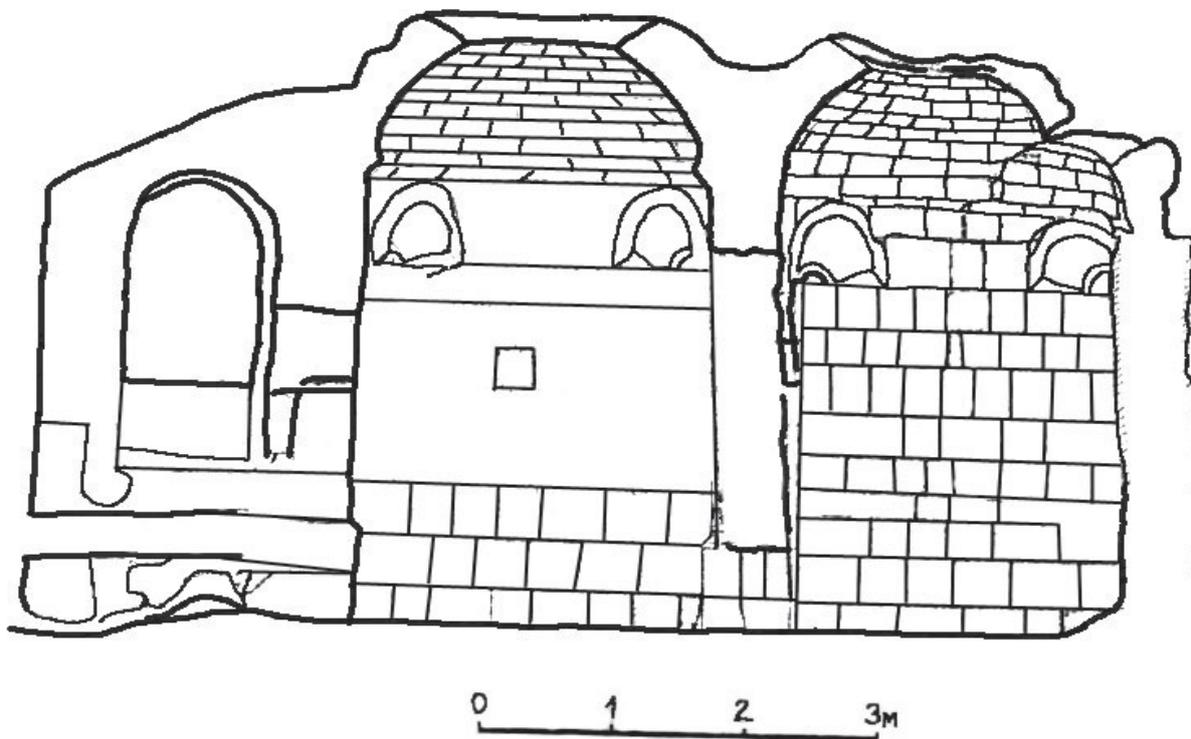

Рис 12. Разрез бани в Анберде (по А.Л. Якобсону).

Рис 13. Центральная часть бани во время консервации 1940 г.

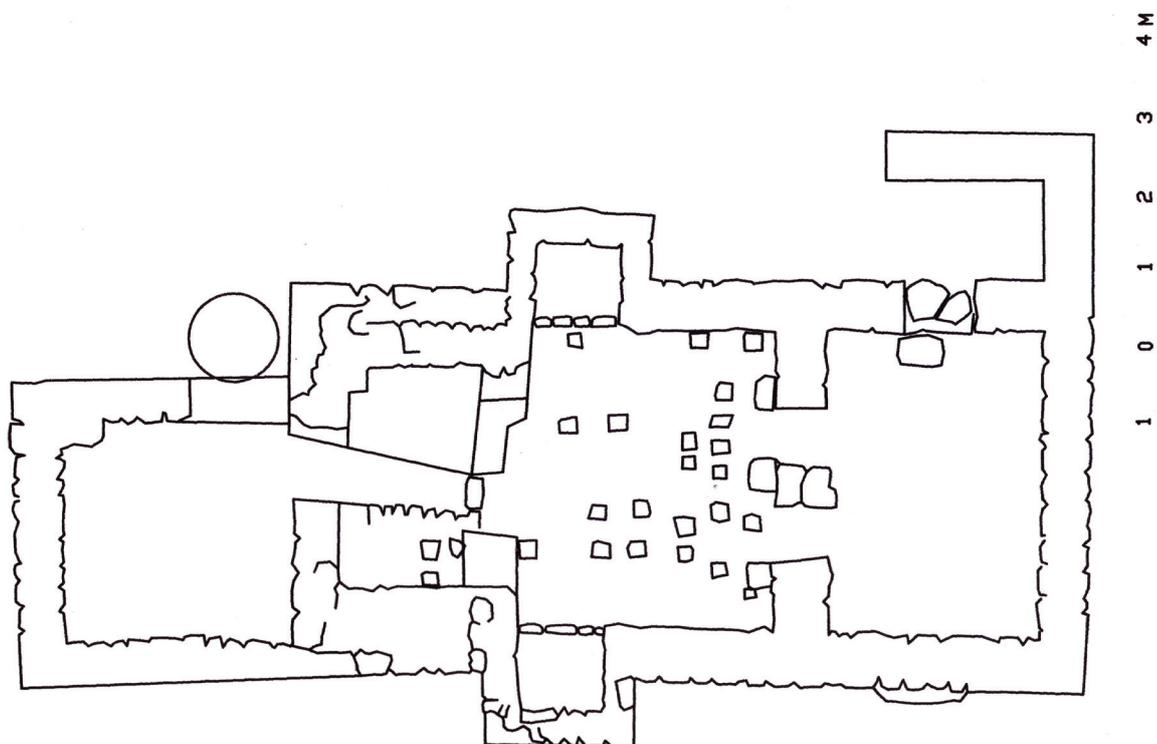

Рис 14. План бани в III квартале.

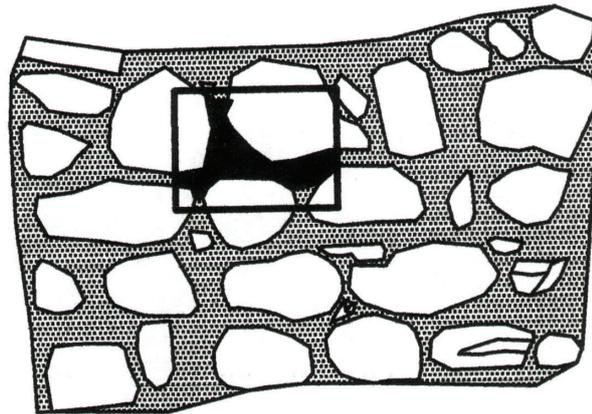

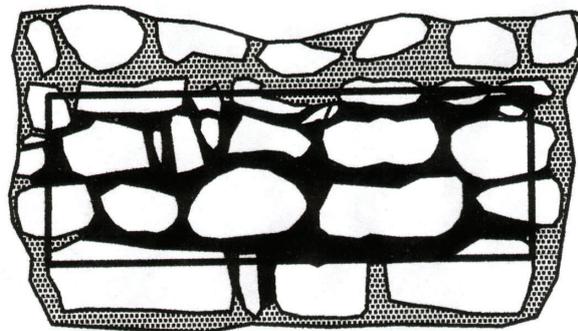
схема нанесения раствора. Южная стена между ванной 2-3

сохранение оригинального раствора и кладки

консервационный раствор

М 1:20

схема нанесения раствора. Южная стена между ванной 1-2

Рис 15. Схема нанесения раствора и «окон».

Рис 16. Общий вид бани после консервационных работ. Снято с запада.

В. П. СТЕПАНЕНКО

АРХОНТ ХАЗАРИИ — СТРАТИГ ХЕРСОНА?¹

Применительно к событиям 1016 г. в Крыму Иоанн Скилица пишет: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе... послал в Хазарию экспедицию. Ее экзархом был Монг, сын Андроника Дуки (*по прозвищу*) Лид. По мнению А. С. Мохова Андроник не мог быть дукой Лидды, расположенной в Палестине на территории Иерусалимского королевства. Здесь надо полагать традиционный перевод неверен. Лид, в данном случае, прозвище Андроника Дуки. (См.: Polemis 1968: 26). Источник сообщает, что совместно со Сфенгом, братом Владимира, родственника василевса, он подчинил страну, пленив ее архонта Георгия Цулу в первом же сражении» (Scylitzae 1973: 354, 88–94).

Исследователи по разному интерпретировали данное сообщение. В. Н. Юргевич, издавший печать Цулы как стратига Херсона и привлекая информацию «Записки готского топарха», ныне признанной подделкой, первоначально неверно прочел надпись печати и, как следствие, ошибочно ее интерпретировал, признав Цулу последним хазарским хаканом в Крыму (Юргевич 1886: 1–19). Надпись печати прочел и издал И. И. Толстой (Толстой, 1887: 16). Позже В. Н. Юргевич еще раз издал печать, полагая, что «быть может даже не покажется странным мое предположение, что наша печать принадлежит этому хакану (взятому в плен в 1016 г. — В. С.) так как ему, как прежде правителю покоренной и присоединенной к Херсону области и огречившемуся христианину могло быть поручено управление Херсонской фемой, с пожалованием ему сначала звания спафария, а потом протоспафария и стратига» (Юргевич 1889: 46). М. В. Левченко полагал, что «в 1016 г. войска Владимира и Василия Болгаробойцы предприняли совместный поход против хазар и вскоре одержали победу, в результате которой остатки хазарских владений были разделены между союзниками» (Левченко 1956: 337).

А. Л. Якобсон также считал Цулу хазарским правителем, который захватил Херсон после ух-

да отсюда князя Владимира (989 г. — В. С.). А так как исследователю было известно о существовании моливдовула Цулы как императорского протоспафария и стратига Херсона, он предположил, что Херсон был захвачен «хазарским правителем» Георгием Цулой. Но как только возникла угроза восстановления власти Византии в Тавриде, он мог решиться на политический маневр: стремясь предотвратить окончательное падение хазарской власти в Тавриде, он, возможно, сам проявил инициативу и обратился к византийскому императору с предложением своих услуг и верноподданничества империи в качестве хазарского топарха климатов и самого Херсона, на что, занятый завоеванием Болгарии, как с явлением временным, мог согласиться Василий II» (Якобсон 1950: 384).

Данная точка зрения, высказанная как сугубо гипотетическая, вызвала резкие возражения Е. Ч. Скржинской. Отметим, что заслуга локализации мятежа Цулы в Херсоне принадлежит ей и в дальнейшем исследователи принимали это как аксиому. Е. Ч. Скржинская полагала, что в данном случае речь может идти о мятеже византийского стратига против центральной администрации (Скржинская 1953: 252–269). Она писала: «Никак нельзя оправдать измышлений А. Л. Якобсона по поводу херсонского стратига Георгия Цулы... Хотя автор и предупреждает, что все им высказанное «не более, чем догадки», но, как хорошо известно, догадки историка, будучи вполне допустимыми, должны быть чем то обоснованы, а этого как раз и нет в домыслах относительно роли Георгия Цулы» (Скржинская 1953: 266).

При этом сама исследовательница делает три допущения, излагая их как аксиомы. 1. Цула был императорским протоспафарием и стратигом Херсона накануне экспедиции 1016 г. 2. Хазария Скилицы тождественна Таврике-Крыму. Она пишет: «В источнике XI–XII вв. название Таврики «Хазарией» вполне естественно (известно, что Крым назывался так в XIII–XV вв.). В Константинополе могли так называть страну, через которую на протяжении веков пролегал путь в коренную Хазарию,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, проект № 07–01–00144 а

т. е. на Северный Кавказ и подчиненные хазарам области по восточному побережью Дона (Саркел). Корабли, отплывающие в Хазарию, *должны были вероятнее всего направляться к Херсону* (курсив автора — В. С.)). 3. Использование Скилицей (тогда еще Кедриным) термина $\chi\omega\rho\alpha$ как синонима $\rho\omicron\lambda\iota\varsigma$. Отрицая статус Цулы как хакана или представителя хазарской власти в Крыму, она пишет: «Таким образом флот не был послан сокрушать хазарское владычество в Крыму, а направился к крымским берегам с иной целью, которая определена в самом тексте. Ведь в нем говорится, что начальник флота Монг подчинил область ($\chi\omega\rho\alpha$, т. е. страна, земля, область, но и «город») и захватил в плен ее архонта Георгия Цулу. На его имени сходятся свидетельства хроники и печати. Напрашивается вывод о том, что, флот Василия II в 1016 г. был послан в «Таврику» (Хазарию) для усмирения Херсона... Преувеличивать значение и силу хазар в Таврике, да еще в начале XI в., нет никаких исторических оснований. после походов Святослава и Владимира. Следует отметить, что до А. Л. Якобсона эту же ошибку допускали и А. А. Васильев и В. Г. Васильевский» (Скржинская 1953: 266).

На наш взгляд, вся эта аргументация более чем сомнительна. К тому же сама Е. Ч. Скржинская вольно или невольно демонстрирует ее предельную гипотетичность, что вынуждает вернуться к ее мысли о том, «что догадки историка, будучи вполне допустимыми, должны быть чем-то обоснованы». В частности создается впечатление о том, что фема Херсон в это время находилась в некоем политическом вакууме и никаких государственных, полугосударственных, племенных образований в горных районах и на южном побережии Крыма просто не существовало. Тогда не совсем понятно почему, не имея в регионе противников, империя восстановила свое господство на побережье лишь к середине XI в., да и то не в полном по сравнению с VI–VII вв. объеме, а в горных районах, судя по материалам археологического исследования Мангупа, ее присутствие было незначительно. Как известно, материал X–XI в. на городище представлен весьма в небольшом количестве. Известные византийские печати датируются IX в., и их появление здесь также не может быть истолковано как свидетельство утверждения власти империи в Горном Крыму. (См. Герцен 1990: 137–138; Герцен, Алексеенко 2002: 59–65).

Что касается тождества Хазарии с Таврикой, кажущегося исследовательнице вполне естественным, то логика здесь такова: раз Хазария Скилицы — это Таврика, а центром византийского вла-

дчества в регионе был Херсон, то экспедиция Монга была направлена именно против него. Печать Цулы как стратига Херсона в этой связи не может быть использована как аргумент уже потому, что мы не знаем какой этап *cursus honorum* Цулы она отражает и можно ли ее датировать именно 1016 г. Наконец, $\chi\omega\rho\alpha$ Скилицы никак не «город», но «страна», например, хора Тарона, вассального армянского княжества, не ставшего еще византийской фемой (Scylitzae 1973: 279.81–84), тогда как в Киликии — города (Scylitzae 1973: 278.77.) и, соответственно, столица Первого Болгарского царства Великий Преслав — город (Scylitzae 1973: 295.25). При описании осады болгарских тогда Моглен византийскими войсками сами Моглены — город, тогда как его район — хора (Scylitzae 1973: 352.26, 33).

Таким образом аргументация Е. Ч. Скржинской в пользу и тождества архонта Хазарии со стратигом Херсона и, как следствие, локализации мятежа Цулы в Херсоне остается предельно гипотетичной. Тем не менее, с данной интерпретацией фактов согласился М. И. Артамонов и позже — Л. А. Якобсон (Артамонов 1962: 436). В дальнейшем локализация мятежа Цулы в Херсоне стала общепринятой, хотя А. В. Гадло и писал, что он восстал «в принадлежавших по договору 989 г. империи областях и городах Таврики», что также достаточно неопределенно (Гадло 1990: 26).

Хотелось бы отметить, что у специально занимавшейся данным вопросом И. В. Соколовой сложившаяся традиция связывать мятеж Цулы Херсоном вызвала известные сомнения. Исследовательница, впервые введшая в научный оборот ранее неизвестные моливдовулы Цулы и давшая частичную реконструкцию его *cursus honorum*, столкнулась с тем, что новый материал отнюдь не подкреплял традиционную версию о мятеже Цулы в Херсоне и, в частности, приписанный ему моливдовул как протоспафария Боспора (Соколова 1971: 70. Соколова 1983: 103–106). Как следствие, И. В. Соколова пыталась примирить обе версии, полагая, что мятеж начался в Херсоне, но завершился на Боспоре.

А. П. Каждан отверг предложенное И. В. Соколовой чтение патронима в надписи последней печати как Цула и, как следствие, ее атрибуцию, констатировав лишь существование фемы Боспор в данный период (Каждан 1972: 298). Н. М. Богданова, принимая локализацию мятежа в Херсоне и принимая аргументацию И. В. Соколовой, писала, что исследователи, «точка зрения которых получила обоснованные доказательства в последнее время, рассматривают экспедицию в Крым

не как «войну с независимым хазарским государством», а как «подавление восстания против Византии правителя стратига Херсонской области империи в Крыму» (Богданова 1991: 118).

Последующие ее выводы о том, что, так как к моменту появления экспедиционного корпуса в Херсоне Цула находился на Боспоре, «в ходе восстания херсониты сменили присланного из Константинополя стратига, (очевидно убитого или изгнанного) также на стратига, но из числа местной титулованной знати» (Богданова 1991: 118–119) не более, чем гипотезы. Следует отметить, что никто не доказал, что печать Цулы как императорского протоспафария и стратига Херсонеса принадлежит к периоду мятежа его как архонта Хазарии, что Хазария Скилицы- фема Херсон. Наконец термин «императорский» в титуле Цулы в надписи печати исключает появление его в качестве стратига Херсона без санкции Константинополя. Излишне говорить, что все последующие выводы о характере гипотетического восстания в Херсоне как гипотетической же реакции населения «на усиление административного и фискального гнета Константинополя» лишены всяческого основания.

В свое время мы обратили внимание на то, что локализация мятежа в Херсоне основана лишь на датировке моливдовула Цулы как стратига Херсон 1016 г. и априорном отождествлении Херсона с Хазарией (Степаненко 1992: 127)., из чего и был сделан вывод о том, что в качестве стратига он и поднял мятеж.

Следует отметить, что смущавшее исследователей отсутствие указания на должность Цулы (?) на Боспоре в надписи моливдовула нашло параллель в самом Херсонесе, где известен изданный еще Г. Шлюмберже моливдовул Цулы, императорского спафария Херсона (Schlumberger 1883: 663; Соколова 1983: 159, № 42).

Обратившийся к данному вопросу Г.Г. Литаврин воспроизвел традиционную точку зрения, полагая, что мятеж произошел в Херсоне и во главе его стоял стратиг (Литаврин 1998: 923–931; Литаврин 2000: 215–223). Что касается Хазарии, то автор полагает, что «в это время данный топоним означал уже не разгромленное Святославом государство Хазарию или ее владения в Крыму, а (в память о былом господстве хазар) лишь Крым или крымские колонии империи. Именно такой смысл имеет этот топоним у Скилицы в цитируемом месте» (Литаврин 2000: 216, прим. 1). К сожалению, ссылки на мнения М.И. Артамонова и О. Прицака ничего не доказывают, тогда как у А.П. Новосельцева как раз на основании еврейско-хазарской переписки воспроизведен

перечень хазарских владений в Крыму. Исследователь констатировал, что мы не можем дать четкого ответа на вопрос о том, отражает ли данный перечень ситуацию в Крыму X в. (Новосельцев 1990: 109–110).

Отвергая, вслед за А.П. Кажданом предложенное И.В. Соколовой чтение надписи печати протоспафария Боспора, Г.Г. Литаврин соглашается с предположением В. и Н. Зайбт, что фема Боспор могла быть возвращена Византии князем Владимиром как «вено», выкуп за Анну (Литаврин 2000: 218, прим.7 = Каждан 1972: 298; Зайбт, Зайбт 1994: 95). Однако далее, забывая о том, что ранее он со ссылкой на Зайбтов упомянул печати стратигов Боспора, Г.Г. Литаврин пишет о том, что «известная надпись Льва Алиата, как стратига Херсона и Сугдеи (1059), как и печати стратигов Сугдеи и Готфии свидетельствуют о власти империи не только в Херсоне но и других районах Крыма в середине XI в. Однако эти печати не дают никаких прав на заключение о принадлежности Византии также и Боспора» (Литаврин 2000: 220, прим. 6). Но выше он констатировал существование печатей стратигов Боспора, датированных рубежом X–XI вв. (Литаврин 2000: 218–219, прим. 7). Отсутствие их для середины XI в. не свидетельствует об исчезновении фемы. Считать же, что уже в это время оба берега Боспора принадлежали Тмутараканскому княжеству, у нас нет оснований. К тому же сами В. и Н. Зайбт предполагали, что Владимир вернул Василию II только Херсон. О Боспоре в этой связи они не упоминают. Но мы не знаем захватили ли войска князя этот район в 989 г. Тем более, что фема известна по Тактикону Икономидиса 971–975 гг., т. е. до похода Владимира на Херсон (Oikonomides 1972: 269).

К сожалению, вопреки мнению Г.Г. Литаврина, у нет данных в пользу того, что род Цул происходил из Херсона. Вероятно его крымское происхождение, но не более. Поэтому приведенная ниже цитата не более чем гипотеза автора, имеющая право на существование, но не основанная на данных источников. — «После разорения Херсона Владимиром император был вынужден доверить управление городом представителю одного из известнейших родов. В последующем в лице Георгия Цулы этот род решил править фемой как независимым от Константинополя княжеством» (Литаврин 1998: 923–931). Взятие Херсона Владимиром датируется 989 г., а мятеж Цулы, если локализовать его в Херсоне, концом 1015 — началом 1016 г. Нет ни малейшего основания полагать, что все эти годы фемой Херсон управляло семейство Цул.

А. И. Романчук предприняла попытку обосновать данную традицию, а ргіогі утверждая, что «итоном военной экспедиции было пленение архонта Херсона Георгия Цулы» (Романчук 2007: 500). Но в нашем единственном источнике он — архонт Хазарии, но никак не Херсона! Здесь же она констатировала, что «восстанавливать послужной список Георгия Цулы на основании весьма сомнительного прочтения имени на боспорской печати вряд ли правомерно. К тому же данных о том, что Боспор входил в состав владений империи, нет». И если с первым можно отчасти согласиться (изданные моливдовулы дают нам лишь краткий период карьеры Цулы и мы не знаем какие посты занимал он до появления в Херсоне и после), то второе утверждение несомненно ошибочно, так как фема Боспор названа в Тактиконе Икономидиса, т. е. она была создана к 971–975 гг. Известны печати ее стратигов рубежа X–XI вв.. Отсутствие данных о ее существовании в более позднее время не должно смущать. О феме Сугдея до находки судакского архива было известно лишь по надписи Льва Алиата 1059 г.

Как восстание Цулы в Херсоне фигурирует оно и в сводке Ж.-Кл. Шене о мятежах в Византии (Cheynet 1996: 35036, № 19). При этом информация Скилицы и надписи печати объединена и Цула фигурирует здесь как архонт Хазарии и стратиг Херсона.

Представляется очевидным, что исследователи предельно произвольно отождествили архонтию Хазарию с фемой Херсон, не имея на то ни малейших оснований. Никто не обратил внимания на то, что, вслед за сообщением об экспедиции в Хазарию Скилица пишет о передаче Византии Васпуракана в Армении его царем Сенекеримом Арцруни в 1016 г., Скилица называет его архонтом Мидии (Scylitzae 1973: 354.94–355), но в рассказе об экспедиции в Хазарию Монгсын Андроника, дуки Лиды. У Скилицы Георгий Цула — не стратиг Херсона, но архонт Хазарии подобно тому, как царь Васпуракана Сенекерим Арцруни- архонт Мидии-Аспракании, шаханшах Ширак Анийского царства в Армении Иовханнэс Смбат у Скилицы — архонт Ани (Scylitzae 1973: 435. 72), царь Грузии Георгий — архонт Абазгии (Scylitzae 1973: 366.32), правитель Тао-Кларджети Давид Багратид- архонт иверов (Scylitzae 1973: 326.10), Самуил- архонт Болгарии, а Святослав соответственно — Руси (Scylitzae 1973: 277.30). В надписи печати Владимира Мономаха он «благороднейший архонт Руси» (Янин 1970: 16). А принявший христианство и признавший сюзеренитет василевса Ромеев половецкий хан Кеген в надписи его печати- магистр и архонт Патчина-

кии (Jordanov 2003: nr. 59.1). Болгарский наместник Моглен Илица (1015) — архонт, но речь идет не только о городе, но и его районе- хоре Моглен (Scylitzae 1973: 352.26–34; См.: Златарски 1994: 747). Относительно функций архонта существует достаточно большая литература (См.: Ferluga 1982: 254–266; Koder 1983: 128–131; Шене, 2000: 310–316). Но по Скилице архонт — автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией.

Напомним о существовании печати Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии конца XI в., кому бы мы ее не приписывали (Янин 1970: 26–27; Степаненко 1993: 254–262). Но Хазария здесь явно не Волжская с Итилем, но Крымская. И опять же отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо стратигом Херсона Михаил явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал.

И действительно из еврейско-хазарской переписки известно, что крымские владения Хазарии в середине X в. включали в свой состав Крц, Суграй, Алус, Лмбат, Бртнит, Алубиху, Кут, Манкт, Бурк, Алму и Грузин, отождествляемые с Керчью, Сугдеей, Алуштой, Ламбатом, Партенитом, Алустоном, Мангупом, Алмой, Гурзувитами (Новосельцев 1990: 109–110). Спорна идентификация лишь Кута и Бурка. Так, А. П. Новосельцев отождествляет Бурк с Палакионом = Балаклавой (Новосельцев 1990: 109). По А. Г. Герцену Кут — это Эски кермен (Герцен, 1988: 21–23). То есть, под контролем хазар оставался весь северо-восточный Крым, южное побережье и Горный Крым, а территория фемы Херсон сводилась к самому городу и его ближайшим окрестностям. По мнению А. Г. Герцена, «ее территория занимала первоначально участок предгорной Юго-Западной Таврики вокруг Херсона, на южном побережье ее граница доходила до Алупки-Симеиза, а в области Внутренней гряды до Мангупа, Эски-Кермена, и далее до бассейна Альмы. Сопряжение территорий, находившихся под византийским и хазарским контролем вряд ли представляло строго определенный и охраняемый на всем протяжении рубеж. Скорее всего, в представлении современников пограничье определялось крепостями, господствовавшими над горными проходами или контролировавшими побережье» (Герцен 1988: 23). Как следствие, архонтием Хазария она быть не могла, обратил внимание еще В. Н. Юргевич (Юргевич 1886: 12–13).

Еврейский путешественник Р. Петахия ок. 1173 г. отправился на восток из Регенсбурга, через Польшу, Киев, переправился через Днепр, про-

шел через кыпчакские степи, после чего «прошел землю хазарскую в восемь дней. В конце этой земли семнадцать рек сливаются в одну и в этом месте собираются все желающие пуститься в морское путешествие. Там с одной стороны есть море, которое издает большое зловонье, с другой море чистое без запаха, и расстояние между тем и другим около дня пути» (Три еврейских путешественника 2004: 265). Комментаторы XIX в. полагали, что речь идет о Сиваше и Азовском море. Иной интерпретации сообщения Петахии предложить невозможно. Но в этом случае его Хазария — северо-восточный Крым от Перекопа до Керчи.

Гийом Рубрук, в ходе своего путешествия на восток в мае 1253 г., посетивший Крым, писал: «Мы прибыли в область Газарию, которая представляет собой как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Херсоном, ... В середине же, приблизительно в направлении южной оконечности Кассария имеет город, именуемый Солдаия... В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика... Итак вышеупомянутая область Газария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Херсон..., с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, с востока, где город Маритандис или Матрика, и устье моря танаидского» (Путешествие в восточные страны Гиойма де Рубрука 1997: 89). Сведения эти Рубрук почерпнул в Солдаие явно от местных жителей. Так что к середине XIII в. Газария — уже Крым от Херсона до Тмутаракани, включая Таманский полуостров, на котором Газария граничит с Зихией.

Для монаха Матфея, совершившего путешествие из Джалиты (?) в Феодоро в конце XIV в., Хазария также не отождествляется с Херсоном (См.: Байер 2001: 287). Это более широкое географическое понятие, прилагаемое Матфеем к территории восточнее Херсона. Для Иоанна Евгеника владетель Феодоро Алексей в начале XV в. — владетель и столп Хазарии, «солнце, обливающее своими лучами всю землю Готфии» (Спиридов 1928: 94.). И лишь в данном случае Хазария может быть отождествлена со всем Крымом. Но Херсон к этому времени перестал существовать...

Семейство Цул явно местного происхождения, возможно, хазарского. По крайней мере в Херсонесе найдены печати представителей этого рода с византийской титулатурой. Но находка их на территории городища ни в коем мере не свидетельствует о том, что все они были византийскими функционерами именно здесь. Они откуда-то писали в Херсон как центр фемы и не более того. Это императорский спафарий Михаил Цула, им-

ператорский (?) протоспафарий и стратиг Херсона Лев Цула, Игнатий Цула и [Фео]филакт Цула (Сokolova 1983, № 42, 54, 54 а; Шандровская 2000: 250; Алексеенко 2000: 256–257). Показательно, что в тексте печати первого указан только его сан — императорский спафарий, (но не должность!), тогда как печати двух последних частные, с указанием только имен. Судя по изображениям на лицевых сторонах печатей, они могут быть датированы концом X — началом XI вв. Константин Багрянородный упоминает в Херсонесе протевонов и архонтов, правивших городом до царствования Феофила (829–842), который подчинил город стратигу. То есть, к началу XI в., вопреки мнению А. И. Романчук, архонтов Херсона уже явно не было. Но Цулы были. Отметим в этой связи, что в 1901 г. на Мангупе в поздней крепостной стене была найдена плита с греческой надписью о том, что «была построена стена в дни смотрителя Цулы», датированная в свое время 1503 г. (Латышев 1092: 31–33; Белый, Соломоник 1984: 170–175). Обратившись к ней, Х. Байер отметил, что термин смотритель (ὄπoτpῆτῆς) в известных ему словарях не встречается (Байер 2001: 239–240). Остается предположить, что речь в данном случае может идти о топотирите, но тогда исключается датировка надписи пост-византийским периодом и даже периодом Феодоро... В свете изданной Н. А. Алексеенко печати Леонтия, императорского спафария и турмарха Готии (Алексеенко 1999: 230–235) более ранняя датировка мангупской надписи вполне вероятна. Недавно переиздавший ее А. Ю. Виноградов относит ее к 994/95 г. (Виноградов, 2009: 262–271). Так что видимо все-таки сегодня нет оснований говорить, что Цулы обретались в Крыму до начала XVI в.

Отметим также, что отсутствие в надписи печати Михаила Цулы указания на его должность в византийской администрации в Крыму может свидетельствовать в пользу того, что именно как автономный владетель он мог получить этот титул, не связанный с выполнением каких-либо конкретных функций в качестве византийского провинциального чиновника. Примеров того в византийской дипломатической практике предостаточно.

В целом создается впечатление, что к началу XI в. Хазария располагалась в Крыму севернее территории фемы Херсон, возможно, гранича с ней и с турмархатом Готия, ранее также бывшим частью Хазарии. К такому мнению склоняется и И. Т. Коновалова (Коновалова 1999: 178). К этнической ситуации в регионе исследователи обращались неоднократно (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху

средневековья 2003; Айбабин 1999; Айбабин 2002: 30–33; Тортика 2006: 158–182). Для Петахии Хазария — территория степного Крыма (восемь дней пути), в том числе и район Керчи. Статус ее не совсем ясен, но то, что Скилица называет Цулу архонтом, свидетельствует в пользу того, что это было государственное образование («княжество»), лимитроф, судя по печатям Цул, находившееся в контактах с Византией, в данном случае — с ее администрацией Херсонской фемы и постепенно поглощаемое империей. К сходным выводам на основании археологических данных пришел и В. В. Майко (Майко 2002: 57). Примеров тому достаточно (См. Удальцова, Каждан, Бартиян 1971: 21–26). Так, в этой связи предельно показательна судьба Таронского княжества Багратидов, владельцы которого постепенно теряя самостоятельность, стали наследственными стратигами собственных владений, превращенных в 966 г. в фему Тарон, тогда как сами они получили византийские саны, должности и владения в феме Халдия (Юзбашян 1986: 117–125).

К сожалению, политическая ситуация в Крыму второй половины X- начала XI вв. практически не известна. Это вынудило еще А. А. Васильева прибегнуть в более чем рискованной реконструкциям событий, в дальнейшем уже как аксиома воспринятых позднейшими исследователями. Так применительно к Готии он писал, что «ослабление хазарского каганата позволило Крымской Готии обрести некоторую самостоятельность. Но возобновившиеся набеги хазар, стремившихся восстановить свое преобладание в Таврике побудили готскую администрацию обратиться к русскому князю Святославу. В 962 г. в Киеве был заключен договор и Готия на некоторое время подпадает под протекторат древнерусского княжества. Вместе с тем продолжавшиеся военные столкновения Византии с Русью, по всей вероятности, заставили побежденного Святослава, согласно договору 971 г., отказаться от недавно приобретенного протектората» (Васильев 1927: 239–248). Все это — не более, чем реконструкции А. А. Васильева, не опирающиеся на факты по причине отсутствия оных. Если учесть, что, по мнению автора, Готия была включена в состав византийской фемы Климаты с центром в Херсонесе, то ни о какой самостоятельности готской администрации = византийского стратига фемы в данный период не может быть и речи. Авторы работы последних лет относительно более осторожны в своих выводах, интерпретируя в основном археологические источники применительно к ситуации VIII- первой половины IX вв., как, на-

пример. В. Е. Науменко (Науменко 2002: 544–567; Науменко 2004: 93–95).

Мог ли Георгий Цула после подавления мятежа стать стратигом фемы Херсон? Мог, учитывая прецеденты в истории Византии. Болгарская аристократия, и даже семейство последнего царя Болгарии Ивана Владислава после падения Охриды (1018) влилась в состав византийской элиты, получив саны и должности в провинциальной администрации (показательна судьба сына царя — Аарона Болгарина или его дочери Екатерины, ставшей императрицей). Отказавшийся передать Ширак Анийское царство Византии последний шаханшах Гагик II был пленен во время переговоров в Константинополе и выслан в тотчас же пожалованные ему владения в Малой Азии, получив сан и пост (1045). В Херсоне ситуация была несколько иной. Но и здесь полунезависимый представитель местной элиты, после неудачной попытки достичь независимости, так же мог получить византийский сан и пост в обмен на передачу своих владений империи. Это не более, чем гипотеза. Но она находит аналогии в восточной политике Византии как раз в этот период 1000–1064 гг.

Характеризуя статус печенежского хана Кегена = магистра и архонта Пачинакии Иоанна Кегена, со ссылкой на Скилицу Ж.- Кл. Шене отметил: «Константин Мономах разрешил этому печенежскому правителю с двумя племенами своих сородичей расположиться на территории, включившей три крепости на юг от Дуная, в феме Паристрион. Этот архонт был одновременно главой административного округа и правителем народа» (Шене 2000: 312). Относительно Цулы также можно предположить, что он мог быть стратигом фемы и правителем соседней территории. О масштабах мятежа свидетельствует и то, что на подавление его был послан флот из Константинополя, и в январе, когда плавание по морю не практиковалось. Гипотезы Г. Г. Литаврина о том, откуда же мог прибыть родственник Владимира Сфенг, судя по всему варяг, из Киева или из Тмутаракани, можно дополнить еще одной, а именно тем, что это могли быть отряды из состава варяго-русской дружины в самой Византии, в качестве десанта погруженные на суда и отправленные в Крым.

Поведем итоги. Можно констатировать, что, как это ни печально, остается актуальным высказывание Е. Ч. Скржинской о том, что «догадки историка, будучи вполне допустимыми, должны быть чем то обоснованы, а этого как раз и нет в домыслах относительно роли Георгия Цулы». Вопреки мнению Н. М. Богдановой, исследователи, «точка зрения которых получила обоснованные

доказательства в последнее время, рассматривают экспедицию в Крым не как «войну с независимым хазарским государством», а как «подавление восстания против Византии правителя стратига Херсонской области империи в Крыму» никаких новых аргументов в пользу отождествления архонтата Хазария с фемой Херсон не привели. Пока же сторонникам локализации мятежа Георгия Цулы в Херсоне как минимум необходимо доказать, что Хазария Иоанна Скилицы — это фема Херсон, а архонт Хазарии — стратиг этой фемы. Отметим в этой связи, что князя Тмута-

ракани Олега Святославича выдали Византии в 1079 г. некие «козары»... (ПСРЛ (38) 1989: 83). А так как они выдали его Византии, скорее всего стратигу одной из фем от Боспора до Херсона, а в Тмутаракани утвердился наместник киевского князя, то создается впечатление о том, что Византия, Киев и «козары» действовали совместно и рассматривать последних как шайку деклассированных элементов, грабивших путников на большой дороге, вряд ли есть основания. (См.: Коновалова 1999: 171, 178).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. На окраине византийской цивилизации (Византийский Крым). *Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней*. — Киев, 2002: 30–33.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь. 1999.
- Алексеенко Н. А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики. *МАИЭТ VII*. — Симферополь, 2000: 256–257.
- Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. *ХСб*. 9. — Севастополь, 1999: 230–235.
- «А Олга емше козаре, заточиша за море ко Царюграду». Радзивилловская летопись. ПСРЛ 38. — М., 1989.
- Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
- Байер Х.- Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург. 2001.
- Белый А. В., Соломоник Э. И. Утеренная и вновь открытая мангупская строительная надпись. *НЭ XIV*. — М., 1984: 170–175.
- Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города. *Причерноморье в средние века* 1. — М., 1991.
- Васильев А. А. Готы в Крыму. Часть 2. *ИГАИМК* 5. — 1927: 239–248.
- Виноградов А. Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя. *АДСВ* 39. — Екатеринбург, 2009: 262–271.
- Гадло А. В. Тмутараканские этюды. III, Мстислав. *Вестник ЛГУ* 2 (серия 2). — 1990.
- Герцен А. Г. К вопросу о территории Херсонской фемы. *Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.* Тезисы докладов. — Севастополь, 1988: 21–23.
- Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ* 1. — Симферополь, 1990: 137–138
- Герцен А. Г. Алексеенко Н. А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп кале. *АДСВ* 33. — Екатеринбург, 2002: 59–65.
- Зайбт В., Зайбт Н. Печати стратигов византийской фемы Херсон. *АДСВ* 27. — Екатеринбург, 1994: 91–97.
- Златарски В. История на българско царство през средните векове. Т. 1, ч. 2. — София 1994.
- Каждан А. П. Рец. на: Соколова И. В. Монеты и печати. *BSI*. XXXIII (2). — 1972: 298.
- Коновалова И. Т. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. — М., 1999.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. — М., 2003.
- Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 году (с 30 снимками). *ИАК* III. — 1902.
- Левченко М. В. Очерки о истории русско-византийских отношений. — М., 1956.
- Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти. *Полутропов*. К 70-летию В. Н. Топоркова. — М., 1998: 923–931.
- Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). — СПб., 2000: 215–223.
- Майко В. В. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в.. *Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней*. — Киев, 2002: 57-.
- Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII- середине IX в. *Проблемы истории, филологии и культуры* 12. — 2002: 544–567.
- Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений. Политико — административный аспект. *Россия-Крым-Балканы. Диалог культур*. Материалы межд. конференции. — Екатеринбург, 2004: 93–95.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство. — М., 1990.
- Путешествие в восточные страны Гиойма де Рубрука в лето благодсти 1253. — М., 1997.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы, Проблемы. — Екатеринбург. 2007.

- Скржинская Е. Ч. Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. *ВВ* 6. — 1953: 252–269.
- Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе. *ПС* 23. — 1971: 68–74.
- Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983.
- Спиридов Д. С. Заметки из истории эллинизма в Крыму. *ИТОИАиЭ* 2 (59). — 1928.
- Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики. *АДСВ* 23, — Екатеринбург, 1992: 125–133.
- Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в XI в. *МАИЭТ* III. — Симферополь, 1993: 254–262.
- Толстой И. И. О византийских печатях Херсонской фемы. *ЗРАО* II. — СПб, 1887.
- Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. — Харьков. 2006. 158–182.
- Три еврейских путешественника. — М., 2004.
- Удальцова З. В., Каждан А. П., Бартикян Р. М. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. *XIve congrès intern. des études byzantines. Rapports*, II. — Bucarest, 1971: 21–26.
- Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. — М., 1986.
- Юргевич В. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. *ЗООИД* 14. — 1886: 12–13.
- Юргевич В. Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества. *ЗООИД* 15. — 1889: 41–46.
- Шандровская В. С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму. *МАИЭТ* VII. — Симферополь, 2000: 247–255.
- Шене Ж.-Кл. Поздний архонт на примере Херсона. *МАИЭТ* VII. — Симферополь, 2000: 310–316.
- Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. *МИА* 17. — М., 1950.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. — М., 1970.
- Cheyne J.-Cl. Pouvoir et conestations a Byzance (963–1210). — Paris, 1996.
- Ferluga J. Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der sudslawischen Herrschertitel im 9 und 10 Jahr. im Lichte der Byzantinischen Quellen. Tradition als historische Kraft. — Berlin. 1982: 254–266.
- Koder J. Zu den Archontes der Slaven in De Administrando imperio. *Wiener Slavistischen Jahrbuch* 29. — 1983: 128–131.
- Jordanov I. Corpus of byzantine seals from Bulgaria. V.1. — Sofia, 2003.
- Oikonomidès N. Les listes de préséance Byzantines des IXe-XIe siècles. — Paris, 1972.
- Polemis D. The Doukai. A contribution in Byzantine Prosopography. — L., 1968.
- Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. — Paris, 1883.
- Scylitzae Ioannis. Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. — Berolini-Novi Eboraci, 1973.

В. П. Степаненко

АРХОНТ ХАЗАРИИ — СТРАТИГ ХЕРСОНА?

РЕЗЮМЕ

Как писал Иоанн Скилица, в 1016 г. император Василий II отправил в Крым военный контингент, который «в первой битве одержал победу и взял в плен архонта Хазарии Георгия Цулу». Статус Цулы находится под вопросом. Для историков XIX — первой половины XX вв. он был первым хазарским правителем Крыма. Но известны печати Цулы как императорского протоспафария и стратига фемы Херсона. По этой причине

Е. Скржинская пишет о «восстании византийского правителя Херсона Георгия Цулы» (1953). Это мнение утвердилось в современной историографии. Но датировка печатей Цулы спорна и нет причин полагать, что архонт Хазарии Скилицы это императорский протоспафарий и стратиг фемы Херсона печатей. Как следствие невозможно интерпретировать события 1016 г. как восстание византийского правителя Херсона.

В. П. Степаненко

АРХОНТ ХАЗАРІЇ — СТРАТИГ ХЕРСОНА?

РЕЗЮМЕ

Як писав Іоанн Скилиця, в 1016 р. імператор Василь II відправив у Крим військовий контингент, який «в першій битві здобув перемогу і взяв у полон архонта Хазарії Георгія Цулу». Статус Цули знаходиться під питанням. Для істориків XIX — першої половини XX ст. він був першим правителем хозарським Криму. Але відомі печатки Цули як імператорського протоспафарія і стратига фемі Херсона. З цієї причини Є. Скржинська пише

про «повстання візантійського правителя Херсона Георгія Цули» (1953). Ця думка утвердилася в сучасній історіографії. Але датування печаток Цули спірна і немає причин вважати, що архонт Хазарії Скилиця це імператорський протоспафарій і стратиг фемі Херсона печаток. Як наслідок неможливо інтерпретувати події 1016 як повстання візантійського правителя Херсона.

V. Stepanenko

IS THE ARCHON OF KHAZARIA THE STRATEGOS OF CHERSON?

SUMMARY

As John Skylitzes wrote, in 1016 emperor Basil II sent in Crimea war contingents, which «in the first battle won and captivated archon of Khazaria George Tzula». The Tzula's status is disputable. For the historians of the 19th — 1 half of the 20th cc. he was the first Khazarian ruler of the Crimea. But Tsula's seals are also known as the imperial protospatharios and strategos of the theme Cherson. On this reason E. Skržinskaja wrote about «the rebellion of the

Byzantine ruler of Cherson George Tzula» (1953). This opinion was adopted in the modern historiography. But the date of Tzula's seals is disputable and there is no reason to think that archon of Khazaria of Scylitzes is the imperial protospatharios and strategos of the theme Cherson at the seals. As consequence it's impossible to interpret the events of the y. 1016 as the rebellion of the Byzantine ruler of Cherson.

Р. П. СМИРНОВ

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Элементы городской топонимики Херсонеса позднеантичного времени сохранили до наших дней церковная и светская, «патриографическая», традиции. К первой относится такой агнографический памятник как «Жития херсонских епископов», ко второй — городские легенды или как назвал их Моммзен, «херсонесские сказки», помещенные Константином Багрянородным в главе 53 его труда «Об управлении империей». Обе традиции передают реальные исторические сведения и, по выражению В. В. Латышева, «топографические подробности», каждая по-своему акцентирует внимание на различных районах позднеантичного города, порой искажая действительность (Константин Багрянородный 1989: 450–451; Дагрон 2000: 295–296). Целью настоящей работы было показать, что и городские хроники, и Жития, в свете результатов археологических исследований последних лет на городище Херсонеса, могут дать новую информацию.

Датировка житийного текста VII веком, предложенная В. В. Латышевым в начале XX века (Латышев 1906: 15–16), лишь спустя столетие стала подвергаться сомнениям (Золотарев, Коробков 1998: 69–70; Завадская 2000: 84), а совсем недавно А. Ю. Виноградовым, на основе скрупулезного анализа и сличения различных версий Житий, включая неизвестные В. В. Латышеву, была предложена новая интерпретация, удревняющая дату создания первоначального варианта — конец V — начало VI вв. (Виноградов 2010: 155). Автор настоящей статьи, соглашаясь с Виноградовым, склоняется к нижней границе — конец V века, что совпадает с первоначальным мнением Латышева, — если бы не упоминаемый в одной из версий Житий топоним «Туркия», заставивший Латышева омолодить датировку изначального текста (Латышев 1906: 14–16).

Очевидно, что в рукописи Жития из т. н. Императорского минология, созданного при императоре Михаиле IV, под Туркией подразумевались земли провинции Малая Скифия (Виноградов 2010: 21). Вероятно, Жития сохранили локальный топоним для второй половины V века, отражав-

ший ситуацию после смерти Атиллы и развала его державы, ведь тюрки входили в состав гуннского союза (Еремеев 1990: 132), а согласно Иордану, часть гуннов, после битвы на Недао (454 г.) во главе с сыном Атиллы Эрнаком, поселяется в Малой Скифии (Иордан 2001: 112, § 266; Левченко 1945: 36). Феофан Византиец, автор начала IX века, описывая события VI века, говорит: «в то время гунны, которых мы обыкновенно называем турками...» (Феофан Византиец 2005: 220). В то же время известно, что наименование народов в византийских памятниках, не являются этнонимами в строгом смысле слова, и включают в себя обширную область культурно-географических характеристик в соответствии с установками автора произведения (Бибиков 1982: 156).

Вероятнее всего, топоним «Туркия» в тексте Житий появился из-под пера ученого переписчика XI века, следовавшего литературной традиции своего времени (Константин Багрянородный 1989: 284–286). Для редактора Жития и его читателей этноним турки (т. е. венгры) и территория их расселения в XI веке были современны и понятны. На это же указывает и славянский перевод текста из основной редакции «Синаксаря Константинопольской Церкви», где сказано, что епископ Ефрем был послан к венграм (Виноградов 2010: 19–22).

Перечислим те топографические реперы, которые сохранила для нас церковная традиция, созданная в самом Херсонесе (Латышев 1906: 12–13) и записанная в конце V века, но впоследствии многократно редактированная. Фрагмент Жития из т. н. Императорского минология типа А в переводе Виноградова, где упомянуты урбонимы: «... И вот ему [Феоне] была выделена жителями самая восточная часть города для обитания его людей и людей епископа, то есть от региона так называемой Малой агоры и до места под названием Парфенон... приказав построить купель из обожженной извести, великий [еп. Капитон] крестил в ней всех. Воздвиг он и примыкающий к ней храм во имя первого и верховного апостола Петра» (Виноградов 2010: 171–172).

Начиная с первого издателя и комментатора Житий, не раз предпринимались попытки локализации этих «топографических подробностей». В. В. Латышев очень осторожно помещал древний храм св. Петра на месте триконхиального баптистерия, который входит в комплекс Уваровской базилики. Парфенон по Латышеву располагался западнее Уваровской базилики, а Малая агора — на востоке городища, пологом берегу Карантинной бухты (Латышев 1906: 53–55).

С тех пор современная историография несколько продвинулась в этом вопросе. Так, сейчас житийный храм св. Петра убедительно связывают с т. н. Восточной базиликой, № 36 по счету Императорской археологической комиссии (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 577–579; Сорочан 2001: 3–6; Сорочан 2005: 875–886). И такая интерпретация письменных данных, предложенная харьковским исследователем С. Б. Сорочаном, несмотря на возражения (Беляев 2000: 22–25), кажется, все больше завоевывает сторонников (Скржинська 2006: 71; Русяева 2007 а: 106–107; Буйских 2008: 173; Виноградов 2010: 83, 118). Под Парфеноном предлагают понимать участок вокруг Восточной базилики (Сорочан 2006: 230; Русяева 2007: 36–40; Буйских 2008: 172–173), который, согласно реконструкции А. В. Буйских и М. И. Золотарева в античные времена представлял собой теменос (Золотарев, Буйских 1994: 99–100), где располагались главные городские храмы и, возможно, сокровищница Херсонеса (Федоров 1985: 10), где хранилась казна (ΣΑΣΤΗΡ) города (Макаров 2009: 54–59) (рис. 1).

Таким образом, теменос (он же Парфенон) ограничен с юго-запада 1-й поперечной улицей, с северо-запада — 1-й продольной (северной), а с юго-востока — 1-й продольной (южной) и представляет собой кварталы Iв и С, по номенклатуре А. И. Романчук (Романчук 2000: рис. 17). Автор настоящей статьи, присоединяясь к тем исследователям, которые ставят знак равенства между археологически фиксируемым теменосом и житийным Парфеноном, убежден, что этот участок города и есть херсонесский акрополь, который многократно упоминается в эпиграфических памятниках.

В пользу этого соображения говорит обилие надписей, находимых во время раскопок непосредственно на территории теменоса или в непосредственной близости от него. Многие из известных найденных здесь декретов и посвящений, заканчиваются формулой «поставить на самом видном месте акрополя», например (IPE. I² 357), укажем лишь на самые известные надпи-

си: в честь полководца Диофанта (... *поставить также и его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса*) (IPE. I² 352) — найдена на I поперечной улице, сразу за стеной акрополя¹; в честь историка Сирика (... *выставить в притворе храма Девы*) (IPE. I² 344) — надпись найдена в границах акрополя близ I поперечной улицы; там же найден и договор о дружбе Херсонеса с царем Фарнаком (IPE. I² 402), и как еще один яркий пример приведем фрагмент декрета с указанной формулой, который был найден на дне колодца близ Восточной базилики, засыпанного в начале VII века (Соломоник 1983: 68–70). Так же укажем на собирающиеся надписи, когда один из нескольких фрагментов надписи был найден на территории теменоса (акрополя), что на наш взгляд говорит о том, что и вся надпись первоначально была установлена здесь — на акрополе (НЭПХ. II. 112, 113).

Традиция отечественной историографии располагать акрополь в центре городища идет, видимо, от К. К. Косцюшко-Валюжинича, однако он акрополем называл и площадь под Владимирским Собором (Косцюшко-Валюжинич 1898: 167–172) и район «Храма с ковчегом», недалеко от ворот «литера Е»² (Косцюшко-Валюжинич 1907: 24–26). Сейчас принято ставить знак равенства между акрополем и большой агорой античного Херсонеса и размещать их на площади под современным Собором св. Владимира (Буйских 2008: 175). Существуют и альтернативные локализации большой агоры, так Л. В. Марченко размещает агору в районе перекрестка Главной продольной и 15-й поперечной улиц (Марченко 1998: 81), а Е. Ю. Кленина к северо-западу от театра, в кварталах XXXVII–XXXVIII и XLIII–XLIV (Klenina 2008: 447, 453). Однако, площадь под Собором, остается, как кажется, общепринятым местоположением большой агоры.

На наш взгляд, херсонеситы разделяли агору, как общественно-политический и коммерческий центр, и акрополь (позднеантичный Парфенон), как культовый и административный центр. В средние века значение акрополя как культового и административного центра сохраняется, кроме христианских храмов, в восточном углу акрополя, примыкая к приморской крепостной стене, со временем рухнувшей, располагался городской

¹ Мужской род божества Парфений упомянутого в церковной традиции можно объяснить слиянием в позднеантичную эпоху культов богини Девы и других богов херсонесского пантеона, впрочем, предположение о намеренном искажении агнографами также вероятно (Русяева 2007: 37).

² Согласно общепринятой номенклатуре А. Л. Бертье-Делагарда эти ворота именуются «литера D» (Бертье-Делагард 1907: 91)

архив, где хранилась деловая и церковная переписка VI–XIII вв. (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 582; Алексеенко 2006: 11).

Сейчас сложно сказать каким было первое христианское сооружение на территории Парфенона (акрополя), была ли это Восточная базилика или первоначально небольшие здания христианской общины города соседствовали с языческими храмами, ведь эпоха и размеры участка позволяли. К сожалению, именно на эту часть городища пришелся этап становления херсонесской археологии — в 1870–80-е гг. здесь ведет раскопки Одесское Общество Истории и Древностей. В 1888 году, когда раскопки Херсонеса Таврического перешли в ведение Императорской Археологической комиссии, это место исследует производитель работ, а впоследствии заведующий «Складом местных древностей» К. К. Косцюшко-Валюжинич. В 1908–14 гг. археологическое изучение этого района продолжил Р. Х. Лепер. Однако поскольку ни строительные остатки, ни стратиграфия не были должным образом зафиксированы, информативность проведенных значительных по объему работ невысока (Гриневич 1927: 23–39).

Только в 1970-е и 90-е годы экспедицией под руководством М. И. Золотарева были доследованы нетронутые участки теменоса и земляные попы под позднесредневековыми кладками. Результаты раскопок, анализ стратиграфии и археологического материала позволяют утверждать, что этот район города — собственно теменос (Акрополь, Парфенон) — до IV–V вв. н.э. оставался не застроенным (Золотарев 1996: 37–38, 46; Золотарев, Ушаков 1997: 32–33).

Другой незаслуженно забытый источник по строительной истории позднеантичного Херсонеса — индиктные клейма. В свое время А. И. Романчук, опираясь на работы Е. Мамбури, Р. Деманжеля и В. Бешевлиева, широко датировала плинфу с индиктными клеймами, которую использовали при строительстве рыбозасолочных цистерн — V–VII вв. (Романчук 1973: 49; Романчук 2000: 93). М. И. Золотарев, доследовавший раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в I квартале (время возникновения комплекса V–VII вв. определено по керамическому материалу), опираясь на исследования Д. Т. Райса, датировал плинфу с индиктными клеймами первой половиной V в. (Золотарев 1977: 29–30). Однако, мы, в свою очередь, опираясь на новый монументальный труд по раннесредневековым клеймам Константинополя английского исследователя Дж. Бардилла, можем сузить дату наших индиктных клейм до второй четверти V столетия (Bardill

2004: 237, 257. № 509, № 654). Далее необходимо отметить, что цистерна S_1 откуда происходят клейменные кирпичи, по наблюдениям К. Э. Гриневича, входит в один комплекс с цистернами $O_1 N_1$ и O_5 (Гриневич 1930: 24), а цистерна O_5 была сооружена посреди 1-й поперечной улицы, перегородив ее. Следовательно, второй четвертью V века можно датировать значительные перепланировки и активизацию строительной деятельности, как на самом Парфеноне, так и вокруг него. Вероятно, приблизительно в это время и появляются первые христианские (епископские?) постройки на Парфеноне, их характер и размеры сейчас восстановить можно лишь гипотетически.

Еще один косвенный аргумент в пользу существования именно епископского комплекса на херсонесском Акрополе — это находка в его южном углу фрагментов епископского серебряного потира XII–XIII вв. (Коробков 1999: 307). Видимо, после того, как в VI веке соборный храм и резиденция епископа из акрополя были перенесены в IV квартал, а вскоре комплекс Уваровской базилики включал и V квартал (Завадская 1997: 305; Клемина 2008: 66–68), Парфенон с его почитаемым храмом св. Петра продолжал играть значительную роль не только в общегородском, но и в узком церковно-административном смысле³ (рис. 2).

Если местоположение Парфенона и житийного храма св. Петра в восточной части городища почти не вызывает возражений, то с локализацией другой «топографической подробности» — Малой агорой, сложнее. Еще В. В. Латышев, следуя за текстом Жития, где сказано про «самую восточную часть города» мысленно рисовал линию от «Уваровской» базилики на Северном берегу на юг городища, тем самым располагая Малую агору где-то в районе порта, ближе к восточной оконечности городища (Латышев 1906: 53). Подобную локализацию в своем обширном исследовании «Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху» дает и А. В. Буйских (Буйских 2008: 207–208).

Однако, совсем в другом месте, хоть и оговариваясь, что вопрос требует дальнейшей разработки, располагает Малую агору С. Б. Сорочан — в центральной части городища, вблизи ворот «литера D», на перекрестке главной продольной и 15-й поперечной улиц, там где Л. В. Марченко размещал большую агору. Именно этот «крещатик», насыщенный общественными сооруже-

³ Впрочем, находка потира может также означать и то, что после некоторой деградации в XI–XIII вв. епископского комплекса на Северном берегу (Завадская 1997: 308–309), часть или все функции епископского центра были вновь перенесены обратно на акрополь, близ Восточной базилики.

ниями, по мнению Сорочана и есть собственно «Малая агора», а регион Малой агоры — это вся юго-восточная часть городища границей которого с северо-запада является Главная продольная улица, а с юго-запада — 15-я поперечная (Сорочан 2005: 691–693).

Таким образом, Херсонес, по Сорочану, повторял древнеримское внутригородское административное деление на четыре примерно равные части — *regiones* (Сорочан 2005: 880–881, 1273, прим. 179). Однако, известно, что уже при Августе Рим был поделен на 14 округов (Грегоровиус 2008: 14–26), похожее административное устройство было в Равенне и других городах Италии (Бородин 1991: 121–123). Константинополь — столица Восточной римской империи — также был разделен на 14 округов, описание которых сохранила до наших дней латинская письменная традиция — *Notitia urbis Constantinopolitanae* (Seeck 1876: 229–243). Кроме того, следуя букве Житий, под урбонимом «Феоновка/Феонина сторона», понимается место, где расселились люди епископа и воины Феоны. Автор Житий, говоря о «самой восточной части города», вряд ли подразумевал практически треть Херсонеса — весь юго-восточный район и частично северо-восток, однако С. Б. Сорочан настаивает, утверждая, что «Феонина сторона» «... включала участок от южных [литера D], т. н. «Мертвых ворот», поблизости от которых, у перекрестка находилась малая агора...» до Восточной базилики (Сорочан 2005: 880–881). Все же думается, что церковная традиция сохранила более локальный топоним, а значит, Малая агора располагалась гораздо ближе к Парфенону.

По нашему убеждению, Малую агору следует локализовать в районе Базилики Крузе. К такому выводу приводят наблюдения общей топографии участка, данные аэрокосмической съемки и результаты археологических исследований. Сложный рельеф этой части городища заставлял организовывать пространство террасами. А. В. Буйских даже реконструировала здесь трассу древнейшей крепостной стены (Буйских 2008: 293, рис. 8.2). Малоисследованность этого района городища оставляет много вопросов, однако, анализируя космические и аэрофотоснимки разных лет можно уверенно предположить, что здесь, к северо-востоку от Базилики Крузе была обширная торговая площадь (ок. 500 м²), оформленная по периметру портиком. Вокруг площади, согласно результатам археологических исследований, размещались торгово-складские и хозяйственно-ремесленные комплексы. Так, к юго-западу, югу

и юго-востоку от центральной площади Малой агоры размещались рыбозасолочные комплексы (Аркас 1848: 258; Тахтай 1943: 7; Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443). На северо-востоке от торговой площади (сейчас здесь 12-ти метровый обрыв и исследованы остатки крепостной стены X века), сразу за поперечной улицей (назовем ее 1 а), вблизи античной крепостной стены у обрыва, который в то время был на 20–30 м мористее, в эллинистическое время располагались керамические мастерские. Здесь были обнаружены остатки печей и яма для замеса глины. Заметим, что этот гончарный центр лежал в непосредственной близости от малой агоры и в 120 м от мастерской короппласта, расположенной в границах акрополя. Во II–IV вв. на месте мастерских появляются массивные здания, видимо также торгово-складского характера (Антонова 1967: 13–18).

Таким образом, ансамбль Малой агоры общей площадью около 0,4 га был ограничен с северо-запада II продольной (южной) улицей, с юго-запада — II поперечной, с северо-востока — Приморской крепостной стеной и обрывом, и с юга — скальным отрогом. Херсонесское плато в этом месте имеет достаточно крутой уклон (на 50-ти метровом отрезке перепад высот составляет 4 м), который завершается отвесным обрывом в 3–4 м высотой. Согласно И. А. Антоновой, именно вдоль этого отрога (обрывистой террасы) проходила первоначальная крепостная стена, которая в римское время была отодвинута к югу на 5–30 м (Антонова 1990: 11, 20–21).

Именно на Малой агоре, полагает автор настоящей статьи, размещался и «рыбный рынок» известной надписи II века (Соломоник 1973: II. 129). По мнению датского ученого Т. Беккер-Нильсена речь в надписи идет не столько о рыбном рынке, сколько о продуктовом рынке вообще, аналогичном римскому — *macellum* (Bekker-Nielsen 2007: 127–129). Он предположительно локализует херсонесский *macellum* на северном берегу, близ «Базилики 1935 г.», следуя в этом за С. Б. Сорочаном (Bekker-Nielsen 2007: 129–130). Однако некоторые соображения не позволяют принять предложенную в свое время С. Б. Сорочаном интерпретацию открытых раскопками Г. Д. Белова в 1951 г. строительных остатков. Дело в том, что «круглое сооружение», идентифицированное С. Б. Сорочаном как круглый павильон в центре городского рыбного рынка, было датировано II–IV вв. (Кадеев, Сорочан 1989: 91; Сорочан 2010: 356), что является ошибкой. На этом настаивает другой исследователь этого памятника — Е. Н. Жеребцов. Опираясь на свои наблюдения за стратиграфией

участка, во время исследований и реставрационных работ в 1956–57 гг., он утверждает, что «круглое сооружение» синхронно храму I «Базилики 1935 года», т. е. это V век (Жеребцов 1963: 209). Кроме того, нет полной уверенности в том, что «круглое сооружение» было действительно круглым, ведь раскопки со стороны улицы не были доведены до уровня «круглого сооружения», вероятнее всего, «круглое сооружение» — это полукруглая в плане площадка, являющаяся остатками лестницы, ведущей с улицы во двор «Базилики 1935 года». Тем более, что этому есть близкая аналогия: таким же образом оформлен главный вход в средний неф раннесредневековой базилики в Тиритаке (Гайдукевич 1949: 192).

Автор настоящей статьи убежден, что нераскопанная площадь близ Базилики Крузе и есть херсонесский *macellum* — рынок, в римских традициях окруженный портиком с колоннами. Эти колонны много позже будут использованы в качестве строительного материала при возведении средневековых портовых сооружений (Антонова 1971: 108). Здание, которое «зацепил» К. К. Косцюшко-Валюжинич к востоку от триконхальной апсиды Базилики Крузе является античной стоей. Об этом говорят строительные остатки, зафиксированные К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и наблюдения об использовании в кладках Базилики Крузе античных архитектурных деталей (Косцюшко-Валюжинич 1893: 10; Айналов 1905: 70). Ширина северо-западной стои Малой агоры — 9 метров (Айналов 1905: 69, рис. 51), реконструируемая длина стои — около 30 м, если соседние портики были таких же размеров, то херсонесский *macellum* окруженный ремесленными и торговыми комплексами, вполне сопоставим с аналогичными сооружениями Римской империи (Архитектура античного мира 1973: 510–522, 560–562).

Базилика Крузе возводилась у западного угла рыночной площади, на малозастроенном месте, об этом говорит, по нашему мнению, ориентация самой базилики (рис. 3). Дело в том, что основная масса христианских культовых сооружений Херсонеса «зажата» рамками традиционной планировки античного города и лишь малая группа памятников сориентирована на восток или близко к нему. Важнейшее исследование этого вопроса — ориентировка храмов Херсонеса — было проделано Л. В. Фирсовым, однако работа, к сожалению, осталась не опубликованной. Идея Л. В. Фирсова датировать памятник в зависимости от истинного азимута справедливо критиковалась (Завадская 2000: 78), но сам собранный фактический материал — инструментальное визирование выпол-

ненное профессионалом (измерения повторялись трижды) имеет большое значение (Фирсов 1973: 6–11). По нашему убеждению, из пяти азимутальных групп Фирсова следует сделать две: первая группа — это храмы, истинный азимут которых равен 54–82° и вторая — 35–50°. В первую группу входит 11 одновременных сооружений Херсонеса (храмов и их пристроек), т. е. это те здания, которые возводились на месте, исторически лишенном «сковывающей» застройки. В эту группу входит и Базилика Крузе (истинный азимут 73,5°) (Фирсов 1973: 23–24). Во вторую группу входят все остальные христианские храмы внутри стен Херсонеса, которые не смогли прервать градостроительные традиции, идущие с античных времен, сохранив старую планировочную структуру (Фирсов 1973: 18–19).

Датировка Базилики Крузе «почти исключительно» пятым веком, предложенная А. Л. Якобсоном, основывалась на композиционных и стилистических аналогиях ближневосточных памятников (Якобсон 1959: 190). Современные же раскопки Базилики Крузе, ведущиеся с 2005 года экспедицией под руководством С. В. Ушакова, позволяют утверждать, что базилика была возведена в VI в., в юстиниановское время (Ушаков 2008: 353). Возможно ли примирить эти две даты? Как отмечалось, в раннесредневековое время бывало, что триконхальные мартирии впоследствии перестраивались и превращались в базилики с триконхальными апсидами (Завадская 2001: 267–268). Видимо так и произошло с Базиликой Крузе, когда первоначальный план сооружения был значительно меньше, триконх возведенный в V веке, расположился на месте помещения с пифосами (Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443), с внешней стороны портика, у западного угла площади, при этом, не мешая движению по II продольной (южной) улице. Но уже в эпоху Юстиниана, сохраняя почитаемый триконх, относительно небольшой мартирий (?) перестраивается в базилику при сохранении общей ориентации храма, что потребовало значительной перепланировки района. Так западная часть Малой агоры полностью меняет свой статус с торгово-складского на культовый, а южный угол жилого квартала ХCVIIIа нивелируется и попадает в зону церковного строительства (Ушаков, Тюрин 2009: 307–308) (рис. 4). На то, что строительство большой базилики происходило в VI веке, указывает не только археологический материал, но и конструктивная особенность здания — южный неф возводился на толстом слое насыпного грунта и для его укрепления использовали вбитые сваи (Ушаков 2007: 395), как

и при строительстве апсиды «базилики 1935 года» (храм II) (Белов 1938: 89–90).

Таким образом, большое трехнефное здание Базилики Крузе является вторым строительным периодом существовавшего здесь раннехристианского сооружения.⁴ О том, что апсида перестраивалась, говорят наблюдения археологов (Ушаков, Дорошко, Тюрин 2010: 443). Следовательно, к древнейшим христианским храмам V века можно отнести не только храм I «Базилики 1935 года» (Жеребцов 2009: 146–147), но и первоначальный триконх Базилики Крузе и ранний храм св. Петра, существовавший на акрополе до возведения Восточной базилики. Однако есть основания полагать, что христианское храмостроительство в Херсонесе имеет и более древнюю традицию.

Ранее отмечалось, что самые первые христианские постройки Херсонеса еще не раскопаны или не распознаны (Хрушкова 2004: 175). Автором настоящей статьи предлагается под новым углом посмотреть на крестообразную башню XX в северном углу Цитадели. Отчет о раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1906 году был составлен сразу после скорострительной кончины исследователя в самой общей форме его сподвижниками, в тексте этого отчета крестообразная башня датировалась «римской эпохой» и говорилось, что «внутреннее помещение башни было крыто крестовым сводом» (Косцюшко-Валюжинич 1908: 60–61). Доследования, проводившиеся во время реставрационных работ нач. 1970-х гг. также не прояснили ситуацию. Высокие грунтовые воды в этой части городища не позволяют изучить стратиграфию и строительные остатки района (Антонова 1996: 117; Антонова, Зубарь 2003: 39). Многократные перестройки и ремонты фортификационных сооружений Цитадели, проводившиеся в древности, только запутывают дело. После того, как в 1995 г. в основании 21 куртины нашли надпись, датируемую концом III в. (Костромичев 2011: 121), можно утверждать, что конфигурация куртины на рубеже III — IV вв. и, вероятно, на протяжении всего IV века была другой. Северный участок 21-й куртины не поворачивал к крестообразной башне XX, а шел к башне XIX.

Таким образом, отдельно стоящая «Башня XX», по нашему убеждению, является ранним (возможно самым ранним) христианским храмом, как характерно для той эпохи — *extra muros*, возможно это и был кафедрал Эферия. Во всяком

случае, уже А. Л. Якобсон осторожно предлагал видеть в «башне» общественное здание (Якобсон 1959: 104), А. Ю. Виноградов в тексте Житий видел указание на существование храма при Феофаносии (Виноградов 2010: 59–61), Л. Г. Хрушкова, датировавшая крестообразный загородный храм, что в Карантинной балке временем сразу после II Вселенского Собора, также указывала на вероятность существования кафедрала Эферия (Хрушкова 2004: 180; Хрушкова 2005: 399). И действительно, признавая в башне XX раннехристианский храм, восточная ветвь которого сориентирована на «летний восток», кажется логичной находка на вершинах епископского жезла в соседнем портовом квартале I, на расстоянии в 80–90 м. Навершие датируется издателями концом IV - началом V вв. (Матанцева, Сорочан 1992: 90–95). Возможно, именно на этом месте, в херсонесской гавани, где впоследствии появилась «крестообразная башня XX», приплывший на корабле Капитон проповедовал горожанам, слушавшим его с крепостных стен, будто в театре. Глубокая дуга позднеантичных портовых крепостных стен могла усиливать акустические возможности голоса епископа, что произвело впечатление на херсонеситов и сохранилось в церковной традиции: «... достигши Херсонса, он [Капитон] в середине дня был принят верными, которые находились за городом, с великой радостью и большим весельем. Тотчас собрав их у самой стены, он стал учить богопочитанию» (Виноградов 2010: 170) (рис. 5).

Возвращаясь к «топографическим подробностям» и позднеантичному зонированию города отметим, что церковная традиция сохранила до наших дней названия двух городских округов (*regiones*), занимавших северо-восточную и восточную части города — «регион Парфенон» и «регион Малая агора» где, как и в столицах — самое выдающееся здание или комплекс давали название всему округу. Несмотря на то, что площадь Херсонеса в 30–40 раз меньше столичных, автор полагает, что в позднеантичное время Херсонес делился на 6–7 округов/регионов. И такое зонирование города восходит ко времени не позже Александра Севера (222–235 гг.), а возможно и ранее, к эпохе Коммода, во всяком случае, деловая переписка города с наместником провинции Нижняя Мезия указывает на некие границы внутри полиса (Макаров 2003: 135–136).

Анализируя патриографическую традицию, встречаем название еще одного района — Сузы/Сосы (Константин Багрянородный 1989: 455, прим. 34; Сапрыкин 1987: 50). Принимая огласовку рукописи Σουσσων, согласимся с теми

⁴ Упомянем о другой модели строительной истории Базилики Крузе, так, к первому этапу относят существование триконхальной апсиды и центрального нефа, позже появляются боковые нефы базилики (Ушаков, Моор, Снитко 2010: 145–146).

исследователями, которые размещают Сусон в Портовом районе Херсонеса (Сапрыкин 1987: 50). Этимология топонима не совсем понятна, возможно, иранского происхождения, как туземный реликт или место концентрации ираноязычного населения (Пятышева 1967: 183–185) или из-за красивых очертаний древних берегов Карантинной бухты, «сусон» в переводе с персидского, согласно Афиней, значит «лилия» (Афиней 2010: 204, 513f). Однако, по нашему мнению, не смотря на сохранение в позднеантичную эпоху полисных традиций (Русяева 2006: 74), также заметна и некоторая романизация части населения Херсонеса (Соломоник 1973: 273). В связи с этим, учитывая долгое пребывание римского контингента в городе, не стоит ли выводить херсонесский Сусон — Портовый район и Цитадель — от латинского «sus» — свинья, кабан, вепрь. Во-первых — известно, согласно мифологической традиции, что не последнюю роль кабан играл в рождении Гераклеи — метрополии Херсонеса;⁵ так же свинья — это жертвенное животное почитаемой в Херсонесе Деметры;⁶ убийство Эриманфского вепря Гераклом (пятый подвиг), культ которого был популярен в Херсонесском государстве (Зубарь 2004: 131–135). Во-вторых, если смотреть на портовый район, укрепленный мощными башнями, с южных крепостных стен верхнего города, то эта часть Херсонеса в позднеантичное время очертаниями напоминала морду кабана, ошетилившегося клыками. Визуальный образ мог дать название району. И в-третьих, можно вспомнить сообщение Феофана о двух разрушенных полководцами Юстиниана II башнях: Сиагр (кабан, вепрь) и Кентенарий (Феофан 2005: 277).

Попытки локализации этих башен были начаты еще в конце XIX века. А. Л. Бертье-Делагард помещал башню Сиагр на месте башни XVII (т. н. башня Зенона), за ее самый большой диаметр и коренастый вид. А Кентенарий на месте соседней башни XVIII (Бертье-Делагард 1907: 165). В начале XXI века были предложены другие локализации упомянутых башен. Полагают, что это башни XXVI и XXVII (Романчук 2000: 41), согласно другой версии — Сиагр называли башню XVIII из-за её массивной и редкой формы, а Кентенарий — это недавно открытая башня XLI (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 524–526; Со-

рочан 2005: 1331, прим 399). Автор находит резонным замечание С. Б. Сорочана относительно башни XVIII, действительно, в позднеантичное время у башни Зенона (XVII) было лишь одно утолщение (Антонова 1996: 119), и она не сильно отличалась от других крупных башен города, но угловая сильно выдвинутая U-образная башня XVIII, могла ассоциироваться с клыком кабана или самим зверем. Однако локализацию башни Кентенарий мы намерены предложить другую. Если приводить в качестве аналогии башню с таким же названием в Константинополе, которая стояла на берегу моря и к которой крепилась цепь, перегораживавшая вход в бухту Золотой Рог (Ласкин 1904: 109), то херсонесская башня Кентенарий должна находиться у входа в Карантинную бухту. По нашему мнению это башня XXIII или рядом находящаяся башня, но разрушенная абразией берега. Именно от нее стратегически правильно было бы протянуть цепь на восточный берег Карантинной бухты и запереть вход в нее, или протянуть цепь до башни XVIII (Сиагр) и запереть вход в гавань. Может быть, именно поэтому эти башни карательная экспедиция Юстиниана II и разрушила, пытаясь со стороны моря, где нет протейхизмы, штурмовать город. Вероятно, даже не столько башни были разрушены, сколько передние, сильно вынесенные фасады, если допустить, что башня XXIII была также U-образной в плане как и XVIII.⁷ Именно поэтому частичное разрушение фланговых портовых башен и не имело катастрофических последствий для обороны города. Башни такой формы возводились по всей Римской империи от Дуная (Балабанов, Бояджиев, Тулешков 2000: 88) до Египта (Карелин 2008: 8).

Башня Кентенарий названа так, возможно, в память о некоем сотнике (Феоне?), расквартированном со своими войсками в этом районе (вдоль восточных крепостных стен — от башни XXIII до Парфенона), известно, что после реформы армии — сотник (centenarii) являлся низшим офицерским чином (Вегеций II 8). Картографирование найденных на городище фрагментов латинских надписей, проведенное Д. А. Костромичевым в его новейшем исследовании по военному присутствию римлян в Херсонесе, указывает на «пятно» концентрации латинских надписей в районе куртины 25, что косвенно подтверждает нарисованную нами картину (Костромичев 2011: 129) (рис. 6).

Однако название башни возможно еще древнее и происходит от procurator centenarii, т. е. в этом районе размещалась резиденция прокура-

⁵ Гераклея Понтийская была основана на могиле героя Идмона, смертельно раненного кабаном (Апполоний Родосский. Аргонавтика. II. 825) (Кулишова 2001: 145–146).

⁶ В Цитадели, раскопками В. В. Борисовой, были открыты керамические печи, бытовавшие до массового римского строительства в этом районе. В них были найдены фрагменты форм для формовки статуэток Деметры (Борисова 1966: 16–17).

⁷ Остатки башни XXIII, раскопанные К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г. не сохранили фасада.

тора. Именно здесь, вероятнее всего, проживал финансовый прокуратор Мезии Кальпурниан со своей женой, когда в праздничные дни весны 174 года н.э. херсонесский народ чествовал их обоих на агоре (Яйленко 1999: 173) и несколько ранее, когда еще не было известно, чем закончится его военно-дипломатическая миссия.

К слову о доверии к городским хроникам, которые использовал Константин Багрянородный, — думается, что такое событие как чествование прокуратора «водворившего мир» не могло не отразиться в патриографической традиции и, вслед за Л.И. Грацианской, которая поставила под сомнение правомочность датировать первые четыре сюжета главы 53 рубежом III–IV вв. (Грацианская 2004: 91–93), так же настаиваем на времени для первого рассказа — это вторая половина II в. н.э. Дату рассказа можно даже сузить, определив междоцарствием после смерти Евпатора 170/171 гг. и восхождением на престол Савромата II в 173/174 гг. Видимо, междинастические споры и отсутствие сильной монархической власти на Боспоре в сложное время Маркоманских войн совсем не устраивали Рим и на престол был посажен человек, готовый проводить проримскую политику умирения окрестных племен.

Кажется, правы В.М. Зубарь и М.В. Скржинская, показавшие, что при Евпаторе не Рим субсидировал Боспорское царство, а наоборот, Боспор выплачивал «форос» империи (Зубар, Скржинская 1997: 119–121), тогда объясняется присутствие финансового прокуратора при переговорах между будущим правителем Боспора и Римом. Кстати, на финансовых взаимоотношения Рима и Савромата в первом рассказе особо сосредоточено внимание (Константин Багрянородный 1989: 251). Видимо Рим отказывался от выплат в свой адрес в обмен на активную проримскую позицию и борьбу с варварами Крыма и Причерноморья. Судя по рассказу, херсонеситы выступали не только в роли финансовых консультантов, но и участвовали в локальной операции «по принуждению к миру» Савромата или его конкурирующих династий. Кавказский эпизод рассказа объясняется столкновениями алан, воспользовавшихся слабостью Боспорского царства с войсками Кавказского лимеса, в частности вексилляциями XV легиона, который в 175 г. (!) за верность императору получил прозвище *Certe Constans* (Перевалов 2007: 7–8), это прозвище со временем в городской традиции или из-под пера Константина Багрянородного деформировалось в «консула Константа». Таким образом, не решаясь что-то определенное сказать об «оставшихся» сюжетах «Повествова-

ния о крепости Херсон», первый рассказ можно совершенно определенно выводить из константиновой эпохи. Возможно, этот рассказ был изложен в несохранившейся части декрета в честь Кальпурниана и его жены, который дошел до нас в сильно фрагментированном состоянии.

Какую еще информацию о топографии Херсонеса можно «выудить» из 53 главы? *«Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так чтобы из входивших в город его животных каждое стадо — коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов — входило через свои воротца и шло в свое стойло...»* (Константин Багрянородный 1989: 261), это образное описание портового района (портовый квартал I и портовый квартал II) и участка городища, условно называемого Цитадель. Русский перевод в этом месте следует за английским (Constantine Porphyrogenitus 1967: 273), во французской версии подразумевается четыре области/участка⁸. Не стоит ли тут видеть прямое топографическое указание на «четвертый регион»? Небольшое искажение городской легенды, и достаточно точный и главное точечный топографический репер «дом Ламаха», расположенный в «четвертом регионе», после редакции Константина уже раскинулся по четырем областям/участкам или по четырем строениям больших размеров, и вот уже городская хроника превращается в сказку.

Итак, из реконструкции патриографического сказания следует, что Цитадель, Портовый район и, вероятно, склон плато, т.е. вся юго-восточная часть позднеантичного Херсонеса во внутригородской номенклатуре называлась «регион IV» или «Сусон», по названию херсонесской гавани или по названию крайней фланговой башни XVIII, грозным массивом нависавшей над портом.

В приведенной выше цитате говорится также о крепостных калитках и воротцах для каждого вида домашнего скота, что на наш взгляд может служить указанием на бытовавшее в то время то или иное название этих калиток. В качестве аналогий можно вспомнить похожие названия в крупных городах античности. Например Бычий форум и Ослиные ворота в Риме (Platner, Ashby 1929: 224–225, 404), Овечьи и Конские ворота

⁸ De Administrando Imperio. (bilingue) Oeuvre mise en page et traduite par Marc Szwajcer. Режим доступа <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/constantin/administration24.htm>

в Иерусалиме (Нее. 3.1, 32; 3.28). Подобные имена могли носить и херсонесские ворота и калитки портового района. Такие топонимы говорят о существовании в этом районе мясного рынка и вообще рынка скота. И действительно, Портовый квартал II, судя по всему, застраивается лишь в позднеантичное время (Романчук 2000: 168), сама Цитадель до прихода римлян представляла собой малозастроенный военно-промышленный центр, где существовало керамическое производство (Борисова 1966: 16–17) и квартировали войска (вспомним двести «спрятанных» боспорян сказания о Гикии), что соотносится с реконструируемой численностью римского гарнизона в 500 человек, расквартированного в Цитадели (Кадеев 1981: 28). На этих площадях могли разместиться и скотобойни и разного рода рынки, где реализовывалась продукция животноводства и велась активная торговля.

Можно ли локализовать «дом Ламаха», зная, что он располагался в относительно неплохо исследованном юго-восточном районе Херсонеса? Слова из приведенной выше цитаты — «собственные ворота в стене», по нашему мнению, позволяют «дом Ламаха» располагать в Портовом квартале I — это большое общественное здание, у куртины 16, условно называемое Казармой, в непосредственной близости от городских ворот. Предлагалось видеть в этом здании таможенно, биржу и своего рода торговый центр (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 498; Буйских 2008: 119). Однако, гипотеза С. В. Дьячкова, о том, что это «дом для сисситий», кажется предпочтительней (Дьячков 1994: 150). И действительно, для традиционной общины такого дорийского центра, каким был Херсонес, здание для общей городской трапезной кажется необходимым (Андреев 2004: 142), — своего рода «дом скопарха», где трапезничали представители херсонесских фил (Кадеев 1981: 41–42). В таких домах могли собираться и различные коллегии, решая городские проблемы. Таким образом, анализ археологического материала, проведенный С. В. Дьячковым (Дьячков 1999: 210–213), архитектурная реконструкция всего здания, предложенная А. В. Буйских (Буйских 2008: 116–120, рис. 51–51,81), и описание праздника в память об отце Гикии, сохраненном в пятом херсонесском рассказе 53 главы трактата Константина Багрянородного, говорят в пользу гипотезы С. Д. Дьячкова. Последующие события рассказа, когда по настоянию Гикии горожане стали засыпать мусором дом, «служивший делу заговора против города», подтверждаются стратиграфическими наблюдениями. В первые века н. э. здание

полностью перестраивается, меняя свой характер с общественного на хозяйственный. В его стенах появляется винодельческий комплекс, а несколько позже и рыбозасолочный (Дьячков 1999: 210–213; Сапрыкин, Дьячков 1999: 77) (Рис. 7). Археологически фиксируется, что в римское время в непосредственной близости от «Казармы» существовало железоделательное и сукновальное производство, отметим также, что все служанки Гикии пряли (Константин Багрянородный 1989: 269). Многолетними раскопками в этом районе определено, что в кон. I — нач. II вв. н. э. возводится протейхизма, городские ворота (литера E) в куртине 16 были заложены и перенесены выше по склону (литера D). (Антонова 1996: 110). Перестроенная «общественная трапезная», всю позднеантичную эпоху существует как крупный хозяйственно-ремесленный комплекс, который лишь в VI веке застраивается жилой застройкой (Дьячков 1999: 213). Сохраняя память об этом месте, «Дозором Ламаха» могли звать окрестности башни XIV. Поставленная на скальном утесе, на стратегически важном месте (Антонова 1996: 106), башня позволяла контролировать подходы с напольной стороны, поскольку с башни хорошо просматриваются как юго-восточные, так и южные крепостные стены. Так же с башни XIV как на ладони виден весь портовый район, что позволяло контролировать ситуацию и внутри города. Вблизи башни на склоне могло находиться здание военно-административного характера, предтеча средневекового фемного здания, появившегося впоследствии в Цитадели. Последующие раскопки в этом районе городища покажут насколько были верны наши интерпретации письменных и археологических источников.

В заключение, подытоживая сказанное, предлагаем нашу историческую реконструкцию эпохи создания «Житий». В 20-е годы V века кафедрал, располагавшийся за стенами города, на самом берегу моря, переносится на акрополь (Парфенон). В это же время (419 год) херсонесский епископ Асклепиад заступает за херсонесских протевон арестованных императором (Храпунов 2010: 371). В местной церковной традиции этот эпизод сохранился в житии Капитона, когда дети не желавших принять христианство горожан были переданы в качестве заложников воинам-христианам епископа Капитона (Виноградов 2010: 171). Вряд ли имел место факт предательства, скорее всего продажа государственной тайны варварам, за которую были арестованы херсонеситы, была лишь предлогом, для того, чтобы администрация Феодосия II смогла надавить на строптивую хер-

сонесскую элиту. И вскоре, видимо, не без участия гарнизона, первый епископский комплекс возводится в границах акрополя (Парфенона). Полагая, к этому комплексу стоит отнести мраморную преграду с молодым Христом, искусствоведы видят в этом безбородом образе сиро-палестинские влияния. В.В. Латышев, на основе иконографии и шрифта, датировал этот памятник IV–VI вв. (Латышев 1906: 55–56), А.Ю. Виноградов — IV–V вв. (Виноградов 2010: 111–118).

Много позже, в VI веке, епископский центр был вновь перенесен на почти 200 метров западнее, где ныне расположена большая (Уваровская) базилика.

Убеждены, что первоначальный текст «Жития» создавался до сооружения большого епископского центра в границах кварталов IV и V.

«Жития» создаются в 80-е — 90-е годы V века,⁹ как идеологическое обоснование окончательному разбору языческих храмов и массовому церковному строительству после сильнейшего землетрясения 480 г (Бертье-Делагард 1893: 82; Антонова, Никонов 2009: 24–31).¹⁰ Дело в том, что до этого момента оставались формальные основания не разрушать языческие храмы (СТh.16.10.17) и, вероятно, они просто стояли закрытыми, ветшая, или частично перестраивались под христианское богослужение, как это произошло с синагогой (Жеребцов 2009: 146). Видимо, в этот период именно епископат был проводником интересов империи, а епископ или автор жития — столичный человек, упомянувший в житиях общеимперскую «диоклетианову эру» и внутригородское деление на регионы, как в Константинополе. Поскольку точные границы «regiones» ни в Риме, ни в Константинополе не известны, они реконструируются гипотетически, на рис. 8 мы так же, гипотетически, реконструируем административное деление позднеантичного Херсонеса на округа, вряд ли их было больше семи, границы (и названия трех последних округов) предположительны: I — Агора, II — Парфенон, III — Малая Агора, IV — Сусон (гавань), V — Мертвые ворота, VI — Священные ворота, VII — стекольные мастерские (рис. 8).

Предложим еще одну гипотезу, всегда есть желание соотносить эпиграфические данные с письменными источниками, предлагаем видеть

в некоем донаторе Мартирии, упомянутом в надписи на двух мраморных алтарных преградах, найденных при раскопках Восточной базилики — 46-го Иерусалимского патриарха.¹¹ Православный патриарх Мартирий (478–486 гг.), ученик святого Евфимия, известный активной строительной деятельностью у себя в Палестине, узнав о стихийном бедствии, решил помочь братьям по вере, или император решил подключить церковь к делу восстановления городов империи после катастрофических землетрясений. Таким образом, эти преграды принадлежат второму храму св. Петра, т.е. собственно Восточной базилике, которая возводилась уже на совершенно выровненном месте.

«Жития» создавались в сложное время Энотика — вынужденного временного примирения православных и монофизитов. Именно этим объясняется осторожный текст агиографического памятника, когда список святых проходил внутреннюю цензуру автора «Жития» или даже согласовывался с лидерами православной и монофизитской общин города. В этом смысле уверенней смотрится высказанная гипотеза о существовании монофизитской общины в Херсонесе (Зубарь, Хворостяный 2000) или даже значительного числа сторонников этого учения (Золотарев, Коробков 2002: 71; Сиротенко 1964: 102). Культ св. Герасима Иорданского, другого ученика св. Евфимия, почитание которого в Херсонесе было доказано В.Н. Залесской (Залесская 1976: 37), выглядит как примиряющий, ведь известно, что первоначально Герасим увлекался зловерием, но святой Евфимий вернул Герасима в православие (Герасим Иорданский 2006: 166).

Продолжение археологического изучения городища позволит изменить наши взгляды на топографию позднеантичного и раннесредневекового Херсонеса, а настоящая статья — всего лишь заявка на дальнейшее, более детальное, исследование этого интереснейшего раздела херсонесской истории.

⁹ В это же время или несколько ранее, было записано сказание «о чуде, явленном над отроком св. мучеником Климентом» (Смирнов 2011: 34–35).

¹⁰ Развернутая критика теории катастрофических землетрясений, представленная в последних работах В.В. Хапаева и И.А. Завадской, требует таких же развернутых возражений, здесь лишь отметим, что автор остается сторонником теории катастрофических землетрясений И.А. Антоновой и А.А. Никонова.

¹¹ Алтарная преграда с надписью была датирована В.В. Латышевым IV–IX вв. (Латышев 1896: 28), А.Ю. Виноградовым IV–V вв. (Виноградов 2010: 119). А. Бернацкий в своем монументальном каталоге мраморных деталей средневекового Херсонеса датировал преграду VI веком (Biernacki 2009: 207).

ЛИТЕРАТУРА

- Айналов Д. В. Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса. 1. — М., 1905.
- Алексеев Н. А. «Херсонесский архив печатей»: миф или реальность? *ХСб. XIV*. — Севастополь, 2006: 7–16.
- Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). — Санкт-Петербург, 2004.
- Антонова И. А. 1967. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 году. *НА НЗХТ. Д. № 1848*.
- Антонова И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху. *АДСВ. 7*. — Свердловск, 1971: 102–118.
- Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен). *АДСВ. Византия и сопредельный мир. Сборник научных трудов*. — Свердловск, 1990: 8–25.
- Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки. *ХСб. 7*. — Севастополь, 1996: 101–131.
- Антонова И. А., Зубарь В. М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса. *ХСб. XII*. — Севастополь, 2003: 31–68.
- Антонова И. А., Никонов А. А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье. *Очерки по истории христианского Херсонеса*. — СПб., 2009: 14–51.
- Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. *История Херсониса. ЗООИД 2*. — 1848: 245–271.
- Архитектура античного мира (Греция и Рим). / Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 2. — М., 1973.
- Афиней. Пир мудрецов. / кн. IX–XV в пер. Н. Т. Голинкевича. — М., 2010.
- Балабанов П., Бояджиев С., Тулешков Н. Крепостно-строительство по болгарските земи. — София, 2000.
- Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. — Севастополь, 1938.
- Беляев С. А. О храме апостола Петра в Херсонесе. Церковные древности. VIII Рождественские образовательные чтения. Сборник докладов конференции (27 января 2000 г.). — М., 2000: 5–28.
- Бертъе-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. *ЗООИД 16*. — 1893: 45–88.
- Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. — Крещальня. — Крепостная ограда. *ИАК. 21*. — 1907.
- Бибиков М. В. К изучению византийской этнонимии. *Византийские очерки. Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов*. — М., 1982: 148–159.
- Борисова В. В. Строительные керамические материалы. Херсонес. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. *САИ Г1–20*. — М., 1966: 13–17.
- Бородин О. Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху византийского господства. *Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы: Межвузовский сборник научных трудов*. — Н. Новгород, 1991: 113–128.
- Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ. Supplementum. 5*. — Симферополь, 2008.
- Вегетий. Краткое изложение военного дела. / Кн. 1–4. пер. С. П. Кондратьева. *ВДИ*. — 1940 (1): 231–293.
- Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. — М., 2010.
- Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. *СА 6*. — 1940: 190–204.
- Герасим Иорданский. *Православная Энциклопедия 11*. — М., 2006: 166–169.
- Грацианская Л. И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio»). *Сар. 53. lin. 1–492*. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Ч. I*. — СПб., 2004: 87–94.
- Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). — М., 2008.
- Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.
- Гриневиц К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера. *ХСб. 3*. — Севастополь 1930: 5–139.
- Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV–X вв.). *МАИЭТ VII*. — Симферополь, 2000: 294–301.
- Дьячков С. В. Раскопки XIV продольной улицы в портовом районе Херсонеса Таврического. *Древности 1994*. — Харьков, 1994: 141–152.
- Дьячков С. В. Херсонесская археологическая экспедиция ХГУ в 1996–1998 гг. *Древности 1997–1998*. — Харьков, 1999: 210–213.
- Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков). *СЭ 3*. — 1990: 129–135.
- Жеребцов Е. Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса. *ВВ 23*. — 1963: 205–213.

- Жеребцов Е. Н. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации. Очерки по истории христианского Херсонеса. — СПб., 2009: 139–149.
- Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса. *БИАС I*. — Симферополь, 1997: 304–311.
- Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным). *МАИЭТ VII*. — Симферополь, 2000: 77–90.
- Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ VIII*. — Симферополь, 2001: 261–289.
- Залеская В. Н. О сюжетах двух херсонесских рельефов с «выемчатым» фоном. *СГЭ XLI*. — Л., 1976: 35–38.
- Золотарев М. И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе. *АДСВ 14*. — Свердловск, 1977: 27–33.
- Золотарев М. И. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н. э. *ХСб. 7* — Севастополь 1996: 37–47.
- Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции. *ВДИ*. — 1994 (3): 78–101.
- Золотарев М. И., Коробков Д. Ю. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р. Х. *Православные древности Таврики*. Сборник материалов по церковной археологии. — Киев, 2002: 68–73.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса. *ХСб. VIII* — Севастополь, 1997: 30–45.
- Иордан. О происхождении и деянии гетов. *GETICA*. — М., 2001.
- Зубарь В. М. О характере культа Геракла в Херсонесском государстве в эллинистический период. *Боспорский феномен 2*. — СПб., 2004: 131–135.
- Зубар В. М., Скржинська М. В. До оінтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора (Luc. Alex., 57). *Археологія. 4*. — 1997: 119–122.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. — Харьков, 1989.
- Карелин Д. А. Некоторые особенности значительных римских крепостей в Египте. *Архитектура и строительство России 12*. — М., 2008: 3–10.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989.
- Коробков Д. Ю. Византийский серебряный потир из раскопок в Херсонесе. *ХСб. X*. — Севастополь: 303–311.
- Костромичев Д. А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus. 4*. — 2011: 15–164.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1891 г.* — СПб., 1893: 2–20.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1896 г.* — СПб., 1898: 165–198.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1903 г.* — СПб., 1906: 20–43.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1906 год. *Отчеты императорской Археологической комиссии за 1906 г.* — СПб., 1908: 57–83.
- Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). — СПб., 2001.
- Ласкин Г. Словарь древностей Константинополя. — Киев, 1904.
- Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896.
- Латышев В. В. Жития св. епископов херсонских. Исследование и тексты. *Записки императорской Академии наук. Серия VIII.3*. — СПб., 1906.
- Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. *Византийский сборник*. — М.-Л., 1945: 12–95.
- Макаров И. А. Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического. (К интерпретации IOSPE I² 404). *ВДИ*. — 2003 (4): 123–136.
- Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I (2) 401). *ВДИ*. — 2009 (2): 49–61.
- Марченко Л. В. Западный район Херсонеса в эллинистический период. *ХСб. 9*. — Севастополь, 1998: 80–82.
- Матанцева Т. А., Сорочан С. Б. Навершие архиерейского жезла с надписью. *Вестник Харьковского университета № 362. 25*. — Харьков, 1992: 90–96.
- Перевалов С. М. Легионы кавказского лимеса. *Вестник Владикавказского научного центра 7 (4)*. — 2007: 2–12.
- Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI веках н. э. *Античное общество*. — М., 1967: 183–187.
- Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе. *АДСВ 9*. — Свердловск, 1973: 45–53.

- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
- Русяева А. С. Полисные традиции и влияния в культуре Херсонеса Таврического в римскую эпоху. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. *Труды ГИМ 159*. — Москва, 2006: 56–75.
- Русяева А. С. Свидетельство Страбона о мысе Партений, храме и ксоаноне херсонесской богини Партенос. Древности Северного Причерноморья в античное время. *МАИЭТ. Supplementum. 4*. — Симферополь, 2007: 19–42.
- Русяева А. С. Проблемні питання інтерпретації культу Партенос — верховної богині херсонеської держави. *Боспорские исследования. XVI*. — Симферополь-Керчь, 2007: 82–111.
- Сапрыкин С. Ю., Дьячков С. В. Новый римский алтарь из Херсонеса. *ВДИ*. — 1999 (4): 71–78.
- Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий). *СА*. — 1987 (1): 48–57.
- Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. *Ученые записки Пермского государственного университета 117*. — Пермь, 1964: 99–105.
- Скржинська М. В. Парфенон у Херсонесі Таврійському. *Україна в Центральній-Східній Європі*. — Київ, 2006: 67–85.
- Смирнов Р. П. «Неизмеримое море утихло и отступило назад»: чудо св. Климента — церковное предание и явление природы. *Херсонес — город святого Климента*. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии. — Севастополь, 2011: 34–35.
- Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. — Киев, 1973.
- Соломоник Э. И. Из эпиграфики Херсонеса. *ВДИ*. — 1983 (4): 66–87.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. М. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков 2000.
- Сорочан С. Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? Херсонес Таврический. *У истоков мировых религий*. Материалы научной конференции. — Севастополь, 2001: 3–6.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. — Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона. *ВВ 65 (90)*. — 2006: 223–230.
- Сорочан С. Б. Рец. на Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. *МАИЭТ. Supplementum 5*. — Симферополь, 2008. — 424 с. *Древности 2010*. — Харьков, 2010: 350–357.
- Тахтай А. К. Новая часовня в Херсонесе. *НА НЗХТ. Д. № 581*.
- Ушаков С. В. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2006 г. *Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр.* — Київ-Запоріжжя, 2007: 395–397.
- Ушаков С. В. Археологические исследования в северо-восточном районе Херсонеса Таврического (Базилика «Крузе») в 2007 г. *Археологічні дослідження в Україні 2006–2007*. — Київ, 2008: 349–353.
- Ушаков С. В., Тюрин М. И. Раскопки Базилики Крузе в 2008 г. *Археологічні дослідження в Україні 2008*. — Київ, 2009: 304–308.
- Ушаков С. В., Дорошко В. В., Тюрин М. И. О работе Херсонесской экспедиции в 2009 г. *Археологічні дослідження в Україні 2009*. — Київ, 2010: 440–444.
- Ушаков С. В., Моор В. В., Снитко И. А. Базилика «Крузе»: строительные остатки, строительная история и архитектурно-планировочная схема. *Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010»*. — Севастополь, 2010: 143–146 / режим доступа: http://ri.immpu.sgu.ru/sites/default/files/Lomonosov_2010.pdf
- Федоров Б. Н. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического. *КСИА 182*. — 1985: 8–11.
- Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Приск Панийский. Сказания Приска Панийского. — Рязань, 2005.
- Фирсов Л. В. Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. *НА НЗХТ. Д. № 868*.
- Храпунов Н. И. О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса. *МАИЭТ XVI*. — Симферополь, 2010: 365–373.
- Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения). *ВВ 63 (88)*. — 2004: 167–194.
- Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище. *Сугдейский сборник 2*. — Киев-Судак, 2005: 393–420.
- Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском дикрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида (II). *Закон и обычай гостеприимства в античном мире*. — М., 1999.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. *МИА 63*. — 1959.
- Bardill J. Brickstamps of Constantinople. vol. 1&2. — Oxford New York, 2004.
- Bekker-Nielsen T. The one that got away: a reassessment of the agoranomos inscription from Chersonesos (*VDI 1947.2, 245; NEPKH II, 129*). The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges. *Black Sea Studies 6*. — Gylling, 2007: 123–132.
- Biernacki A. W. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzińskiego. — Poznan, 2009.
- Klenina E. Some Remarks on the Topography of the Ancient Chersonesus Taurica. Thiasos. *Festschrift für Erwin Pochmarski zum 65. Geburtstag*. — Wien, 2008: 445–456.

Platner S. B., Ashby T. A Topographical dictionary of Ancient Rome. — Oxford-London, 1929.

Seeck O. Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum. — Berlin, 1876.

Р. П. Смирнов

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена вопросам локализации на городище Херсонеса некоторых известных топонимов позднеантичного периода — Малой агоры, Парфенона, «дома Ламаха» и др., с привлечением широкого круга разнообразных источни-

ков, данных эпиграфики, археологии, агиографических текстов. Сделана попытка реконструкции топографии и административного деления города той эпохи, уточнены датировки некоторых исторических событий.

Р. П. Смирнов

О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТОПОГРАФИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена питанням локалізації на городищі Херсонесу деяких відомих топонімів пізньоантичного періоду — Малої агори, Парфенону, «будинку Ламаха» та ін., із залученням широкого кола різноманітних джерел, даних епіграфіки,

археології, агиографічних текстів. Зроблена спроба реконструкції топографії та адміністративного поділу міста тієї епохи, уточнені датування деяких історичних подій.

R. Smirnov

ON THE LATE CLASSICAL TOPOGRAPHY OF TAURIC CHERSONESOS

SUMMARY

The paper covers the issues related to location of some well-known toponyms of the Late Classical period such as minor agora, Lamachos' house, etc. at the site of ancient city of Chersonesos. The author researched the wide range of various sources including

epigraphy, archaeology, and hagiography. He has made an attempt to reconstruct the topography and administrative division of the city in the given period, as well as to clarify the chronology of some historical events.

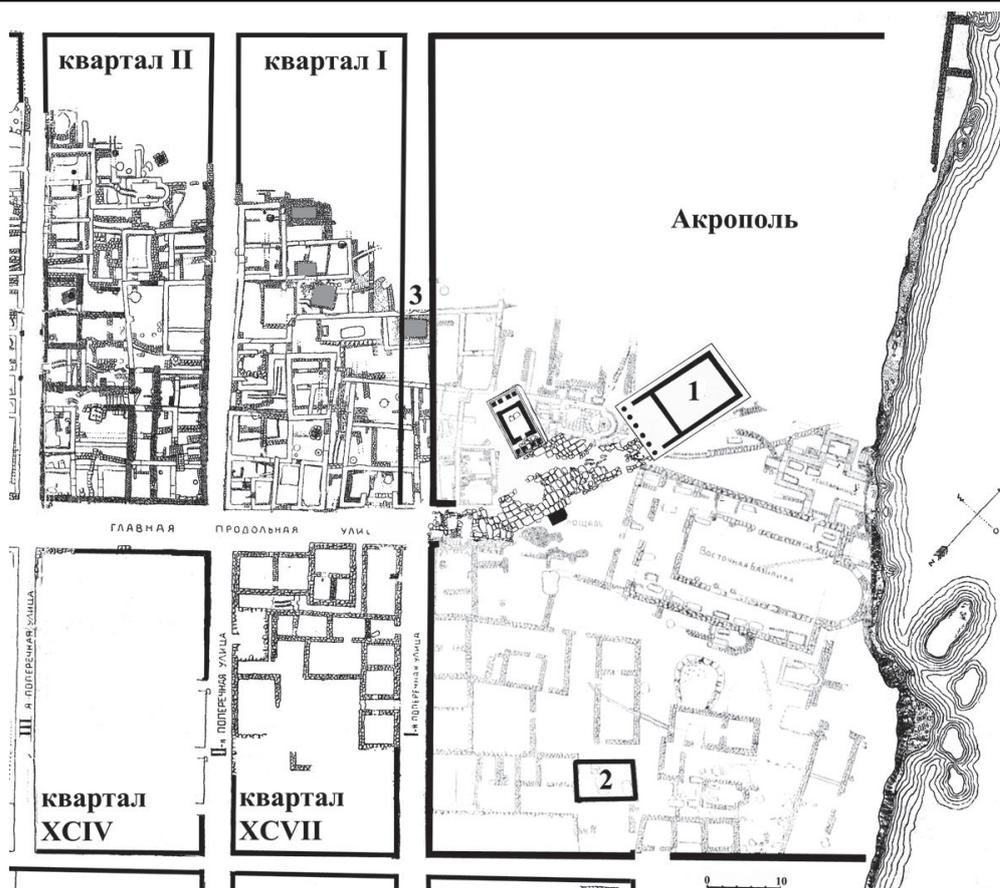

Рис. 1. План-схема северо-восточного района Херсонеса, показана граница теменоса (Акрополя). Совмещены планы К.Э. Гриневича (1930 г.) и А.В. Буйских (2008). 1 – храм Девы; 2 – мастерская коропласта, открытая в 1888 г.; 3 – цистерна S1 на 1-й поперечной улице.

Рис. 2. Вид на восточную часть городища. 2005 г. (Фото В. Филлипова). 1 – Восточная базилика; 2 – место находки фрагментов серебряного епископского потира.

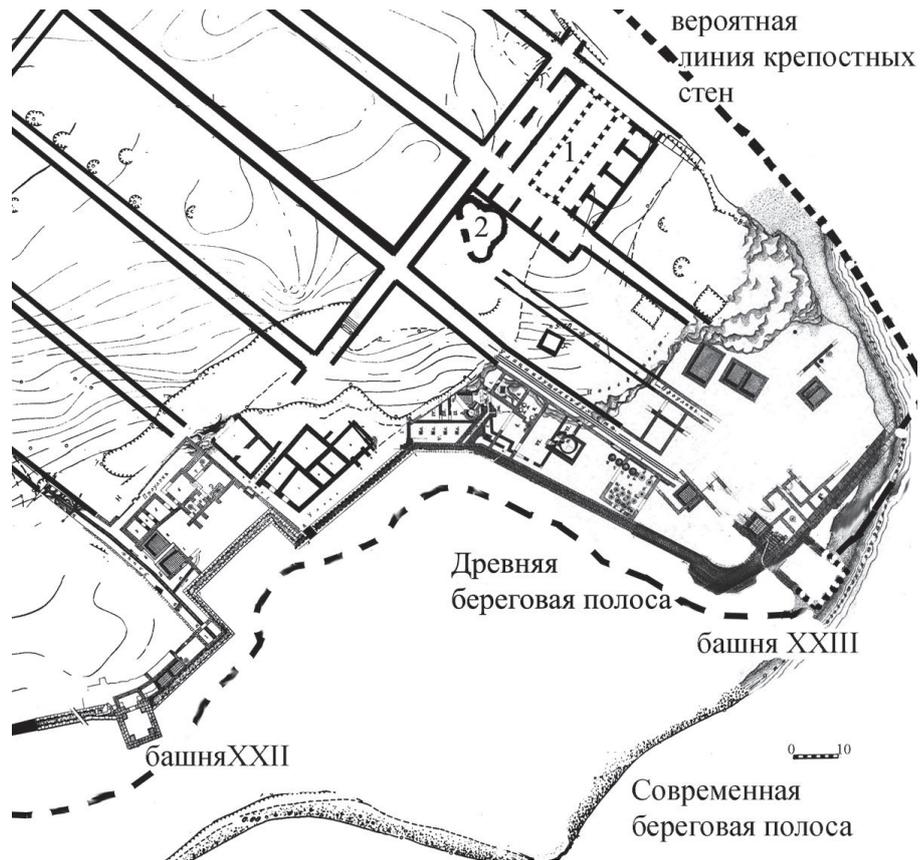
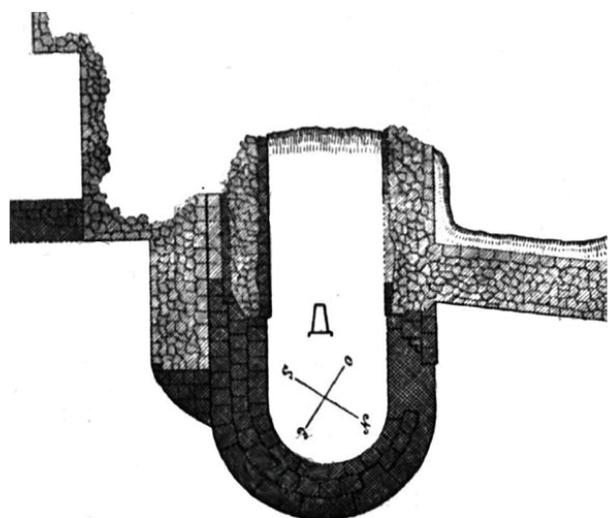

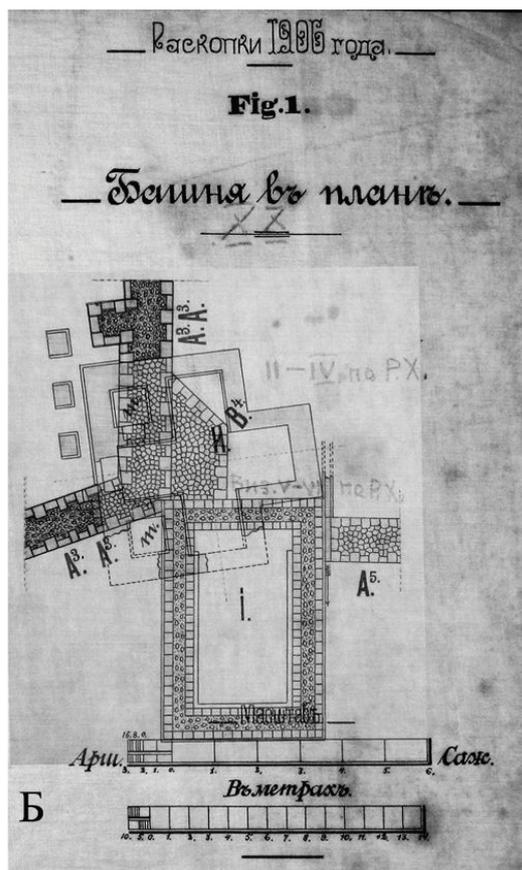
Рис. 3. План-схема района Малой агоры Херсонеса в V в. н.э.:
1 – маселлум; 2 – триконх (1-й строительный период базилики Крузе).

Рис. 4. Спутниковый снимок восточной части херсонесского городища. 2010 г. (Google Earth):
1 – район Малой агоры, 2 – базилика Крузе (VI в.), 3 – район Акрополя (Парфенона).

А

Б

Рис. 5. Башни Цитадели (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу):
 А – башня XVIII (Сиагр?); Б – Совмещены планы позднеантичной «башни XX»
 и средневековой башни XX'.

Рис. 6. Сводная карта находок предметов римской военной материальной культуры
 (по Д.А. Костромичеву).

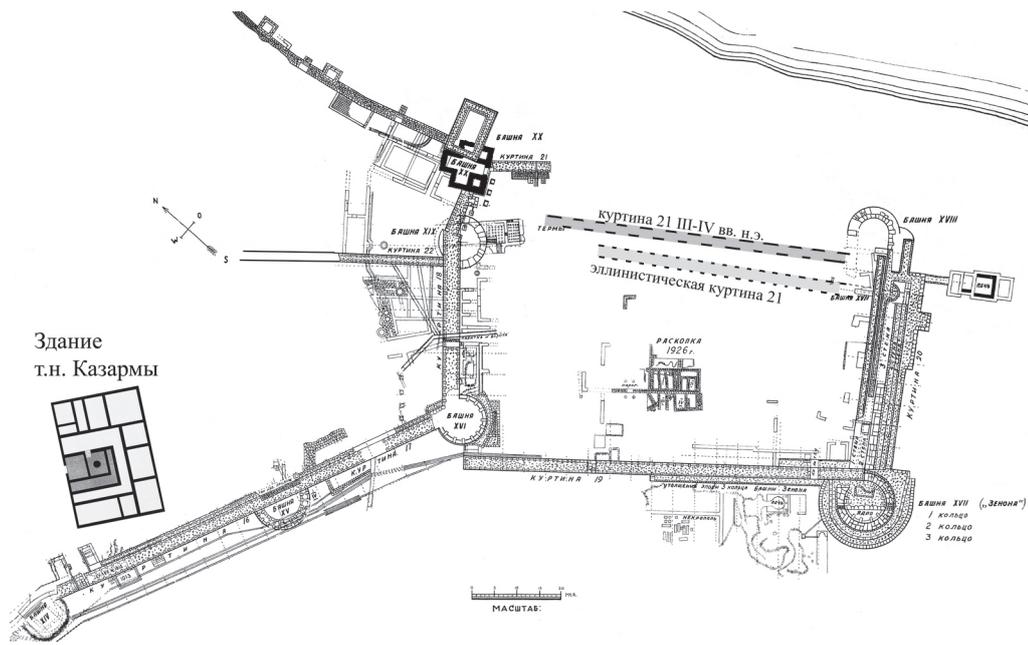

Рис. 7. План-схема Цитадели и Портового района.
Совмещены планы К.К. Косцюшко-Валюжинича и К.Э. Гриневича (1930 г.)
и схема здания т.н. Казармы (по А.В. Буйских).

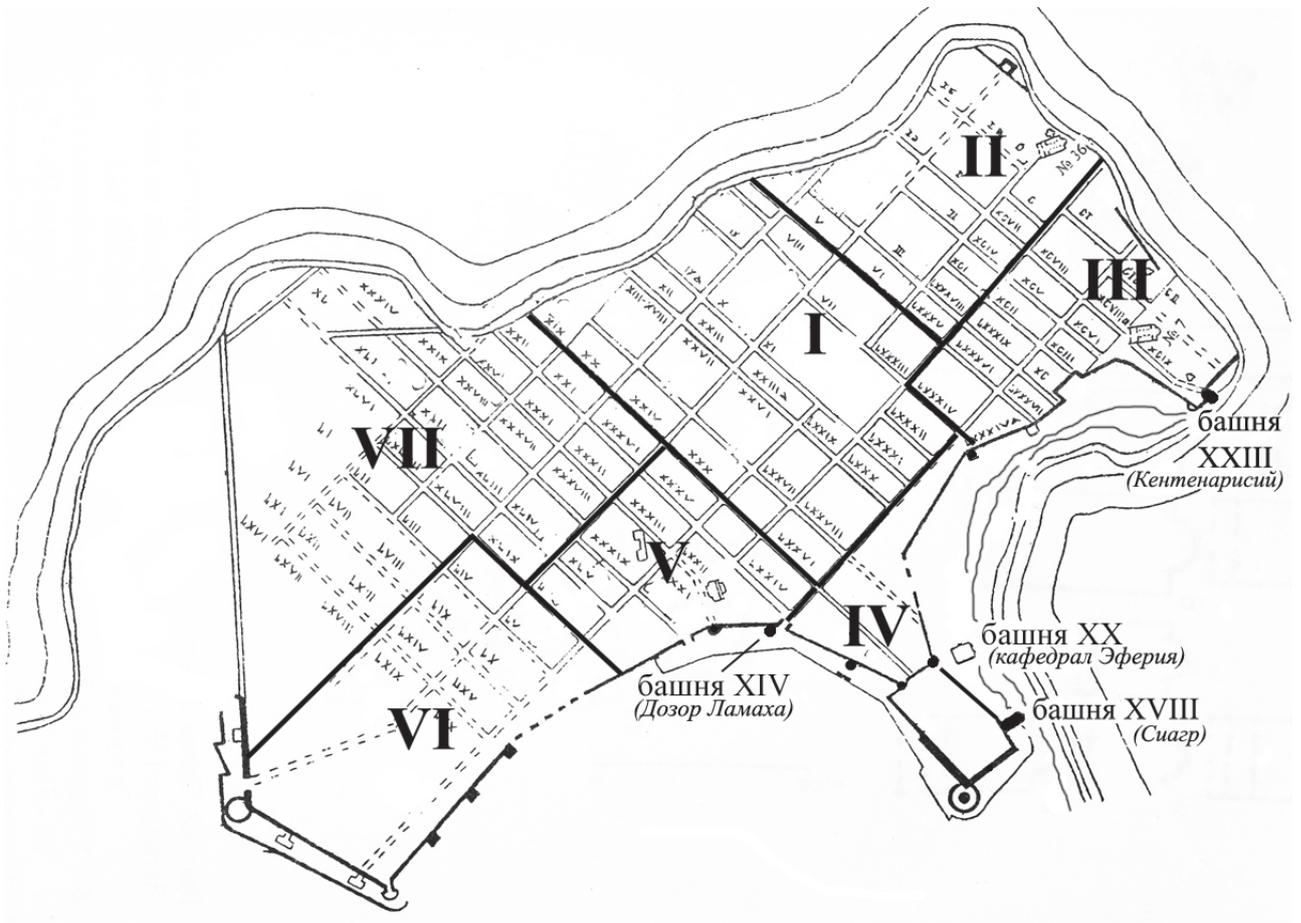

Рис. 8. Предположительные границы херсонесских «regiones» в позднеантичное время.

Р. В. СТОЯНОВ

**ТАБЛИЦЫ К ДНЕВНИКУ Н. И. РЕПНИКОВА
О РАСКОПКАХ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 1908 Г.**

В 1908 г. Императорская Археологическая Комиссия поручила члену-сотруднику Императорского Санкт-Петербургского Археологического Института Н. И. Репникову возглавить исследования Херсонеса Таврического, прекратившиеся после кончины заведующего раскопками городища и Складом древностей К. К. Косцюшко-Валюжинича (НА ИИМК РАН. Ф 1. 1908, л. 31–33, 40–41, 43–45). Археологические раскопки были начаты 7 марта на территории городского некрополя, расположенного к юго-западу от башни XVII, напротив 20 куртины юго-восточной линии городских оборонительных стен. Краткая информация о проведенных исследованиях и иллюстрации отдельных находок содержатся в отчете, который был составлен Репниковым для Археологической Комиссии (Репников 1912: 93–108). Текст полевого дневника исследователя был издан в 1927 г. под редакцией К. Э. Гриневича (Репников 1927: 149 сл.). Дневник представляет собой описания погребальных комплексов (№№ 2501–2816)¹, сопровождающиеся кратким вступлением и завершающиеся перечислением групп находок из слоя, перекрывавшего погребения.

До настоящего времени эти материалы не потеряли своей научной ценности и актуальности. К сведениям, содержащимся в дневнике, неоднократно обращались многие исследователи Херсонеса. При этом информация об открытых комплексах во многом обесценивается отсутствием таблиц с изображениями находок, ссылки на которые содержатся в тексте. В примечании к изданию Гриневич указывал: «К сожалению, по независящим ни от автора, ни от Херсон. музея² причинам, мы не смогли приложить к Дневнику упоминаемых в тексте таблиц. Несмотря на поиски, их не могли найти в архиве ГАИМК. Однако, мы надеемся в дальнейшем восстановить эти таблицы и поэтому оставили в тексте ссылки на них» (Репников 1927: 149, прим. 2). Попутно заметим, что

¹ С начала систематических работ Императорской Археологической Комиссии (1888 г.) была введена единая нумерация для всех открытых погребальных комплексов.

² В цитате сохранены авторские сокращения и орфография.

в этом же выпуске были изданы дневники раскопок некрополя, проводившихся под руководством Р. Х. Лепера в 1908–1910 гг. Так же как и дневники Репникова, они сопровождались немногочисленными иллюстрациями отдельных находок, не достаточными для получения полного представления о раскрытых комплексах. Это объяснялось тем, что Гриневич планировал отдельное издание каталога предметов, найденных во время раскопок 1908–1910 гг. (Лепер 1927: 255). К сожалению, этот каталог, который, по всей видимости, должен был включать таблицы к дневникам Репникова, так и не был составлен.

Фотографии находок из раскопок 1908 г., вероятно, были переданы вместе с другой документацией и планом исследованного участка, составленным М. И. Скубетовым, в Императорскую Археологическую Комиссию (НА ИИМК РАН. Ф 1. 1908. № 5, л. 558–562). План (Репников 1912: табл. V; Репников 1927: 187, табл. IV) был впоследствии использован Н. М. Янышевым при составлении сводного плана некрополя Херсонеса Таврического (НА НЗХТ, № 17081/1-12, 16707). Часть находок была передана Археологической Комиссией в Императорский Эрмитаж (НА ИИМК РАН. Ф 1. 1908. № 5, л. 557, 559–60; НА ИИМК РАН. Q. 323. 10–4). В настоящее время эта коллекция хранится в Государственном Эрмитаже (ГЭ.Х. 1908), а фототаблицы и фотографии отдельных находок из погребальных комплексов, открытых под руководством Репникова в 1908 г., хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. Q430/30–39 а).

Находки сгруппированы в таблицы: светильники (Табл. I–III), кубки, чаши, солонки, фемидерий (Табл. IV), кувшины, унгентарии, амфора (Табл. V), чаши, тарелки (Табл. VI), кувшины, унгентарии (Табл. VII), украшения (Табл. VIII). На таблицах чернилами проставлены масштаб и порядковые номера предметов, кроме Табл. II, где эти номера нанесены карандашом. Возле изображений некоторых предметов имеются подписи, выполненные той же рукой — номера погребений, негативов, шифры, даты (См. Табл. I).

При составлении таблиц Репников разделил находки по типам. Все предметы, отнесенные к одному типу, представлены единственным изображением. По этой причине при описаниях находок из разных погребений приводятся ссылки на один и тот же номер. Например, ссылка на кубок № 21 (Табл. IV) содержится в описаниях погребений №№ 2717, 2756, 2791, кувшин № 12 (Табл. V) — №№ 2778, 2191, 2569, 2575, чашу № 19 (Табл. VI) — №№ 2506, 2628 и т. д. На отдельных фотографиях представлены находки, не включенные в таблицы (НА ИИМК РАН. Q.430. 36–45), изображения которых, за исключением краснофигурного аска и чернолакового килика (НА ИИМК РАН. Q.430. 36–37; Репников 1927:

рис. 37–38), также не вошли в публикации материалов раскопок. Ссылок на эти материалы нет в тексте дневника и отчета.

Таблицы находок из погребальных комплексов, открытых под руководством Репникова в 1908 г., составляют небольшую часть многочисленных, не изданных до настоящего времени находок, полученных вследствие археологических раскопок, проводившихся Императорской Археологической Комиссией в Херсонесе. Хочется надеяться, что эта публикация не только дополнит данные, содержащиеся в дневнике Репникова, но и послужит стимулом для дальнейшего изучения и введения в научный оборот «неизвестных» материалов Херсонесского городища и некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

- Лепер Р. Х. Дневники раскопок Херсонесского некрополя. *ХСб.* II. — Севастополь, 1927: 189–255.
О продолжении археологических разысканий в Херсонесе. *Научный Архив ИИМК РАН.* № 5. 1908.
Научный Архив ИИМК РАН. Q430/30–45.
Репников Н. И. Раскопки в Херсонесе. *ОАК за 1908 г.:* 93–108.
Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. *ХСб.* II. — Севастополь, 1927: 149–181.
Янышев Н. М. План некрополя Херсонеса Таврического (на 12 листах). *Научный Архив НЗХТ.* № 17081/1–12. 16707.

Р. В. Стоянов.

ТАБЛИЦЫ К ДНЕВНИКУ Н. И. РЕПНИКОВА О РАСКОПКАХ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 1908 Г.

РЕЗЮМЕ

Археологические раскопки некрополя Херсонеса Таврического в 1908 г. проводились под руководством Н. Репникова. Тема данной статьи — публикация таблиц иллюстраций к Полевому дневнику Репникова. Текст Полевого дневника был опубликован в «Херсонесском сборнике», III (1927 г.), под редакцией К. Э. Гриневича. За коротким вступлением (введением) следуют описания погребений (№№ 2501–2816) и списки (описи) находок из слоя над уровнем могил разделенные на несколько групп. Рисунки были разбиты Репниковым на восемь таблиц: Светильники (I–III); Чаши, миски, солонки, фимиатерии (IV); Кувшины, унгвентарии, амфора (V); Чаши, тарелки (VI); Кувшины, унгвентарии (VII); Украшения (VIII).

Все таблицы снабжены подписями, выполненными карандашом или чернилами (Табл. 1). Все находки, представленные в таблицах, были объединены в отдельные типы. Каждый тип представлен фотографией только одного предмета (вещи). Поэтому в описаниях находок одного типа из разных погребений Репников ссылается на один и тот же номер иллюстрации. Публикуемые таблицы иллюстраций не только дополняют Полевой дневник Репникова, но и могут послужить толчком для дальнейших исследований и введения в научный оборот «неизвестных» археологических материалов из раскопок Херсонеса, проводившихся Императорской Археологической Комиссией.

Р. В. Стоянов.

**ТАБЛИЦІ ДО ЩОДЕННИКА Н.І. РЕПНІКОВА
ПРО РОЗКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО В 1908 Р.**

РЕЗЮМЕ

Археологічні розкопки некрополя Херсонеса Таврійського в 1908 р. проводилися під керівництвом Н. Репнікова. Тема даної статті — публікація таблиць ілюстрацій до Польового щоденника Репнікова. Текст Польового щоденника був опублікований в «Херсонесському збірнику», III (1927 р.), під редакцією К. Е. Гриневича. За коротким вступом (введенням) слідує опис поховань (№ № 2501–2816) і списки (описи) знахідок із шару над рівнем могил, розділених на кілька груп. Малюнки були розбиті Репніковим на вісім таблиць: Світильники (I–III); Чаші, миски, сільнички, фіміатерій (IV); Глечики, унгвентарії, амфора (V); Чаші, тарілки (VI); Глечики, унгвентарії (VII); Прикраси (VIII).

R. Stoyanov

**THE ILLUSTRATION PLATES FOR FIELD-JOURNAL
OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS THE NECROPOLIS
OF TAURIC CHERSONESOS IN 1908 CONDUCTED BY N.I. REPNIKOV**

SUMMARY

The archaeological excavations of the Tauric Chersonesos Necropolis in 1908 were conducted by Nikolay Repnikov. The publication of the illustration plates for Repnikov's field-journal is the topic of the article. The Field-journal text was published in the «Chersonesskyi Sbornik», III (1927), edited by K. E. Grinevich. A short introduction was followed by the burials (Nos. 2501–2816) descriptions and list of the finds from above the graves level sorted into several groups. Images were sorted out by Repnikov into eight plates: Lamps (I–III); Cups, bowls, salt-sellers, femiaterium (IV); Jugs, unguentariums, amphora (V), Cups, plates (VI), Jugs, unguentariums (VII), Jewelry (VIII).

Усі таблиці забезпечені підписами, виконаними олівцем або чорнилом (Табл. 1). Всі знахідки, представлені в таблицях, були об'єднані в окремі типи. Кожен тип представлений фотографією тільки одного предмета (речі). Тому в описах знахідок одного типу з різних поховань Репніков посилається на один і той же номер ілюстрації. Опубліковані таблиці ілюстрацій не тільки доповнюють Польовий щоденник Репнікова, але і можуть послужити поштовхом для подальших досліджень і введення в науковий обіг «невідомих» археологічних матеріалів з розкопок Херсонеса, що проводилися Імператорської Археологічної Комісією.

All plates bear an ink and pencil inscriptions (Pl. I). All finds, presented on the plates, were united into distinct types. Each type is represented by the photograph of just one object. Therefore in descriptions of the finds of one type from the different burials Repnikov refers to the same illustration number. The published illustration plates has not just supplemented the Repnikov's field-journal, but they might serve for encourage the further study and put into circulation the «unknown» archeological materials from the excavations of Chersonesos, conducted by Imperial Archeological Commission.

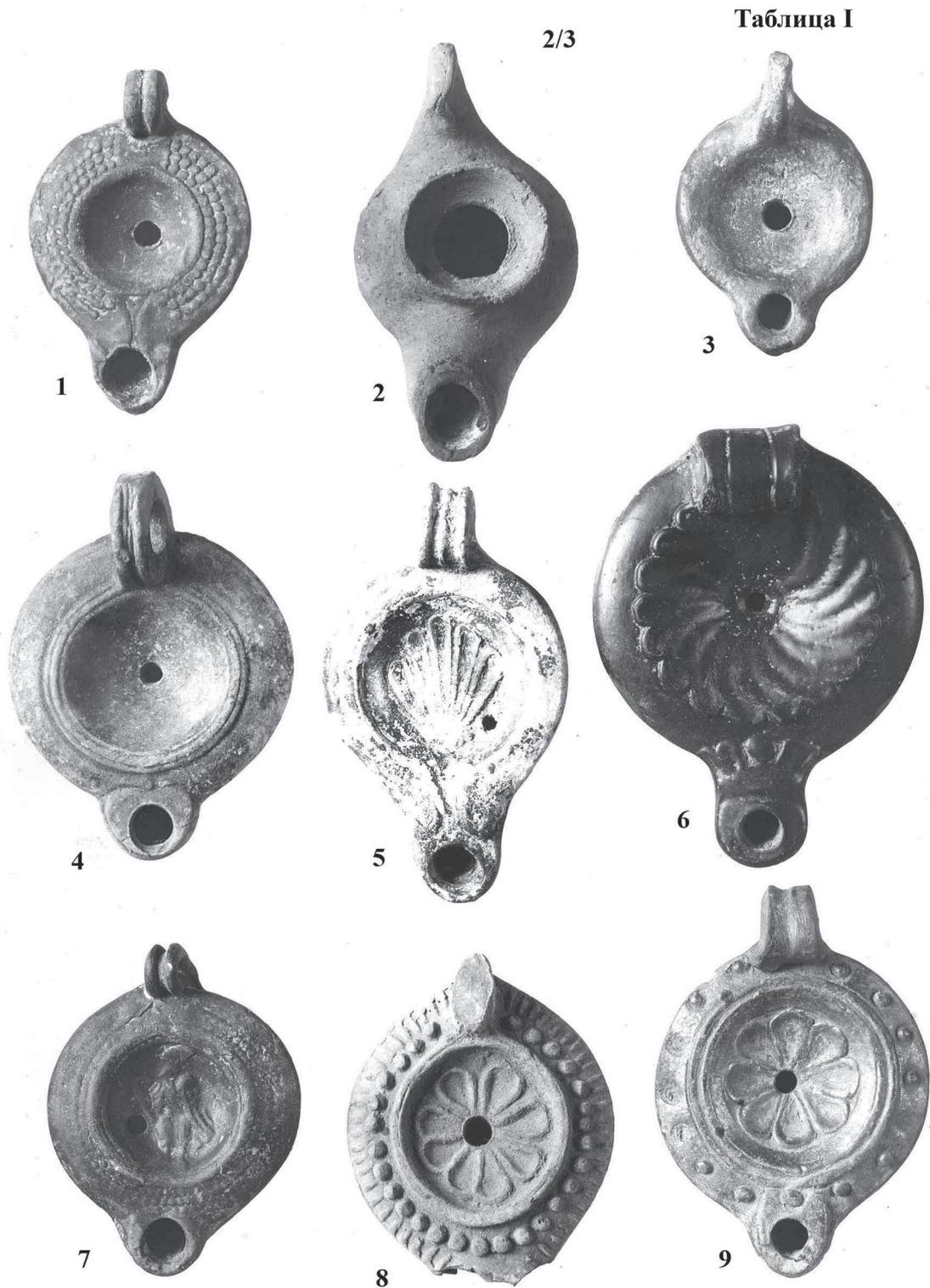

Табл. I (НА ИИМК РАН. Q.430.38 а)

Чернила¹: 819–275 (пр. нижн. ст под № 1), 1267 (пр. нижн. ст под № 2), 334 н (пр. нижн. ст под № 3), 20 (пр. нижн. ст под № 4), 897 н (пр. нижн. ст под № 5), 820–2758 (под № 6), 1379 н (пр. нижн. ст под № 7), 1205 (под № 8), 460 (под № 9)

Карандаш: нег. ...9662 (пр. верхн. угол²), Ш10931 (лев. верхн. угол)

¹ На всех таблицах чернилами: Херсонес (пр. нижн. угол), Н. Репников (лев. нижн. угол).

² В скобках, указаны: н. п. – номер (а) погребения (ий), пр. – правый (ая), лев. – левый (ая), верхн. – верхний (ая), нижн. – нижний (ая), ст. – сторона.

Таблица II

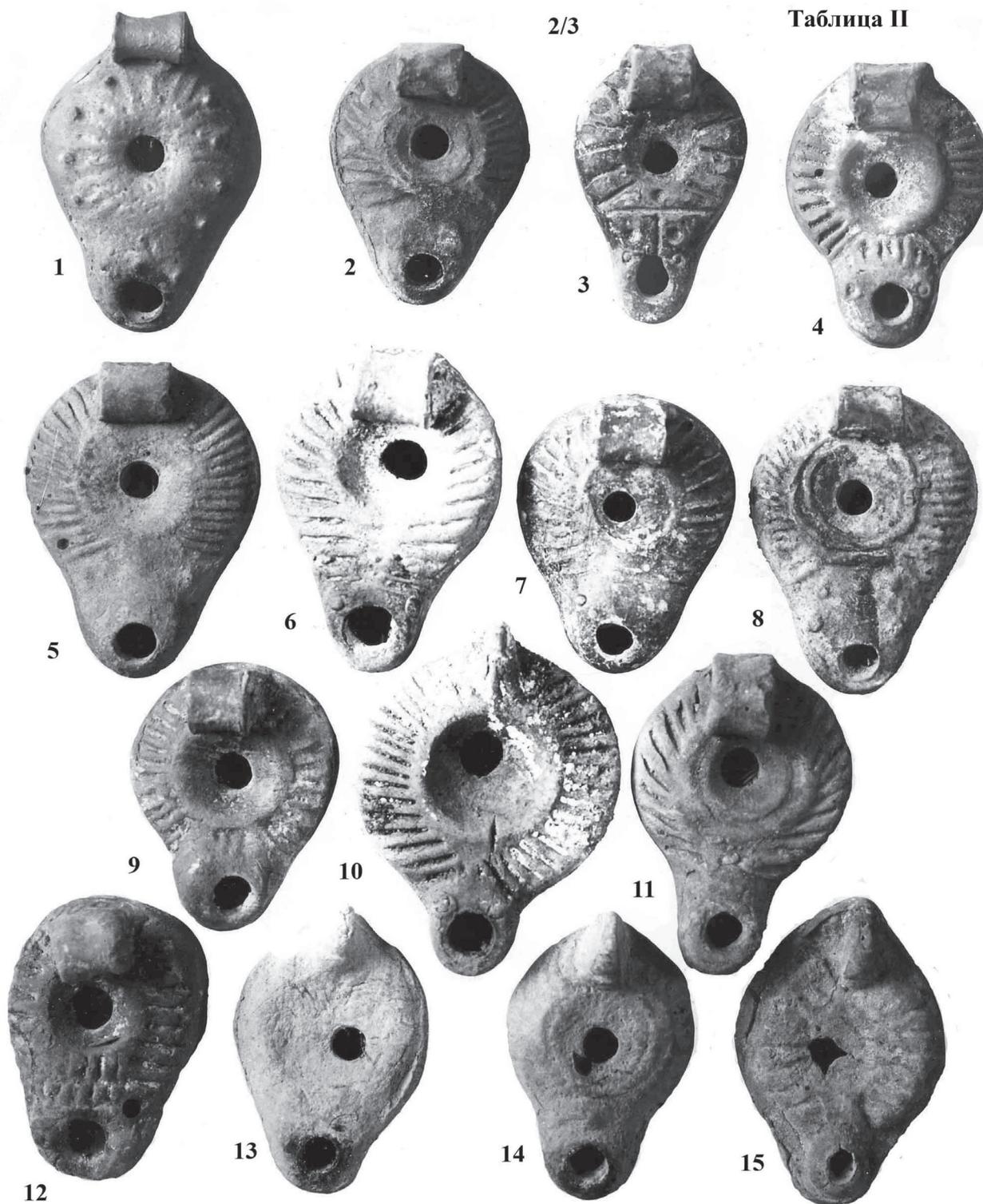

Табл. II (НА ИИМК РАН. Q.430.39 а)

Чернила: 865 (лев. нижн. ст. под № 1), 1051. 2791. (лев. нижн. ст. под № 2), 485 2684 (лев. нижн. ст. под № 3), 869 (лев. нижн. ст. под № 4), 683. н. (пр. нижн. ст. под № 5), 868 (пр. нижн. ст. под № 6), 2789 929 (пр. нижн. ст. под № 7), 2791. 1066 (пр. нижн. ст. под № 8), 2789. 929. (лев. нижн. ст. под № 9), 2024 489. (лев. нижн. ст. под № 10), 870 (лев. нижн. ст. под № 11), 606 2084. (под № 12), 1081. 2791 (под № 13), 491. 2684. (под № 14), 871 (под № 15).

Карандаш: нег. ...9663 (пр. верхн. угол), III10932 (лев. верхн. угол), 557 (пр. нижн. угол).

Таблица III

Табл. III (НА ИИМК РАН. Q.430.30)

Карандаш: III 10934 нег. ...9665 (лев. верхн. ст. над № 1), нег. ...9665 (над № 3), н (пр. нижн. ст. под № 3), III 10933 нег. ...9664 (пр. верхн. ст. над № 2), нег. ...9665 (лев. верхн. ст. над № 4), 2687 (н. п. пр. нижн. ст. под № 4), нег. ...9664 (пр. верхн. ст. над № 5), 2687 (н. п. пр. нижн. ст. под № 5).

Таблица IV

1/4

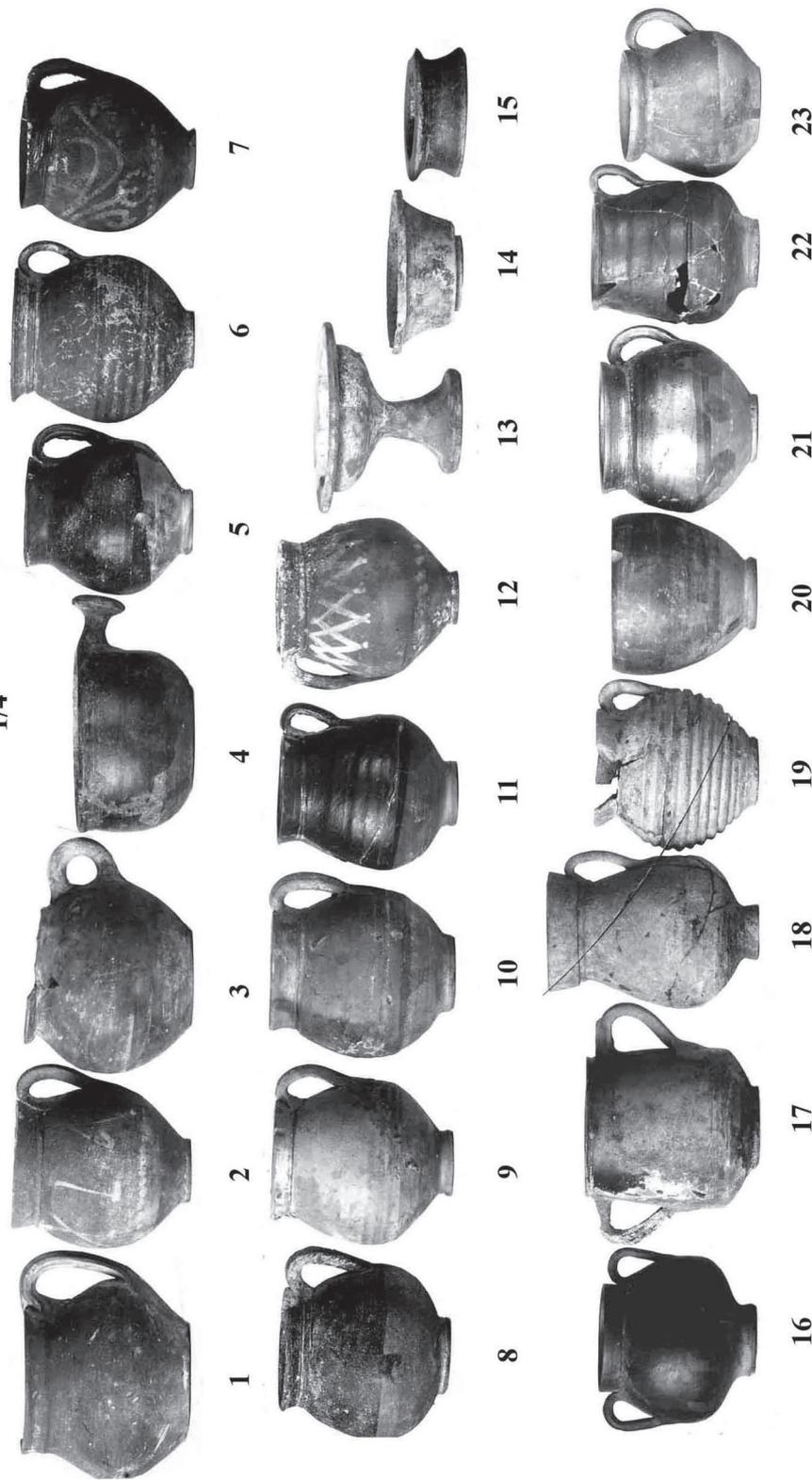

Табл. IV (НА ИИМК РАН. Q.430.31)

Чернила: 356 (под № 1), 1079 (под № 2), 179 (под № 3), 1576 (под № 4), 498 (под № 5), 468 (под № 6), 495. (под № 7), 746 (под № 8), 502 (под № 9), 873 (под № 10), 250 (под № 11), 496 (под № 12), 109 (под № 13), 10 (под № 14), 1295 (под № 15), 636 (под № 16), 517 (под № 17), 572 (под № 18), 645 (под № 19), 673 (под № 20), 798 (под № 21), 952 (под № 22), 766 (под № 23).

Карандаш: нег. ...9656 III10925 (пр. ст. №№ 1-7), 2544 (н. п. над № 1), 2742 (под № 1), 2791 II в. (н. п., дата над № 2), 2791 27522766 (н. п. под № 2), 2739 (н. п. под № 3), 2816 (н. п. над № 4), 2791 (н. п. над № 5), 27692651 (н. п. над № 6), II в. 2791 (дагировка, н. п. пр. ст. № 7), 2684 (н. п. под № 7), нег. ...9656 (пр. ст. №№ 8-15), 2690 27922750 (н. п. под № 8), 2728 2686 (н. п. под № 9), 27272791 (н. п. под № 10), 27252684 (н. п. под № 11), 2684 (н. п. под № 12), 2799 (н. п. под № 15), нег. ...9654 III10923 (пр. ст. №№ 16-23), 2687 (н. п. под № 16), 2730 2684 (под № 17), о III.37 (под № 17), 2693 (н. п. под № 18), 27172663 (н. п. под № 19), X 1908.172 (под № 19), 2738 (н. п. под № 20), 27172756 2791 (н. п. под № 21), 2686 (н. п. под № 22), 2752 (н. п. под № 23), 27522719 2699 (подчеркнуто) 2506 (н. п. пр. ст. № 23).

Таблица V

Табл. V (НА ИИМК РАН. Q. 430.32)

Чернила: 1074 (пр. ст. № 1), 450 (пр. ст. № 2), 575 (над № 3), 382 (над № 4), 799 (над № 5), 398 (пр. ст. № 6), 116. (над № 7), 36 (над № 8), 214. (лев. ст. № 9), 461. (пр. ст. № 10), 455 (пр. ст. № 11), 273 (над № 12), 465 (пр. ст. № 13), 358 (пр. ст. № 14), 577 (пр. ст. № 15), 504 (над № 16), 402 (над № 17), 671. (над № 18), 675 (над № 19), 244. (лев. ст. № 20), 469. (лев. ст. № 21), 388. (над № 22), 178. (над № 23).

Карандаш: нег. ...9654 III10923 (пр. ст. №№ 1–9), 2791 (н. п. под № 1), 2791 (н. п. над № 2), 2643 (н. п. под № 2), о. III.40 (над № 3), X 1908–188 (над № 4), 2730 (н. п. над № 4), 2575 2679 (н. п. под № 4), о. III.41 (над № 5), 2756 (н. п. под № 5), 2560 2672 (н. п. над № 6), 2791 н. п. (под № 6), 2534 (н. п. над № 7), 2782 (н. п. под № 9), нег... 9658 III10927 (пр. ст. №№ 10–16), 2640 (н. п. под № 10), 2648 (н. п. под № 11), 2778 2191 (н. п. под № 12), 2626 2783 (н. п. под № 14), 2791 2689 (н. п. под № 15), 2684 (н. п. под № 16), нег. ...9658 (пр. ст. №№ 17–23), X 1908.181 (под № 17), 2658 (н. п. под № 17), 2725 (н. п. под № 18), 2601 (н. п. под № 19), X 1908.102 (серогл.) (под № 22), 2679, 2783 (н. п. под № 22), 2599 (н. п. под № 23).

1/4

Таблица VI

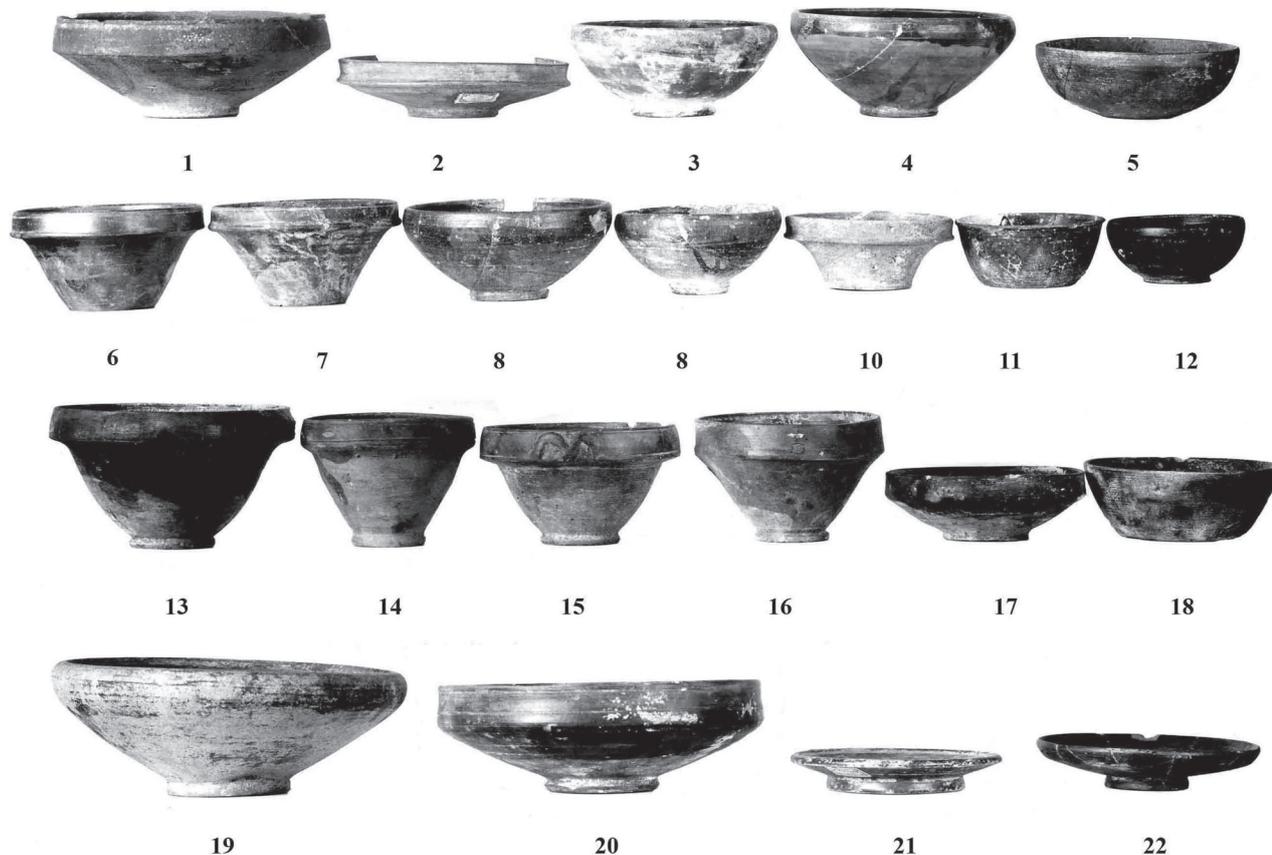

Табл. VI (НА ИИМК РАН. Q.430.33)

Чернила: 1193. (лев. ст. № 1), 679. (над № 2), 1077 (над № 3), 957 (лев. ст. № 4), 768. (лев. ст. № 5), 581. (лев. ст. № 6), 637 (лев. ст. № 7), 379. (лев. ст. № 8), 1059. (лев. ст. № 9), 23 (лев. ст. № 10), 469 (лев. ст. № 11), 53 (лев. ст. № 12), 513. (лев. ст. № 13), 509 (лев. ст. № 14), 663 (лев. ст. № 15), 511 (лев. ст. № 16), 1078. (лев. ст. № 17), 65 (лев. ст. № 18), 319. (лев. ст. № 19), 514. (лев. ст. № 20), 60 (над № 21), 270 (над № 22).

Карандаш: нег. 9653 III10922 (пр. ст. №№ 1–5), 2791 (н. п. над и под № 1), X 1908.186 (над № 2), 2761 2740 (н. п. над № 2), 2740 (под № 2), II–III (дата над № 3), 2791 (н. п. под № 3), 2686 (н. п. под № 4), 2769 (н. п. под № 5), нег. 9657 (пр. ст. №№ 6–12), 2641 (н. п. под № 6), 2778 2727 (н. п. под № 7), X 1908.182 (под № 8), 2676 (н. п. под № 8), 2791 (н. п. под № 9), 2517 (н. п. под № 10), 2648 (н. п. под № 11), 2518 (н. п. под № 12), 2756 (н. п. пр. ст. № 12), нег. 9657 III10926 (пр. ст. №№ 13–18), 2684 (н. п. под № 13), X 1908. 247 (под № 14), 2684 (н. п. под № 14), II в 2766 (дата. н. п. под № 15), 2684 (н. п. под № 16), 2791 (н. п. под № 17), 2752 (н. п. под № 18), нег. 9653 (пр. ст. №№ 19–22), 2506 2628 (н. п. под № 19), II в 2684 (дата н. п. под № 20), 2583 (н. п. под № 22).

Таблица VII

1/4

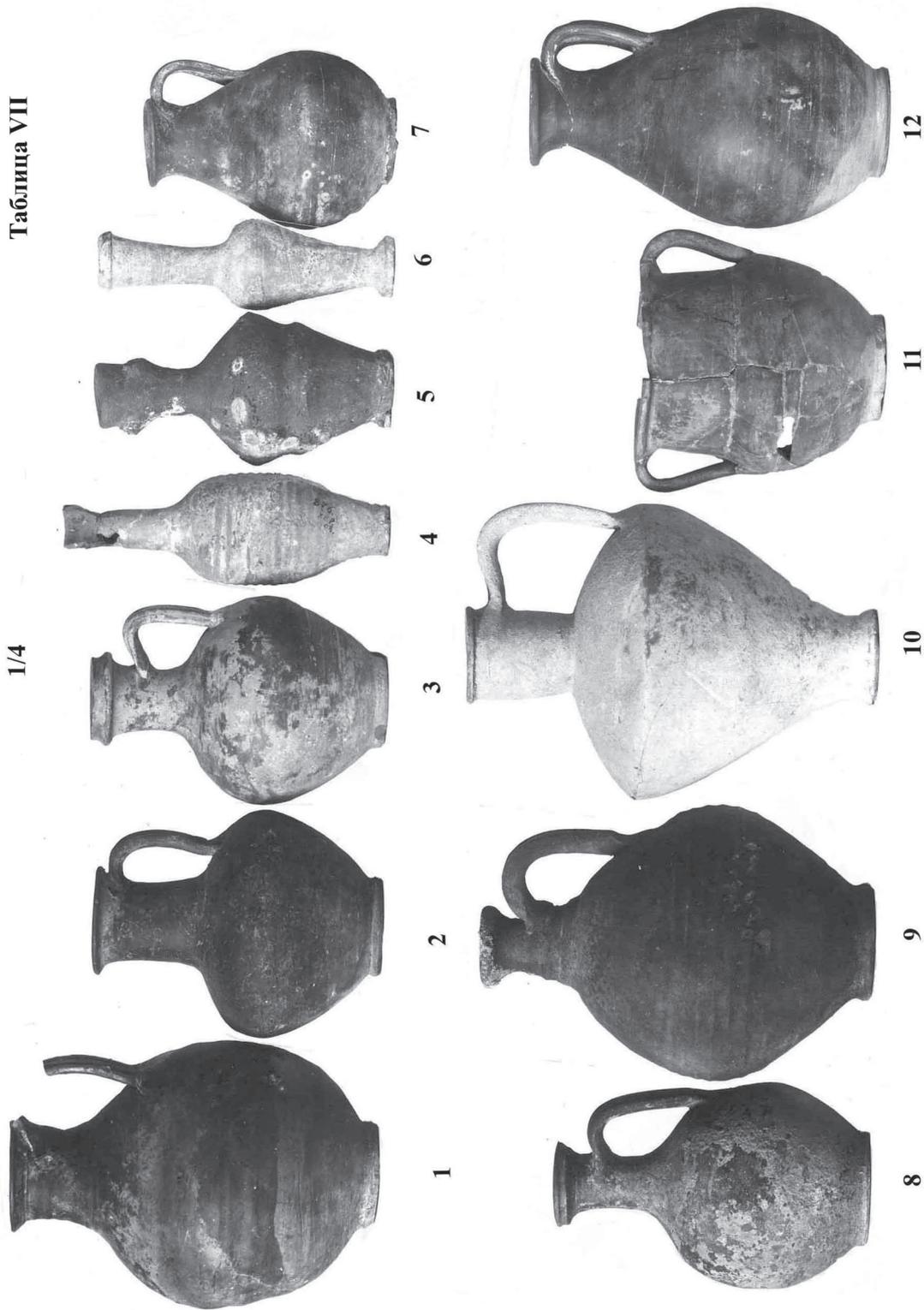

Табл. VII (НА ИИМК РАН. Q.430.34)

Чернила: 507. (лев. ст. № 1), 744 (над. № 2), 451 (над. № 3), 876 (над. № 4), 124 (над. № 5), 119 (над. № 6), 503. (над. № 7), 3. (пр. ст. № 8), 508 (пр. ст. № 9), 184 (пр. ст. № 10), 448 (пр. ст. № 11), 506 (пр. ст. № 12).

Карандаш: нег. 9655 (пр. ст. №№ 1-7), 2767 (н.п. под № 2), 2649 (н.п. над № 3), 2686 (н.п. под № 4), мог. 2510 (ХСб, II, № 151) (над. № 5), 2541 (н.п. над № 6), нег. 9655 III 10924 (пр. ст. №№ 8-12), 2684 (н.п. под № 9), 2573 2506 (н.п. под № 10), II-III 2664 (дата. н.п. под № 11), о.Ш.39? V,7 (под № 11), 2684 (под № 12).

Табл. VIII (НА ИИМК РАН. Q.430.35)³

Карандаш: 2515 (н. п. под № 1), 2577 (н. п. под № 2, 4, 6, 9, 13, 14), 2515 (н. п. под № 3), 2761 (н. п. под № 7, 8), 2684 (н. п. под № 10, 11, 18, 22, 23, 25), 2730 (н. п. под № 12), 2589 (н. п. под № 15, 17), 2510 (н. п. под № 21), 2686 (н. п. под № 19, 26).

³ Номера предметов, изображения которых были включены в отчет и публикацию дневника (№№ 1, 3, 4–11, 14, 16, 20–23) подчеркнуты красным карандашом.

М. В. СТУПКО

НАХОДКИ КАМЕННЫХ СВЕРЛЕННЫХ ТОПОРОВ — МОЛОТКОВ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Каменные сверленные топоры-молотки (молоты) (далее КСТМ) являются одной из наиболее массовых категорий находок, относящихся к эпохе энеолита-бронзы. В то же время вопрос о КСТМ можно назвать наименее разработанным и изученным.

Значительное количество находимых КСТМ, говорит о том, что топоры-молоты занимали одно из ведущих мест в комплексах вооружения воинства энеолита-бронзы. До недавнего времени существовала также точка зрения, что КСТМ преимущественно являлись инсигниями власти, наделялись особым сакральным значением, являлись символами грома, молнии, плодородия. Отнюдь не оспаривая этого взгляда, можно утверждать, что массовость находок КСТМ говорит об общей их доступности в качестве обычного в обиходе оружия. Наиболее тщательно отделанные и даже орнаментированные образцы, нередко изготовленные из декоративных пород камня (нефрита, мрамора, яшмы, змеевика и т. п.) безусловно были атрибутами родоплеменной старшины, тем не менее, такие КСТМ нисколько не теряют своих боевых качеств. Таким образом КСТМ являлись основным видом оружия ближнего боя и продолжение двух исторических эпох.

Вполне обоснованно считать КСТМ важным хроно-культурным индикатором в системе древностей энеолита-бронзы, особенно при разработке вопросов военного дела той поры. Этому способствует то, что большинство КСТМ имеют свои индивидуальные черты, позволяющие рассматривать их по принадлежности к выделенным археологическим культурам. Однако в данном утверждении присутствуют свои «но». Ряд известных типов КСТМ принадлежат исключительно конкретным культурным группам и в других — не встречаются. Другие типы КСТМ могут быть свойственны сразу нескольким культурам, а иные группы орудий имели распространение на чрезвычайно обширных территориях, занимаемых самыми разнообразными культурно-историческими образованиями и могут продолжать свое суще-

ствование на весьма продолжительных временных промежутках, например, от энеолита до финальной бронзы.

В силу изложенного, основной задачей представляется культурная интерпретация находок КСТМ и выделение линий эволюции этого вида оружия, что должно помочь яснее представить как прогресс военного дела той эпохи, так и взаимодействие культурных групп в целом. Серьезной трудностью в достижении этой цели является то, что подавляющее количество КСТМ принадлежит к категории случайных находок и среди них значительный объем занимают фрагментированные экземпляры. Другим препятствием для систематизации знаний по данной категории, по замечанию С. Н. Санжарова (Санжаров 1922: 160) является рассредоточенность многочисленного материала среди местных, в том числе школьных музеев, не имеющих возможности публикаций, а так же в частных коллекциях, в подавляющем большинстве случаев принадлежащих просто любителям старинных «вещиц». В этом нет ничего необычного, если учесть, что топор был священным символом на протяжении нескольких исторических эпох и, пользовался соответствующей популярностью даже как артефакт. Так Н. В. Молева указывает: «Отмечаются случаи коллекционирования таких реликтов (Август), подношения их как самых дорогих подарков (Алексей Комнин Генриху IV), применения их в качестве оружия — в охране Хубилая были два стража с нефритовыми топорами. Их (топоры — М. С.) оправляли в золото и серебро, и использовали в металлических рукоятках (Веселовский). Высказывалось предположение, что в эпоху раннего железа каменные топоры «назначаются для парадных потребностей, играя роль начальнических и, может быть знаков отличия» (Молева 2002: 202).

Луcretий Кар упоминает, что нашедшие каменные орудия древности хранили их при себе в самых дорогих оправах (Лист. 5). Известны каменные топоры из Афин и Аргоса, украшенные греческими вотивными надписями (Уваров). В первых веках

н.э. каменные орудия фигурируют в ритуалах в честь Митры (См.: Молева 2002: 203).

К настоящему моменту в целом состояние изученности поставленного вопроса по сравнению, к примеру, с керамическими комплексами, представляет собой довольно жалкую картину. Если КСТМ Крыма (как правило степного) ещё как то публикуются, то по Севастопольскому району таких публикаций нет вообще. Последний раз вопрос о КСТМ из Севастополя был поднят В. А. Городцовым на 2-й конференции археологов СССР в Херсонесе в 1927 г. Однако в докладе В. А. Городцова лишь упоминается о наличии находок этой категории среди материалов энеолита-бронзы: «Среди каменных орудий Гераклейского п-ова имеются *топоры, молоты* (курсив автора - М.С.), ножи, копья,.. ». При обмене мнениями по докладу было упомянуто, что находки из Херсонеса и с Гераклейского полуострова рассредоточены кроме Херсонесского музея и в Одессе, и в ГИМе (Городцов 1927: 45–46). Что могло произойти с этими находками за минувшие 80 лет остается гадать, не теряя надежды.

В настоящей работе представлены 10 целых и 35 фрагментированных КСТМ, найденных в разное время в Севастополе или его окрестностях. В настоящее время они хранятся в фондах НЗХТ, музея школы № 31 и частных коллекциях. Выборка пока достаточно ограниченная, но, тем не менее, дает общее представление о наборе основных типов КСТМ бытовавших в эпоху палеометалла на территории Севастопольского района.

Среди представленных в работе КСТМ выделяется несколько основных типов с их разновидностями. Всех их можно разделить на две группы — топоры с массивным телом и образцы грацильных форм с удлиненным телом стройных пропорций, которые возможно именовать также каменными чеканами. Каменные чеканы близки между собой, заметно отличаясь от остальных, более многочисленных КСТМ обычных видов, которые представляют заметно большее разнообразие форм с выраженными индивидуальными особенностями.

Каменные чеканы в выборке представлены двумя целыми образцами и 6 фрагментированными (Рис. 1). Большая часть из них имеет боковые выступы против сверловины — щёки. У двух целых экземпляров они симметричны (Рис. 1,1–2), три бойковые (обушные) части могут быть реконструированы и как «амфоровидные» в плане КСТМ (Рис. 1,6–8), подобно ямному топорiku из Алкалии к.5 п. 6 (Субботин, 2003:71, 194) (Рис. 1,9), две другие бойковые части (Рис. 1,3,5) имеют более простую форму, при реконструкции

дающую сильно вытянутый усеченный ромб. Такую форму можно даже назвать архаичной, хотя это может быть связано с технологическими особенностями, в частности желанием мастера сократить трудозатраты на их изготовление, внешне они схожи с каменными топорами трипольской культуры (Карбун, Бернашевка, Окопы и т.п.), однако имели, скорее всего, топовидный клин. Наличие архаических по виду КСТМ подсказывает достаточно раннюю датировку каменных чеканов этого вида. Однако найденный в 2007 г. сотрудником НЗХТ А. А. Филиппенко фрагмент КСТМ, являющийся клиновидной частью топорика бородинского типа упрощенной формы (Рис. 1,4), дает верхнюю границу бытования такого типа КСТМ эпохой средней бронзы. Клиновидная часть изготовлена из такого же серо-зеленого камня, как и подавляющая масса уже упомянутых изделий, по стилю и качеству обработки ничем от них не отличается. Это может говорить об их местном производстве на протяжении довольно длительного временного интервала. Таким образом эти КСТМ могли изготавливаться равно как представителями ямной и катакомбной культур, а также культуры многоваликовой керамики средней бронзы.

Исключительно катакомбной культуре принадлежат две бойковые части небольших ромбовидных топориков (Рис. 2). Их характерными чертами являются укороченные пропорции и общая массивность форм при довольно скромных размерах, немногим превышающих 10 см. Топорик на рис. 2.1 является полным аналогом КСТМ из Круглой Могилы к.8 п. 5 — погребения катакомбника (Kaiser 1999: 176, abb. 68.2). КСТМ с г. Аю-Кая (Рис. 2,3) имеет более простые формы, но так же тщательно отполирован, изготовлен он из крупнозернистого гранита серо-белого цвета.

Еще одним типом КСТМ, могущим иметь отношение к катакомбной культуре, являются каменные топоры с коротким бойком, так называемые «короткообушные». В подборке он представлен одним экземпляром — заготовкой без сверления (Рис. 3,1). Он имеет близкую аналогию из катакомбного погребения Приморское Килийского р-на Одесской обл. (Чеботаренко, Черников, Тошев 1993: 49–50 б рис. 2.18) (Рис. 3,2). Катакомбные КСТМ с коротким бойком имеют округлое сечение и плоское брюшко. Вероятно, к этому же типу относится заготовка КСТМ из фондов НЗХТ (Рис. 3,3), имеющая такое же поперечное сечение. Бойковая часть у нее не обработана, и потому все изделие имеет в плане каплевидную форму.

Достаточно распространенным для Севастопольского района является усеченно-челночный тип КСТМ, который также широко распростра-

нен на значительных пространствах Европы среди самых различных культурных групп. Это объясняется в первую очередь простотой технологии изготовления. Форма этих КСТМ может быть оживальной или иметь некоторый излом в самой широкой части, сближаясь с усеченно-ромбической (Рис. 4). Близкие им аналоги известны из погребений ямной культуры Светлый к.9. п. 26, Пуркары к.1 п. 35 (Субботин, 2003: 72, 74, 195, 198) (Рис. 4.6–7). Среди подборки интересны два экземпляра клиновых частей, найденных на поселении Сарандинакина балка (Рис. 4.1–2). Обе они снабжены продольным ребром по спинке, причем второй из них является вотивом из плотного известняка, по всей видимости, подвергшимся действию огня о чем говорят многочисленные мелкие трещины на поверхности. Сечение этих КСТМ может быть как округлым, так и уплощенным (Рис. 4.8–9). К такому же типу могут быть отнесены фрагменты КСТМ, имеющих более крутые обводы (рис. 7.1–3; 8.5) и их аналоги (Рис. 7.4–5). Объединяющим признаком данной группы усеченно-челночного типа является равномерность высоты тела топора, либо же высота клина по лезвию может быть меньше общей высоты тела (Рис. 7.2).

Близкую в плане форму имеет еще одна группа КСТМ, представленная в подборке двумя обломками клиновых частей. Наличие сегмента сверловины позволяет довольно точно воссоздать их внешний вид (методы графической реконструкции КСТМ по фрагментам будут изложены в отдельной работе) (Рис. 5.1–2), благодаря наличию очень схожих аналогов из ямных памятников (Рис. 5.3–4). К их общим признакам относятся практически круглое сечение и характерная вогнутость брюшка, образующая расширенный книзу клин.

В Севастопольском районе присутствуют находки КСТМ близкого типа, относящиеся к другой группе. В сущности эти КСТМ являются как бы гибридом между обычными усеченно-челночными и усеченно-челночными с расширяющимся клином. Здесь их определение облегчается наличием двух абсолютно целых образцов (Рис. 6.1–2) и одного с незначительно поврежденным клином (Рис. 6.4).

Их выделение в отдельную группу связано с характерной, не имеющей прямых аналогий, особенностью — очень массивным призматическим бойком, часто близким по форме к параллелепипеду. Сечение почти всегда близко к прямоугольному (Рис. 6.3,5) либо же имеет по меньшей мере три уплощенные грани — боковины и брюшко (Рис. 6.6). Один из этих КСТМ обнаружен на пос.

Дергачи на окраине города (Рис. 6.1). Еще один фрагмент данного вида находится в частной коллекции, который в силу ряда причин отфиксировать не удалось. С этого же поселения происходит уже упомянутый фрагмент сходного вида (Рис. 5.2).

Такое же прямоугольное сечение имеют два фрагмента бойковой части КСТМ из фондов НЗХТ (Рис. 5.5; 7.6). У обоих изделий рабочая поверхность бойка разрушена. Однако первый из них при реконструкции дает тип подромбического КСТМ с выделенным бойком, очень схожий с аналогом из ямного погребения Буторы I к.1 п. 3 (Субботин, 2003: 74, 197) (Рис. 5.6). Второй отнесен к данному виду предположительно, поскольку имеет заваленные внутрь боковые стенки (рис. 7.6), в то же время он может быть ромбического вида.

Среди хранящихся в фондах НЗХТ фрагментов КСТМ есть один, который возможно отнести к типу так наз. «лопастных», благодаря мощному выступу нижней части клина, идущему до сверловины (Рис. 7.7). Однако по пропорциям и ряду других характеристик классическим лопастным топором он не является. На иллюстрации дана его предположительная реконструкция.

В окрестностях Севастополя нередко находки весьма крупных топоров-молотов той же усеченно-челночной формы с различными вариантами соотношения размеров. Среди них имеется один целый экземпляр из Балаклавской долины (Рис. 8.1) и несколько фрагментов в виде клиновых или бойковых частей (Рис. 8.2–4; 9.1–2). Изделие на рис. 1.1 имеет близкий аналог из фондов НЗХТ (Рис. 1.3). Они выполнены из одинакового серозеленого камня, на клиновых частях видны дуговидные вертикальные ребра — следы поэтапного формирования клина. Оба имеют почти круглое сечение. Тщательность отделки и отсутствие следов сработанности предполагает их принадлежность к категории оружия, несмотря на значительную массу. Образец из Балаклавской долины весит 2300 г. Подобной же тщательностью отделки отличается бойковая часть из НЗХТ (Рис. 9.2) — при еще больших относительных размерах.

Напротив, клин КСТМ, найденный на перевале Беч-Ку на границе Байдарской долины и Богатого ущелья, выполнен достаточно грубо из крупнозернистого шершавого камня темно-серого цвета (Рис. 8.4). Вероятно он мог служить при горных работах. Судя по характеру сколов он был разбит одним мощным ударом по твердому препятствию. Из того же материала выполнена бойковая часть из под с. Флотское Балаклавского района (Рис. 8.2). Очень похожа на нее еще

одна затылочная часть КСТМ, но более тщательно отделана, сверление выделено выступающей втулкой (Рис. 9,2). У обоих фрагментов общая деталь — ударная поверхность бойка (обуха) близка к сферической форме.

Среди набора КСТМ из Севастополя есть также два образца, представляющие собой каменные молотки, изготовленные из природных камней подходящей формы (Рис. 10). Изготовление таких орудий требовало минимальной квалификации. Самой трудоемкой операцией было сверление, занимавшее по разным экспериментальным данным от 8 до 40 человеко-часов. После минимальной шлифовки орудие было готово. Изготовление таких примитивных орудий можно объяснить отсутствием достаточного числа мастеров по обработке камня, из-за чего просто не покрывалась потребность в изделиях подобного рода.

К хронологически наиболее поздним, вероятно, относится клин КСТМ из экспозиции античного отдела НЗХТ (Рис. 11,1). Он изготовлен на весьма высоком уровне из черного камня и превосходно отполирован. Аналоги ему находятся среди донецких находок (Археологический альманах 1993: 25, 27, 112, 114, 117, 119, 123) (Рис. 11,2–3). Их характерной особенностью является симметричное сегментовидное лезвие. Как наиболее вероятную реконструкцию автор принимает зауженную форму бойковой части, исходя из облика очень близкого целого экземпляра с асимметричным лезвием (Рис. 11,4). Как дальнейшее развитие этого типа КСТМ можно привести каменный чекан срубной культуры (Археологический альманах 1993: 29, 121, рис. 126) (Рис. 12,5). Он также имеет симметричное сегментовидное лезвие и канеллированную спинку клина с продольной нервюрой. Севастопольский КСТМ этого типа принадлежит, судя по всему, к более раннему периоду: культуре многоваликовой керамики или раннесрубной культуре.

Анализируя приведенную подборку можно

сделать следующие выводы. Во времена существования в Крыму и, в частности, на территории Севастопольского района племен ямной, катакомбной культур и культуры многоваликовой керамики, КСТМ имели самое широкое распространение, что говорит о совсем не безоблачном существовании населения той эпохи, по всей видимости не очень склонного к миролюбию.

Наличие широкого спектра разновидностей этого типа оружия служит подтверждением вышеизложенного. На примере каменных чеканов просматривается четкая преемственность типов и линия их развития, выведенная В. И. Клочко (Klochko 2001: 188–189, fig. 76). Вместе с этим можно говорить о тесных контактах не только военного характера между различными этнокультурными группами. Налицо взаимопреemptственность и развитие отдельных типов. Однако можно утверждать, что Севастопольский район, находясь в стороне от главных дорог, являлся как бы накопителем, где оседали разнообразные типы КСТМ, многие из которых наверняка изготавливались не здесь. Об этом говорит достаточное число относительно простых, а то и примитивных типов КСТМ, вроде образцов с пос. Дергачи или чеканов архаичных форм. Этот факт в свою очередь подтверждает предположение о недостатке квалифицированных мастеров-камнеобработчиков.

В целом, тема каменных топоров-молотков требует дальнейшей разработки. В частности по Севастополю есть возможности расширить значительно приводимую выборку как результат дальнейших исследований в фондах НЗХТ, что даст возможность делать более четкие выводы и обобщения. Конечной целью данной работы видится создание свода КСТМ, который должен способствовать облегчению идентификации памятников энеолита-бронзы и прояснить многочисленные вопросы относительно военного дела племен этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологический альманах 1. — Донецк, 1993.
 Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. — Севастополь, 1927.
 Молева Н. В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора. *АМА* 11. — Саратов, 2002
 Полідович Ю. Б., Цилідаков В. В. Кам'яна сокира в пам'ятниках зрубної культурно-історичної спільності. *Археологія* 2. — 1995.
 Санжаров С. Н. Каменные сверленные топоры молотки Донбасса. *РА* 3. — 1992.
 Ступко М. В. Каменные сверленные топоры- молоты в системе ямно- катакомбных памятников Крыма. Уч. архив КГУ, — Ялта, 2007.
 Субботин Л. В. Орудие труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. *Материалы по археологии Украины*. — Одесса.
 Klochko V. I. Weaponry of societies of the Northern-Pontic culture circle: 5000–700 BC. *Baltic-Pontic Studies* 10. — 2001.

М. В. Ступко

НАХОДКИ КАМЕННЫХ СВЕРЛЕННЫХ ТОПОРОВ — МОЛОТКОВ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена каменным сверленным топорам-молоткам, найденным в разное время в Севастопольском административном районе. Для указанного региона данная тема поднимается впервые. Даже сравнительно небольшая выборка образцов подобного оружия указывает на существование на территории города Севастополя различных этнокультурных групп древнего населения в период ранней и средней бронзы, таких, например, как Ямная и Катакомбная культурно-исторические общности, культура Бабино (КМК) и Срубная культура на ранней стадии. Практически все северопонтийские культуры периода палеометалла использовали каменные топоры-молотки в качестве оружия. Дана общая характеристика и типологическая классификация пред-

ставленных образцов. Исследована возможность использования каменных топоров-молотков в качестве культурно-хронологических индикаторов. Поставлена проблема связи топоров-молотков с комплексами оружия эпохи палеометалла в целом. Автором показана необходимость более детального изучения данной категории оружия и создания в будущем общего свода каменных топоров-молотков Крыма и Украины. Типологические ряды каменных топоров-молотков могут быть использованы исследователями при интерпретации комплексов и подобных находок, принадлежащих описанной эпохе.

В целом, статья представляет собой предварительное сообщение.

М. В. Ступко

ЗНАХИДКИ КАМ'ЯНИХ СВЕРДЛЕНИХ СОКИР — МОЛОТКІВ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ АДМІНІСТРАТИВНОМУ РАЙОНІ.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена кам'яним свердленим сокирам-молоткам, знайденим у різний час в Севастопольському адміністративному районі. Для вказаного регіону дана тема підіймається вперше. Навіть порівняно невелика вибірка зразків подібної зброї доводить існування на території міста Севастополя різних етнокультурних груп стародавнього населення в період ранньої і середньої бронзи таких, наприклад, як Ямна і Катакомбна культурно-історичні спільності, культура Бабино і Зрубна культура на ранній стадії. Практично всі північнопонтійські культури періоду палеометалу використовували кам'яні сокири-молотки як зброя.

Дана загальна характеристика і типологічна класифікація представлених зразків. Досліджена можливість використання кам'яних сокир-молотків як культурно-хронологічні індикатори. Поставлена проблема зв'язку сокир-молотків з комплексами зброї епохи палеометалу в цілому. Автором показана необхідність більш детальної розробки даної категорії зброї і створення в майбутньому загального зведення кам'яних сокир-молотків Криму і України. Типологічні ряди кам'яних сокир-молотків можуть бути використані дослідниками при інтерпретації комплексів і подібних знахідок, що належать описаній епосі.

В цілому, стаття є попереднім звітом.

M. Stupko

FINDS OF STONE DRILLED AXE-HAMMERS AT SEVASTOPOL AREA

SUMMARY

This article deals with the set of stone drilled hammer-axes which were found at different times at Sevastopol area. It is the first time this question arises relating to this region. Even the comparatively small set of these weapons give the picture that proofs the existence of various ethnic-cultural groups of ancient population at Sevastopol territory in halcolithic-bronze age such as Yamnaya and Catacombnya historic-cultural societies, Babino culture and Srubnaya culture on early stage. Practically all Northern Pontic cultures of paleometallic time which had stone hammer-axes as arms.

General characteristic and typological classification of the samples are given. The

possibility of using stone hammer-axes as the culture-chronological indicators is investigated. The issue of connection of hammer-axes with weapon complexes of paleometallic epoch was raised. The necessity of more detailed research of such category of weapons and creations of general vault of stone hammer-axes for Crimea and Ukraine in future is highlighted by the author. Typological rows of this stone hammer-axes can be used by researchers while interpreting complexes and associated finds which belong to the describe epoch.

As a whole this article is the preliminary report.

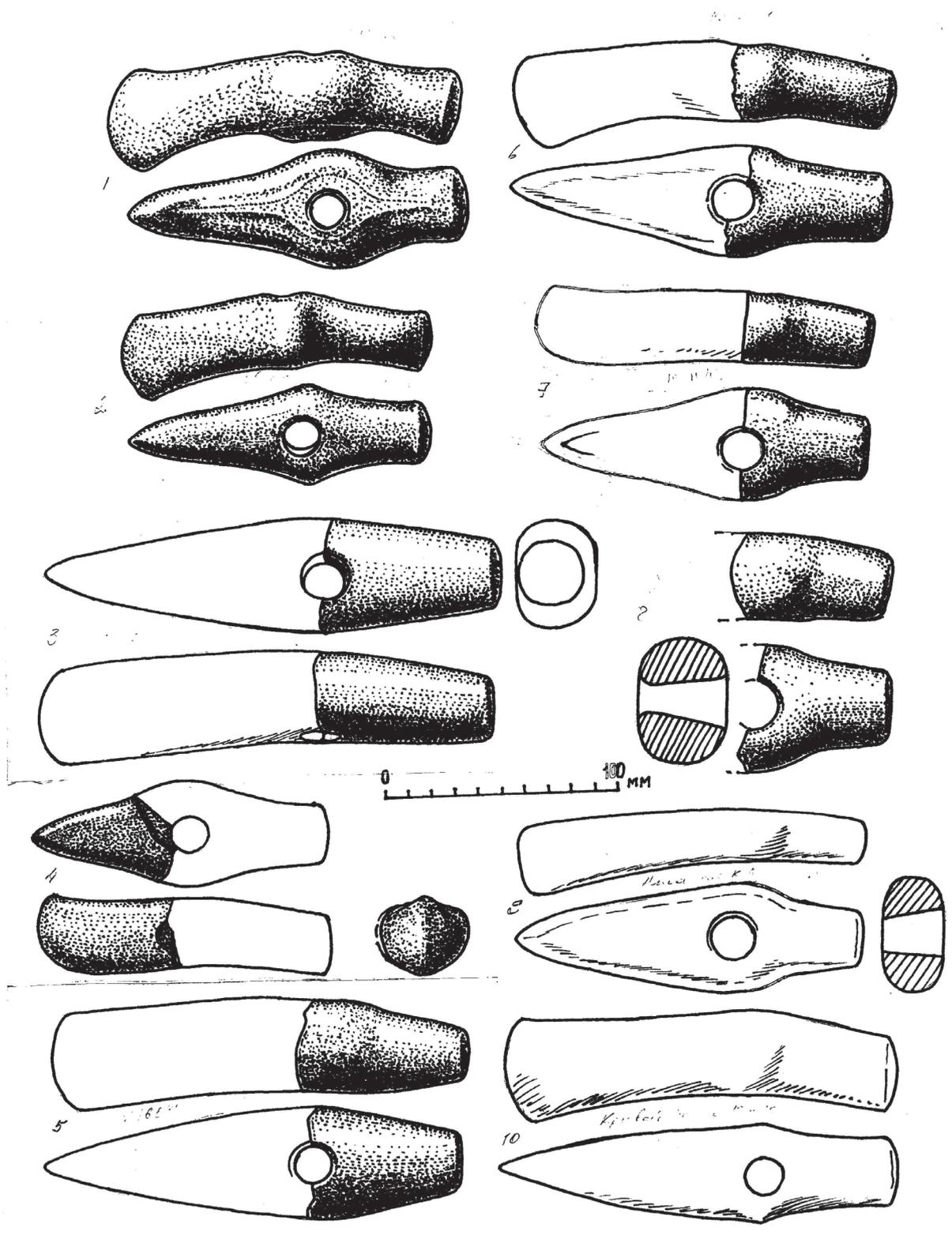

Рис. 1: 1. Севастопольский район, случайная находка; 2. Северный склон Бельбекской долины, захоронение в каменном ящике; 3. Фонды НЗХТ № 16540; 4. Западнее с. Оборонное (Камары); 5. Фонды НЗХТ №16531; 6. Гераклейский полуостров, усадьба надела № 1, раскопки Николаенко Г. М.; 7. Гераклейский полуостров, усадьба надела №43; 8. Севастопольский район, с. н.; 9. Алкалия к. 5 п. 6; 10. Кривой Рог к. 10 п. 10.

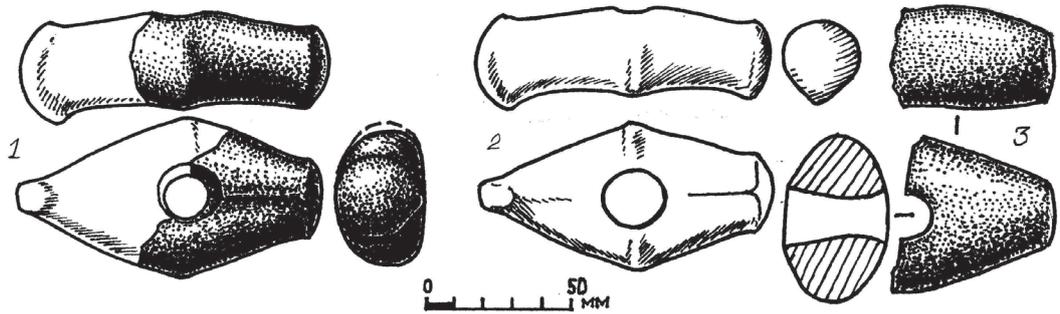

Рис. 3

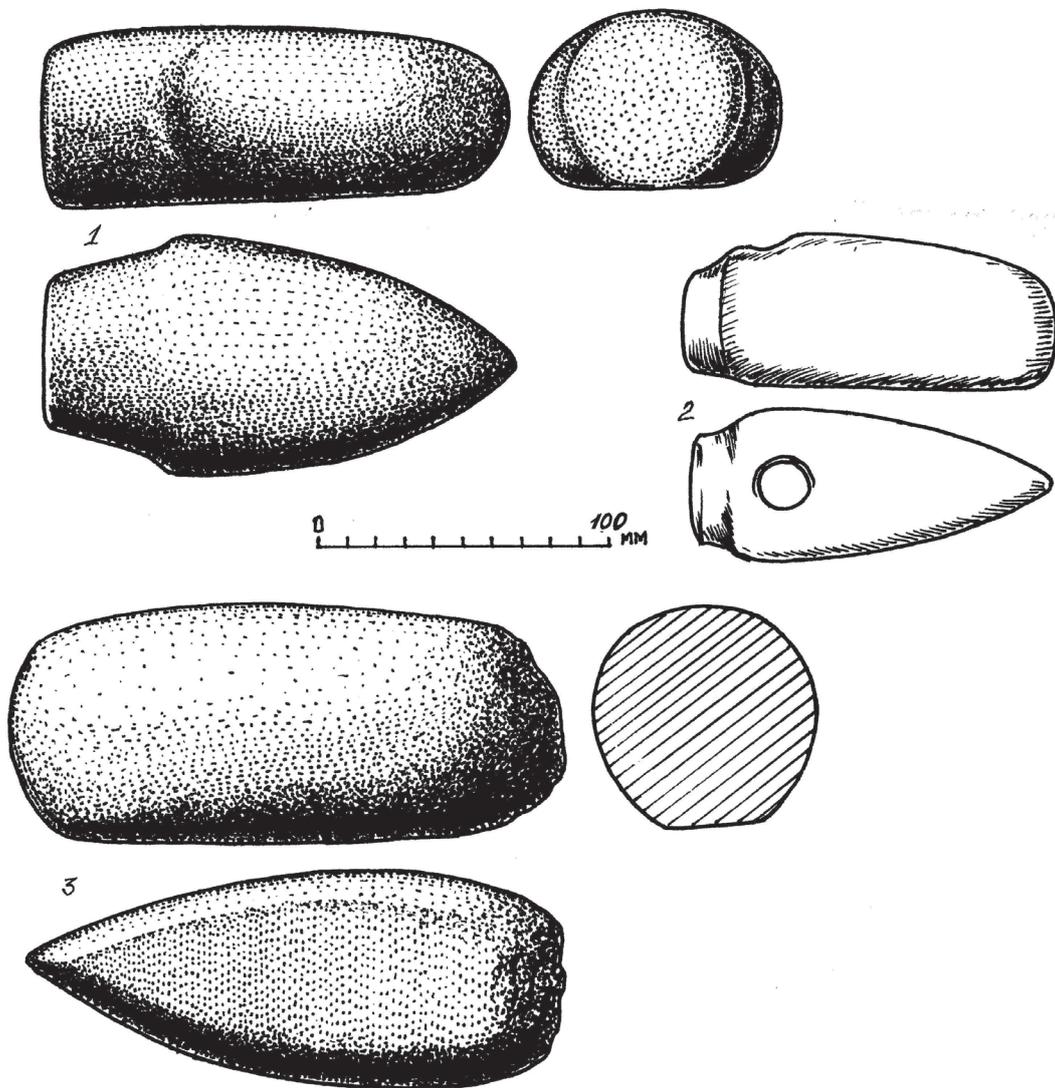

Рис. 2: 1. Севастопольский район, с. н.; 2. Круглая Могила к.8 п. 5; 3. г. Аю-Кая, Балаклавский район

Рис. 3: 1. Севастопольский район, античный отдел НЗХТ; 2. Севастопольский район, фонды НЗХТ; 3. Приморское Килийского района Одесской области, катакомбная культура

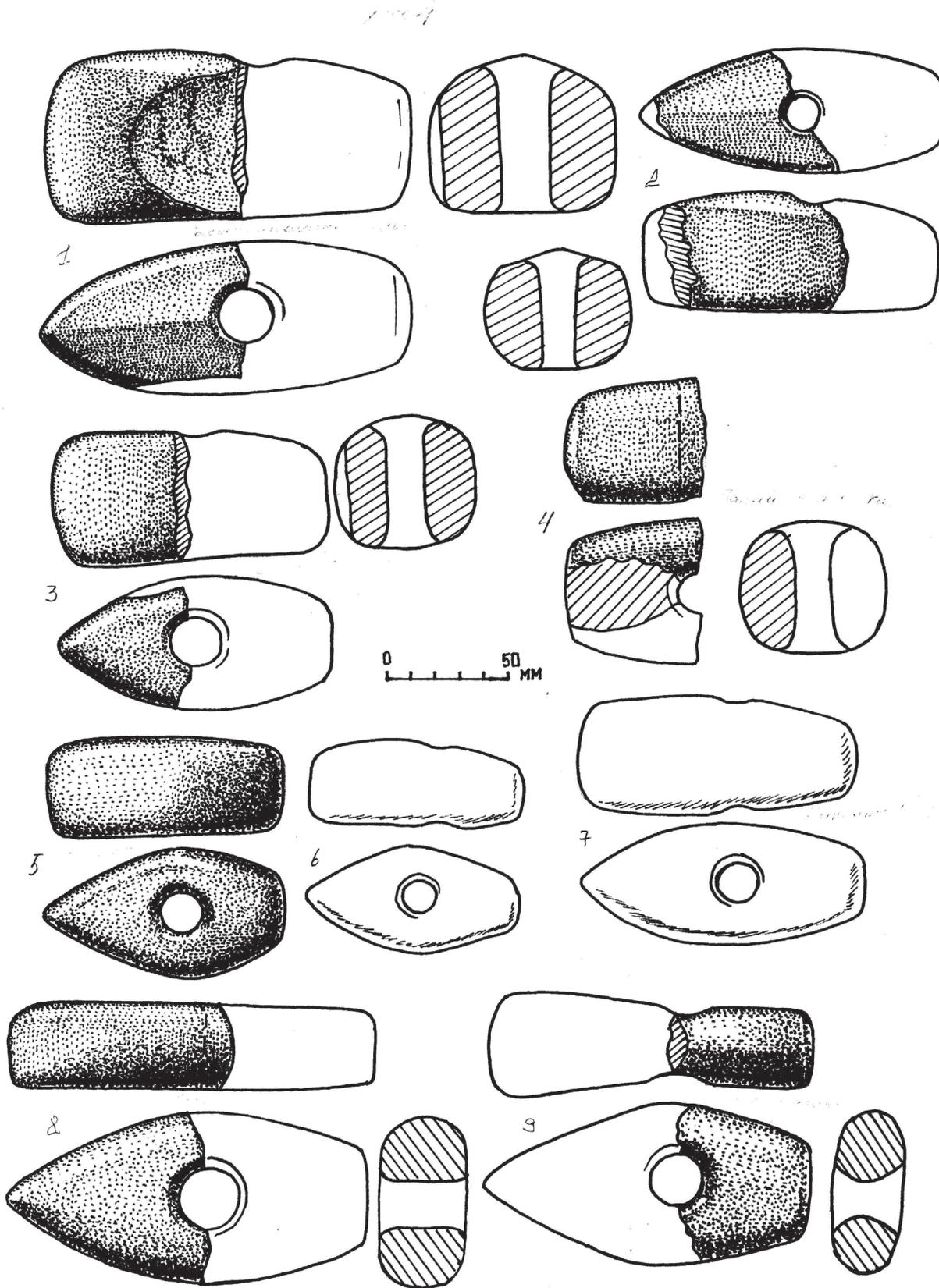

Рис. 4: 1-4. Поселение Сарандинакина балка, Севастополь; 5. Севастопольский район, с. н.; 6. Светлый к. 9 п. 26, ямная культура; 7. Пуркары к.1 п.38, ямная культура; 8. Фонды НЗХТ; 9. Поселение Сарандинакина балка.

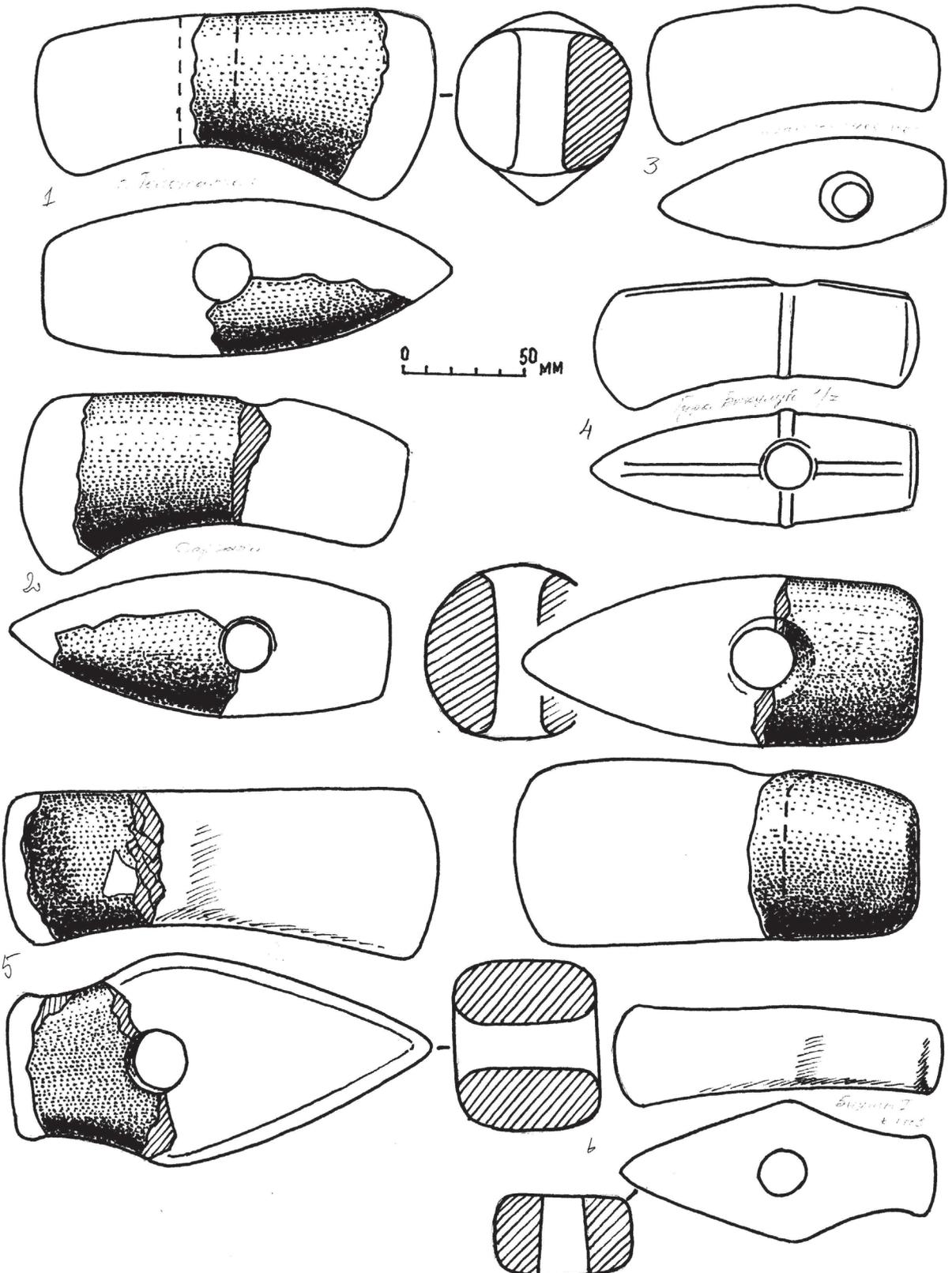

Рис. 5: 1. г. Телеграфная, западный отрог; 2. пос. Дергачи; 3. Михайловское поселение, ямная культура; 4. Гура-Быкулуй к.1 п.7, ямная культура; 5. Бойковая часть, фонды НЗХТ, из коллекции Шпака; 6. Ямная культура, Бурты I к.1 п.3, Одесская область; 7. Севастопольский район, фонды НЗХТ.

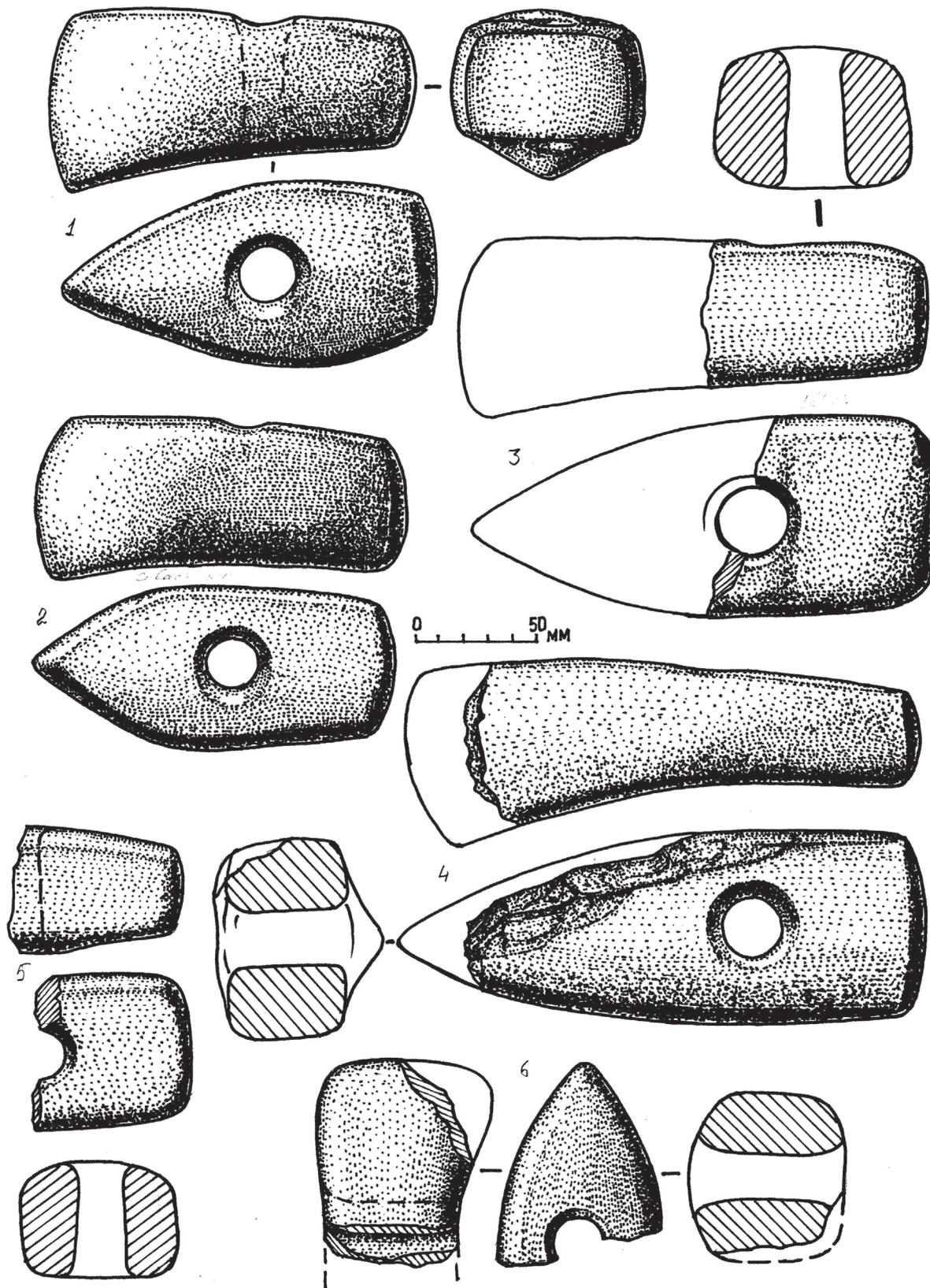

Рис. 6: 1. пос. Дергачи; 2. Фонды НЗХТ, предположительно пос. Дергачи; 3. Фонды НЗХТ №16525
4-6. Фонды НЗХТ.

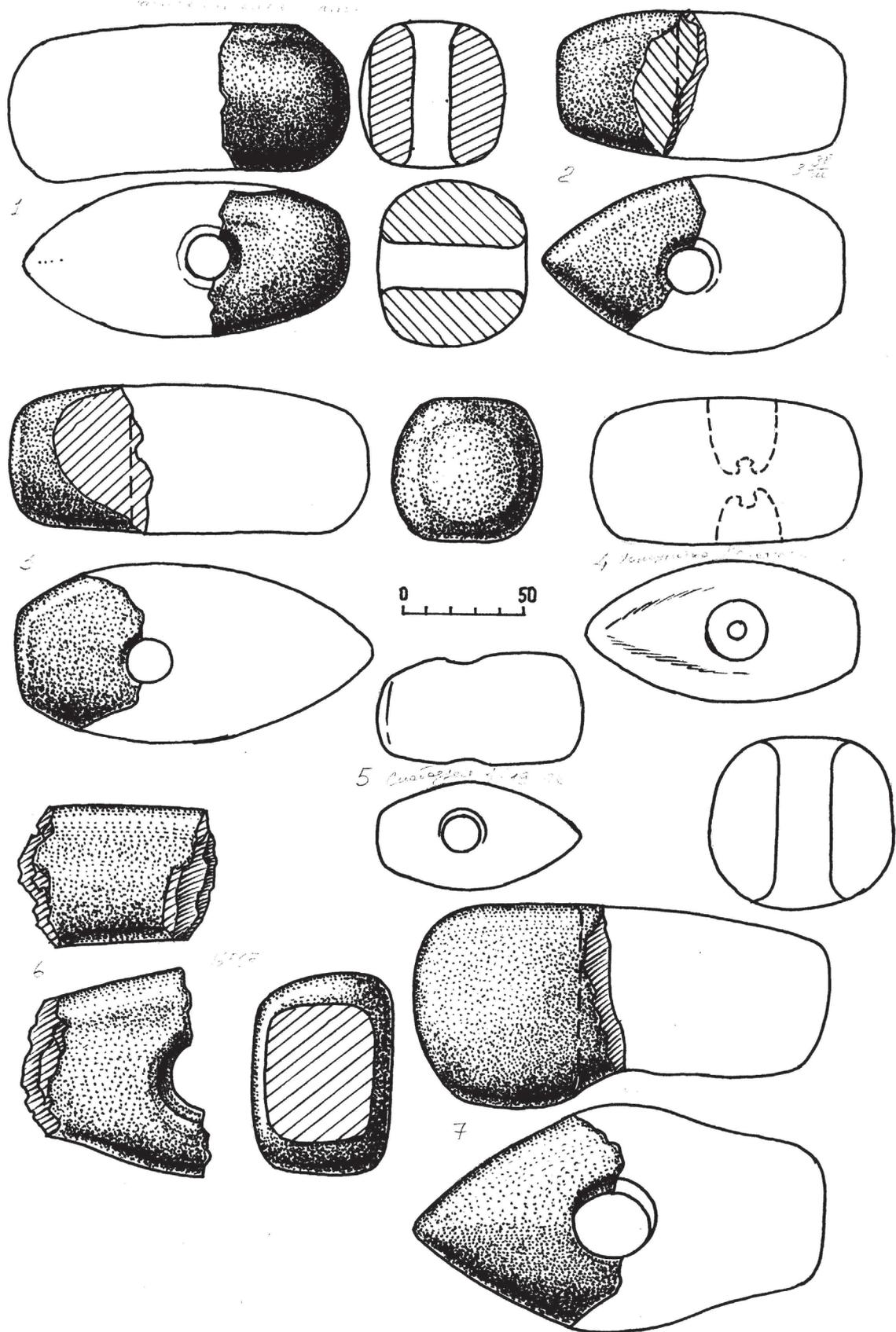

Рис. 7: 1. Сарандинакина балка; 2-3. Фонды НЗХТ; 4. Хомутовка, Новоазовский район Донецкой области, с. н.; 5. Слободзея к.1 п.19, ямная культура; 6. Фонды НЗХТ №16527; 7. Фонды НЗХТ №16528

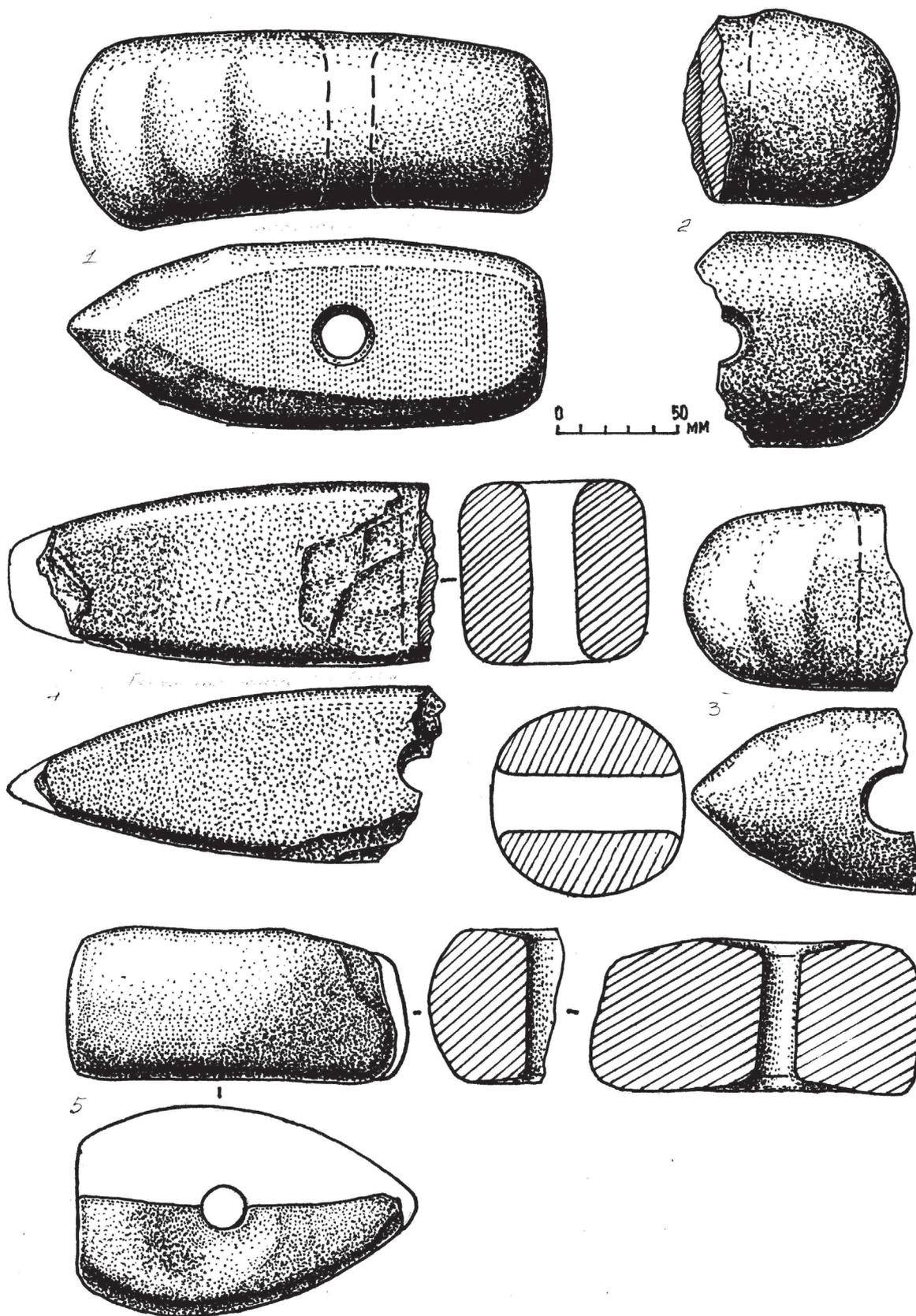

Рис. 8: 1. Балаклавская долина; 2. Карань, Севастопольский район; 3. Севастопольский район, фонды НЗХТ; 4. Байдарская долина, пер. Беч-Ку (Кабаний); 5. г. Кымыр-Кая.

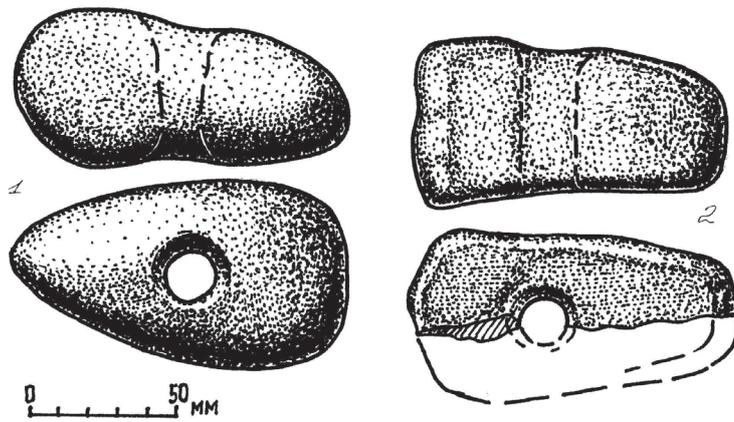

Рис 9

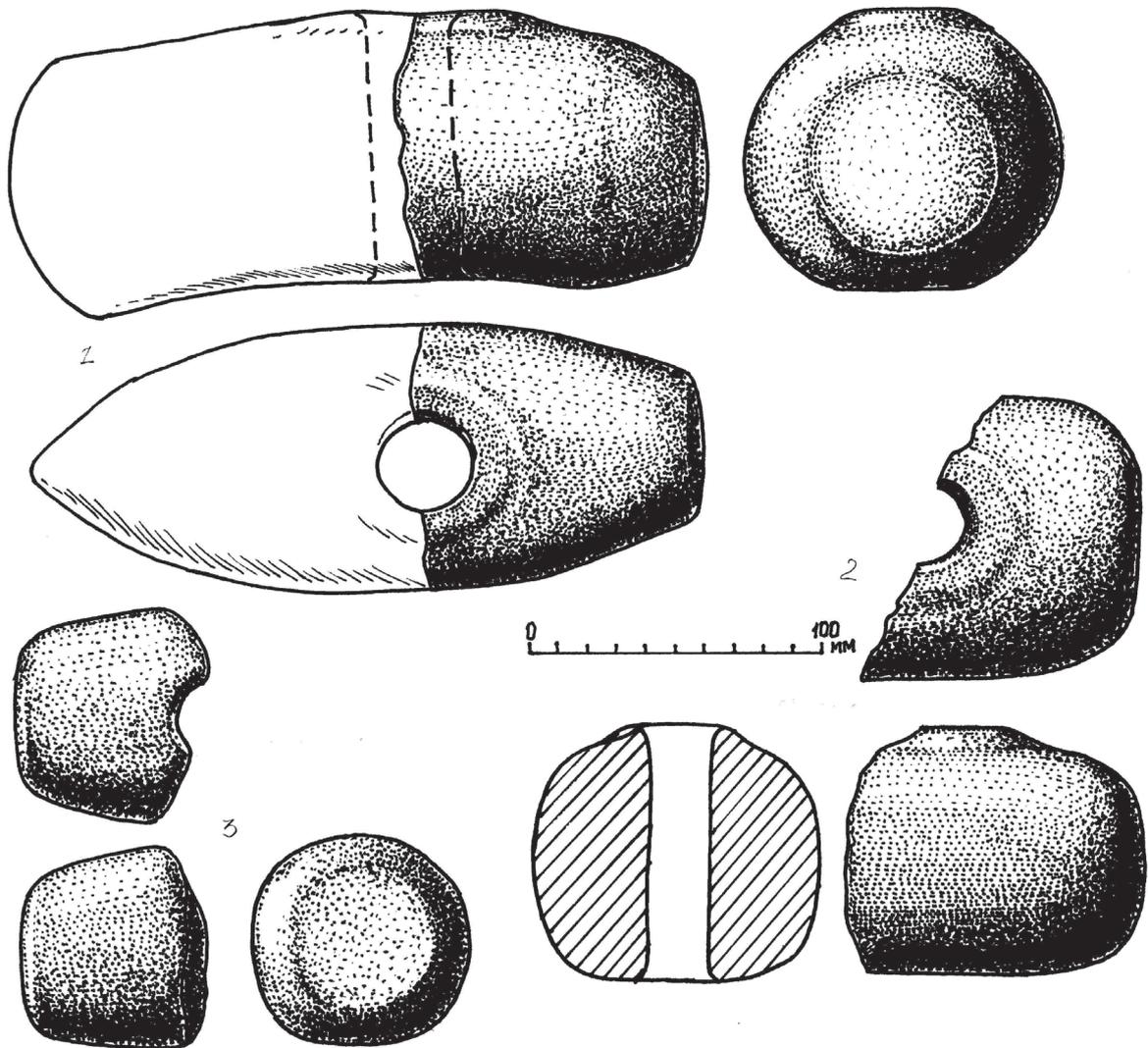

Рис. 9: 1. Фонды НЗХТ №16524; 2. Севастопольский район; 3. Бельбекская долина, вост. Сонного кладбища.
Рис. 10: 1. пос. Дергачи; 2. Севастопольский район

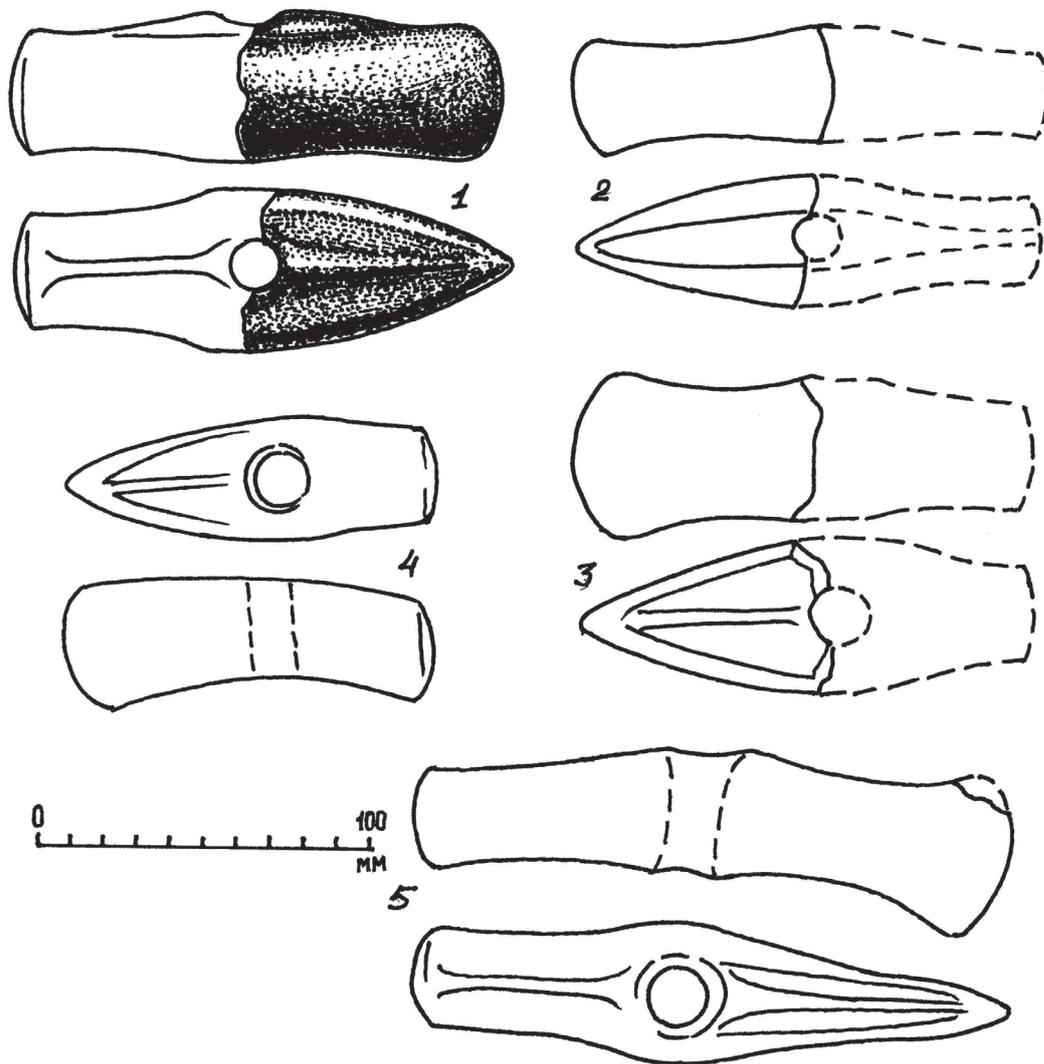

Рис. 11: 1. Севастопольский район, с. н. (эсп. Античного отдела НЗХТ); 2. Провалье Свердловского района Луганской области, с. н. ; 3. Волноваха Донецкой области; 4. Ольховатка, Енакиевский г/с; 5. Петровское, Волновахский район.

Е. Я. ТУРОВСКИЙ

О ВЫПУСКАХ МОНЕТ ХЕРСОНЕСА В РИМСКУЮ ЭПОХУ

Несмотря на достаточно большую историографию по проблеме периодизации монетного дела Херсонеса в римскую эпоху, вопросов остается достаточно много. Хочу отметить, что эти вопросы носят во многом схоластический характер. Определение всего периода от подчинения Херсонеса Митридату до получения городом элевтерии при императоре Антонине Пии термином «боспорское влияние», как это делает В. А. Анохин, вряд ли правомерно (Анохин 1977: 55). Период прямой зависимости Херсонеса от Митридата — это период подчинения города Понтийскому царству, Боспор здесь не причем. Отдельные похожие элементы в синхронных херсонесских и боспорских монетах этого времени определялись общим первоисточником — монетными выпусками городов Понтийского царства. Перманентно повторяемые периоды опеки Боспора над Херсонесом — результат политики Рима, определявшего политический расклад в регионе. В любом случае, монетное дело в Херсонесе осуществлялось местной администрацией и отражало, прежде всего, ее проримскую направленность. На мой взгляд, логичнее было бы весь большой этап в истории Херсонеса и, соответственно, в его монетном деле от гибели Митридата до ухода римлян из Херсонеса в III в. называть римской эпохой.

Известно, что время после гибели Митридата — одно из самых темных в истории города. После поражения Митридата в его борьбе с Римом и его гибели Херсонес оказался в зависимости от боспорских правителей. Первый после гибели Митридата выпуск, как убедительно показал В. А. Анохин, был осуществлен, скорее всего, в годы правления царя Фарнака (63–47 гг. до н. э.) (Анохин 1977: 60). Это крупная медная монета (обол) с изображением мужской головы и Девы с копьем и луком (Рис. 1). В портрете на аверсе монеты, скорее всего, можно видеть самого царя. Портретные черты персонажа на херсонесском обеле и на царских монетах весьма схожи.

Смерть Фарнака, разбитого солдатами Цезаря под Зелой, на короткое время вернула Херсонесу независимость. А. В. Орешников выдвинул ги-

потезу, принятую другими исследователями, что за разгромом Фарнака последовала «первая элевтерия», которую город получил от Цезаря в 45 г. до н. э. (Орешников 1922). Свобода (по-гречески — элевтерия) явилась плодом долгих дипломатических усилий Херсонеса. Возможно, что получение элевтерии было связано с посольством в Рим херсонесита Гая Юлия Сатира сына Теагена (IOSPE, I², № 691). Очевидно с получением элевтерии в городе был восстановлен политический режим, существовавший до его подчинения Митридату. Возвращение прежней независимой жизни, очевидно, было воспринято жителями Херсонеса с восторгом. Около этого года был осуществлен выпуск, запечатлевший столь славное событие в истории полиса. Речь идет о выпуске медных обол, имеющих две разновидности: первая имеет надпись ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡΣΟΝΗΣ, изображение бодающего быка на аверсе и Деву, поражающую лань и монограмму ΠΑΡ на реверсе; вторая представлена монетами с теми же типами, меняющимися местами: на аверсе Дева с ланью и надпись ΧΕΡΣ ΕΛΕΥ, на реверсе — бык и имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ (Рис. 2).

На обеле второй разновидности в последний раз в монетной практике Херсонеса в легенде монеты появляется личное имя монетного магистрата. Думается, что сам этот монетный выпуск был наполнен для херсонеситов глубоким символизмом и смыслом: типы аверса и реверса дают два наиболее популярных сюжета полисных монет эпохи независимости, которые, очевидно, выступали в качестве городских гербов (παράσιμων).

Период первой элевтерии не был продолжительным. Скорее всего, Август не подтвердил полученный от Цезаря статус Херсонеса и он вновь был отдан под контроль Боспора. Можно предполагать, что особенно сильно притеснения прав автономии в Херсонесе происходили при правлении на Боспоре Асандра. Вероятно, в его правление с некоторых херсонесских монет первой элевтерии были механически удалены легенды, с упоминанием о свободе (Рис. 3).

Данный исторический этап во многом покрыт пеленой неизвестности не только для Херсонеса, но и для Боспора. В период от поражения Фарнака при Зеле в 47 г. до н. э. и до начала междоусобной войны сыновей Аспурга в 45 г. н. э., как в калейдоскопе, правители и правительницы сменяли друг друга на боспорском престоле: Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида, Аспург, Гипепирия, Полемон II, Митридат II, Котис I. Для многих из этих правителей точно неизвестны даже годы их правления (Виноградов 1992: 130).

В Херсонесе очевидно около середины второй половины I в. до н. э. происходит два важнейших события. Первое — изменение общественного строя. Реальным отражением этого факта стало изменение формул декретов, которые стали приниматься не от лица номофилаков и диойкета, а от лица проэдров. Это обстоятельство, по мнению большинства специалистов, свидетельствует об изменении характера политического режима, вероятно, от умеренно-демократического к аристократическому. Такое мнение подтверждает большое число эпиграфических памятников римского времени, где ведущие административные должности из поколения в поколение занимают представители наиболее знатных херсонесских родов.

С изменением политического режима примерно совпадает и второе выдающееся событие — введение городской эры. На мой взгляд, не представляется слишком смелым связать эти два события. Быть может, аристократы, утвердившиеся у власти, решили ознаменовать это выдающееся, на их взгляд, событие введением нового городского летоисчисления. При этом вызывает удивление, что обозначение дат херсонесской эры на монетах появляется спустя более, чем полстолетия, а на декретах еще позднее. Существуют и другие точки зрения относительно введения городской эры в Херсонесе. Например, В. А. Анохин полагает, что введение новой эры в 25/24 гг. до н. э. связано с предотвращением попытки захвата Херсонеса боспорянами, о которой идет речь в новелле Константина Багрянородного о Гикии (Анохин 1977: 74–76). Однако существуют и другие датировки этого события. С. Ю. Сапрыкин настаивает на промежутке между 45 и 40 гг. до н. э. — времени, когда Асандр носил титул архонта (Сапрыкин 1987: 55–56). В. М. Зубарь полагает, что дата этого события лежит между 44 г. до н. э. (смерть Цезаря) и 31 г. до н. э. (битва при Акции) (Зубарь 1987: 122).

Херсонесские монеты в период между монетами «первой элевтерии» и монетами с годами

херсонесской эры представлены рядом медных выпусков, точно разделить которые хронологически достаточно проблематично. На мой взгляд, их следует датировать суммарно временем от 44 г. до н. э. до 45 г. н. э. Разделить эти монеты можно только на две большие группы: первая имеет на аверсе изображения богов (Девы, Зевса), вторая — стилизованный портрет римского императора. Мнение о том, что на монетах второй группы изображено городское божество — Херсонас, основано на недоразумении, поскольку еще А. В. Орешников доказал женскую природу этого божества, а на монетах явно мужские портреты (Орешников 1918: 145).

На заключительном этапе периода в Херсонесе осуществляется, по крайней мере, два выпуска серебряных монет, по-видимому, по стандарту римских денариев (Рис. 4). Однако эти выпуски не прижились и вскоре, по-видимому, были изъяты из обращения. На одном из этих херсонесских денариев, по мнению В. А. Сидоренко, обозначен год херсонесской эры (Сидоренко 2001: 437). Если это так, то серебряные монеты можно считать переходным звеном к монетам с датами.

Если об абсолютных датах внутри данной хронологической группы монет, как уже отмечалось, говорить не приходится, то относительную хронологию выпусков построить можно. Такую работу в свое время проделал В. А. Анохин (1963: 3–88) и его выводы в значительной степени продолжают сохранять актуальность.

Судя по всему, в начале группы должны располагаться монеты с изображением головы Девы на лицевой стороне и кадуцея на оборотной (Рис. 5). Рядом с кадуцеем монограмма имени Девы. Эти монеты имеют надчеканку «звезда и полумесяц». К слову, возможно, что надчеканка появилась на монете уже в годы правления боспорской царицы Динамии (21–17 гг. до н. э.), на золотых монетах которой звезда и полумесяц были монетным типом реверса (Анохин 1986: № 257). По-видимому, за монетами с кадуцеем следует разместить выпуск, который, как и предыдущий, стоит особняком среди прочих. На аверсе голова Зевса, а на реверсе пучок молний. На этих монетах, как правило, имеется надчеканка «монограмма имени Девы» того же вида, что и на монетах предыдущего выпуска (Анохин 1977: № 203).

Как уже отмечалось, практика обозначения на монетах года херсонесской эры утвердилась только 70 лет спустя после принятия самой эры. Самый ранний золотой статер (Анохин 1977: № 215) датирован 71 г. х. э. (47 г. н. э.). По-видимому, следует признать правоту тех исследо-

вателей, которые связывают выпуск Херсонесом золотых статов при Клавдии с активной ролью города в его борьбе против Митридата VIII на стороне Рима. Позиция Херсонеса в этом конфликте была достойно оценена римскими властями и привела к изменению статуса города. По-видимому, прав В. А. Анохин, полагающий, что после римско-боспорской войны Рим признал существование трех важных государственных образований в Северном Причерноморье: Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии. Право чеканки золота служило как бы регалией такой самостоятельности (Анохин 1977: 77–78).

К слову, уникальные выпуски херсонесского серебра (денариев) осуществлялись также в годы правления Клавдия. Можно отметить и такой интересный момент: художественные достоинства монетных штемпелей в римскую эпоху значительно ниже, чем в эпоху независимости Херсонеса. Только некоторые варианты медных монет имеют изображение, отображающее портретные черты императора Клавдия (Рис. 6), остальные дают некое обобщенное выражение образа императора как такового (Рис. 7).

Выпуск датированных монет, очевидно, отражает изменения в отношении римских властей к Херсонесу. При императоре Клавдии золотые и медные монеты с годами херсонесской эры выпускались достаточно регулярно. При Нероне город лишается права чеканки золотой монеты. В годы правления Нерона и Веспасиана Херсонес осуществляет выпуск исключительно бронзовой монеты, при этом на выпусках отсутствует обозначение года херсонесской эры. Право золотой чеканки для города было возобновлено в правление Тита. Наряду с золотом выпускалась крупная бронза (тетрассарии) также с годами в легендах. Очередной запрет на выпуск монеты последовал, по-видимому, в правление Нервы. Ответом на него послужил выпуск «нелегальной» монеты. Объем выпусков бронзы, датированных 96 г. очень значителен. Некоторые экземпляры, весьма деградированные по стилю, вероятней всего, выпускались уже в последующие годы. Можно достаточно уверенно предполагать, что город, чтобы не вызывать нареканий Рима продолжал чеканку меди, но датировал ее последним годом, когда чеканка была еще разрешена.

От времени императора Траяна до нас дошли только две уникальные монеты — бронзовая и золотая, что свидетельствует о том, что в это время городская чеканка имела чисто символический характер. Известно, что при императоре Адриане Херсонес был подчинен боспорскому царю

Котису (123–132) и не выпускал никакой монеты. Со смертью царя, по-видимому, прекратилась или ослабла зависимость города от Боспора. При Реметалке в 134 г. город вновь чеканит золотые статеры. Впрочем, это был последний выпуск как золотой, так и датированной монеты Херсонеса.

В целом, признавая изложенную выше позицию, наиболее четко изложенную В. А. Сидоренко (Сидоренко 2001: 436–453), полагаю, что необходимо внести в предложенную схему известные уточнения. Связано это, прежде всего, с находками новых монет, поступивших в частные собрания. Эти находки до сих пор не опровергли известного наблюдения — об исключительной редкости херсонесских золотых монет, при которой до настоящего времени не известно ни одной монеты более чем в единственном экземпляре. Отсюда можно заключить, что новые находки способны значительно сузить существующие хронологические лакуны между отдельными выпусками.

Кроме того, хочу остановиться еще на одном интересном моменте. Свой список херсонесского золота В. А. Сидоренко начинает с серебряного херсонесского денария, в легенде которого он распознал год времени правления императора Клавдия (66 или 67 г. х. э.). Однако известен и другой серебряный херсонесский денарий близкого времени, в легенде которого год отсутствовал, обозначен только этникон и монограмма ПАР. Благодаря монете, с которой мне удалось познакомиться недавно в одном из частных собраний, можно достаточно уверенно утверждать, что и золотая чеканка Херсонеса начиналась с недатированного выпуска. Эта монета отличается от последующих золотых эмиссий Херсонеса как фактурой монетного кружка, значительно более толстого, чем у датированных золотых, так и весом, который почти идеально соответствовал аттическому статеру (Рис. 8).

Известно, что в 30–40-е гг. II в. Херсонес ведет активную дипломатическую деятельность, посылая многочисленные посольства в Рим и к боспорскому царю Реметалку. Установлено, что Херсонес получил права «свободного города» (*civitas libera*) в результате успешного посольства гераклеотов к императору Антонину Пию. Вопрос о предоставлении Херсонесу свободы (элевтерии) обычно связывают с именем херсонесита Аристана сына Аттина, известного по двум памятникам эпиграфики. В начале своей карьеры в 129–130 гг. он был секретарем Совета (IOSPE, I², №№ 362, 363). Позже, между 131 и 138 гг. он был отправлен послом в Рим к императору Адриану, где провел шесть лет в безуспешных

хлопотах об элевтерии (IOSPE, I², № 423). После чего, как говорится в надписи, он «утомился» (ἀλοκαμοντα), что могло означать как его смерть, так и неудачу (Крыкин 1992: 145). Скорее всего, успешное посольство гераклеотов приходится на самое начало правления императора Антонина Пия (138–140). Тогда же, очевидно, в Херсонесе и его округе стационарно размещаются римские воинские подразделения. Ко времени их присутствия, в основном, и относятся многочисленные выпуски т. н. «второй элевтерии». К слову сказать, очевидно, понятие «вторая» известное допущение. Судя по всему, римляне неоднократно даровали полису элевтерию (Plin. NH. IV. 85), а затем вновь отдавали его под контроль Боспора. Дать однозначный ответ на вопрос: почему дарование свободы городу нашло отражение в нумизматике Херсонеса всего лишь дважды, при имеющихся источниках не представляется возможным.

Относительно хронологических рамок чеканки монет времени «второй элевтерии» высказывались разные мнения. А. Л. Бертье-Делагард датировал этот этап концом II — серединой III вв. (Бертье-Делагард 1907). А. В. Орешников оценивал рамки этапа несколько шире серединой II — серединой III вв. (Орешников 1913).

Здесь, по-видимому, будет уместно подробно остановиться на взглядах В. А. Анохина относительно начала «второй элевтерии», поскольку они до сих пор являются ориентиром в этом вопросе для многих исследователей. Следует отметить, что в предложенной им версии наблюдается непоследовательность и противоречивость. С одной стороны он утверждает, что Аристон был направлен послом в Рим в начале правления Антонина Пия и после шести лет безуспешных хлопот умер, т. е. Херсонес не получил права свободного города по меньшей мере до 144 г. (Анохин 1977: 79); с другой — в его каталоге тетрассарии с надписью ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ относятся ко времени от 138 до 161 г.

Поскольку серьезных оснований для относительной и абсолютной хронологии большинства выпусков этого времени (об исключениях скажем отдельно) не имеется, мы полагаем, что лучше датировать их широко. Наиболее вероятной начальной датой нам видятся 40-е гг. II в. Относительно финальной даты вопрос более сложен. Основные контингенты римских войск покинули Херсонес не позднее 30-х гг. III в. Кризис, связанный с нашествием варваров, едва ли способствовал монетной чеканке. Вряд ли следует вслед за В. А. Анохиным продлевать время монет второй элевтерии до кон-

ца 60-х гг. III в. На мой взгляд, время херсонесской чеканки III в. вряд ли выходит за 30-е гг. столетия.

В период второй элевтерии Херсонес выпускает следующие номиналы бронзовых монет. Тетрассарии тип: л.с. Мужская голова вправо (реже влево), перед ней лира; о.с. Дева с луком и копьем и лань. Разнообразнейшие варианты надписей: чаще всего приводится имя города и слово ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ (Рис. 9). Среди всех выпусков этого номинала выделяются несколько, датировки которых определяются достаточно точно. На них изображены портреты: императоров Каракаллы (212–217) (Рис. 10), Элагабала (218–222), Севера Александра (222–235). Это обстоятельство подтверждает, что в мужской голове на остальных выпусках второй элевтерии также следует усматривать портреты римских императоров. К слову, присутствие на херсонесских монетах портрета Юлии Домны, матери Каракаллы, ничего в этом смысле не меняет, а следует традиции квазиавтономных выпусков монет провинциальных греческих городов. На оборотной стороне монеты изображение «обороняющейся» Девы, характерное для выпусков предыдущего периода, дополняется изображением лани. Вряд ли такое дополнение следует объяснять появлением в городе новой статуи, скорее это следует отнести к творчеству резчиков, добавивших к изображению Девы характерный для нее атрибут. В пользу такого предположения свидетельствует и появление в это время на младшем номинале (дупондии) традиционного для Херсонеса изображения Девы, убивающей копьем лань, которая, очевидно, и являлась отображением херсонесской скульптурной группы.

Нужно отметить разительные отличия в уровне монетных штемпелей выпусков с портретными чертами императоров от остальных выпусков «второй элевтерии». Вероятно, прав В. А. Анохин, полагающий, что высокохудожественные штемпели произведения приезжего мастера, значительно превосходящего в мастерстве своих херсонесских коллег (Анохин 1977: 84). В то же время, мнение этого исследователя о том, что портрет на лицевой стороне принадлежит божееству Херсонас, как уже отмечалось, не выдерживает критики. Еще Б. В. Кене полагал, что на портретах следует видеть римских императоров (Кене 1848: 140). Конечно, его попытки связать эти портреты с конкретными правителями (Августом, Домицианом, Траяном) нельзя признать справедливыми, но в целом идея оказалась плодотворной. Наиболее правдоподобно мнение А. Н. Зографа, высказанное, правда, относительно портретов на золотых херсонесских статерах,

все они (портреты — Е. Т.), не будучи в полной мере портретами, сохраняют близость к общему облику соответствующего по времени римского императора (Зограф 1951: 156).

Другой номинал — трессис имеет следующий тип: л. с. ХЕР. Стоящий Асклепий, держащий жезл, обвитый змеей, в правой руке; о. с. ЕΛΕΥ. Стоящая Гигея, держащая в правой руке змею, в левой — чашу (Рис. 11).

Третий номинал — дупондий имеет изображения бодающего быка и Девы, поражающей лань (Рис. 12). Причем каждое из этих изображений случается как на лицевой, так и на оборотной сторонах монет этого типа. Существует и другой монетный тип этого номинала. Он полностью повторяет тип тетрассариев второй элевтерии: бюст императора — Дева и лань. На оборотной стороне этих монет знак — В.

Самый мелкий номинал — ассарий имеет два разных типа: л. с. Мужская голова в венке впра-

во; о. с. Стоящая влево Ника и л. с. Мужская голова влево; о. с. Стоящая Дева с луком и копьем (Рис. 13).

Наиболее примитивными по качеству исполнения штемпелей являются дупондии Дева и лань — бык. К слову, выпуск этих дупондиев был очень значителен. Вес их, как правило, меньше чем у дупондиев с реалистически выполненными изображениями. Тем не менее, на мой взгляд, не эти примитивные монеты, а именно монеты с портретными изображениями и младшие к ним номиналы являются финальными в рамках второй элевтерии.

После выпусков второй элевтерии в монетной чеканке Херсонеса наблюдается многолетний перерыв, продолжавшийся до начала V в.

Херсонесские выпуски римского времени, несмотря на определенные успехи в их изучении, ставят еще много вопросов, решить которые могут новые находки и новые исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса Таврического I–III вв. н. э. *НЭ* IV. — 1963: 3–88.
Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). — Киев, 1977.
Анохин В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.
Бертъе-Делагард А. Л. Поправки Общего каталога монет П. О. Бурачкова. — М., 1907.
Виноградов Ю. Г. Херсонес, Боспор и Рим. *ВДИ* 3. — 1992: 130–139.
Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н. э. *ВДИ* 2. — 1987: 120–129.
Зограф А. Н. Античные монеты. *МИА* 16. — 1951.
Кене Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. — СПб., 1848.
Крыкин С. М. Deus Sanctus Porobonus. *ВДИ* 3. — 1992: 140–147.
Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. *НС* II. — М., 1913: 1–35.
Орешников А. В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического. *ИАК* 65. — 1918: 144–152.
Орешников А. В. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах. *ИРАИМК* II. — 1922: 159–164.
Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий). *СА* 1. — 1987: 48–58.
Сидоренко В. А. Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н. э. *МАИЭТ* VIII. — Симферополь, 2001: 436–453.

Е. Я. Туровский

О ВЫПУСКАХ МОНЕТ ХЕРСОНЕСА В РИМСКУЮ ЭПОХУ

РЕЗЮМЕ

Политика Херсонеса после гибели Митридата VI Евпатора определялась ориентацией на Рим и стремлением к полной независимости от Боспорского царства. Нумизматика полиса подтверждает это. С начала I в. до н.э. до середины III в. н.э. на аверсах херсонесских монет в основном был представлен портрет римского императора. За редкими исключениями эти изображения были очень

далеки от реальных прототипов. Они скорее были своеобразными символическими изображениями императора. Мнение о принадлежности изображений на аверсах полисному божеству Херсонас ошибочно. В римскую эпоху Херсонес осуществлял выпуски не только золотых монет во время «полисной эры», но также несколько выпусков серебряных монет.

Є. Я. Туровський

ПРО ВИПУСК МОНЕТ ХЕРСОНЕСА В РИМСЬКУ ЕПОХУ

РЕЗЮМЕ

Політика Херсонеса після загибелі Мітрідата VI Євпатора визначалася орієнтацією на Рим і прагненням до повної незалежності від Боспорського царства. Нумізматика поліса підтверджує це. З початку I в. до н.е. до середини III ст. н.е. на аверсі херсонесських монет в основному був представлений портрет римського імператора. За рідкісними винятками ці зображення були дуже

далекі від реальних прототипів. Вони швидше були своєрідними символічними зображеннями імператора. Думка про належність зображень на аверсі полісному божеству Херсонас помилкова. У римську епоху Херсонес здійснював випуски не тільки золотих монет під час «полисної ери», але також кілька випусків срібних монет.

E. Turovskij

ABOUT RELEASES OF CHERSONESOS COINS DURING THE ROMAN EPOCH

SUMMARY

The policy of Chersonesos after the destruction of Mithradates VI Eupator was defined by orientation to Rome and aspiration to full independence from Bosporean Kingdom. The city numismatics confirms it. From the beginning of the 1st century BC to the middle of the 3rd century on the Chersonesos coins' obverses basically the portrait of the Roman emperor was

represented. With rare exception these images were far from real prototypes. They were mostly the original symbol of the emperor. The opinion on an accessory of averse images to city deity Chersonesos is erroneous. During Roman time Chersonesos carried out releases not only gold coins of «polis era», but also some releases of silver coins too.

Рис.1

Рис.1. Херсонесский обол с портретом Фарнака

Рис.2

Рис.2. Херсонесский обол 1-й элевтерии с именем Аполлонида

Рис.3. Херсонесский обол 1-й элевтерии с механически удаленным в древности именем Аполлонида

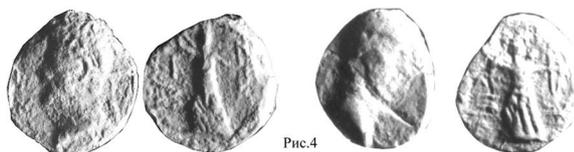

Рис.4

Рис.4. Херсонесские серебряные денарии времени императора Клавдия

Рис.5

Рис.5. Херсонесские монеты тип: Дева – кадуцей с надчеканкой «полумесяц-звезда»

Рис.6

Рис.6. Херсонесская монета с портретом императора Клавдия

Рис.7

Рис.7. Золотой ауреус Херсонеса времени императора Клавдия

Рис.8

Рис.8. Золотой ауреус Херсонеса без даты по городской эре

Рис.9

Рис.9. Херсонесский тертрассарий времени 2-й элевтерии

Рис.10

Рис.10. Херсонесский тертрассарий с портретом императора Каракаллы

Рис.11

Рис.11. Херсонесский трессис тип: Асклепий – Гигейя

Рис.12

Рис.12. Херсонесский дупондий тип: бодающий бык – Дева поражает копьём лань

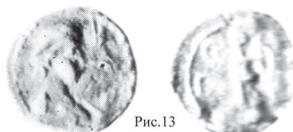

Рис.13

Рис.13. Херсонесский ассарий тип: мужская голова – стоящая Дева с луком и копьём

Рис.14

Рис.14. Херсонесские дупондии с деградированными изображениями

С. В. УШАКОВ

**РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА
ИЗ РАСКОПОК ХСVII КВАРТАЛА ХЕРСОНЕСА**

Херсонес Таврический IV–VI вв. — в переходную эпоху от античности к средневековью, — переживал, как и многие города Причерноморья, тяжелые времена — перестройка экономики, перемены в культуре, духовной жизни только начались. Судьба его могла быть плачевной — как у Ольвии, которая погибла и не возродилась, или трудной и сложной, как у захиревшего со временем Пантикапея-Боспора, но она оказалась иной, нелегкой, но заметной и долгой — судьба отпустила городу еще тысячу лет.

Источники письменные об этом времени — скудны и отрывочны, вещественные, напротив, обильны, но молчаливы и слабо изучены. Они представлены ярусами и обрывками оборонительных стен, отдельными кладками жилых кварталов, фундаментами немногочисленных (пока еще) христианских храмов, отдельными могилами и склепами некрополя. Многочисленные находки разбитых амфор и краснолаковых блюд и тарелок (как самый «массовый материал» эпохи по выражению археологов) могли бы поведать о месте и времени своего происхождения, торговых путях, интенсивности связей, и даже, о моде и предпочтениях людей, державших их в своих руках. Но, прежде всего их необходимо представить — поэтому в настоящий момент речь пойдет лишь об особой категории краснолаковой керамики (столовой посуды) ранневизантийского времени из раскопок одного херсонесского квартала (№ ХСVII, расположенного в Северо-восточной части городища), раскопанного в течение последних полутора десятков лет (1990–2005 гг.) (Рис. 1 А-Б, 2). (Экспедицией и всем комплексом работ в эти годы руководил М. И. Золотарев, работы в поле осуществлялись при активном участии автора статьи, он же вместе с Д. Ю. Коробковым обрабатывал найденный материал).

Общий объем произведенных работ был в этом квартале довольно внушительным, — всего были раскопаны 17 средневековых помещений, внутриквартальный двор (Золотарев, Ушаков 2004: 279–294), три цистерны и два колодца (рис. 1 Б)

(Ушаков, Макаев, Струкова 2006: 307–312), зафиксированы и стратифицированы слои средневекового и античного времени. Массовые находки были исключительно обильны — число, например, только профильных фрагментов керамики достигало в итоге десятков тысяч экземпляров. Практически все они нашли отражение в полевых описях и рисунках и итоговых таблицах, помещенных в Отчеты о раскопках.

Однако задача осложняется тем, что краснолаковая керамика из Херсонеса в настоящее время в целом пока еще относительно слабо изучена, — исследователи обращали внимание только на отдельные ее категории. Так, А. В. Сазанов, описывая комплексы ранневизантийского Херсона, основное внимание уделял их хронологии, с одной стороны, опираясь на датировки краснолаковой керамики Дж. Хейса (1972), а с другой стороны — пересматривая их (См.: Романчук, Сазанов 1991: 57, табл. 1; Сазанов 1994). Этот же автор, как и другие исследователи, публикуя отдельные комплексы с городища, среди прочего, описывали и краснолаковую керамику (Сазанов 1999: 224–293; Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 18–23, Прил. 11, 18; Голофаст, Рыжов 2000: 78–117). Л. А. Голофаст опубликовала многочисленные штампы на этой посуде (Голофаст 1996; 2002).

Эта группа ранневизантийской краснолаковой керамики, о которой дальше пойдет речь, относительно легко выделяется среди массы находок этого времени (Ушаков 2005: 22–33) и является важным датированным материалом. Что касается херсонесского квартала ХСVII, то там эти находки были сосредоточены, прежде всего, в заполнениях водосборной цистерны в центре двора и колодца в помещении 4 (Ушаков, Макаев, Струкова 2006: 310–31), а также в слоях помещений 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Они позволяют пролить некоторый свет на особенности образования этих слоев, их хронологию, а также, возможно, на интенсивность и направленность торговых связей Херсонеса в позднеантичный-ранневизантийский период его истории.

При этом надо иметь в виду, что в научной литературе нет единства мнений по поводу определения типов, датировок и даже названий этой керамики. Так, А. В. Сазанов повторяя номенклатуру английского исследователя Дж. Хейса, выделяет, в частности, на херсонесском материале сосуды типа «Поздний римский С», форм 1–10, группу «Африканские краснолаковые сосуды», «Триполитанский А» и т. д. В. Н. Залеская, публикуя многочисленные находки краснолаковой керамики из Херсонеса, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, место их производства указывает более осторожно — Восточное Средиземноморье, определяя их тип как «африканский» (Залеская 2006). Более аккуратен в названиях и датировках Кшиштоф Домжалский. Опираясь также на разработки Дж. Хейса, польский археолог выделяет в Северопричерноморском регионе, преимущественно по материалам Танаиса, следующие группы краснолаковых сосудов: 1) Понтийская позднеимская группа (*Pontic Red Slip Ware — PRS*) форм 1–7; 2) Поздний римский С/Фокейская позднеимская группа (*Late Roman C/Phocean Red Slip Ware — LRC/PhRS*) форм 1 A-D, 2 A-D; 3) Африканские краснолаковые сосуды (*African Red Slip Ware — ARS*) (Arsen'eva, Domzalski 2002: 415–492; Domzalski 1996: 95–109; 2000: 161–168), считая последнюю здесь в целом крайне немногочисленной. Как представляется, в анализе проблемы типологии и хронологии всей этой керамики последняя точка еще не поставлена, но я склоняюсь в целом к мнению и разработкам К. Домжалского, с которым мы по этому поводу довольно долго говорили, когда в ходе его приездов в Херсонес рассматривали эти находки. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в ранневизантийских слоях Херсонеса присутствуют преимущественно находки этой керамики двух основных групп: *Фокейской и Понтийской сигиллят*.

Переходим к описанию комплексов находок.

Заполнение водосборной цистерны в центре двора. В ней найдены два типа ранневизантийской керамики.

1. *Блюда* со слегка заостренным вертикальным или немного загнутым краем, наклонными стенками и широким кольцевым поддоном (рис. 3, 1–4; 4, 2–3, 5–6). Я отношу их, вслед за К. Домжалским, к Понтийской позднеимской группе (*PRS, form 1*) (Domzalski 1996: 163–164) середины IV — середины V вв. (Ср.: Arsen'eva, Domzalski 2002: 426, fig. 5–7; Domzalski 2000: 163–164, fig. 2, 1). Это сосуды большого размера (D закраин — от 27,7 до 26,5 см; d поддонов — от 18,1 до 16,6 см, H блюд — от 5,3 до 6 см). Да-

тировки у разных авторов этих сосудов несколько различаются. По Дж. Хейсу они относятся к 350–425 гг. (Hayes 1972: 109. ARSW, form 62, 14) (другими словами, они бытовали со второй половины IV в. до второй четверти — V в.). Авторы херсонесской классификации (А. И. Романчук и А. В. Сазанов) относили их к «Африканским краснолаковым сосудам формы 62 В» и датировали концом IV в. — третьей четвертью VI в. (Романчук, Сазанов 1991: 35–36. — №№ 154–191).

2. *Блюда* на низком и широком кольцевом поддоне с орнаментом полосами (расчесами) на внутренней стороне дна, где они образуют «звезды», и на широкой отогнутой закраине имеются волны (Рис. 5, 6) (Понтийская позднеимская группа — *PRS, form 3* по К. Домжалскому конца IV — первой половины V в.) (Domzalski 2000: fig. 2, 5; Arsen'eva, Domzalski 2002: form. 3). Дж. Хейс именовал такие сосуды Поздним Римским С, форма 3 (*Late Roman C form 3*) и датировал временем от середины IV до второй четверти V вв., А. В. Сазанов дату их бытования омолодил. По его мнению, в Херсонесе они были с конца IV в. по вторую четверть или даже до второй половины VI в. (Романчук, Сазанов 1991: 12; Сазанов 1994: 426).

Судя по представленным материалам, и если придерживаться датировок К. Домжалского, время прекращения функционирования цистерны, (когда она была окончательно засыпана), может быть, определено в хронологических рамках первой половины V в., однако амфорные находки, комплекс которых в целом можно датировать несколько более поздним временем, могут отодвинуть эту дату к последней четверти — концу V столетия (Ушаков, Макаев, Струкова 2006: 310).

Засыпь колодца в помещении 4. Представлена обильными и разнообразными находками, среди которых важнейшими являются амфоры и краснолаковая керамика. Среди последних нужно назвать следующие типы находок.

1. *Миски* со слегка загнутым краем, наклонными стенками на кольцевом поддоне (рис. 7; 8, 1, 2). Варианты исключительно разнообразны — по размерам и морфологическим особенностям каждый экземпляр достаточно сильно отличаются друг от друга. Так одни из них (Рис. 7, 6, — 7) напоминают сосуды типа Поздний римский С/Фокейская сигиллята (*Late Roman C/Phocean Red Slip Ware — LRC/PhRS*) form 1 A/B (Ср.: Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 14, 583, 584), другие (рис. 7, 11) — *Late Roman C/Phocean Red Slip Ware (LRC/PhRS)* form D (Ср.: Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 14, 588), бытующие, соответственно, с конца IV или, начала V по середину V вв. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 430).

2. Блюда Понтийской позднеримской группы (*PRS, form 1*) (Рис. 8). Дж. Хейс датировал такие сосуды 350–425 гг. (Hayes, 1972: 109). К. Домжалский отнес аналогичные блюда из Танаиса к середине IV — середине V вв. (Domzalski 2000: 163–164, fig. 2, 1; Arsen'eva, Domzalski 2002: 426–427, fig. 5–7).

3. Блюда с отогнутыми закраинами (Рис. 9, 3–5; 10). По морфологии несколько напоминает сосуды Понтийской позднеримской группы (*PRS, form 3*) из серии блюд, найденных в Танаисе (Arsen'eva, Domzalski 2002: fig. 9, 283), где они датируются в целом поздним IV — началом или серединой V вв. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 427).

4. Общие выводы по заполнению колодца заключаются в следующем. Находки блюд конца IV — середины V вв. происходят с глубин колодца до 7.40 м. в самой нижней части колодца найдены почти все сосуды I–II вв. (специально о которых здесь речи не шло). Эти наблюдения позволяют говорить, с одной стороны, о том, что колодец засыпался «порциями» грунта, а с другой стороны, о ее относительно «мешаном» характере образования. В целом выделяются два основных яруса засыпи: верхний — до глубины 7.40 м и нижний — до 11 м. Комплекс краснолаковой керамики позволяет несколько уточнить время образования засыпи нижней части колодца: вряд ли это произошло значительно позднее середины V в. Анализ хронологии всего материала позволил утверждать, что колодец мог быть засыпан в два основных приема: *нижняя часть (7–11 м.) — во второй половине V в., верхняя — в середине-второй половине VI в.* (Ушаков, Макаев, Струкова 2006: 311).

Помещение 7. Оно функционировало только в средневековый период. В нижнем слое засыпи, среди обильного материала светлоглиняной поливной посуды найдено и несколько фрагментов ранневизантийской краснолаковой керамики (Рис. 11). Один из экземпляров напоминает, по характерному профилю закраины, североафриканский импорт (*ARSW, form 73 A*) (Рис. 11, 3) (Ср.: Arsen'eva, Domzalski 2002: fig. 19, 652).

Помещение 9. Основные находки из засыпи помещения относятся к раннесредневековому времени: фрагменты амфор, светлоглиняная поливная керамика. Однако, как примесь, там присутствует и краснолаковая посуда, среди которой есть и экземпляры фокейской сигилляты (Рис. 12, 10–12).

Помещение 10. Является частью недавно открытого античного винодельческого комплекса. В этом помещении было зафиксировано и удалено в общей сложности семь последовательно за-

легавших слоев грунта общей мощностью около двух метров (Ушаков В печати). Особый интерес вызывают находки ям под пифосы, вырубленных в материковой скале. Нижний (наскальный) слой содержал разнообразные материалы античного времени, самими поздними из которых были находки краснолаковой керамики трех основных типологических и хронологических групп, характерных для Херсонеса Таврического. (Как раз в третью группу я и включаю несколько типов сосудов, которым посвящена статья). (В иллюстрациях не представлены). Они действительно хронологически самые поздние из находок в Херсонесе: понтийской позднеримской группы и фокейской сигилляты. Эти находки позволили утверждать, что засыпь на месте античного пифоссария (слой № 5 под каменным завалом) образовалась не раньше середины V — начала/середины VI в. н. э. — тогда же окончательно прекратил свое существование винодельческий комплекс (Ушаков, Струкова В печати).

Помещение 11. Среди керамических материалов из слоя, перекрывающего эллинистическую цистерну и среди находок на скале, также была краснолаковая керамика (рис. 11, 6–15), однако выделить среди них те, которые однозначно можно отнести к ранневизантийской (понтийской), достаточно затруднительно.

Еще одно существенное замечание. Иногда отсутствие хронологически важного материала также позволяет говорить об определенных временных реперах. Так, в засыпи цистерны, обнаруженной и исследованной в пом. 8, анализируемая керамика не была найдена (См.: Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 18–23, рис. 8–9), хотя в этом же помещении рядом с колодцем фрагменты такой посуды и были. Соответственно и время образования засыпи цистерны было отнесено к концу IV — первой половине V в. (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 25). К этому можно добавить, что в засыпи цистерны, раскопанной в центре внутриквартального двора, совершенно отсутствовала фокейская сигиллята (несколько более поздняя, чем, например, понтийская).

Таким образом, рассмотрение представленных материалов (ранневизантийская краснолаковая керамика) из раскопок ХCVII квартала Северо-восточного района Херсонеса позволяет прийти к следующим выводам.

В середине — второй половине V в. на этой территории произошли довольно существенные изменения, в результате которых были засыпаны цистерна в центре квартала, участок с пифоссарием на месте пом. 10 и нижняя часть колодца в пом.

4. В начале — середине следующего (VI столетия) окончательно был засыпан колодец в пом. 4. Эти даты выведены по датировкам комплексов всех находок, среди которых важное, хотя и не всегда решающее значение принадлежит краснолаковой посуде. Находки понтийской сигилляты, которая доминирует среди всего «позднего красного лака», позволяют говорить о важности торговых отношений Херсонеса в указанный период с понтийским регионом, а не с Восточным Средиземноморьем (и Северной Африкой, в том числе).

Дело в том, что, например, некоторые исследователи (А. В. Сазанов и его последователи) определяют понтийскую сигилляту (форма 1) фактически как североафриканский импорт, а она в это время доминирует на рынках Северного Причерноморья. В этом случае пришлось бы

говорить об особо тесных, прочных и очень интенсивных связях Херсонеса, Боспора, Танаиса и других местных центров именно с Северной Африкой в конце IV–V вв., чего нет в действительности. Косвенно, но очень важным образом об этом свидетельствует также импорт продуктов в амфорной таре. Они массово поступали в это время, например, в Херсонес из малоазийских центров, в том числе и из Синопы, о чем можно судить по амфорам типа Делакеу (Kassab Tezgör 1999) и поздним вариантам узкогорлых светлоглиняных амфор. Конечно, эта проблема требует специального внимания и тщательного анализа, но не в последнюю очередь здесь важны, как мы убедились, и данные материалов краснолаковой керамики.

ЛИТЕРАТУРА

- Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища. *МАИЭТ V*. — Симферополь, 1996: 77–84.
- Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища. *МАИЭТ IX*. — 2002: 135–216.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X б в Северном районе Херсонеса. *Проблемы истории, филологии, культуры IX*. — Москва-Магнитогорск, 2000: 78–117.
- Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. — СПб., 2006.
- Золотарёв М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса). — Севастополь, 1997.
- Золотарев М. И., Ушаков С. В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники). *АДСВ 35*. — Екатеринбург, 2004: 279–294.
- Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. — Свердловск, 1991.
- Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. *МАИЭТ IV*. — Симферополь, 1995: 406–433.
- Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. *Проблемы истории, филологии, культуры VII*. — Москва-Магнитогорск, 1999: 224–293.
- Ушаков С. В. О трех группах краснолаковой керамики из Херсонеса (к вопросу об обработке массового археологического материала). *АДСВ 36*. — Екатеринбург, 2005: 22–33.
- Ушаков С. В., Макаев И. И., Струкова Е. В. Цистерны и колодцы античного и византийского города: конструкция, комплексы находок и хронология (на примере ХСVII квартала Северо-восточного квартала Херсонеса). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Материалы III Судакской международной конференции. Том II. Киев-Судак, 2006: 307–312.
- Ушаков С. В. О стратиграфии и хронологии позднеантичных и средневековых слоев Херсонеса Таврического. (в печати).
- Ушаков С. В., Струкова Е. В. Античный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса. (в печати).
- Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua 8: Zeitschrift für Arheologie Eurasiens*. — 2002: 415–492.
- Domzalski K. Terra Sigillata from Numphaion. *Survei 1994. Archeologia XLVII*. — 1996: 95–109.
- Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei cretariae romane Favtorvm. Acta 36*. — Abingdon. 2000: 161–168.
- Hayes J. W. Late Roman Pottery. — London, 1972.
- Kassab Tezgör. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. — Aix-en-Provence, 1999: 117–124.

С. В. Ушаков

**РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА
ИЗ РАСКОПОК ХСVII КВАРТАЛА ХЕРСОНЕСА**

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены находки ранневизантийской краснолаковой керамики из цистерны, колодца и средневековых помещений квартала ХСVII Северо-восточного района Херсонеса. Там доминируют экземпляры сосудов двух основных групп -Понтийской позднеимской (Pontic Red Slip Ware — PRS) форм 1, 3 и Поздний римский С/Фокейская позднеимская группа (Late Roman

C/Phocean Red Slip Ware — LRC/PhRS). Что касается Африканских краснолаковых сосудов (African Red Slip Ware — ARS), то они представлены единичными фрагментами. Эти находки (в сочетании с амфорной тарой) служат важным хронологическим показателем в восстановлении строительной истории квартала и в реконструкции торговых связей Херсонеса в ранневизантийское время.

С. В. Ушаков

**РАННЕВИЗАНТИЙСЬКА ЧЕРВОНОЛАКОВА КЕРАМІКА
З РОЗКОПОК ХСVII КВАРТАЛУ ХЕРСОНЕСА**

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуті знахідки ранневизантийської червонолакової кераміки з цистерни, колодця і середньовічних приміщень кварталу ХСVII Північно-східного району Херсонеса. Там домінують екземпляри судин двох основних груп -Понтіїської пізньоримської (Pontic Red Slip Ware — PRS) форм 1, 3 та Пізній римський С/Фокейська пізньоримська група (Late Roman C/Phocean Red

Slip Ware — LRC/PhRS). Що стосується Африканських червонолакових судин (African Red Slip Ware — ARS), то вони представлені одиничними фрагментами. Ці знахідки (в поєднанні з амфорною тарою) служать важливим хронологічним показником у відновленні будівельної історії кварталу і в реконструкції торгових зв'язків Херсонеса в ранневизантийській час.

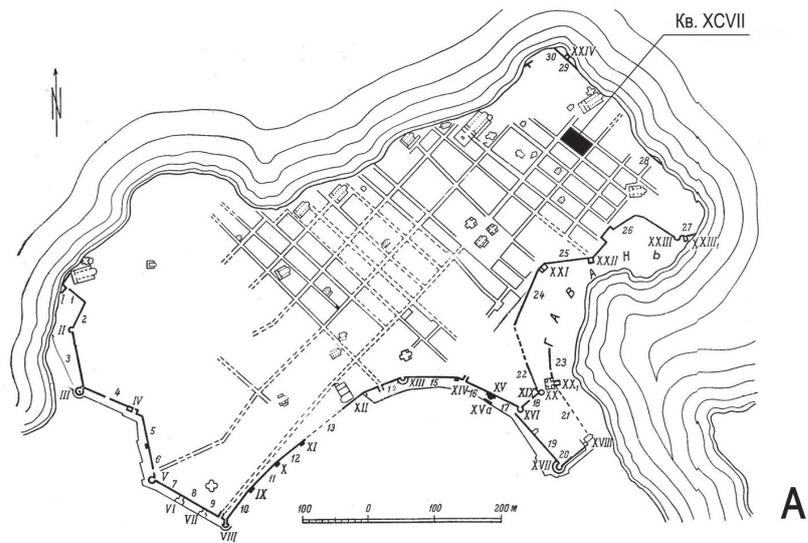
S. Ushakov

**EARLY BYZANTINE RED SLIP POTTERY FOUND IN THE EXCAVATIONS
OF CHERSONESOS QUARTER 97**

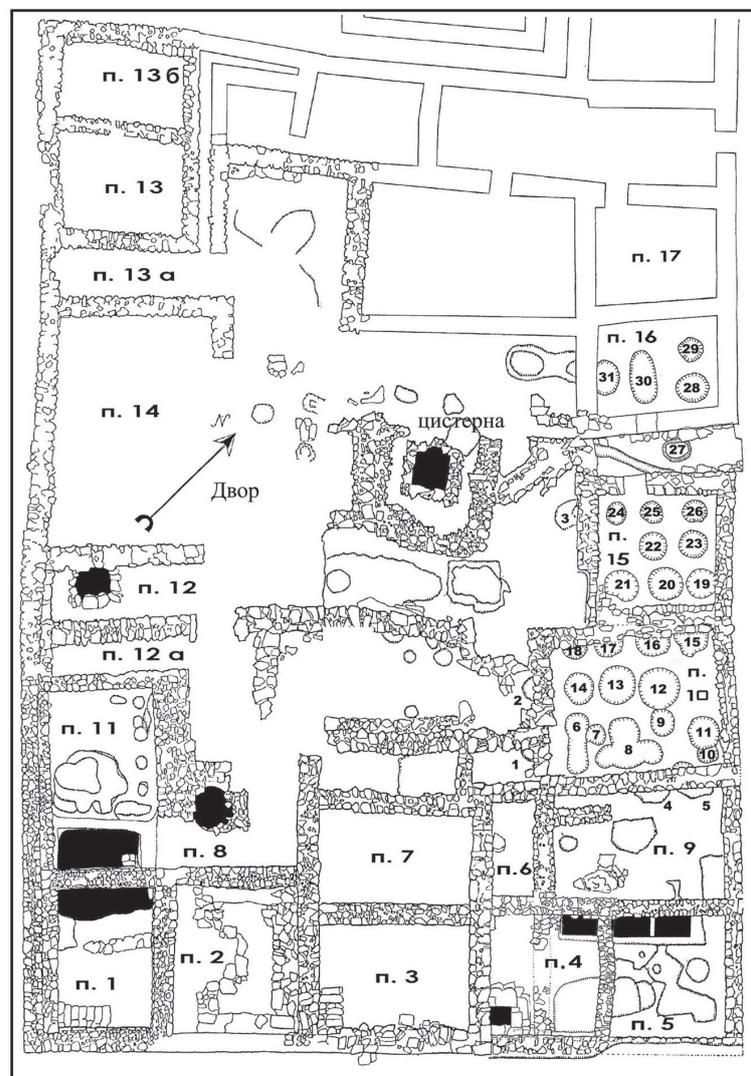
SUMMARY

The article investigates the early Byzantine red slip pottery found in the cistern, well and medieval buildings of Quarter 97 in the north-eastern Chersonesos. The predominant types of vessels are Pontic red slip ware forms 1, 3 and Late Roman C/Phocean red slip ware. African red slip ware can

only be found in individual fragments. Alongside with amphorae, these findings present an important chronological indication for restoring the construction history of Quarter 97 and early Byzantine trade relationships of Chersonesos.

А

Б

Рис 1А. Схематический план Херсонеса с указанием ХСVII квартала.

Рис 1Б. Генеральный план квартала ХСVII.

Рис 2. Квартал ХСVII. Аэрофотоснимок 2005 г.

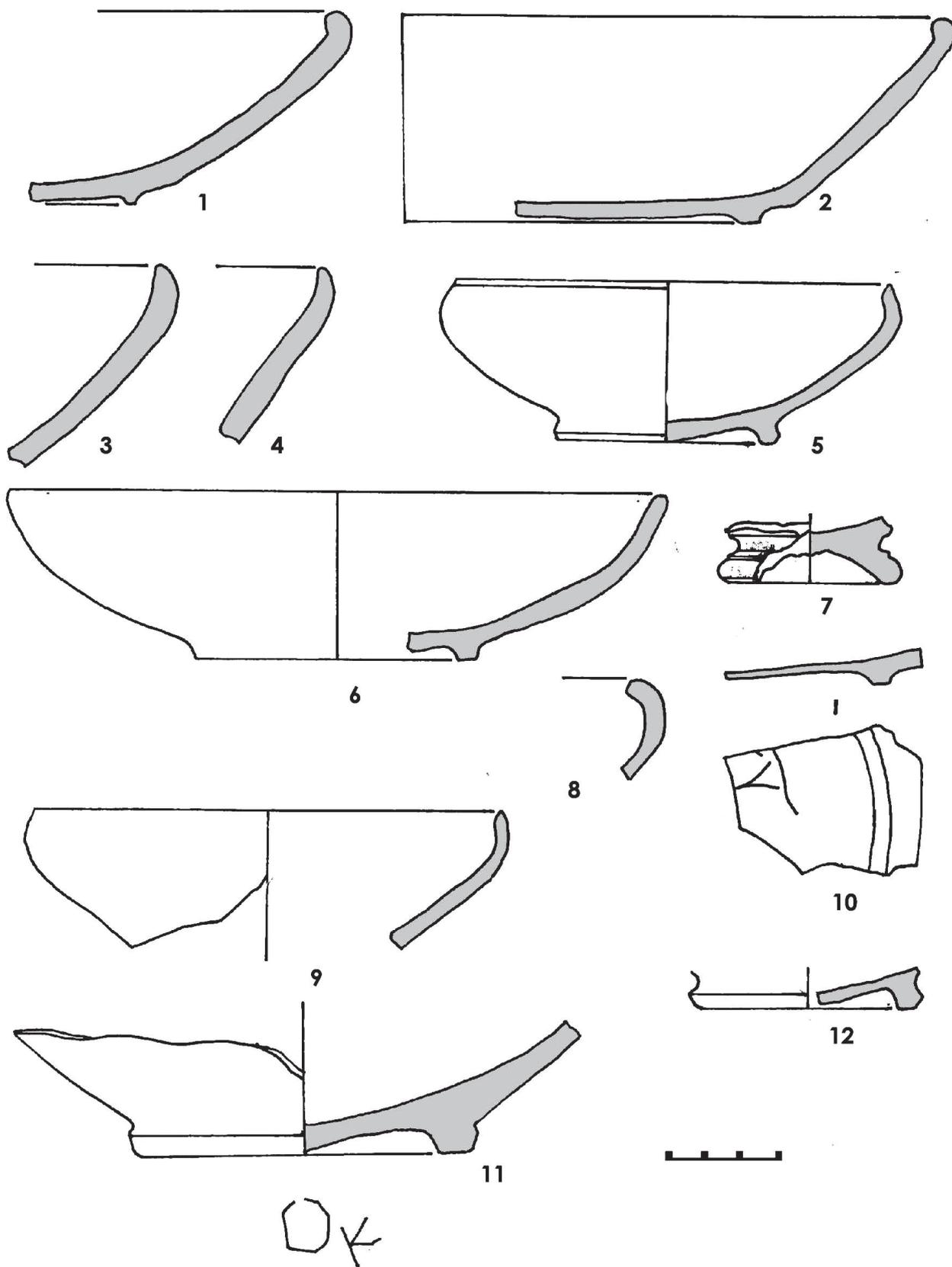

Рис 3. Краснолаковая керамика из цистерны в центре внутриквартального двора.

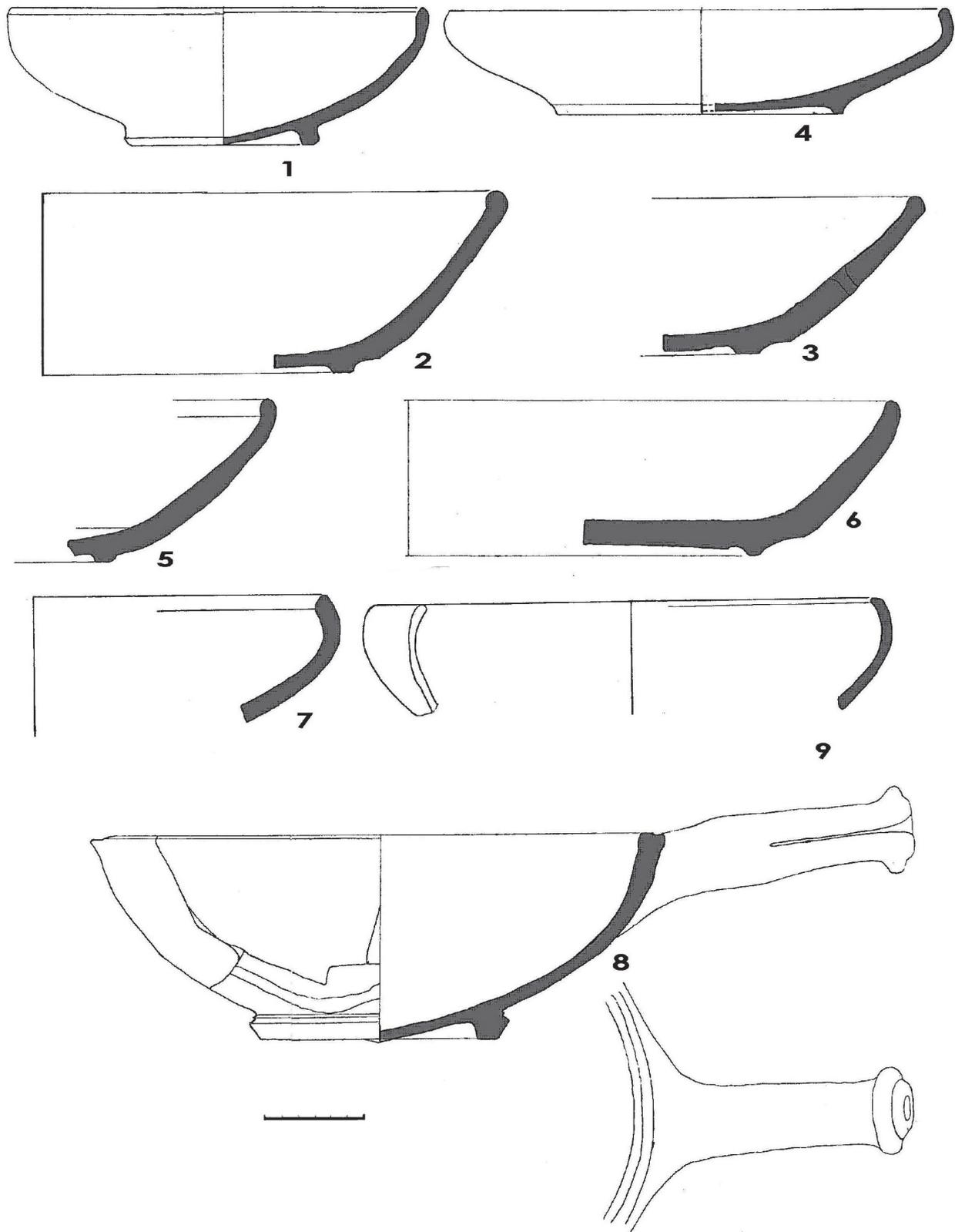

Рис 4. Краснолаковая керамика из цистерны.

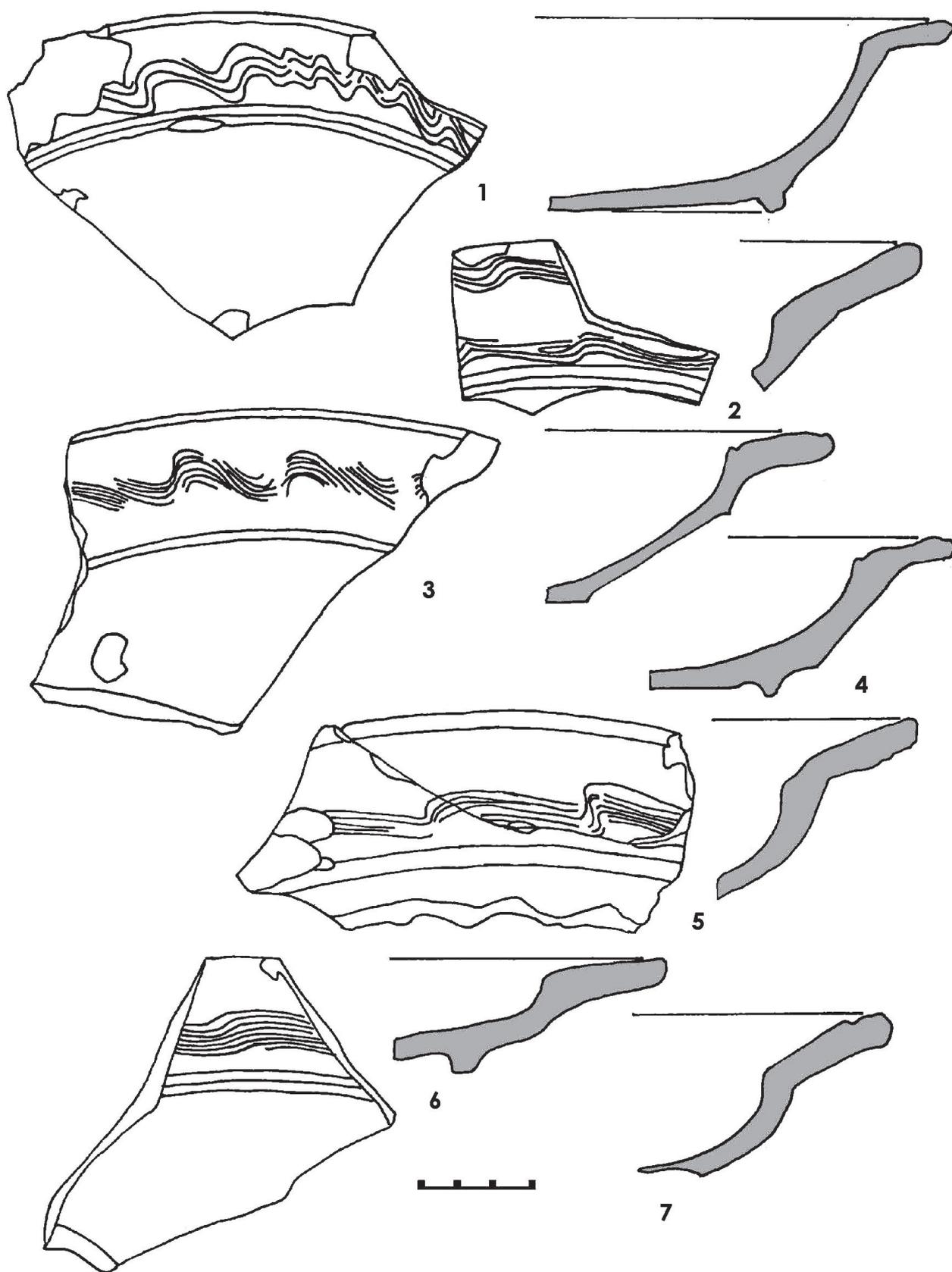

Рис 5. Краснолаковые блюда типа Red Slip Ware form 3 из цистерны.

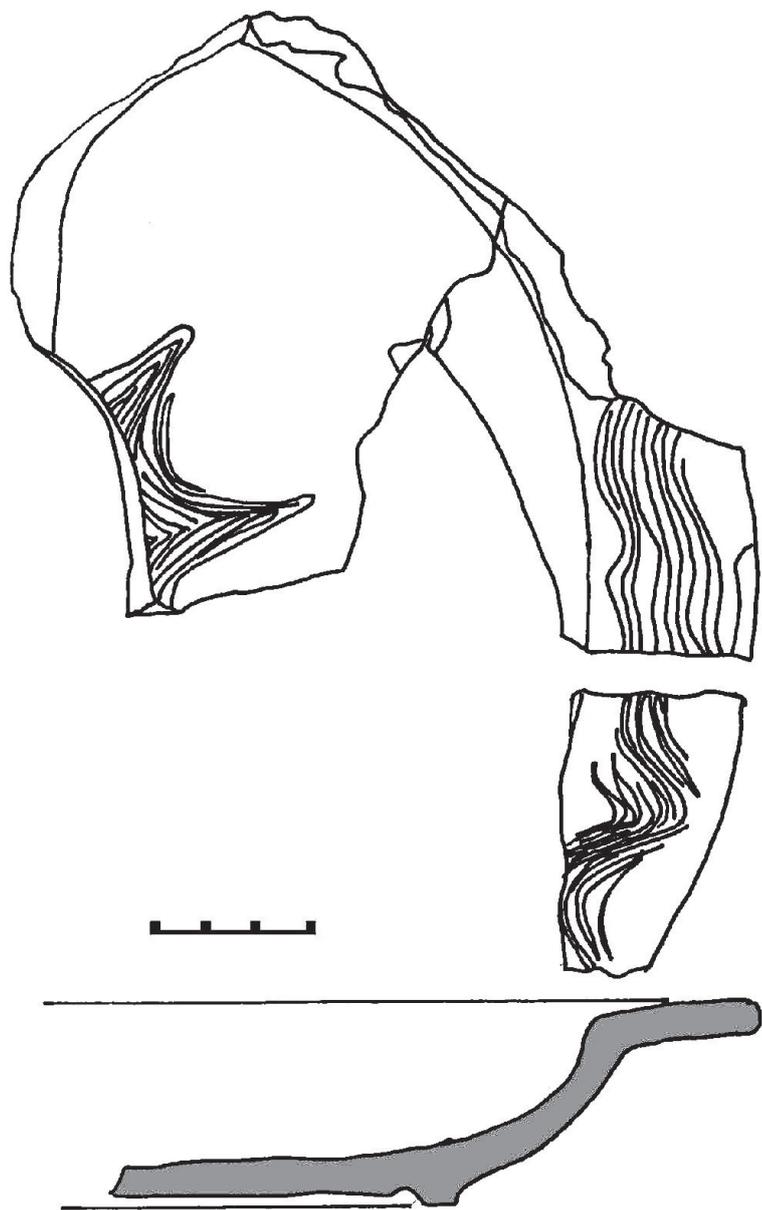

Рис 6. Краснолаковое блюдо типа Red Slip Ware form 3 из цистерны.

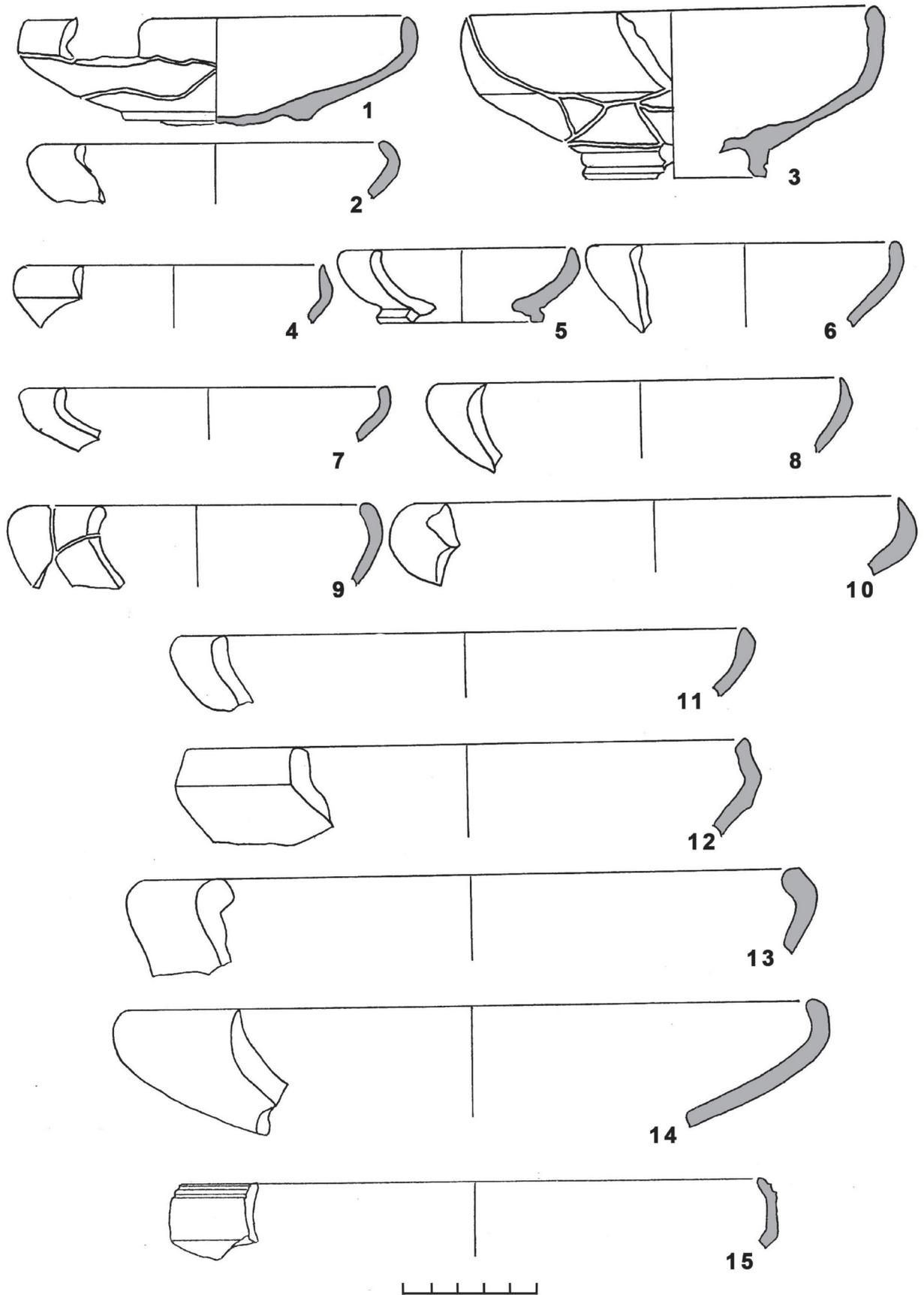

Рис 7. Краснолаковые миски из колодца в пом. 4.

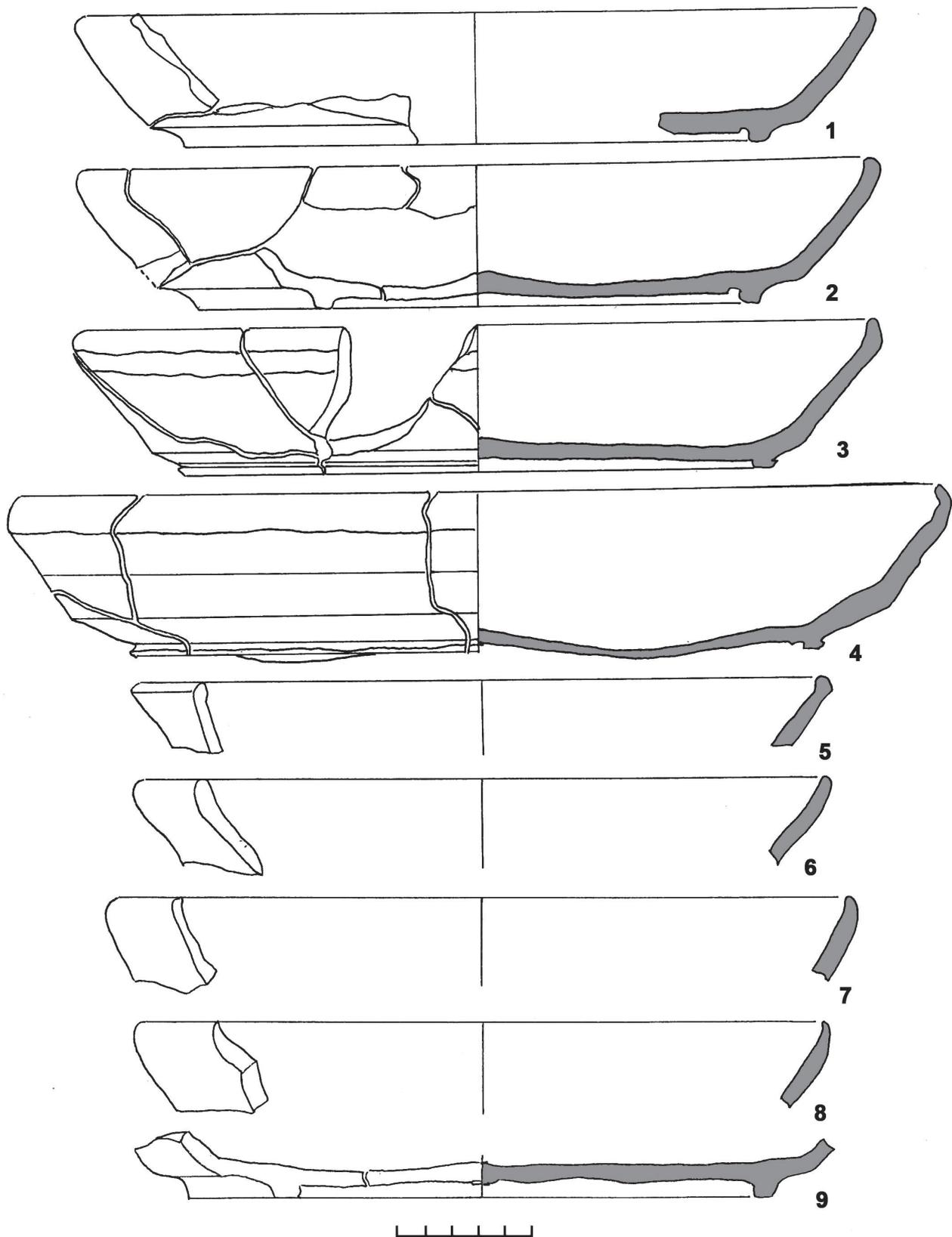

Рис 8. Краснолаковые блюда типа Red Slip Ware form 1 из колодца.

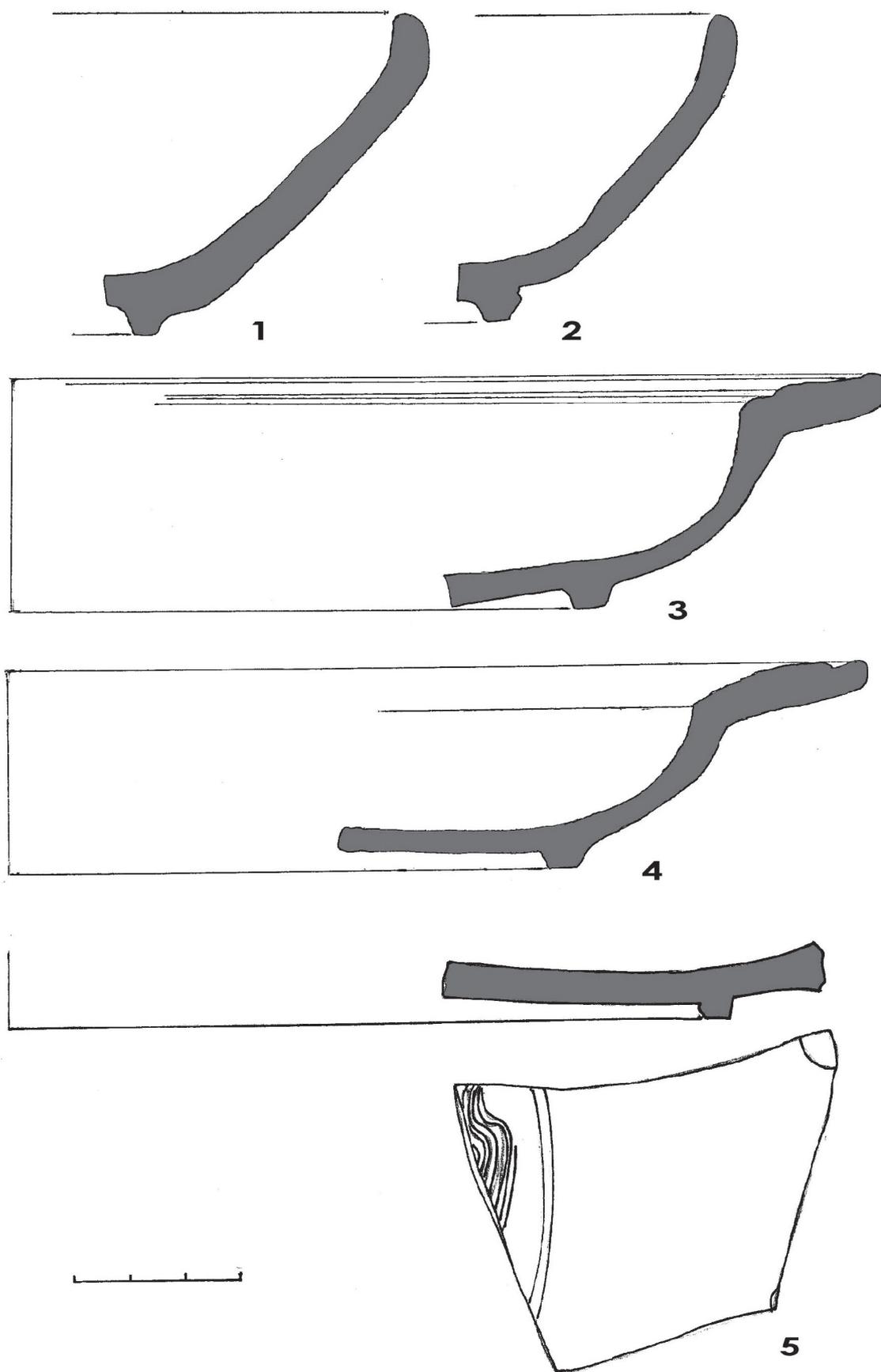

Рис 9. Краснолаковые блюда типа Red Slip Ware form 1 и 3 из колодца.

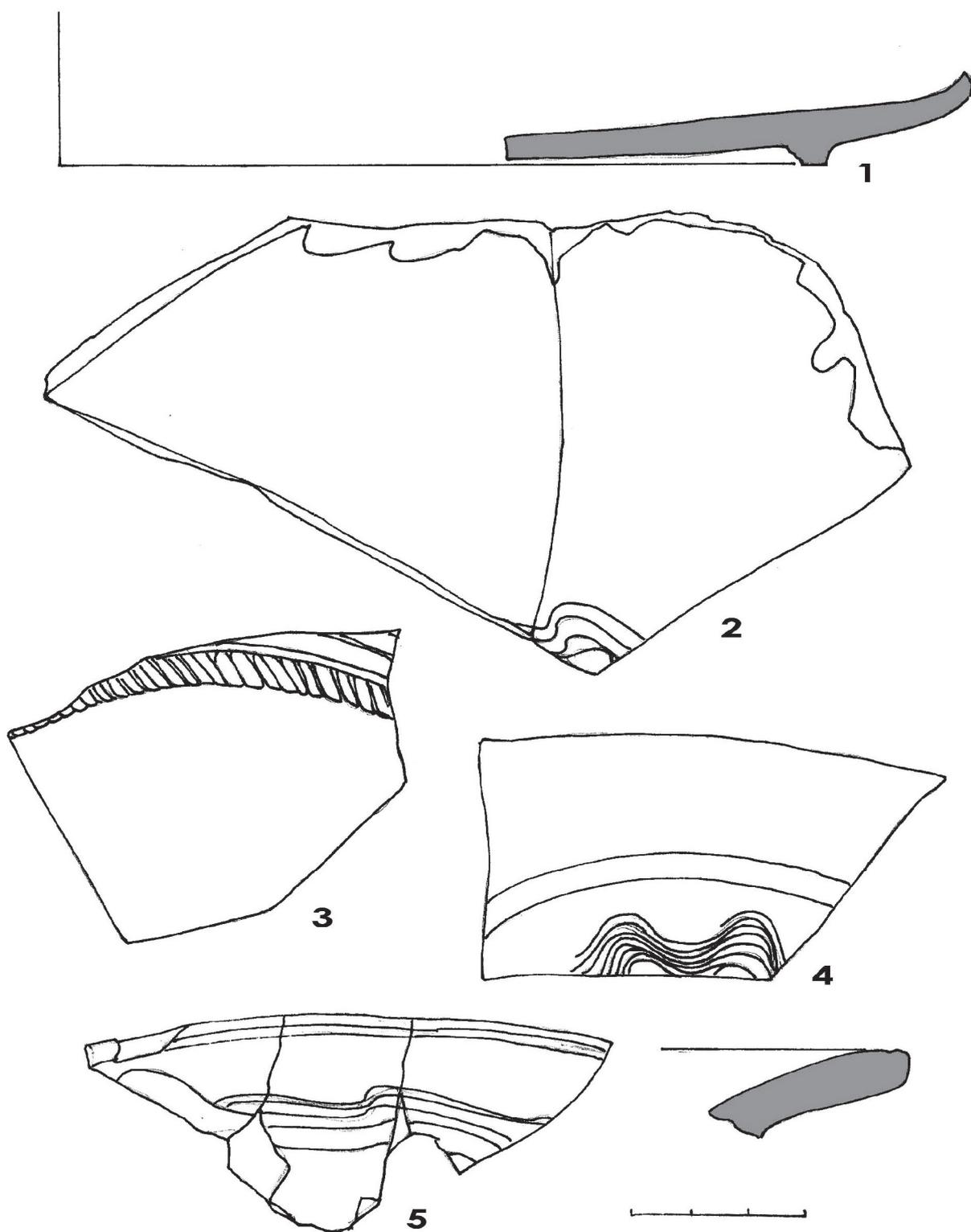

Рис 10. Краснолаковые блюда типа Red Slip Ware form 3 из колодца.

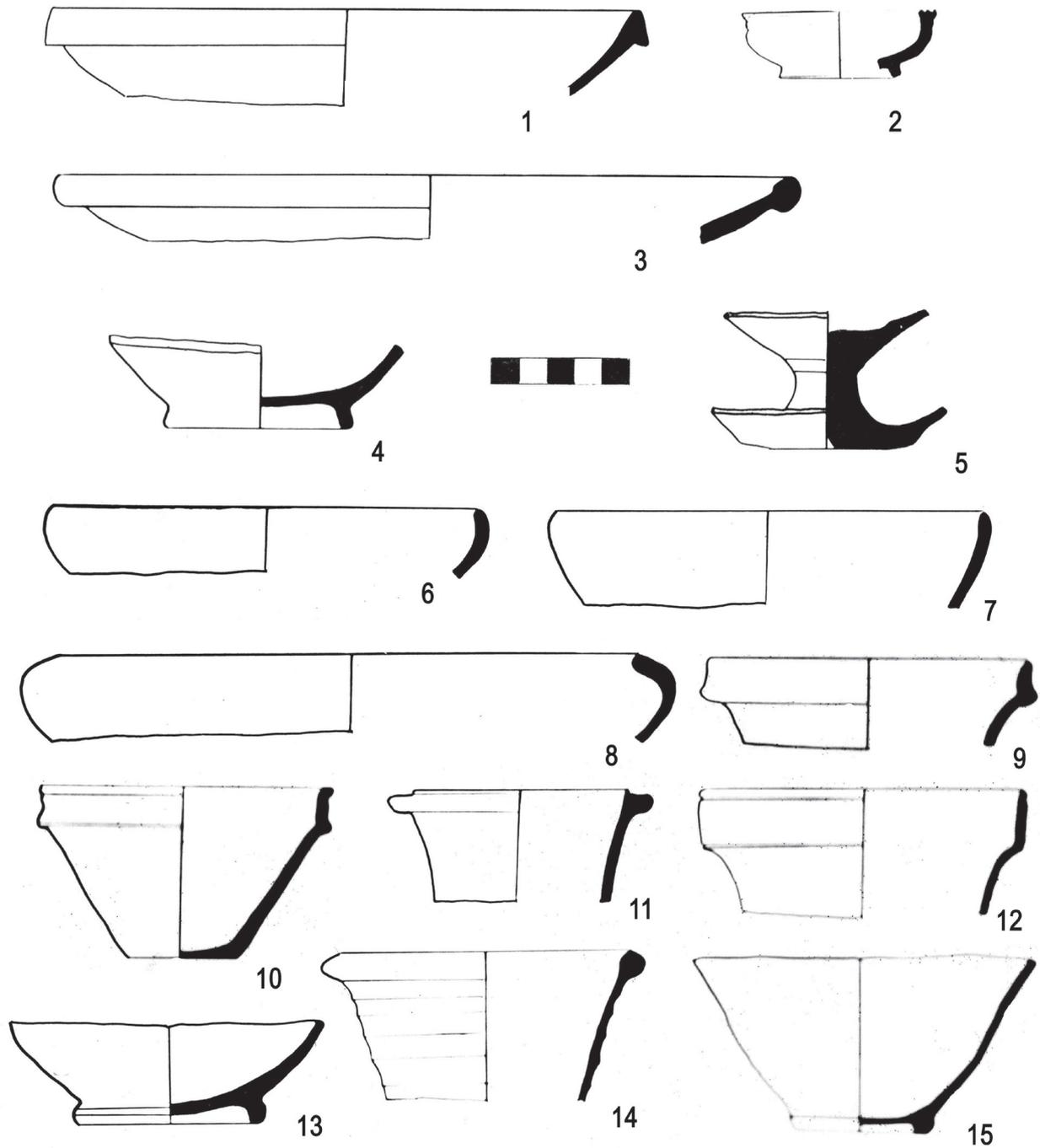

Рис 11. Краснолаковая керамика из пом. 7 и 11.

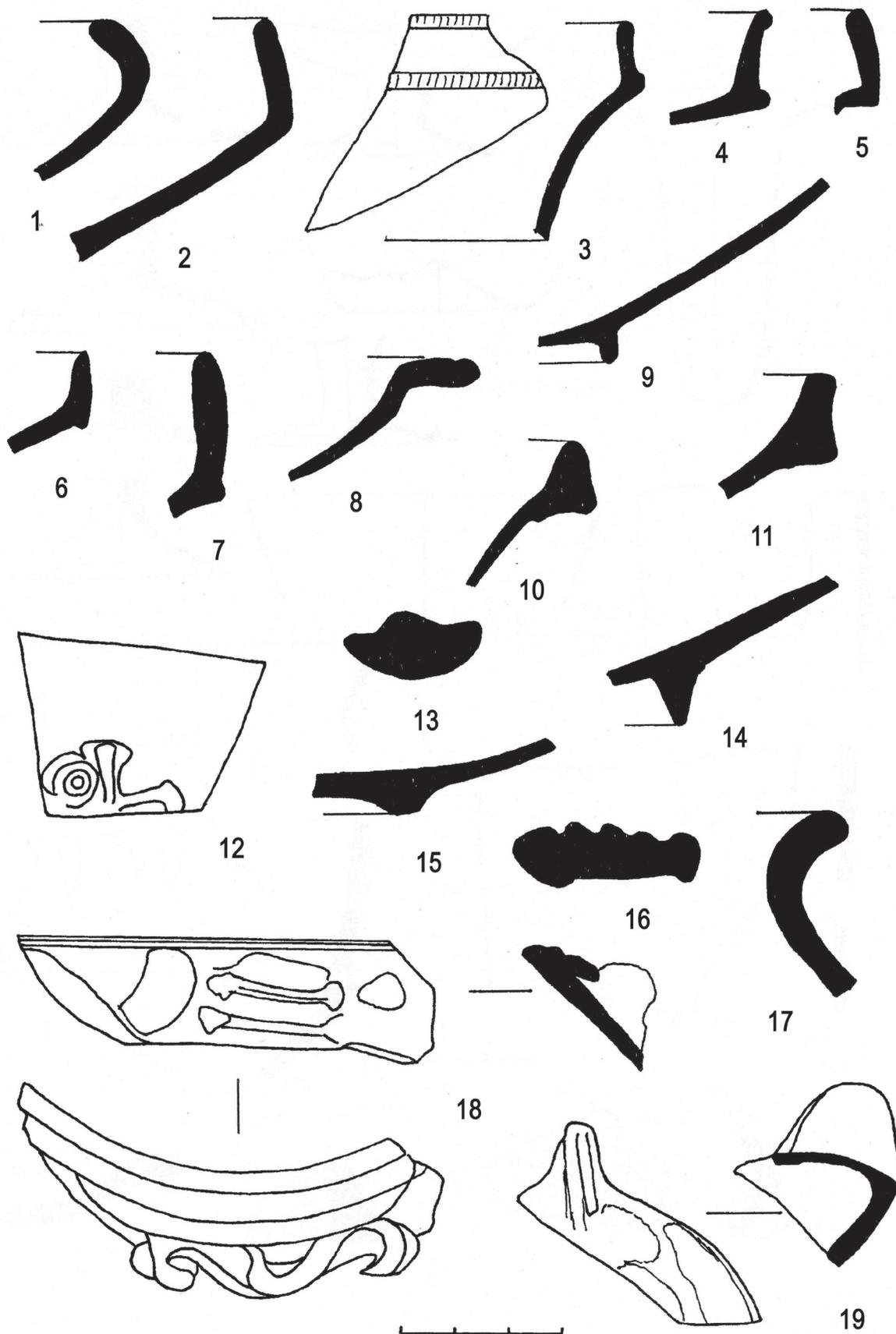

Рис 12. Краснолаковая керамика из пом. 9.

С. В. УШАКОВ,
Е. В. СТРУКОВА

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПИФОСАРИЙ ИЗ РАСКОПОК «КАЗАРМЫ» В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Нам уже приходилось отмечать неудовлетворительную в целом сохранность памятников античного времени в Херсонесе из-за масштабных перестроек в эпоху средневековья. Тем более важна публикация результатов раскопок, в ходе которых такие памятники были обнаружены: в данном случае речь пойдет о пифоссарии эллинистического времени, раскопанной в ходе исследований комплекса здания так называемой «Казармы», расположенной в Портовом районе городища экспедицией НЗХТ и ХНУ им. Н. Каразина (рис. 1-2).

Но прежде нужно сказать о каменном блоке, обнаруженном в «Казарме». М. И. Золотарев высказал предположение, что блок являлся элементом рычажного пресса, применявшегося греками для выдавливания виноградного сока. Н. П. Андрущенко описывает его как каменный блок — близкий к кубу параллелепипед с размерами в плане 75x85 см, высотой 70 см и весом около одной тонны (Андрущенко 2005: 45 рис. 1). По двум противоположным боковым сторонам этого блока были вырезаны пазы в виде «ласточкина хвоста» для крепления деревянной конструкции, которая имела винт давилного пресса. На верхней горизонтальной плоскости — круглое углубление диаметром 26 см и глубиной 18 см. Осмотр «якоря» на местности еще раз подтвердил, что описание его не совсем точное — у него закругленные ребра.

Н. П. Андрущенко обратил внимание, что в работе «Виноделие на Боспоре» В. Ф. Гайдукевич (1958: 406) приводит рисунки каменных грузов, найденных в Малой Азии и один из образцов довольно близко совпадает с находкой экспедиции М. И. Золотарева (Андрущенко 2005: 39). Н. П. Андрущенко посчитал, что данный «якорь» вне всяких сомнений принадлежит «Дому винодела», расположенному в Северном районе Херсонеса. При этом он ссылается на то, что Г. Д. Белов при раскопках этого комплекса обнаружил «несколько крупных блоков с вырезами на сторонах, которые могли служить грузом для рычага» (Белов 1952: 233). Поэтому делается вывод о том, что блок найден через 50 лет повторно (Андрущенко 2005: 40; Андру-

щенко 2005а: 45). Однако нам трудно представить обстоятельства, при которых стало необходимым тогда переместить каменную глыбу весом в одну тонну на столь значительное расстояние.

Предположительно, груз может относиться к помещениям именно казармы, поскольку в ходе раскопок 1996 года в восточном углу помещения 38 зачищены 5 сравнительно больших округлых конусовидных выемок (рис. 3-4) диаметром 0,37–0,43–0,68 м и глубиной 0,07–0,12–0,16 м и четыре меньших ямок по размеру (диаметр 0,18–0,22–0,24 м, глубина 0,16–0,24 м), а также врубленное в скале ложе водостока, пересекающее этот участок (глубиной до 0,44 м и шириной до 0,22 м). Большие выемки расположены в «шахматном порядке» и являются, вероятно, углублениями для установки пифосов (рис. 5). Сами обломки этих тарных сосудов не сохранились. В небольшие углубления устанавливались, скорее всего, столбы, поддерживавшие навес в этой части двора — эти ямки зафиксированы на краю площадки. Стоит добавить, что при зачистке участка перед помещением 63, когда выявились все неровности рельефа, было обнаружено еще одно большое углубление, служащее, вероятно, так же для установки пифоса. У дверного проема этого помещения были выявлены также тщательно выполненные неглубокие параллельные прямоугольные вырубы в скале, назначение которых осталось неясным.

Наскальный слой помещения 38, где были обнаружены ямы под пифосы, содержал мелкие фрагменты керамики эллинистического времени (толщина слоя составляла 10 см). Слой сохранился не повсеместно, а своеобразными «линзами», преимущественно в западинах скалы. Эти линзы имели желтоватый цвет, характерный для эллинистических слоев Херсонеса. Можно обоснованно предположить, что в более позднее (римское) время большая часть слоя была уничтожена в результате многочисленных перестроек. Винодавлен и резервуаров в ходе раскопок обнаружено не было.

Для датировки пифосария (винохранилища) важное значение имеют археологические материалы из самого нижнего слоя на этом участке. Находки из наскального слоя в помещении были немногочисленны (около четырех десятков профильных частей сосудов и столько же стенок), но достаточно характерны (рис. 7). В самом отчете о раскопках они описаны скупно. Это фрагменты чернолаковой и расписной (чашки, блюда, канфары), простой столовой и кухонной посуды, керамические пирамидальные грузила, фрагменты амфор Херсонеса, Хиоса, Фасоса, Менды, Гераклеи Понтийской. Дата большинства находок не выходит за рамки IV–III вв. до н.э. (Архив НЗХТ. Д. 3319. Л. 3).

Обращение к полевой описи и более внимательный анализ материала показал следующее. Керамические находки из раскопок пифосария в «Казарме» (нижний слой, который перекрывал ямы) были только эллинистического времени, и, что важно, без примеси более позднего материала. Забегая вперед, можно отметить, что они были не очень многочисленными, но достаточно разнообразными и хронологически показательными.

Простая столовая посуда представлена эллинистическими кувшинами с петлевидными поднятыми над горловинами ручками (рис. 7, 5-6). Кухонная гончарная посуда представлена закраиной кастрюли с характерным отогнутым краем (рис. 7, 10). Там же найдены керамические пирамидальные грузила. Их было три, на рисунке в отчете изображено только одно (рис. 7, 15).

Хронологически показательная керамика из слоя — чернолаковая и расписная краснофигурная посуда. Представлена она несколькими типами сосудов. Кратко опишем их.

Мисочки с загнутым краем и штампованным орнаментом (рис. 7, 1-2). Они весьма напоминают сосуды, найденные на городище «Чайка» (Егорова 2005: рис. 4, 29–43). При рассмотрении этой группы сосудов Т. В. Егорова, вслед за С. Ротрофф, делит их на две группы и приводит многочисленные аналогии из различных центров греческого мира. Датировки сосудов, наиболее близких нашим экземплярам, не выходят за пределы третьей четверти IV — первой половины III (См.: Егорова 2005: 222).

Канфары. Их несколько экземпляров, представленных закраинами (рис. 7, 3-4, 8, 11). Примечательна одна закраина килика-канфара с рисунком листьев плюща или аканфа (рис. 7, 4). Не совсем такой, но несколько напоминающий рисунок есть на канфаре из некрополя у пос. Заозерное в Западном Крыму. Т. В. Егорова

(2004: рис. 1, 6) относит этот сосуд к типу классической серии канфаров по С. Ротрофф (Rotroff 1998: 83–85). Наш сосуд может быть датирован по аналогии временем не позже последней четверти IV — начала III в. до н.э. (Егорова 2004: 144). Однако, скорее всего, фрагмент канфара из «Казармы» ближе к сосуду типа расписного килика-канфара из некрополя Панское, опубликованного К. С. Горбуновой, которая отнесла его ко времени, близкому 400 г. до н.э. (Горбунова 1977: 45). Как представляется, в хронологических рамках IV века до н.э. и должен датироваться наш фрагмент. В качестве аналога и для уточнения датировки можно привести еще находку расписного глубокого килика их раскопок квартала III, проведенных в его центральной части. В 1988 году в ходе раскопок там был найден фрагмент закраины глубокого краснофигурного сосуда этого типа с процарапанной на его внутренней стороне однострочной надписью. Археологический контекст и многочисленные аналогии позволили предложить обоснованную датировку этого килика в пределах первой половины IV столетия до н.э. К этой дате близка еще одна находка из пифоссария в казарме — «литая» закраина еще одного канфара (рис. 7, 3). Она очень похожа на детали аналогичных сосудов из некрополя Панское (См.: Рогов, Тункина 1998: рис. 6–8, 11–13). Тулово и ножка третьего канфара (рис. 6, 11) более стройных пропорций и могут быть отнесены ко времени конца IV — начала III вв. до н.э. (Егорова 2004: рис. 1, 9).

Там же были найдены и другие столовые чернолаковые сосуды (практически все во фрагментах): ручка килика (полевой № 6), доньшко мисочки со штампованным орнаментом (п. № 4), тарелка с валикообразной закраиной (рис. 7, 9), стенка кувшина с орнаментом в виде каннелюр и сохранившимся нижним прилепом (?) ручки, чаша с утолщенной закраиной из серой глины с черным покрытием (рис. 7, 7).

Судя по всем описанным выше материалам, археологический слой, к которому они относятся, мог образоваться не позже конца IV — начала III вв. до н.э. Опираясь на это определение, можно предположить, что именно тогда и функционировал пифосарий, который мог быть демонтирован чуть позже этой даты.

Амфорный комплекс находок не так многочисленен. Из двух хронологически важных фрагментов — это амфоры Менды на рюмкообразной ножке (рис. 7, 19-20) вариантов портичелло и мелитопольского (Монахов 2003: табл. 63, 2, 3), которые датируются С. Ю. Монаховым пер-

вой половиной IV и второй — третьей четвертями IV вв. до н. э. соответственно (Монахов 2003: 95). Таким образом, датировки амфорного материала в целом не противоречат датам, предложенным по находкам чернолаковых образцов.

При раскопках удалось обнаружить несколько монет. Две монеты, определить удалось (№№ 15, 16 Описи монет). Монета № 15 — лев, терзающий быка (350–330 гг.), происходит из заполнения водостока у пифоссария; а № 16 — IV в. до н. э. — из верхнего слоя над водостоком. Правда, при зачистке этого водостока была найдена еще одна монета, очень плохой сохранности, которая предположительно отнесена ко I–II вв. н. э. Если это даже так, то она могла попасть в водосток в древности с потоком воды из соседнего помещения, где зафиксировано достаточно много материала первых вв. н. э.

Таким образом, мы можем определенно сказать, что описанный выше пифосарий функцио-

нировал относительно недолго и прекратил свое существование уже в эллинистическое время. Мы вполне можем предположить, что пифосарий был связан с винопроизводством. Именно к нему мог относиться найденный каменный «якорь» — пресс. Однако, учитывая небольшие размеры хранилища, которое компактно могло располагаться под навесом в углу двора (рис. 6), вино здесь могли изготавливать в том объеме, который был достаточен для нужд хозяина дома. В таком случае было достаточно небольших переносных давлений и этим вполне можно объяснить отсутствие стационарной винодельни, а «якорь» мог относиться к не найденному пока винодельческому комплексу. Впрочем, в свое время С. В. Дьячков полагал, что винодельня там существовала, но относил ее к римскому времени (Дьячков 2007: 54).

ЛИТЕРАТУРА

- Андрущенко М. П. Унікальна знахідка в Херсонесі. *Пам'ятки України: науковий часопис* 2. — К., 2005: 39–41.
- Андрущенко Н. П. К вопросу о реконструкции античных виноделен: херсонесский «Дом винодела». *ХСб.* XIV. — 2005а: 45–52.
- Белов Г. Д. Херсонесские винодельни. *ВДИ.* — 1952. № 2: 225–237.
- Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. — Л., 1980.
- Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре. *МИА* 85. — 1958: 149–218.
- Горбунова К. С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I. История и культура античного мира. — М., 1977.
- Дьячков С. В. Исследования в Портовом районе Херсонеса. Археологические исследования в Крыму. 1995 год. — Симферополь, 2007: 54.
- Дьячков С. В., Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1995 г. *Архив НЗХТ.* Д. 3226.
- Егорова Т. В. Чернолаковая керамика из некрополя у поселка Заозерное. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников.* Часть 2. Материалы международной научной конференции. — СПб., 2004: 143–152.
- Егорова Т. В. Чернолаковые миски и солонки с городища «Чайка» близ г. Евпатории. *Боспорские исследования VIII.* — Керчь–Симферополь, 2005: 218–237.
- Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. *Архив НЗХТ.* Д. 2845.
- Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1996 г. (здание т. н. «Казармы») *Архив НЗХТ.* Д. 3319.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. — Саратов, 1999.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. — Москва-Саратов, 2003.
- Рогов Е. Я., Тункина И. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *Археологические Вести* 5. — 1996–1997.
- Rotroff S. I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora XXIX (1–2). — Princeton, New Jersey, 1997.

С. В. Ушаков, Е. В. Струкова

**ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПИФОСАРИЙ ИЗ РАСКОПОК «КАЗАРМЫ»
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ**

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена находке пифосария при раскопках здания «Казармы» в Портовом районе Херсонеса в 1995 г. Археологические материалы из наскального слоя в пом. 38 на участке, где найден пифосарий, относятся ко времени не позже

конца IV — начала III вв. до н. э. Таким образом, пифосарий (винохранилище) функционировал в IV в. до н. э. и прекратил свое существование уже в эллинистическое время.

С. В. Ушаков, Е. В. Струкова

**ЕЛЛІНІСТИЧНИЙ ПІФОСАРІЙ З РОЗКОПОК «КАЗАРМИ»
В ХЕРСОНЕСІ ТАВРІЙСЬКОМУ**

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена знахідці піфосарія при розкопках будівлі «Казарми» в портовому районі Херсонеса в 1995 р. Археологічні матеріали з наскального шару в прим. 38 на ділянці, де знайдено піфосарій, відносяться до часу не пізніше

кінця IV — початку III ст. до н. е.. Таким чином, піфосарій (винохранилище) функціонував у IV ст. до н. е. і припинив своє існування вже в елліністичний час.

S. Ushakov, Ye. Strukova

**HELLENISTIC PITHOI FROM THE EXCAVATIONS OF «BARRACKS»
IN TAURIC CHERSONESOS**

SUMMARY

The article deals with pithos pits uncovered in the process of excavating Barracks in Chersonesos Port area in 1995. Archeological material from rock stratum in room 38 from the site where pithos pits were found dates back to the late 4th — early 3rd

century B.C. Therefore, it can be concluded that pithos pits for storing wine were functioning in the 4th century B.C. and got out of use in the Hellenistic period.

Рис 1. Здание «Казармы» в Херсонесе. Общий вид.

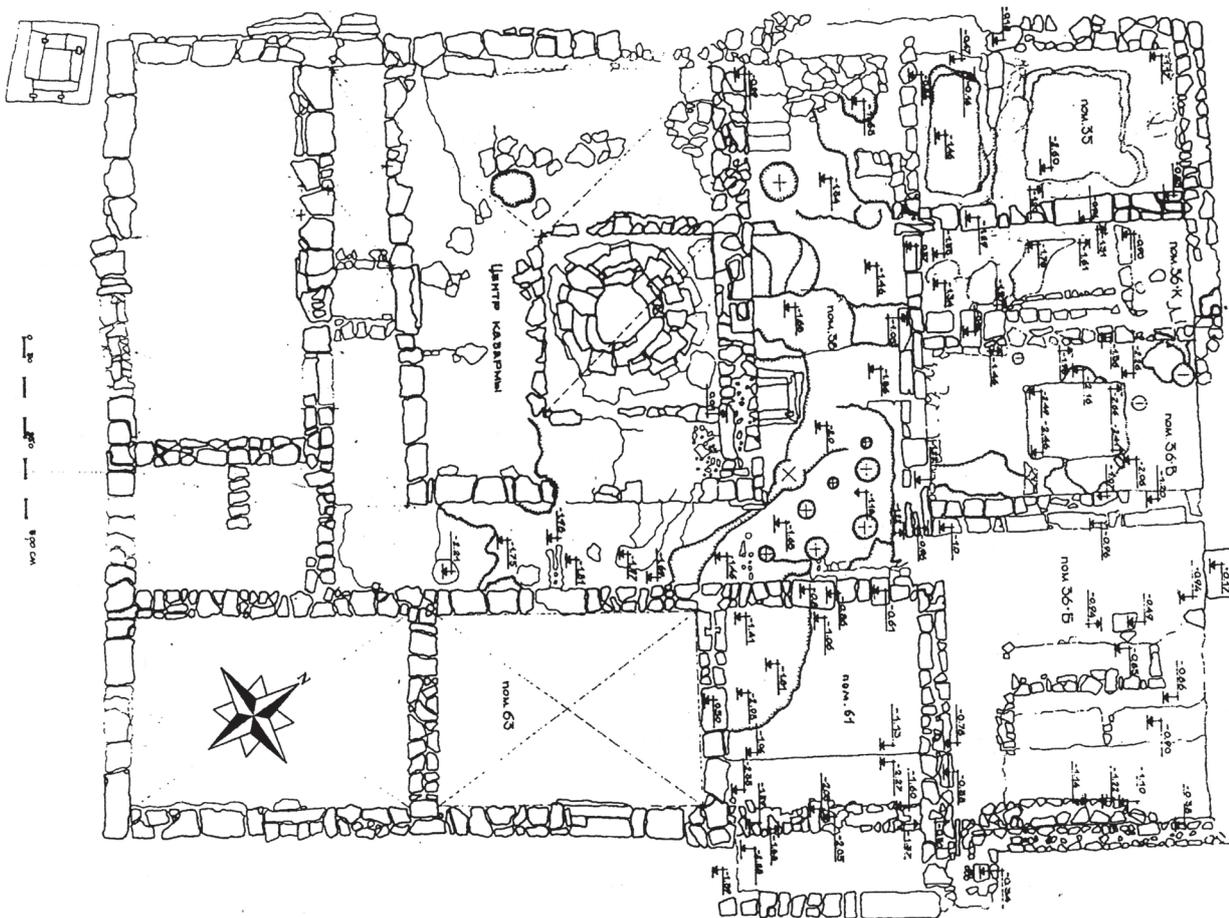

Рис 2. «Казарма». Генеральный план раскопок.

Рис 3. Центральная часть «Казармы» в процессе раскопок. На заднем плане – ямы под пифосы.
Фото М.И. Золотарева.

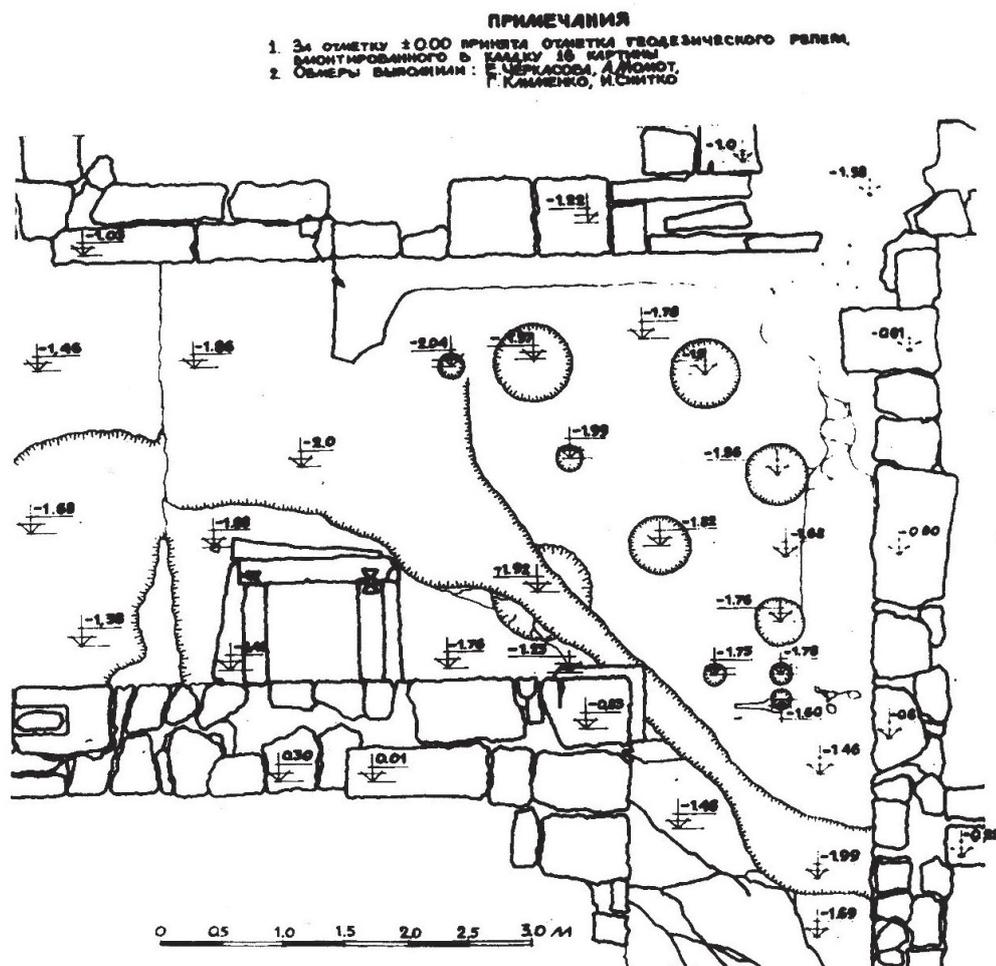

Рис 4. Ямы под пифосы в «Казарме». План.

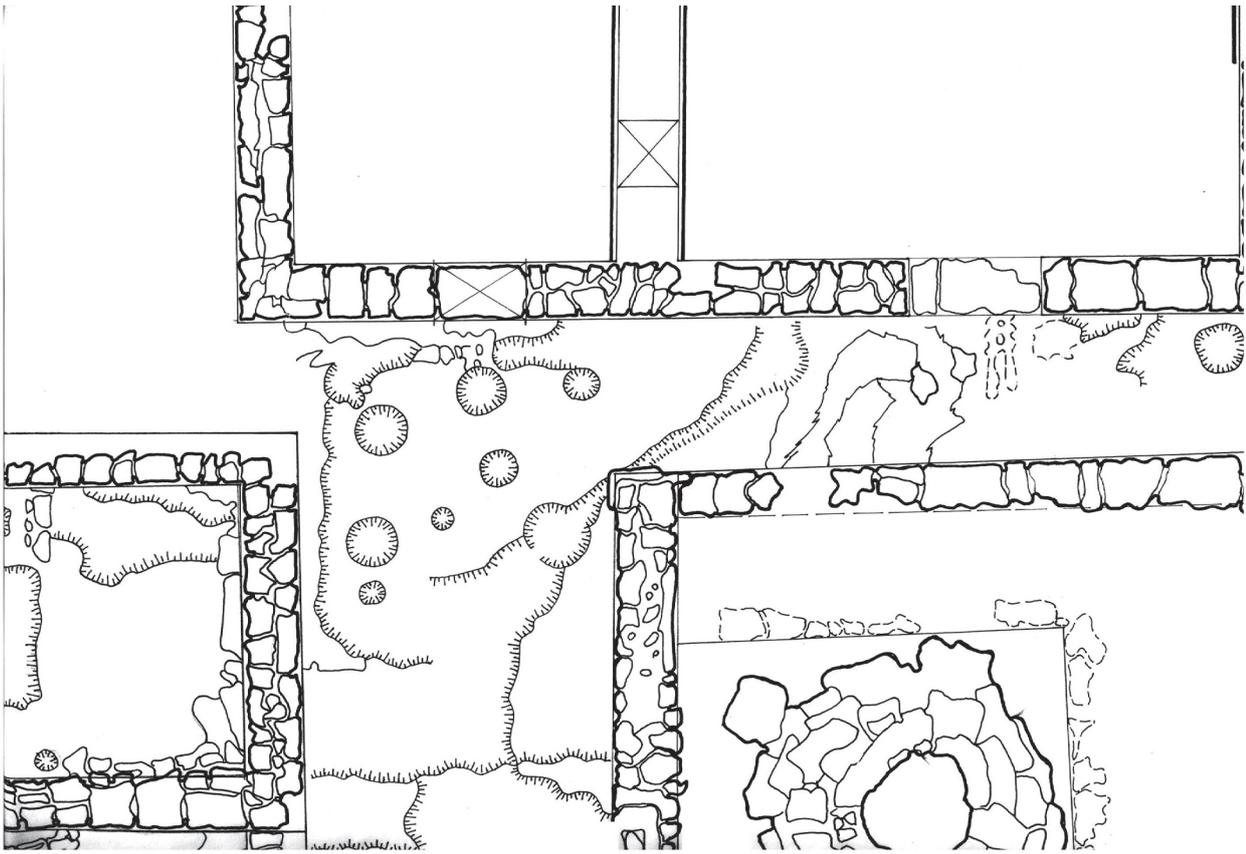

Рис 5. Место расположения пифосария.

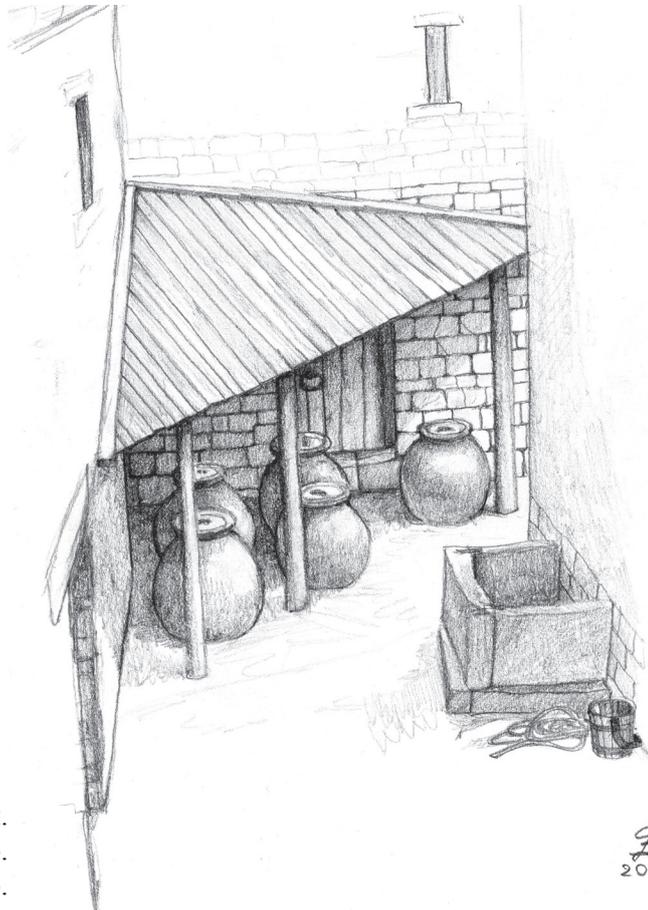

Рис 6. Пифосарий.
Реконструкция С. В. Ушакова и В. В. Дорошко.
(Рисунок В. В. Дорошко).

2007

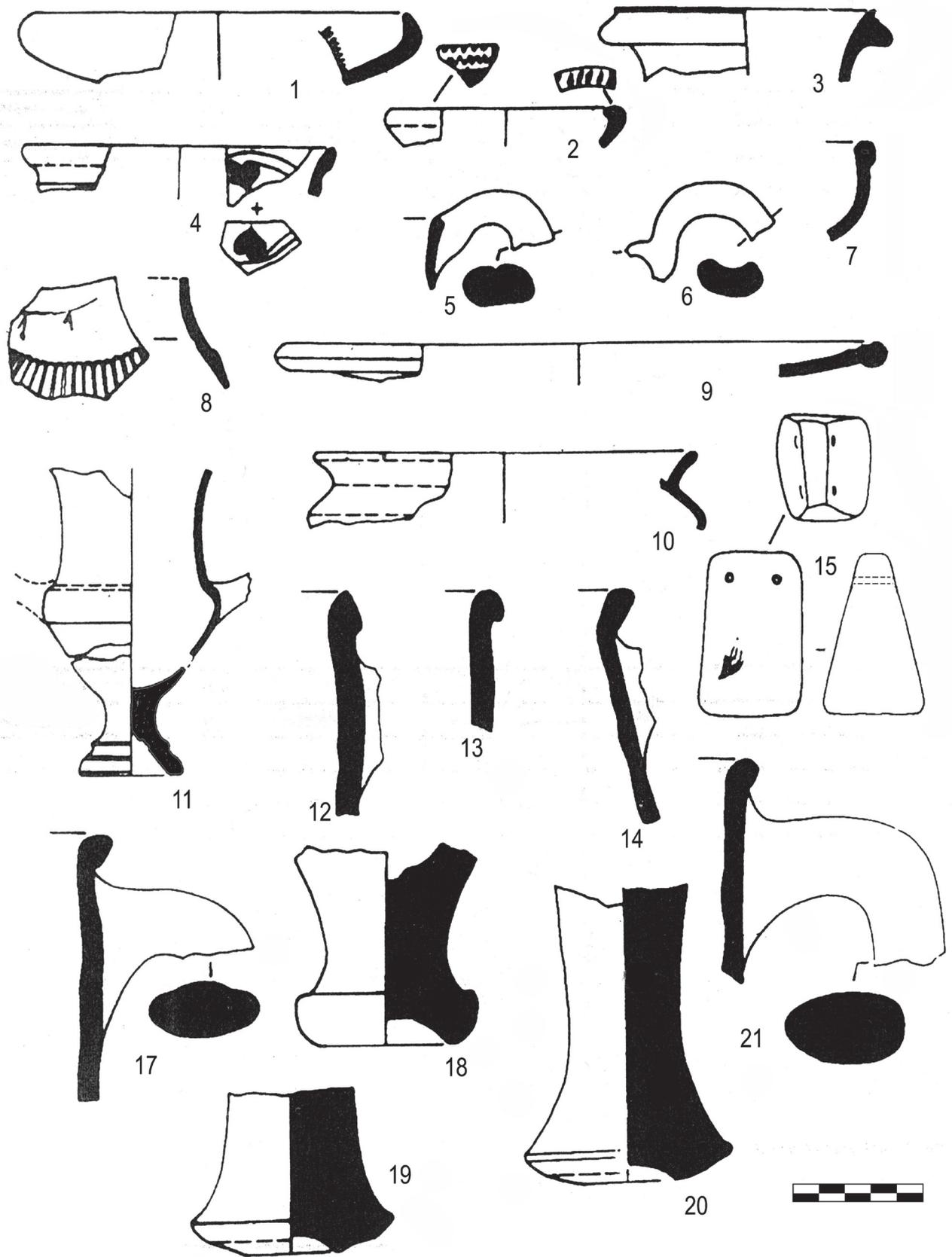

Рис 7. Археологические находки из раскопок пифосария.

Е. А. ХВАЛЬКОВ

**ФРАГМЕНТ ИЗ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» НИКИФОРА ГРИГОРЫ
КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ
И КОММЕРЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ХЕРСОНА В 1350 Г.**

Наше внимание привлек фрагмент из «Римской истории» византийского писателя Никифора Григоры (около 1295–1360 гг.), повествующий о событиях середины XIV в. Мы руководствовались критическим изданием «Римской истории», опубликованным в Бонне в серии *Corpus scriptorum historiae byzantinae* с параллельным латинским переводом (Nisephorī Gregorae... 1830: 877, 12). Данное издание основывалось на манускриптах Vaticanus Graecus 1095 (хранится в Ватиканской апостольской библиотеке), Parisinus Graecus 1276 и Parisinus Graecus 3075 (хранятся в Парижской Национальной библиотеке). В Санкт-Петербургской духовной академии были переведены на русский в 1862 г. первые книги «Римской истории», из которых был издан только первый том перевода (Григора 1862). Представленный ниже отрывок «Истории» переводится на русский и публикуется впервые.

«... В эту пору приплыли в Византий тридцать три венецианских триеры против галатской крепости генуэзцев, которые уже давно начали войну и угрожали им (*венецианцам — Е. Х.*) погибелью. Ведь этим генуэзцам, которые превозносились перед жителями Византии той дурной победой в том бесславном морском сражении, казалось, будто их уже нельзя сдержать. Они уже помышляли в своих мечтах о господстве на всем море. Захватив прежде Понт Эвксинский по причине выгод, которые из этого проистекали, они не только владычественным образом приказывали византийцам, будто бы будучи господами; более того, они с большой дерзостью приказывали плавающим по торговым делам держаться подальше от Меотиды, Танаиса, а вдобавок и Херсона, и всех приморских местностей, которые есть у скифов за Истром, и вообще всех мест, в какие бы они ни проникали... (Nisephorī Gregorae... 1830: 877, 12)».

Следует сказать несколько слов о контексте событий венецианско-генуэзского конфликта, описываемого Никифором Григорой.

Как известно, венецианские купцы проникали в Причерноморье еще с XIII в. или даже раньше.

Однако только в XIV в. у Республики святого Марка появилась постоянная опорная точка в Северном Причерноморье. В 1332 г. венецианцы получили от хана Узбека право строиться и торговать в Тане (совр. Азов) (Брун 1871: 22). В 1342 г. договор с ханом Джанибеком дал им участок земли между иудейским и генуэзским кварталами, причем Джанибек по просьбе венецианского Сената дал ярлык и разрешение на размежевание венецианского и генуэзского кварталов (Карпов 1994: 122). Однако в 1343 г. в Тане итальянец Андриоло Чиврано «с прочими» убил татарина по имени Ходжи-Омер (Юргевич 1863: 157–177; Карпов 1994: 122), что повлекло за собой разрушение Таны Джанибеком (Волков 1860: 156). Европейские хроники оценивают ущерб, причиненный при этом генуэзцам, для которых приоритетной точкой была все же Кафа, в 350 000 цехинов (Юргевич 1863: 164). Скорее всего, несколько преувеличенная в источниках, эта цифра все же дает некоторое представление о торговых оборотах в Тане.

После безуспешных попыток венецианцев примириться с татарами (Волков 1860: 157–158) генуэзский посол Конрадо Чигала произнес в присутствии венецианского дожа Андреа Дандоло речь, в которой он предложил совместно с Генуей требовать от хана возмещения ущерба (текст речи см: Волков 1860: 188–189). За этим последовало подписание в 1344 г. договора о том, что итальянские корабли не будут плавать в Тану и вообще во владения Джанибека, а ограничат свою торговлю на Восток Кафой, где венецианцам были даны как право иметь своего консула, так и освобождение от всех налогов и пошлин на ввоз и вывоз товаров (текст договора см: Волков 1860: 193–194). Это был первый договор, которым генуэзцы ограничили перемещения венецианцев в Северном Причерноморье. Таким образом, генуэзцы, во-первых, привлекли в Кафу людей и товары, которые впоследствии уже не миновали этого пункта, а, во-вторых, устранив (хоть и временно) венецианцев из Приазовья, продолжали укреплять сеть своих владений на Черном море. Торговля на Черном

море осуществлялась теперь преимущественно по линии Пера — Кафа (Волков 1860: 161).

И в XIV, и в XV вв. линия политики генуэзцев в отношении Приазовья оставалась прежней: ни греки, ни итальянцы (кроме самих генуэзцев) не должны были жить в Тане, а любые индийские товары, привезенные в Тану на имя какого-либо иностранного купца, должны были сгружать в порту Кафы (Волков 1860: 161). Это означало, что Кафа, в которой генуэзцы были уверены в прочности своих военных и экономических позиций и, следовательно, стремились сконцентрировать основные потоки людей и товаров, будет развиваться как едва ли не единственный центр черноморской торговли со странами Востока, Азовское море останется закрытым для не-генуэзских судов, а Тана перестанет быть торговой точкой вообще. Все это можно было расценивать как несомненную победу генуэзцев, ибо теперь им стала подконтрольна венецианская торговля в Причерноморье, а генуэзская Кафа стала превращаться в главный экономический центр северного Причерноморья.

Эта победа обратилась в несомненный ущерб Венеции, ибо генуэзцы имели тенденцию рассматривать случившееся как прецедент, навсегда связывавший Республику св. Марка, поэтому подписание Венецией мира с Джанибеком в одностороннем порядке и возвращение венецианцев в Тану в 1347 г. снова породило вражду между двумя республиками (Брун 1848: 716–718). Генуэзцы захватили венецианские торговые суда, шедшие в Тану, и вынудили Венецию в союзе с Иоанном Кантакузином и Педро IV Арагонским начать против Генуи войну, длившуюся с 1350 по 1355 гг. (Волков 1860: 159). Вслед за несколькими военными неудачами венецианцев и присоединившихся к ним византийцев, испуганный император Иоанн Кантакузин подпи-

сал 6 мая 1352 г. договор, по которому не только итальянским, но и греческим судам запрещалось входить в Азовское море и в порт Таны без сопровождения генуэзцев (Волков 1860: 162). Формально по этому договору запрещение плавать в Тану касалось только греческих судов, венецианские суда при этом не упоминались (Якобсон 1959: 230).

В 1355 г. республики помирились, а венецианцы обязались не плавать в Тану в течение трех лет (Брун 1871: 22). Отчасти неизбежный для Венеции ущерб мог быть возмещен тем, что в это время наместник Крыма Рамадан по договору 2 марта 1356 г. уступил венецианцам Порто Провато, а в 1358 г. этот договор подтвердил его преемник Кутлуг-Темир. Более того, последний открыл для венецианских судов Солдайю и Калиера — *Caletta, Caliterra*, до 1945 г. Отуз, совр. Щebetовка (Брун 1871: 23). В том же 1358 г., по истечении 3-х лет, хан Бирдибек позволил венецианцам вернуться в Тану, чему генуэзцы на этот раз не только не противились, но и по возможности старались оставаться в дружбе с венецианцами, как это видно из переписки дожей в 1361 г. (Брун 1871: 23). Возможно, выражения преданности в письмах генуэзского дожа объясняются опасностью, грозившей итальянским факториям в Северном Причерноморье со стороны турок Малой Азии (Heyd 1866–1868: 115).

Таким образом, перевод фрагмента «Истории» Никифора Григоры представляет интерес не только как взгляд на события венецианско-генуэзского противостояния 1350 г. глазами представителя византийской интеллектуальной элиты, но и на наш взгляд, как редкое свидетельство безусловного существования Херсона как портового центра в середине XIV столетия и его определенного торгового значения для итальянских купцов.

ЛИТЕРАТУРА

- Брун Ф. К. Материалы для истории Сугдеи. — Одесса, 1871.
- Брун Ф. К. Etudes sur le commerce au moyen-age. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies Genoises de la Crimée, par F. de la Primandaie. *ЗООИД*. 2. — Одесса, 1848: 709–718.
- Волков М. А. О соперничестве Венеции с Генуею в XIV веке. *ЗООИД* 4. — Одесса, 1860: 151–182.
- Волков М. А. Сборник Венециано-Генуэзских грамот (1342–1491 г.). *ЗООИД* 4. — Одесса, 1860: 183–236.
- Григора, Никифор. Римская история/под ред. Шалфеева. — СПб., 1862.
- Карпов С. П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников. *ВВ* 55 (1). — Москва: 121–126.
- Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму. *ЗООИД* 5. — Одесса, 1863: 157–177.
- Якобсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсона (Исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес». МИА 17, 1950). *ХСб*. 5. — Симферополь, 1959: 229–244.
- Heyd W. Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo, dissertazioni del prof. Gugl. Heyd, recata in italiano dal prof. Gius. Müller. Venezia, Torino: Antonelli e Basadonna, 1866–1868. Vol. II.
- Nicephori Gregorae Byzantina historia. Cura Ludovici Schopeni. Volumen II. — Bonnae, 1830.

Е. А. Хвальков

**ФРАГМЕНТ ИЗ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» НИКИФОРА ГРИГОРЫ
КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ
И КОММЕРЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ХЕРСОНА В 1350 Г.**

РЕЗЮМЕ

Наше внимание привлёк фрагмент из «Римской истории» византийского писателя Никифора Григоры (около 1295–1360 гг.), повествующий о событиях середины XIV в. Повествуя о событиях, связанных с венецианско-генуэзским противостоянием XIV в., этот отрывок представляет интерес как редкое упоминание в письменных источниках о существовании Херсона в 1350 г. Более того, очевидно, поселение на территории средне-

векового Херсона не только продолжало свое существование в указанный период, но и имело определенное торговое значение для итальянских купцов, поскольку оно упоминается наряду с Таной («Танаисом» греческого текста), ключевым форпостом венецианцев в регионе и одной из значительных факторий генуэзцев, в то время как ссылки на менее значительные торговые точки в тексте отсутствуют.

Е. А. Хвальков

**ФРАГМЕНТ ІЗ «РИМСЬКОЇ ІСТОРІЇ» НИКИФОРА ГРИГОРИ
ЯК СВІДЧЕННЯ ІСНУВАННЯ І КОМЕРЦІЙНОГО
ЗНАЧЕННЯ ХЕРСОНА В 1350 Р.**

РЕЗЮМЕ

Нашу увагу привернув фрагмент з «Римської історії» візантійського письменника Никифора Григоры (близько 1295–360 рр.), що оповідає про події середини XIV століття. Розповідаючи про події, пов'язані з венеційсько-генуезьким протистоянням XIV століття, цей уривок представляє інтерес як рідкісна згадка в письмових джерелах про існування Херсона в 1350 р. Більше того, очевидно, поселення на території середньовічного

Херсона не тільки продовжувало своє існування у вказаний період, але і мало певне торгове значення для італійських купців, оскільки воно згадується разом з Таной («Танаїсом» грецького тексту), ключовим форпостом венеціанців в регіоні і однією із значних факторій генуезців, в той час як посилання на менш значні торговельні точки в тексті відсутні.

Е. Khvalkov

**A FRAGMENT FROM THE «ROMAN HISTORY» OF NICEPHORUS GREGORAS
AS AN EVIDENCE OF THE CONTINUING EXISTENCE
AND COMMERCIAL SIGNIFICANCE OF CHERSON IN 1350**

SUMMARY

In this study, I focused on a fragment from the «Roman history» by Nicephorus Gregoras (circa 1295–1360), narrating the events of the struggle between the Venetians and the Genoese in the fourteenth century. The main interesting point about this fragment is that it appears to be the rare mention of the continuing existence of Cherson in 1350 in the written sources. Further, obviously, it was not simply the case that the settlement on the territory

of mediaeval Cherson merely continued to exist; most likely it had a certain commercial significance for the Italian merchants, since the source mentions Cherson alongside with Tana (Tanais of the Greek text), a pivotal outpost of the Venetians and one of the most important trading stations for the Genoese, while the references to any trading posts of secondary importance are lacking.

А. В. ШАМАНАЕВ

**УЧАСТИЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ СВ. ВЛАДИМИРА
В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887) В ДОКУМЕНТАХ 1887 ГОДА**

История археологических раскопок Херсонеса представляет не меньший интерес, чем сам этот уникальный памятник. Она прекрасно иллюстрирует развитие российской археологии как научной дисциплины, изменения форм организации археологических исследований и мер по охране памятников археологии. В связи с этим большое значение имеет детальное изучение всех аспектов и деталей этой многогранной деятельности.

С начала раскопок Херсонесского городища в 1827 г. и до 1888 г. изучение памятника осуществлялось представителями разных учреждений и организаций: военного ведомства, министерства императорского двора, Одесского общества истории и древностей (ООИД), Русской православной церкви. В 1888 г. исследования были полностью переданы в ведение Императорской Археологической комиссии (Юргевич 1886: 56–57; Бертье-Делагард 1893: 9–11; Бобринский 1905: 175–178; Иванов 1912: 170–176; Гриневич 1927: 9–23; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 18–28; Тункина 2002: 479–536).

В течение многих лет непосредственное отношение к раскопкам и охране памятника имели служители киновии, впоследствии монастыря св. Владимира, располагавшегося на территории городища (1852–1923). Так, еще в 1852–1853 г. настоятель киновии иеромонах о. Василий по поручению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (И. А. Борисова) производил исследования с целью выявления остатков церкви Богородицы, в которой, согласно Повести временных лет великий киевский князь Владимир принял крещение (Тункина 2002: 526). В 1860 г. о. Евгений, возглавлявший в обитель с 1857 по 1874 г., организовал археологические раскопки на месте строительства собора во имя св. князя Владимира (Мурзакевич 1863: 996–997; Тункина 2002: 533; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 5).

С 1876 по 1886 г. раскопки Херсонеса проводились под руководством Одесского общества истории и древностей на средства, выделявшиеся Синодом, а с 1881 г. — Министерством народного просвещения с участием настоятелей,

казначеев и специально назначенных монахов монастыря (Юргевич 1886: 57; Гриневич 1927: 19–21). В 1884 г. Одесское общество передало практическое руководство раскопками монастырю, сохранив за собой функции научного куратора исследований (Императорское Одесское общество... 1885: 108–109; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 225–225 об., 228).

Принципиальные изменения в организации исследовательских работ в Херсонесе произошли в 1887–1888 г. В 1887 г. председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова обратилась к Александру III с письмом, в котором резко критиковала деятельность Одесского общества и монастыря св. Владимира по осуществлению раскопок в Херсонесе. В дело вмешалась Императорская Археологическая комиссия, председателю которой графу А. А. Бобринскому удалось добиться запрета проводить раскопочные работы монастырским служащим и передачи исследований под совместный контроль Одесского общества и Археологической комиссии. С 1888 г. от участия в раскопках было отстранено и ООИД (Гриневич 1927: 23; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 25–26).

В Государственном архиве города Севастополя сохранился фонд монастыря св. Владимира, в том числе документы, характеризующие археологические исследования и меры по охране Херсонесского городища (Государственный архив... 2000: 14; Шаманаев 2004: 251–261). Интерес представляет документальный комплекс, связанный с запрещением монастырю осуществлять раскопки в 1887 г.

Первый, по дате, документ представляет собой копию распоряжения от 24 июня 1887 г. на имя епископа Таврического Мартиниана, подписанное обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. В нем извещается, что «Министр Народного Просвещения известил меня, что он входил со всеподданнейшим к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ докладом о предположениях ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Археологического общества касательно мер к сохранению остатков древняго Херсониса, каковыя предположения ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО удостоил предварительного ВЫСОЧАЙШАГО одобрения. При сем, по поводу того, что означенным докладом Статс Секретаря Делянова предполагалось, между прочим, объявить, что производство дальнейших раскопок на местности древняго Херсониса строго воспрещается и будет преследуемо». По поводу это указания, дано уточнение, что касается оно служителей монастыря: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть изволил: «Теперь же строго запретить монашествующим производить раскопки и продавать найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 295).

Можно предположить, что полученное распоряжение было неожиданным для главы Таврической епархии, поскольку в резолюции, наложенной епископом Мартинианом 6 июля 1887 г., содержится указание настоятелю Херсонесского монастыря: «так как предположение о воспрещении производить дальнейшия раскопки в поименованном монастыре вызвана, как видно из содержания этого отношения докладом ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго общества, то для разъяснения недоумения в этом предположении, не бесполезно бы было о. Архимандриту просить это общество указать на причину доклада Г-на Статс-Секретаря Делянова о строгом воспрещении раскопок в местности древняго Херсониса» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 295 об., 298).

Кроме того, епископ предписал немедленно известить настоятеля монастыря св. Владимира архимандрита Иннокентия о полученном запрете осуществлять раскопки, а также потребовал от него представить сведения для доклада К. П. Победоносцеву: «1, производились ли когда нибудь в местности Херсонисскаго монастыря раскопки остатков древняго Херсониса монашествующими этого монастыря, 2., если производились, то под чьим наблюдением, 3., продавались ли братиею этой обители найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 298).

Содержание распоряжения Синода и указания епископа Таврического были доведены до настоятеля монастыря св. Владимира архимандрита Иннокентия указом Таврической духовной консистории № 3934 от 6 июля 1887 г. (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 294–294 об.).

Почти одновременно с этими документами настоятель получил распоряжение севастопольскаго градоначальника от 8 июля 1887 г. Его текст представляет особый интерес, так как он содержит подробное изложение обстоятельств дела. После обращения П. С. Уваровой к Александру III, император повелел рассмотреть факты, содержащиеся

в ее письме министру народного просвещения И. Д. Делянову. Вероятно привлечение министра народного просвещения, а не председателя Императорской археологической комиссии, занимавшейся надзором за археологическими раскопками на территории империи, было связано с тем, что именно это ведомство финансировало исследования Херсонеса (Гриневич 1927: 21). Для подготовки записки императору он действовал совместно с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и председателем Русского археологического общества А. Ф. Бычковым (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286). Можно отметить, что А. Ф. Бычков, известный историк, археограф, нумизмат и археолог, академик, с 1874 г. был действительным членом Одесского общества истории и древностей (Летопись Общества... 1875: 363).

В результате рассмотрения жалобы П. С. Уваровой, И. Д. Делянов представил императору проект мер по сохранению и организации дальнейших исследований Херсонеса.

Прежде всего, было предложено «объявить, что производство раскопок на месте древняго Херсониса строго воспрещается и будет преследуемо». Напротив этого пункта записки Александр III сделал пометку «главное, чтобы действительно исполнялось» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об., 287). По-видимому, речь шла о запрещении, прежде всего, монастырю, так как еще в 1876 г. право осуществлять «все раскопки и розыски» было предоставлено «исключительно надзору Императорскаго Одесскаго Общества Истории и Древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 21 об.). В тоже время, авторы записки высказали категорические возражения против предложения П. С. Уваровой о ликвидации монастыря, его преобразования в приходскую церковь и конфискации, выделенной ему земли на территории городища. Александр III, согласившись с возможностью сохранить монастырь, отметил «теперь же строго запретить монахам производить раскопки и продавать найденныя вещи» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287, 288).

В тоже время, авторы записки выдвинули предложение о передаче раскопок под совместный контроль Императорской Археологической комиссии и Одесского общества истории и древностей. На эти организации предполагалось возложить обязанность «ежегодно, в определенное время, проводить раскопки в Херсонесе», а также разработать «меры к охранению открытых в Херсонесе остатков базилики и других древних зданий». По последнему предложению Александр III наложил резолюцию «представить мне заключение» (ГАГС. Ф.

19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об., 287, 288). Необходимо отметить, что в случае одобрения этих предложений императором, Одесское общество фактически утрачивало возможность самостоятельной деятельности в Херсонесе, так как министр народного просвещения «вменил бы Одесскому обществу истории и древности в обязанность употребить все зависящие от него средства для оказания помощи к приведению в исполнение *того плана действия, который будет начертан Императорскою Археологическою комиссиею*» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287 об. *Курсив — А. Ш.*).

Интересно, что сумма расходов на осуществление мер по охране памятника не называлась, поскольку проект этих мер только планировалось поручить разработать ИАК. Расходы на проведение раскопок И. Д. Делянов оценил в 3–5 тысяч рублей в год (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 287). После того, как в 1888 г. исследования Херсонеса были переданы Археологической комиссии ежегодная субсидия на раскопки составила 4 тысячи, что, конечно, давало значительно больше возможностей руководителям работ, по сравнению с 1 тысячей, которую получало Одесское общество с 1876 г. (Иванов 1912: 172–173). Можно отметить, что в первый год раскопок ООИД было потрачено 503 рубля, что составило около 14% от общих расходов общества (3507,88 рублей), а в 1877 г. — 1509, соответственно 29% от 5198,22 рублей (Отчет Одесского общества... 1877 а: 25–27; Отчет Одесского общества... 1878: 25–26).

На средства, которые предполагалось выделять на исследования памятника, кроме того, должен был содержаться музей «для предметов, найденных в Херсонисе» под управлением «специалиста-археолога» и охраной из отставных военных (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 286 об.-287).

Распоряжение от севастопольского градоначальника последовало в связи с тем, что исполнение резолюции императора на докладной записке И. Д. Делянова, в отношении запрета монастырю проводить раскопки, было возложено на временного Одесского генерал-губернатора, генерала от инфантерии Х. Х. Роопа. Он, в свою очередь, поручил непосредственное «принятие всех необходимых, по ближайшему усмотрению мер к точному и неуклонному исполнению вышеизложенного Высочайшего повеления» на севастопольского градоначальника (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 288–288 об.).

После получения документов из Таврической духовной консистории и градоначальника города, настоятель монастыря (архимандрит Иннокентий) счел нужным произвести письменный

опрос монахов, имевших, в разные годы, отношение к раскопкам. Уже 24 июля 1887 г. он направил соответствующие запросы наместнику монастыря иеромонаху о. Андрею, иеромонахам оо. Сергию, Василию, Агафодору, настоятелю Косьмо-Дамиановской киновии иеромонаху о. Иоанну. Содержание писем было одинаковым. Корреспондентам предлагалось ответить на несколько вопросов: 1) «с какого года и кем и под чьим наблюдением производились в Херсонисском монастыре раскопки древняго Херсониса»; 2) «не производились ли они лицами монашествующими или проживающими в монастыре на послушании и, если производились то с чьего ведома и под чьим наблюдением и каким именно»; 3) «не было ли замечено раскопок, произведенных тайно, без ведома монастырского начальства, или не тех лиц, коим поручено было производство раскопок»; 4) «все ли открытые в раскопках древние предметы церковного или домашнего обихода, монеты и другие древности поступили в Монастырский Музей»; 5) «не было ли взято каких-либо замечательных предметов лицами, заведовавшими производством раскопок для себя, или для представления в какое либо учреждение»; 6) «не было ли замечено тайной, или явной передачи монашествующими лицами каких либо замечательных предметов, и если было, то кто именно замечен был» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 291–291 об. и др.).

Содержание ответов различается, в зависимости от степени информированности авторов, деталям и точности. Так, наместник монастыря иеромонах о. Андрей сообщил 31 июля 1887 г.: «1-е, Раскопки в Херсонисском Монастыре с 1876 года производились по сношению Вице-Президента Одесского Археологического Общества Г. Мурзакевича и бывшим Настоятелем Монастыря Игуменом Анфимом, наемными людьми под моим наблюдением, но тайных раскопок замечено не было. 2-е, Что находилось при раскопках из сосудов и монет и других предметов, то передаваемо было в местный Музей, о находках сообщено было в тоже время Вице-Президенту Г. Мурзакевичу. С 1879 года по болезни я находился в отсутствии до 1882 года. В то время за раскопками наблюдали разные лица: Иеромонах Иоанн ныне настоятель Косьмо-Дамиановской Киновии, Иеродиакон Феодорит переведенный в Кишинеvскую Епархию, Иеромонах Василий, иеромонах Агафодор и 3-е Что же касается до явной продажи находимых предметов Монашествующими и Послушниками то таковой никогда не было; а о тайной продаже мне ничего неизвестно» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 291 об.-301).

Иеромонах о. Сергей, указал, что он поступил в Херсонесский монастырь только в ноябре 1885 г., поэтому не владеет информацией о раскопках предшествующих лет. По существу вопросов он сообщил: «При поступлении своем я застал производившиеся раскопки Древняго Херсониса по распоряжению Одесскаго Императорскаго Общества Истории и Древностей под распоряжением Настоятеля Херсонисскаго Монастыря Архимандрита Пахомия (Члена означеннаго Общества). Для наблюдения за рабочими и открытием при раскопках каких либо вещей были приставлены им Иеромонах Херсонисский Агафодор и понайму Капитан Григорьев. Означенные раскопки кончены были в декабре месяце тогоже 1885 года и строго по настоящее время ни кем производимы небыли», Все найденные вещи в раскопках отправлены были в скором времени в вышеозначенное Общество. Тайных раскопок и продажи Монашесствующими и частными лицами каких либо предметов найденных при раскопках мною замечено небыло» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 300).

Другой служитель монастыря, иеромонах о. Василий, был переведен в обитель в 1884 г. Он также указывает на Одесское общество и настоятеля о. Пахомия, как организаторов раскопок. Кроме того, он добавляет, что не знает, все ли найденные предметы, поступали в монастырский музей или нет. Также, по его словам: «незамечалось ни тайной ни явной продажи каких либо замечательных предметов монашесствующими лицами» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 293 об., 299).

Иеромонах о. Агафодор, служивший в монастыре с августа 1885 г. смог дать информацию только о последнем годе раскопок: «В 1885-м году в октябре и ноябре месяце раскопки производились под Моим наблюдением и капитана Григорьева По распоряжению Покойнаго Архимандрита Пахомия. Из находимых вещей Прираскопках лехкия были отправляемы в Одесское Археологическое общество, А более Тяжелые оставались в Монастырском Музее. Раскопок тайных или без ведома Монастырскаго начальства... я незамечал, и невидел, Чтобы кто нибудь из Монашесствующих или в Монастыре Живущих занимался продажей древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 306–306 об.).

Самым информативным оказался ответ бывшего монаха Херсонесского монастыря, а в 1887 г. настоятеля Косьмо-Дамиановской киновии иеромонаха о. Иоанна. Он имел непосредственное отношение к проведению исследований в 1880–1883 г. и смог сообщить, что в эти годы «раскопки производились в 1880–1883 г. под моим наблюдением по желанию бывшего Вице-Президента Одесскаго

Общества Истории и Древностей г. Мурзакевича нижними чинами минной роты, лицами же монашесствующими, а равно и проживающими на послушании не производились вовсе.

2. В мою бытность производились преимущественно раскопки улиц, а не внутренности зданий и земля не просеивалась, а потому и мало было открыто замечательных предметов древности; приступать к раскопке внутренности зданий по неблагонадежности рабочих и по невозможности наблюдения за ними (так как я небыл свободен от очереднаго Богослужения седмичнаго) я не решался. Все же открытые предметы древности поступили в монастырский музей, лицами же заведывавшими производством раскопок не было взято ни для себя ни для представления в какое либо учреждение никаких предметов древности.

Кроме места раскопок, древности (преимущественно монеты) находимы были разными лицами: на берегу моря, на поверхности земли в саду, по дорожкам, за скотным двором и в других местах; такими, так сказать, случайными находками и производилась в г. Севастополе торговля; раскопок сколько-нибудь значительных, напрямки более ½ арш. глубины и ширины, замечать не было; уследить же за лицами посещавшими монастырскую местность с целию находок не было ни какой возможности; так как они часто являлись во время Богослужения, а если и в другое время, то монастырская местность настолько доступна и открыта со всех сторон, что проследить или поймать кого-либо не было никакой возможности.

Из проживающих в монастыре в то время на послушании замечен был в собирании монет и тайной их продажи посетителям Гордий Ткаченко, который вскорости и был удален из монастыря. По слухам такая же тайная продажа монет производилась минерами, производившими раскопки, но кем и что было тайно найдено и продано совершенно неизвестно; монаху, проживающему в монастыре знать то, что делается в городе совершенно невозможно» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 296 об., 297).

Таким образом, из всех объяснительных записок, составленных монахами, имевшими отношение к раскопкам можно сделать несколько выводов. Во-первых, раскопки всегда осуществлялись в соответствии с планом и на основании указаний руководителей Одесскаго общества истории и древностей (Н. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич). Во-вторых, находки распределялись только между монастырским древлехранилищем и музеем ООИД. В-третьих, служители монастыря не занимались самовольными раскопками и продажей

артефактов любителям старины (за исключением одного послушника).

Возникает закономерный вопрос: насколько эти документы отражают истинное положение вещей? В сложившихся обстоятельствах было бы вполне естественно, что служители монастыря стремились оправдаться от наиболее серьезных обвинений в их адрес. Кроме того, ими могло руководить чувство корпоративной солидарности, заставившие отрицать факты продажи находок монахами. Однако можно отметить, что о случаях сбыта древностей монашествующими лицами не упоминают в публикациях исследователи конца XIX — начала XX в. (Бертье-Делагард 1893: 10; Бобринский 1905: 178; Гриневиц 1927: 19–23). Е. Э. Иванов сообщает, что находками торговал «приказчик» (вероятно, имелся в виду С. Фролов, с которым в 1884 г. был заключен подряд на осуществление земляных работ) (Иванов 1912: 173). Многочисленные случаи хищения и продажи находок из Херсонеса российским и зарубежным коллекционерам были признаны Одесским обществом, опубликовавшим список таких вещей в Журнале министерства народного просвещения (Императорское Одесское общество... 1885: 108).

В Государственном архиве города Севастополя имеются документальные свидетельства иного рода. В фондах архива хранятся несколько писем 1884 г. вице-президента ООИД В. Н. Юргевича настоятелю Херсонесского монастыря о. Пахомию и монаху о. Иоанну. Из их содержания следует, что уже в начале 1884 г. о. Пахомий известил Одесское общество о случаях кражи находок солдатами минной роты, которые привлекались для раскопок. В письме от 7 февраля 1884 г. о. Пахомию В. Н. Юргевич писал: «Грустнаго положения наших Херсонисских раскопок нельзя не принимать к сердцу. Странно только, что мы так долго о нем не знали, и не знали бы еще и теперь, если бы Вы не приложили к Отчету о. Иоанна Вашей записочки. Полученное мною затем письмо от подполковника Краузе, писанное как бы в оправдание себя и в обвинение других и присланные шесть вещиц, как будто бы в истину указали где гнездится зло и заставили думать о средствах к его исправлению. Я доложил Обществу, что нужно принять меры и ответил на первых порах г. Краузе, что ближайший надзор за солдатами лежит на их командире, но обратившись за советом к Вам и получив Ваше почтенное письмо я увидел, что нам не приходится иметь дело с военной командой. Вчера принесли мне с почты письмо редактора Севастопольскаго справочнаго листка г. Косцюшки, подтверж-

дающее все Вами сказанное, с указанием весьма ценных монет и вещей, которые разошлись в прошлом году по рукам промышленников и любителей. Спасибо ему за то, что мы хоть знаем, что было найдено, и в будущем нашем Отчете помянем хищников чужаго добра. Я не вытерпел и сей час написал письмо к Краузе, уведомляя его, что Общество не намерено дальше производить раскопок с помощью наемных солдат...» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 220–220 об.).

Благожелательное отношение к К. К. Косцюшко - Валюжиничу изменилось после публикации в феврале 1884 г. критической, по отношению к деятельности Одесского общества, заметки в газете «Севастопольской листок». В письме от 23 марта 1884 г. иеромонаху о. Иоанну, кроме извещения о передаче раскопок под его непосредственное руководство, В. Н. Юргевич счел нужным заметить: «Вместе с сим Общество уведомляет что считая необходимым употребить все возможные меры для предотвращения утайки находимых вещей рабочими, оно, независимо от усиления надзора со стороны монастыря, обратилось к попечителю учебного Округа с просьбою оказать Обществу содействие привлечением для наблюдения за рабочими одного из лиц учебного ведомства живущих в Севастополе. Такое наблюдение облегчит Ваш труд, который стал теперь гораздо многосложнее чем прежде. Прося однакож Вас принять его на себя, Общество питает полную надежду, что дело пойдет лучше и над нами не будут насмехаться явно Севастопольские любители, которые называют покупкою наших вещей, украденных рабочими, сбережением Херсонисских древностей» (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 225–225 об.).

Таким образом, документально подтверждаются факты продажи артефактов саперами, привлекавшимися к раскопкам в 1882–1883 гг. О хищениях находок служителями монастыря сообщают источники, объективность которых может быть поставлена под сомнение. Так, члены Севастопольского кружка любителей истории и археологии (в том числе К. К. Косцюшко-Валюжинич), приобретавшие вещи из Херсонеса, были заинтересованы показать себя в лучшем свете. Можно, в некоторой степени, согласиться с В. Н. Юргевичем, что они поддерживали практику сбыта предметов из раскопок. Кроме того, они прекрасно понимали, что такая их деятельность была не вполне законной. П. С. Уварова, в своем письме Александру III предлагала передать раскопки одному из археологических обществ, естественно подразумевала МАО. Впол-

не естественно, что она стремилась подчеркнуть упущения предшественников, представить их в самом невыгодном свете.

Докладная записка И. Д. Делянова представляет пример применения скорее командно-административного подхода, характерного для имперской системы управления, чем образец объективного и всестороннего анализа сложной ситуации, возникшей в связи с археологическими раскопками Херсонесского городища. Примечательно, что как министерство народного просвещения, так и Святейший Синод, возглавляемый соавтором И. Д. Делянова К. П. Победоносцевым, имели, как указывалось выше, прямое отношение к организации раскопок памятника. Так как первоначально деньги на исследования выделял Синод, привлечение монастырских служителей не вызывало никаких вопросов. В 1879 г. Одесское общество истории и древностей обратилось к обер-прокурору с просьбой о назначении постоянного наблюдателя за раскопками со стороны монастыря. Вследствие указания из Синода главе Таврической епархии епископом Гурием был назначен иеромонах о. Маркиан (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 73–73 об., 78). Таким образом, вопрос об участии монашествующих лиц в раскопках был решен официально. Можно отметить, что результаты раскопок ООИД в Херсонесе с 1882 по 1885 г. освещались не только в ежегодном «Отчете» общества, но и на страницах «Журнала министерства народного просвещения». При этом в отчетах за 1884 и 1885 г. сообщалось о передаче раскопок в ведение монастыря и об участии монашествующих в исследованиях (Императорское Одесское общество... 1885: 108–110; Императорское Одесское общество... 1886: 1–2). Трудно предположить, что И. Д. Делянов, возглавлявший министерство с 1882 г. не интересовался содержанием официального издания своего ведомства. Идея устройства в Херсонесе музея также была не нова. Создание древлехрани-

лица при монастыре св. Владимира планировал еще архиепископ Иннокентий в начале 1850-х гг. (Тункина 2002: 527). После начала раскопок ООИД в 1876 г. это общество активно содействовало созданию музея «Христианских древностей» в Херсонесе и даже начало сбор средств для строительства специального здания (Летопись общества... 1879: 438; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 88; 100–100 об.). Меры по сохранению памятника проводились Одесским обществом с начала 1840-х гг., а в период раскопок они осуществлялись наиболее активно и планомерно (Шаманаев 2005: 294–306). Таким образом, принципиально новыми положениями в докладной записке И. Д. Делянова являются предложения о передаче верховного контроля над памятником Императорской Археологической комиссии и увеличении финансирования в 3–4 раза. Судя по всему, при подготовке данного документа его составители не обращались ни в Одесское общество, которое курировало исследования и меры по охране памятника, ни к представителям епархии или монастыря, имевшим прямое отношение к работам на городище. Можно предположить, что судьба раскопок уникального археологического объекта решалась в министерских коридорах столицы фактически без привлечения лиц и организаций, осуществлявших в течение многих лет его исследования и охрану.

Херсонесское городище настолько уникальный и интересный памятник, что 180 лет его изучения дают огромный и бесценный для истории археологии материал. Не вызывает сомнения, что каждый аспект истории исследований этого памятника заслуживает тщательного анализа. Комплекс документов, возникший в 1887 г. в связи с запретом производить раскопки монастырю, представляет не только узко региональный интерес, но и наглядно характеризует проблему взаимоотношений власти, научных организаций и церкви в Российской Империи конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса. *МАР*. 12. — 1893.
Бобринский А. А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. — СПб., 1905.
Государственный архив города Севастополя: Краткий справочник. — Севастополь, 2000.
ГАГС. Фонд 19, опись 1, дело 10.
Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.
Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. *ИТУАК* 46. — 1912.
Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году. *ЖМНП* 238: 1885: 107–114.
Императорское Одесское общество истории и древностей в 1885 году. *ЖМНП* 246. — 1886: 1–2.
Летопись общества, с 14 Ноября 1871, по 14 ноября 1874 года. *ЗООИД* 9. — Одесса, 1875: 363–366.
Летопись общества, с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1879 года. *ЗООИД* 11. — Одесса, 1879: 437–439.
Маркевич А. И. Состав Императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1902 гг. *Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей за 1901 г.* — Одесса, 1902: 1–52.

- Мурзакевич Н. Н. Херсонисская церковь св. Василия (Владимира). *ЗООИД* 5. — Одесса, 1863: 996–997.
 Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 г. по 14 ноября 1876 г. — Одесса, 1877.
 Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1876 г. по 14 ноября 1877 г. — Одесса, 1878.
 Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
 Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002.
 Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя. *ДАИС* 4. — Екатеринбург, 2004: 251–261.
 Шаманаев А. В. Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40–80-е гг. XIX в.). *АДСВ* 36. — Екатеринбург, 2005: 294–306.
 Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей. *ЗООИД* 14. — Одесса, 1886: 52–57.

А. В. Шаманаев

УЧАСТИЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ СВ. ВЛАДИМИРА В РАСКОПКАХ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887) В ДОКУМЕНТАХ 1887 ГОДА

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу документов датированных 1887 г. из коллекции Государственного Севастопольского архива. Этот комплекс возник в связи с запретом Херсонесскому монастырю Св. Владимира проводить археологические раскопки античного города. Коллекция включает Указы Таврической духовной консистории, Таврического Святейшего Синода, Таврической Епархии и Севастопольского

градоначальства. Кроме того, она содержит пояснительные записки, написанные непосредственно монахами, которые участвовали в археологических раскопках 1876–1885 гг. Комплекс документов 1887 г. представляет не только локальный (местный) интерес, но также ярко характеризует проблемы взаимоотношений власти, научных организаций и церкви в Российской империи в конце XIX в.

А. В. Шаманаев

УЧАСТЬ СЛУЖИТЕЛІВ МОНАСТІРЯ СВ. ВОЛОДИМИРА В РОЗКОПКАХ ХЕРСОНЕСЬКОГО ГОРОДИЩА (1876–1887 РР.) В ДОКУМЕНТАХ 1887 Р.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу документів, що датуються 1887 р. з колекції Державного Севастопольського архіву. Цей комплекс виник у зв'язку із заборонаю Херсонеському монастирю Св. Володимира проводити археологічні розкопки античного міста. Колекція включає Укази Таврійської духовної консисторії, Таврійського Святішого Синоду, Таврійської Єпархії та Севастопольсь-

кого градоначальства. Крім того, вона містить пояснювальні записки, написані безпосередньо ченцями, які брали участь в археологічних розкопках 1876–1885 рр.. Комплекс документів 1887 р. представляє не тільки локальний (місцевий) інтерес, але також яскраво характеризує проблеми взаємовідносин влади, наукових організацій та церкви в Російській імперії в кінці XIX ст.

A. Shamanayev

THE PARTICIPATION OF ST. VOLODYMYR MONASTERY MONKS IN EXCAVATION OF CHERSONESOS (1876-1887) ON DOCUMENTS OF 1887

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of documents dated back to 1887 from the collection of the State archive of the city Sevastopol. The documents are based on the prohibition on the archeological excavations for Chersonesos St. Vladimir monastery. The collection includes the orders of the Tauric spiritual consistory, the Sevastopol town governor.

Besides, it includes the autographic explanatory notes of monks who participated in archeological excavations in 1876–1885. The complex of documents 1887 has not only regional interest, but also brightly characterizes a problem of mutual relations of the authority, the scientific organizations and Church in Russian Empire of the end of 19th century.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВА	Вестник антропологии
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВоА	Вопросы антропологии
ДАИС	Документ. Архив. История. Современность
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ЗООИД	Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
ІЗКДУ	Історичний збірник Київського державного університету
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАР	Материалы по археологии России
МАЭ	Музей Антропологии и Этнографии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
Нис	Нумизматика и сфрагистика
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НЭ	Нумизматика и Эпиграфика
ОАК	Отчеты Императорской археологической комиссии
ПС	Палестинский сборник
ПСРЛ	Полное собрание Русских летописей
РА	Российская археология
РАН	Российская Академия наук
СА	Советская археология.
ТИЭ	Труды Института этнографии
ТМНО	Труды Московского нумизматического общества
ХГИАЗ	Херсонесский Государственный историко-археологический заповедник
ХСб	Херсонесский сборник
BAR	British Archaeological Report
BSI	Byzantinoslavica
CFHB	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
JHS	Journal of Hellenic Studies

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕНКО Николай Александрович,
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne, France),
заведующий филиалом «Крепость Чембало» На-
ционального заповедника «Херсонес Тавриче-
ский», Севастополь; e-mail: chembalo@yandex.ru

АНДРУЩЕНКО Николай Пантелеймонович,
лауреат государственной премии Украины, архи-
тектор, Центр историко-градостроительных ис-
следований, Киев; e-mail: deminmaster@gmail.com

ВДОВИЧЕНКО Ирина Ивановна,
кандидат исторических наук, Музей истории гор.
Симферополя, vdovitsenko@mail.ru

ГИНЬКУТ Наталья Витальевна,
старший научный сотрудник, Национальный за-
поведник «Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: ginkut@hotmail.ru

ДЕМЬЯНЧУК Сергей Георгиевич,
заведующий филиалом «Археологический парк»
Национального заповедника «Херсонес Тавриче-
ский», Севастополь; e-mail: demsergey@yandex.ru

ДИАНОВА Татьяна Валерьевна,
научный сотрудник, Национальный заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь; e-mail:
archivechersones@mail.ru

ИВАНОВ Алексей Валерьевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Национальный заповедник «Херсонес Тавриче-
ский», Севастополь; e-mail:

КРАСОВСКАЯ Нонна Викторовна,
зав научным архивом, Национальный заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь; e-mail:
archivechersones@mail.ru

НЕССЕЛЬ Виктория Александровна,
зав сектором охраны памятников, Национальный
заповедник «Херсонес Таврический», Севасто-
поль; e-mail: v_nessel@mail.ru

НИКОЛАЕНКО Галина Михайловна,
ведущий научный сотрудник, Национальный за-
поведник «Херсонес Таврический», Севастополь;

САМОЙЛЕНКО Виктор Григорьевич,
зав сектором реставрации, Национальный запове-
дник «Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: samoylenko.ru@list.ru

СМИРНОВ Роман Петрович
научный сотрудник, Национальный заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: petrovich.roman@gmail.com

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович
доктор исторических наук, профессор, Уральский
федеральный университет, Екатеринбург; e-mail:
valpavl@yandex.ru

СТОЯНОВ Роман Владимирович
кандидат исторических наук, Институт исто-
рии материальной Культуры, Санкт-Петербург;
e-mail: roman.stoyanov@gmail.com

СТРУКОВА Екатерина Валерьевна,
художник-реставратор, Национальный запове-
дник «Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail:strukova76@mail.ru

СТУПКО Михаил Валерьевич,
техник отдела музеефикации, Национальный за-
поведник «Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: tumbdefensor@mail.ru

ТУРОВСКИЙ Евгений Яковлевич,
кандидат исторических наук, заведующий отде-
лом музеефикации, Национальный заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: tuevgenij@yandex.ua

УШАКОВ Сергей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Крымского филиала Института Археологии НАН
Украины, Симферополь; e-mail: yshakovsv@list.ru

ФИЛИППЕНКО Андрей Анатольевич
старший научный сотрудник, Национальный за-
поведник «Херсонес Таврический», Севастополь;
e-mail: andreypphil@mail.ru

ХВАЛЬКОВ Евгений Александрович,
mgr., Università degli Studi di Firenze, UNIFI, Фло-
ренция, Италия; e-mail: cosmadamian@mail.ru

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич
кандидат исторических наук, доцент, Уральский
федеральный университет, Екатеринбург; e-mail:
shamanaev@mail.ru

Наукове видання

ХЕРСОНЕСЬКИЙ ЗБІРНИК

Випуск XVI

**Збірник наукових статей
(російською мовою)**

Редактор М.О. Алексєнко

Коректор Л.О. Грінєнко

Комп'ютерна верстка М.Є. Ареф'єв

Здано до набору 15.11. 2011. Підписано до друку 16.12.2011.

Формат видання 60x84/8. Папір офсетний № 1.

Гарнітура Times. Друк офсетний

Ум. -друк. арк. 29,76. Обл.-вид. арк. 23,02

Наклад 300 прим. Замов. № 58

Надруковано НВЦ «ЕКОСІ-Гідрофізика» 99011

м. Севастополь, вул. Леніна, 28

Свідоцтво про державну реєстрацію

Серія ДК, №914 від 16.02.02 р.